

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯКУТСКОЙ АССР
ТОМ XV

**ЛЕНСКО-КОЛЫМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1909 г.
под начальством К.Н. Воллосовича**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1930

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Сентябрь, 1930.

Непременный Секретарь академик В. Волгин

Редактор издания академик В.Л. Комаров

Представлено в заседании Президиума Академии Наук 10 марта 1928 г.

Одной из задач Комиссии Академии Наук СССР по изучению Якутской АССР Республики является издание трудов прежних экспедиций, имевших место на территории Якутии.

К числу таковых изданий относится и составляющий предмет настоящего (XV) тома Трудов Комиссии — Сборник работ под заглавием «Ленско-Колымская экспедиция 1909 г. под начальством К.А. Воллосовича».

В Сборник этот входят статьи участников названной экспедиции, а именно: её начальника, ныне покойного, К.А. Воллосовича (в обработке Р.Ф. Геккера), астронома Е.Ф. Скворцова и топографа Н.А. Июдина, и кроме того В.В. Ахматова. Предисловие к Сборнику написано Р.Ф. Геккером.

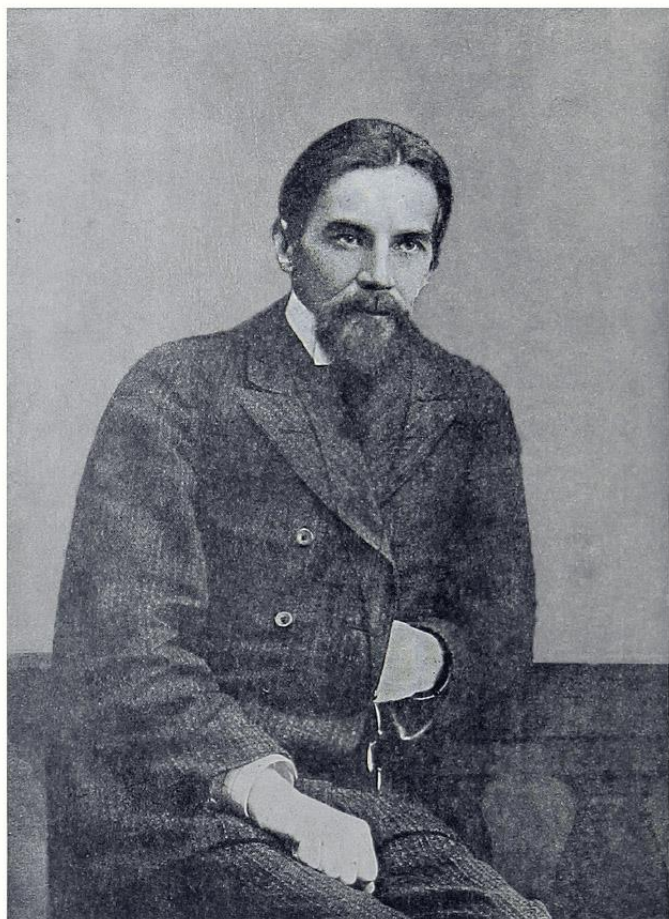
Комиссия выражает свою глубокую признательность Р.Ф. Геккеру за его труд по подготовке к печати и редактированию данного труда, а также Э.К. Пекарскому, любезно просмотревшему транскрипцию и давшему русский перевод туземных географических названий, встречающихся в тексте и на картах, приложенных к настоящему труду.

Председатель Комиссии академик В. Комаров

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Р.Ф. Геккера	3
Скворцов Е.Ф. В прибрежных тундрах Якутии (Дневник астронома Ленско-Колымской экспедиции 1909 г.).	
Введение	11
Глава I. Почтовый тракт в 2880 вёрст	18
Глава II. Верхоянский тракт	33
Глава III. Устьянский тракт	52
Глава IV. В устьях реки Яны и дорога на Индигирку	65
Глава V. Экспедиция на собаках на реку Алазею	78
Глава VI. Русское Устье на Индигирке	99
Глава VII. Путь к устью реки Гусиной	121
Глава VIII. Между рекой Гусиной и Хромской губой	137
Глава IX. Хапташинский яр	147
Глава X. На Хромской стрелке	167
Глава XI. «Великая» переправа	179
Глава XII. 90 вёрст по солёной пустыне стрелки Меркушиной	189
Глава XIII Оёгосский яр	209
Глава XIV Святой Нос	229
Глава XV. От Эбяляхской губы на Харстан	242
Глава XVI. В окрестностях Муксуновки	250
Глава XVII. По берегу Сиэлляхской губы	258
Глава XVIII. Неожиданности полуострова Стан Маныко	270
Глава XIX. Осенняя распутица в дельте реки Чендона	284
Глава XX. Начало зимы в дельте Яны	304
Глава XXI. Экспедиция на Верхоянск	318
Глава XXII. Возвращение	332
Июдин Н.А. Топографические работы Ленско-Колымской экспеди- ции 1909 г.	341

ПРЕДИСЛОВИЕ

К. А. ВОЛЛОСОВИЧ
(род. в 1869 г., ум. 25 сентября 1919 г.)

Судьба многих — если не большинства — крупных экспедиций, направлявшихся во второй половине прошлого и начале настоящего столетия в ещё не затронутые исследовательской работой отдалённые и трудно доступные районы Сибири, была такова, что добытые ими данные большой научной, а также практической ценности оставались мало кому известными и могли быть использованы далеко не полно. Стоит вспомнить о снаряжавшихся Академией Наук и Географическим Обществом экспедициях А.Л. Чекановского на р. Нижнюю Тунгуску в 1873 г., на р. Оленёк в 1874 и 1875 гг. и на р. Лену в 1875 г., И.А. Лопатина в разные части Енисейского края, между

прочим на Подкаменную Тунгуску в 1877 г., И.Д. Черского на р. Колыму в 1890 и 1891 гг., И.П. Толмачёва на рр. Хатангу и Анабар в 1905 г. и др. Причины тому были разные, но результат получался один и тот же: лишь частичная и неполная обработка собранных материалов, в связи с чем — слабое выявление в печати результатов работ, имевшее следствием последующее повторное снаряжение экспедиций в те же места.

К экспедициям, весьма значительным по полученным ими заданиям и крупным по результатам их работ, принадлежат две, тесно друг с другом связанные и одновременно работавшие в 1909 г., от б. Министерства торговли и промышленности на берегу Северного Ледовитого моря, между дельтой р. Лены на западе и мысом Дежнёва на крайнем северо-востоке.

Обе экспедиции возглавлялись геологами, сотрудниками Академии Наук — И.П. Толмачёвым и К.А. Воллосовичем и имели целью производство новой топографической съёмки побережья с определением астро-

номических пунктов и изучением географических особенностей и геологического строения этой обширной полосы полярной части Сибири. Первая партия, в составе её руководителя К.А. Воллосовича, астронома Е.Ф. Скворцова и топографа Н.А. Июдина, должна была пройти от дельты р. Лены до устья р. Колымы и составляла Ленско-Колымскую экспедицию, вторая — Чукотская экспедиция — под начальством И.П. Толмачёва и в составе астронома Э.Ф. Вебера и топографа М.Я. Кожевникова прошла от устья р. Колымы до мыса Дежнёва.

Ленско-Колымской и Чукотской экспедициями была заснята большая часть береговой полосы между указанными крайними точками, а также был проделан ряд маршрутов внутри страны; было определено большое число астрономических пунктов, дающих хорошую опору при наложении съёмки на карту; было собрано много данных о географических особенностях края и его населении, зафиксированных на большом числе фотографических снимков; было произведено много геологических наблюдений и привезён значительный геологический и палеонтологический материал; попутно производились магнитные определения и велись метеорологические наблюдения.

Однако, работы этих экспедиций до сего времени получили в печати лишь самое общее предварительное освещение, были лишь написаны очерки, заключающие географическую характеристику пройденных областей и знакомящие с ходом экспедиций и основными достигнутыми ими результатами. И.П. Толмачёвым была написана книга «По Чукотскому побережью Ледовитого океана (Предварительный отчёт начальника экспедиции по исследованию побережья Ледовитого океана от устья Колымы до Берингова пролива, снаряжённой в 1909 г. Отделом Торгового Мореплавания Министерства Торговли и Промышленности)»¹, по работам же Ленско-Колымской экспедиции подобный, но более сжатый очерк был составлен Е.Ф. Скворцовым; он озаглавлен «Ленско-Колымская экспедиция 1909 года» и напечатан в Известиях Русского Географического Общества за 1914 г. (т. L, вып. 7).

Книга И.П. Толмачёва снабжена картою, воспроизводящею старый береговой контур, а также исправленный на основании работ Чукотской экспедиции 1909 г. Никаких картографических приложений очерк Е.Ф. Скворцова не содержит.

¹ СПб. 1911.

Надо надеяться, что результаты работ Чукотской экспедиции и результаты обработки собранных во время неё геологических коллекций будут со временем полностью опубликованы И.П. Толмачёвым. Под редакцией последнего уже начали печататься в 1917 г. материалы Ленско-Колымской экспедиции (Дневник Е.Ф. Скворцова), однако последующие события прекратили это начинание. Смерть К.А. Воллосовича вскоре после того лишила обработку материалов, собранных Ленско-Колымской экспедицией, их руководителя, и они оставались распылёнными вплоть до последнего времени, когда в связи с работами Комиссии Академии Наук СССР по изучению Якутской АССР возрос интерес ко всем неопубликованным материалам, имеющимся по территории Якутской республики.

Большая ценность и интерес, которые представляют неизданные материалы Ленско-Колымской экспедиции, побудили меня, при поддержке Комиссии по изучению Якутской АССР, взяться за собирание разрозненных материалов (что оказалось ещё вполне осуществимым), за организацию их обработки, подготовку к печати и редакцию.

Это начинание, в смысле возможно полного и удовлетворительного его проведения, нашло себе всемерную поддержку в Комиссии по изучению Якутской АССР, главным образом в лице её учёного секретаря П.В. Виттенбурга, которому приношу здесь свою благодарность. Полнота, с которой удалось обработать и опубликовать данные, собранные экспедицией, многим обязана товарищам К.А. Воллосовича по экспедиции — Е.Ф. Скворцову и Н.А. Июдину и их соавтору В.В. Ахматову, а также Э.К. Пекарскому.

К сожалению, не удалось осуществить полностью первоначально задуманный план издания материалов экспедиции и опубликовать в данном томе и специальные работы, относящиеся к обработке геологических сборов К.А. Воллосовича за 1908 и 1909 гг. Таковых работ первоначально намечалось пять: 1) обработка Б.М. Куплетским петрографических коллекций из прибрежной тундры, 2) Г.Н. Фредериксом палеозойской фауны с Хараулахских гор и Верхоянского хребта, 3) В.И. Бодылевским — окаменелостей мезозойского возраста из Хараулахских гор и с р. Лены, 4) А.Н. Криштофовичем — третичной флоры с оз. Тастах и 5) В.Н. Сукачевым — остатков четвертичной флоры с места раскопок мамонта на р. Санга-Юрях и из других разрезов четвертичных отложений.

В данное время вполне закончены работы Б.М. Куплетского и Г.Н. Фредерикса.

Е. Ф. СКВОРЦОВ

Первая, под заглавием «Материалы по петрографии полярной Сибири между рр. Яной и Алазеей (по сборам К.А. Воллосовича, А.А. Бунге и Э.В. Толля)» будет напечатана в Известиях Академии Наук; вторая, озаглавленная «Верхне-палеозойская фауна Хараулахских гор», равным образом будет опубликована в одном из изданий Академии Наук.

Остатки мезозойской фауны, не бывшие в своё время определёнными Д.Н. Соколовым, оказались чересчур скудными и отчасти плохо сохранёнными для того, чтобы быть подвергнутыми специальной обработке. Изучение флор третичного и четвертичного возрастов не было закончено ко времени печатания последних частей настоящего труда; остаётся выразить надежду, что обработка и этой весьма ценной части сборов К.А. Воллосовича будет доведена до конца и со временем увидит свет.

Своим оформлением труд «Ленско-Колымская экспедиция 1909 г.» во многом обязан учёному корректору Издательства Академии Наук СССР Н.Г. Редько, которой выражаю здесь свою искреннюю признательность за добросовестную работу и помощь при редактировании труда.

В отдельных частях, составляющих сборный труд, предлагаемый вниманию лиц, интересующихся природою, населением, географическими элементами, экономическими возможностями и геологическим строением отдалённых северных окраин нашей страны, излагаются история возникновения экспедиции, её задачи, ход её работ, указывается ход обработки собранных ею данных и материалов, приводятся результаты последней; попутно даются также ссылки на то, что было известно об изученном экспедицией крае до начала её работ, и указывается, что до сего времени стало известным о работах Ленско-Колымской экспедиции, и что из её материалов было использовано до выхода в свет настоящего труда.

Здесь не место перечислять всё то, что будет сказано в специальных главах, и я лишь очень кратко останавлиюсь на последних двух вопросах и на том, что нового дают печатаемые ниже материалы Ленско-Колымской экспедиции.

В общем нужно сказать, что их обработка до сего времени ни в одной из их частей не была доведена до конца, почему в распоряжение учреждений и лиц, заинтересованных в этих материалах, могли пока быть предоставлены лишь предварительные сведения и полуобработанные данные.

Начальником экспедиции К.А. Воллосовичем, по возвращении из неё, не был напечатан отчёт о работах экспедиции, и все сведения, до сего времени о ней имевшиеся, ограничивались весьма содержательным, но кратким очерком Е.Ф. Скворцова (см. выше) и его статьёй «Русское Устье на Индигирке», помещённой в Топографическом Журнале за 1910 г. В публикуемом ниже очерке Е.Ф. Скворцова «В прибрежных тундрах Якутии (Дневник астронома Ленско-Колымской экспедиции 1909 г.)», представляющем обработанный дневник автора, ведшийся им во время пути, даются на фоне ежедневных записей, характеризующих ход и условия работ участников экспедиции, красочное описание природы края и живое изображение его обитателей.

Дневник Е.Ф. Скворцова иллюстрирован большим числом великолепных фотографий автора, некоторые из которых им уже были помещены в кратком очерке, изданном в 1914 г., а другие были использованы в сборнике «Якутия», изданном Комиссией по изучению Якутской АССР в 1927 г. Ряд фотографий, не воспроизведённых в дневнике Е.Ф. Скворцова, включён в текст работ К.А. Воллосовича и Н.А. Июдина. Е.Ф. Скворцовым составлены также статьи «Магнитные определения во время Ленско-Колымской экспедиции 1909 г.» и «Метеорологические наблюдения во время Ленско-Колымской экспедиции 1909 г.» Первая статья содержит дополнения к данным о величине магнитного склонения в шести пунктах, полученным Е.Ф. Скворцовым и вошедшим в недавно опубликованный труд Э.В. Штеллинга, Д.А. Смирнова и Н.В. Розе «Материалы по изучению земного магнетизма Якутии»¹. Вторая статья заключает результаты ежедневных срочных наблюдений автора в продолжение почти полных шести месяцев (1 мая-25 октября) над изменениями температуры воздуха, с выводом ежедневной средней температуры и наблюдавшегося минимума; кроме того, приводятся наблюдения над различными метеорологическими явлениями, температурой воды и т.д., а в заключении даются выводы за отдельные месяцы (средние, максимальные и минимальные температуры).

¹ Труды Ком. по изуч. Якутск. АССР, т. II, л. 1926.

Обработка астрономических определений Е.Ф. Скворцова произведена В.В. Ахматовым; описание выполненной первой работы и оценка достоинства определений даны в статье «Астрономические определения Е.Ф. Скворцова во время Ленско-Колымской экспедиции 1909 г.»

В последней приводятся список двадцати двух пунктов, определённых во время экспедиции, и таблица поправок хронометров; в приложениях даётся составленное Е.Ф. Скворцовым «Описание местоположения астрономических пунктов», к которому Н.А. Июдиным вычерчены небольшие планы местностей, окружающих пункты.

Главное достижение Ленско-Колымской экспедиции — подробная съёмка береговой полосы Северного Ледовитого моря между дельтой р. Яны и устьем р. Алазеи, составленная и вычерченная в масштабе 5 вёрст в 1 дюйме, в своё время не увязанная с определёнными во время экспедиции астрономическими пунктами, была передана в Военно-Топографическое управление Главного управления Генерального штаба, а сейчас хранится в архиве Военно-Картографического отдела Военно-Топографического управления в Москве. Копиями этой съёмки, а также не окончательно вычисленными значениями широт и долгот определённых Е.Ф. Скворцовым пунктов воспользовалось Гидрографическое управление при исправлении карт Северного Ледовитого моря и А.С. Герасимов при составлении карты Якутской АССР (изд. 1924 г.).

В процессе обработки картографических материалов Ленско-Колымской экспедиции, Н.А. Июдиным была снята копия с хранящегося в Москве оригинала его съёмки; дальнейшая же работа по составлению карты, основанной на девятнадцати астрономических пунктах, определённых Е.Ф. Скворцовым, и вычерчивание её в масштабе 1:600000 произведены топографом Н.А. Эвенбахом. «Карта маршрутов Ленско-Колымской Экспедиции» напечатана в трёх красках в масштабе 1:700 000. Кроме основного контура на ней воспроизведены в большем масштабе 1:350 000 — наиболее важные и сложные части пройденного пути. В объяснительной записке к карте, составленной топографом экспедиции и озаглавленной «Топографические работы Ленско-Колымской экспедиции 1909 г.», Н.А. Июдиным приводятся данные о способе и условиях ведения съёмки в тяжёлых условиях севера, о ходе обработки полученных материалов, а также производится сравнение полученного берегового контура с его очертаниями на 100-вёрстной карте. Кроме того, Н.А. Июдиным даётся описание части маршрута, пройденного отдельно от Е.Ф. Скворцова.

Н. А. ИУДИН

Сведения о работах Ленско-Колымской экспедиции в области познания геологического строения края до сего времени отсутствовали почти совершенно, если не считать некоторых геологических данных, сообщаемых Е.Ф. Скворцовым в его очерке, опубликованном в 1914 г.; существовала лишь составленная К.А. Воллосовичем рукописная, без объяснительного текста, геологическая карта местности между нижними течениями рек Лены и Колымы, использованная на картах Геологического Комитета, да В.Н. Сукачевым и Д.Н. Соколовым была обработана небольшая часть палеонтологических сборов К.А. Воллосовича. Самим же

К.А. Воллосовичем о результатах работ Ленско-Колымской экспедиции и его геологических наблюдениях ничего опубликовано не было.

Ниже мною помещаются данные, заимствованные из дневников К.А. Воллосовича за 1909 г., а также за 1908 г., время работ Санга-Юряхской экспедиции под его же начальством. Данные 1909 г. относятся главным образом к восточной и крайней западной частям прибрежной тундры между реками Леной и Колымой, в то время как наблюдения 1908 г. касаются преимущественно центральной её части, в 1909 г. вторично не посещённой. Таким образом, данные К.А. Воллосовича 1908 г., относясь к тому же самому району, что и наблюдения 1909 г., удачно их дополняют, ввиду чего, а также недостаточной известности результатов работ Санга-Юряхской экспедиции 1908 г., ниже совместно печатаются как те, так и другие. Текст дневников К.А. Воллосовича снабжён в примечаниях сносками и ссылками, и к нему приложена составленная совместно с Б.М. Куплетским геологическая карта (в 6 красках) в масштабе 25 км в 1 см. Основа для этой карты составлена и вычерчена студентом Географического факультета ЛГУ А.И. Гусевым. Карта представляет новую, исправленную на основании обработки геологических коллекций, редакцию карты К.А. Воллосовича, в своё время составленной им для Геологического Комитета.

В заключение даётся под редакцией Э.К. Пекарского список якутских географических названий, встречающихся в труде и приведённых на приложенных к труду двух картах. Список имеет целью упорядочить правописание туземных географических названий и заинтересовать следующих исследователей собиранием на местах сведений о значении нерусских географических названий, что чрезвычайно облегчило бы работу по их правильной транскрипции.

К.А. Воллосовичу не удалось самому обработать и опубликовать всех своих наблюдений по геологии северных окраин Якутской республики, а также довести до конца обработку материалов своей последней северной экспедиции, какой явилась Ленско-Колымская.

К.А. Воллосович был приёмником Э.В. Толля в изучении геологии севера Якутской республики, и он немало поработал в этой области, но вместе с тем его исследования, составляя одно из звеньев в общей цепи работ по геологии северных окраин нашей страны, требуют продолжения в виде более систематических и планомерных исследований, чем их удавалось до сего времени вести ему и его предшественникам.

Самому К.А. Воллосовичу не было суждено продолжить свои работы по геологии севера; он безвременно погиб в 1919 г. при крушении поезда. Данный сборник, носящий название «Ленско-Колымская экспедиция 1909 г. под начальством К.А. Воллосовича» и заключающий в себе обработку материалов, собранных во время наиболее крупной и богатой по достигнутым результатам экспедиции, руководившейся К.А. Воллосовичем, останется памятью о неутомимом исследователе-негостеприимного севера, каковым был Константин Адамович Воллосович.

Р. Геккер

Отдел Сибирских коллекций Геологического музея
Академии Наук СССР. Май 1930 г.

В прибрежных тундрах Якутии

(Дневник астронома Ленско-Колымской Экспедиции 1909 г.)

Е.Ф. Скворцов

ВВЕДЕНИЕ

Береговая линия Северного Ледовитого моря между устьем реки Лены и Беринговым проливом была известна только по трудам Великой Северной Экспедиции (1733-1742 гг.) и экспедиции Врангеля и Анжу (1820-23 гг.); с тех пор, т.е. в течение 90 лет, она почти не посещалась исследователями. Только проездом члены экспедиций на Ново-Сибирские острова сообщали весьма интересные сведения об этой стране; но, обыкновенно, эти проезды происходили зимой, когда страна была покрыта крепким слоем снега. В 1908 г. К.А. Воллосович, будучи командирован Академией Наук на раскопки санга-юряхского мамонта, побывал там и летом и привёз немало интересных данных. Систематических же исследований всей береговой линии в географическом и геологическом отношениях, можно сказать, совсем не было произведено. Топографическая съёмка, произведённая Анжу в 1821-23 гг. тоже не могла считаться точной, в особенности в местах, где она производилась зимою. Астрономические пункты определялись секстантом, и, в особенности, неблагонадёжными являются долготы, ибо определялись они только по лунным расстояниям.

В 1909 году министерством торговли и промышленности была снаряжена экспедиция из двух партий для съёмки вышеупомянутой береговой линии. Одна партия — западная — должна была работать между реками Леной и Колымой, другая — восточная — к востоку от Колымы до Берингова пролива. Я принял участие, в качестве астронома, в западной партии экспедиции, т.е. в той, которая стала называться Ленско-Колымской Экспедицией. Начальником её был безвременно скончавшийся геолог Константин Адамович Воллосович, другим моим товарищем был военный топограф Николай Андреевич Июдин (рис. 1). Восточная партия — Чукотская Экспедиция — также состояла из трёх лиц: начальника-геолога Иннокентия Павловича Толмачёва, топографа Михаила Яковлевича Кожевникова и астронома Эрнеста Фёдоровича Вебера. Кроме того, одновременно с нами выехал и работал по съёмке и

промеру устья реки Колымы Георгий Яковлевич Седов, командированный Главным Гидрографическим Управлением. Инструментами наша экспедиция была снабжена Главным Гидрографическим Управлением.

Главнейшей целью, которую преследовало министерство торговли и промышленности при организации обеих экспедиций, было выяснение условий плавания вдоль берегов Восточной Сибири и, в частности, выяснение возможности захода в бухты и заливы. В этом последнем отношении наша экспедиция дала отрицательные результаты в том смысле, что прибрежная полоса нашего района оказалась настолько мелкой, что нигде не допускала близкого подхода судна к берегу. Вследствие особенностей геологического строения местности везде на громадное пространство от берега тянутся широкие отмели, а большие заливы (губы) в своих устьях также имеют ничтожную глубину. Так, например, при организации экспедиции возлагались большие надежды на Хромскую губу, тем более, что имелись сведения о залежах каменного угля на берегах реки Хромы. К сожалению, вход в Хромскую губу оказался слишком мелким для прохода какого бы то ни было судна. Во всём пройденном нами районе плавание возможно лишь на сравнительно большом расстоянии от берега и нигде, за исключением лишь оконечности полуострова Святой Нос, нет возможности подойти к берегу вероятно ближе как на 10 миль, а в некоторых местах и гораздо дальше. Исключение представляют лишь устья таких больших рек, как Лена, Колыма и, быть может, Индигирка.

Во всё время экспедиции я вёл подробный дневник, записывая все подробности нашего передвижения и описывая детально географические особенности местности. Все записки я заносил обыкновенно вечером каждого дня под непосредственным впечатлением только что пережитых событий, что дало мне возможность по возвращении составить детальное описание условий нашего передвижения и местности, по которой нам пришлось идти. Для того, чтобы дать более яркую картину того впечатления, какое эта местность производит на путешественника, я не исключил из дневника и личных переживаний, которых много разбросано в моём карандашном подлиннике, значительно, однако, сократив таковые. Сделано это на том основании, что приблизительно то же должен был передумать и перечувствовать всякий мыслящий путешественник, поставленный в необычные условия и проходящий впервые по действительно необыкновенной местности, для которой общепринятые географические термины являются иногда совсем

неприложимыми, ибо, например, даже такое определённое понятие, как береговая линия, в некоторых местах нашего пути теряет свой смысл.

Рис. 1. Группа участников экспедиции (снято в 1910 г.).

Издание моих записок имеет за собою уже свою историю, ибо в 1917 году таковые печатались под общей редакцией И.П. Толмачёва, и мною уже были прокорректированы шесть напечатанных глав, когда гражданская война прекратила печатание моего труда. Мне не было известно, где печатались записки, а лиц, принимавших участие в этом издании, в настоящее время нет в пределах СССР, так что это первое издание можно считать утерянным.

По просьбе Комиссии Академии Наук по изучению Якутской АССР, в конце 1926 года я присту-

пил снова к подготовке к печати своих записок, ибо, к счастью, у меня сохранилась копия (хотя и не исправленная) уже подготовленного к печати в 1917 году труда, отпечатанная мною на машинке. В этой копии я сделал сравнительно мало изменений и к середине февраля 1927 года закончил настоящую работу. Таким образом, через 10 лет после первой попытки издания и через 18 лет после самой экспедиции, труды её, наконец, выходят в свет. До настоящего же времени мною были напечатаны лишь статья: «Ленско-Колымская экспедиция 1909 г.» в I томе Известий Русского Географического Общества за 1914 г. (к статье приложено 10 фотографий) и краткий очерк «Русское Устье на Индигирке» — в Топографическом журнале за 1910 год.

За время экспедиции было сделано большое число фотографических снимков, которые были сданы в 1910 году в Геологический Музей Академии Наук, где и сохранились почти в полной сохранности. Некоторая часть фотографий, сделанных мною, приложена к настоящим запискам.¹

¹ Кроме указанных выше, некоторые из моих фотографий были помещены в уже вышедших книгах, а именно: одна (плавник на Хромской стрелке) помещена в книге Ю.М. Шокальского «Океанография»,

Следует отметить, что намеченная министерством программа экспедиции — съёмка побережья Ледовитого моря от реки Лены до Колымы — полностью выполнена не была, да и не могла быть выполнена по причине громадности возложенной на нас задачи. Одно дело решить в канцелярии, отмерив по карте 33° долготы, а другое дело пройти эти 33° долготы, среди которых вследствие извилин берега есть такие 2° , которые мы шли более месяца. Пройти это расстояние в одно короткое се-

Рис. 2. Группа рабочих экспедиции.

Фот. Е. Ф. Скворцова.

верное лето абсолютно невозможно, а вести съёмку зимою не имеет смысла по обстоятельствам, которые будут ясны из моих записок. Задержать же экспедицию на следующее лето 1910 года мы не считали себя в праве, не имея на этот счёт никаких инструкций и денег на снаряжение новой экспедиции. В результате мы не дошли ни до Лены, ни до Колымы: на западе наша работа оканчивается западной протокой реки Яны — «Ильин Шар», а на востоке — рекой Большой Куропаточьей.

К глубокому сожалению, я должен отметить, что неумолимая смерть вырвала из наших рядов, за эти 18 лет, двух участников экспедиций 1909 года. Во-первых, нашего начальника, геолога Константина Адамовича Воллосовича, нашего учителя в трудных условиях полярных путешествий. Хотя мы с Николаем Андреевичем Июдиным и прошли большую и наиболее трудную часть пути без Константина Адамовича, но он

и несколько — в Сборнике «Якутия» изданном в 1927 г. Комиссией Академии Наук по изуч. Якутской АССР.

был, во всяком случае, первым нашим руководителем, направившим нас и указавшим нам пути действий при различных условиях; первые месяцы нашей совместной работы мы учились у него и, благодаря его огромному опыту, достаточно было этого сравнительно недолгого его руководства, чтобы в дальнейшем мы уже вполне самостоятельно, помня его заветы, справились с возложенным на нас поручением.

Рис. 3. Казаки Дьячков и Турунтаев.

Фот. Е. Ф. Скворцова.

Описание геологических особенностей побережья и некоторые толкования их в настоящих записках сделаны с его слов. Если в этом отношении в них имеются некоторые недочёты, то это происходит потому, что писал их не геолог, и, может быть, потому мною ошибочно были поняты те или иные его объяснения; но, во всяком случае, то, что здесь в этом отношении правильно, исходит от Константина Адамовича. Смерть не позволила ему полностью опубликовать свои ценные работы. Я надеюсь, что здесь, в популярной форме, мне удалось изложить некоторые его мысли.

Признательность к нему, как к учителю, товарищу и прекрасному человеку останется у нас, обоих его товарищей по экспедиции, до конца нашей жизни.

Вторым лицом, принимавшим участие в нашем совместном пути от Иркутска до Якутска и обратно и также унесённым смертью, был Георгий Яковлевич Седов, исключительной жизнерадостности которого мы обязаны тем, что наше возвращение после трудной экспедиционной жизни было в значительной степени облегчено и скрашено. Должен от-

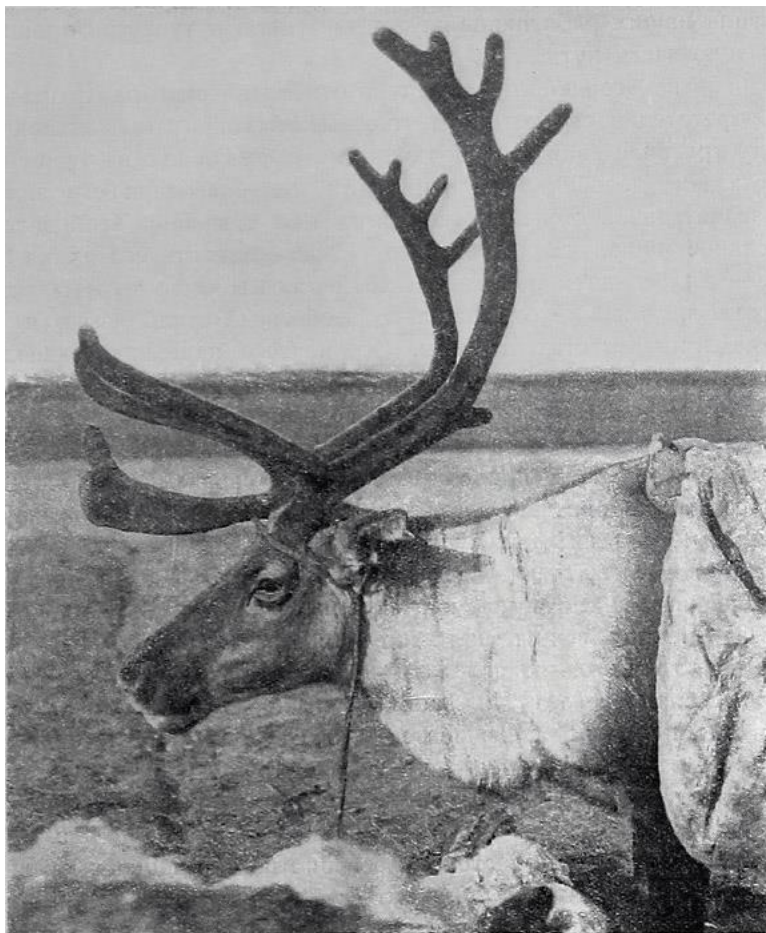

Рис. 4. Голова северного оленя. Фот. Е. Ф. Скворцова.

метить, что несчастная мысль о путешествии к северному полюсу, погубившая его, впервые начала зарождаться у Георгия Яковлевича именно на нашем обратном пути от Якутска в Иркутск. Он также был прекрасным товарищем, и мы постоянно вспоминаем его экспансивность и стремительность во всех случаях нашего совместного с ним путешествия.

Затем следует упомянуть ещё некоторых наших сотрудников, судьба которых в настоящее время нам неизвестна, так как они остались в далёкой северо-восточной Сибири. На

фотографии (рис. 2), снятой 20 июня (3 июля) на Хромской стрелке, помещена группа наших работников якутов, юкагиров и тунгусов, прошедших с нами наиболее тяжёлую часть пути.

Среди них, в особенности, следует отметить юкагира Егора Варакина, услугам и изобретательности которого многим обязана наша экспедиция (рис. 2, в первом ряду третий слева). Он неоднократно выручал нас из тяжёлых положений, а своими рассказами, особенно ценными для нас благодаря его знанию русского языка, он в значительной степени познакомил нас с жизнью этой далёкой окраины. Многое, описанное мною, исходит от него. Своеобразность его языка повлияла и на нас с Николаем Андреевичем, во время экспедиции мы часто выражались при помощи его образных оборотов и этот несколько необычный стиль языка я счёл нужным сохранить в некоторых местах записок. Кроме того, наш план экспедиции от реки Гусиной до Меркушиной стрелки

был принят нами только благодаря его рассказам о походах давно умершего русско-устыинского промышленника Чихачёва.

Другим лицом, также оказавшим ценные услуги экспедиции, был якут Христофор Горохов (рис. 2, в первом ряду первый справа), исключительный знаток местности на громадном протяжении от реки Хромы до Лены. К сожалению, он совершенно не знал русского языка, а мы якутски объяснялись до конца экспедиции весьма плохо. Можно сказать, что наш путь от Святого Носа до Яны мы проходили, руководствуясь не имеющимися у нас картами, а картами, составленными Гороховым с удивительным умением, если принять во внимание его полную неграмотность.

Упомяну ещё третьего — юкагира Николая Энканчан (рис. 2, в первом ряду второй справа), прошедшего с Николаем Андреевичем Июдиным исключительно тяжёлый путь по Лопатке и оказавшегося большим знатоком местности между Индигиркой и Хромой.

Затем следует отметить ревностную службу наших постоянных сотрудников и переводчиков, двух казаков — Дьячкова и Турунтаева (рис. 3, Дьячков — слева, Турунтаев — справа), постоянно безропотно деливших с нами все невзгоды.

В заключение я должен ещё упомянуть с благодарностью безымянных и бессловесных сотрудников, на которых наша экспедиция легла всей своей тяжестью, загубленных нами в большом количестве, начиная уже со станции Сеген-Кюельской Верхоянского тракта и дальше на всём нашем пути, — я говорю о северном олене (рис. 4), благодаря которому вообще только и возможны жизнь и передвижение в безграничных пустынях прибрежной тундры.

Е. Скворцов.
7 февраля 1927 года.
Севастополь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Почтовый тракт в 2.880 вёрст (3.070 км)

14 марта - 4 апреля (27 марта - 17 апреля) 1909 г.

Иркутск — Отъезд из Иркутска — Первые впечатления — Качуг — Река Лена — Верхоленск — Морозы — Киренск — Буран — Утёс Филатовский — Ущелье «Щёки» — «Пьяный Бык» — Утёс «Бычки» — Витим — Общий характер расположения ленских станций — В лесу — Телеграф — Олёкминск — Станция Чекурская — Рассказы об экспедиции Русского Астрономического Общества 1896 года — Якутск.

Иркутск — последний большой, можно сказать, европейский город на нашем пути, последний, связанный с остальным миром железной дорогой. С железной дорогой здесь расстаёмся надолго, дальше придётся ехать на санях всевозможных фасонов и запряжённых различными животными, сначала лошадьми, затем оленями и, наконец, собаками. Здесь расстаёмся с цивилизацией и культурой неизвестно на сколько времени.

Экспедиция остановилась в гостинице «Отель-Централь» на главной улице города. Прежде всего необходимо заняться переупаковкой всего нашего багажа. Номер гостиницы поэтому представляет хаотический беспорядок: всё завалено, тяжёлые ящики раскупорены, содержимое их вынуто для сортировки, с расчётом, чтобы не было слишком больших ящиков. Перевозка по железной дороге и на санях якутского тракта слишком различна. Хаос был особенно велик, так как здесь соединились вещи трёх экспедиций: Чукотской, Ленско-Колымской и капитана Седова, командированного Главным Гидрографическим Управлением для промеров устья р. Колымы. До Якутска едем мы все почти одновременно.

В Иркутске нужно установить хронометры, определить их поправки, посмотреть инструменты, взятые в Петербурге наскоро, в виду быстрого отъезда экспедиций. Поэтому все четыре дня пребывания в Иркутске проходят незаметно в хлопотах. Все определения делаются в Магнитной и Метеорологической Обсерватории, находящейся на краю города на горе; туда приходится поэтому ездить по несколько раз в день. Каждый раз едешь туда мимо оригинальных деревянных ворот с надписью: «Дорога к Великому океану». Благодаря содействию и.о. директора Иркутской Обсерватории И.В. Фигуровского удаётся в короткое время

выверить инструменты и получить нужные поправки. В одну из ясных ночей определяю время по четырём парам Цингера — и затем все работы в Иркутске могут считаться законченными. При наблюдениях на глаз замечаешь, как низко стоит Полярная, ибо, как это ни странно, но, отправившись в полярную экспедицию, очутились мы значительно южнее Петербурга [широта Иркутска 52°] — далее же при движении на север будем замечать, как поднимается над горизонтом Полярная; ведь на север от Иркутска придётся сделать целых 20° по широте.

От генерал-губернатора, губернатора и начальника Иркутского почтово-телеграфного округа И.П. Толмачёв раздобыл открытые предписания для скорейшего следования по тракту на Якутск. Эти предписания являются чрезвычайно полезными, так как предъявление их на станциях тракта ускоряет подачу лошадей.

Необходимо двинуться дальше возможно скорее, ибо весна здесь уже вступила в свои права: солнце печёт уже довольно сильно и, несмотря на то, что ночью ещё бывает до 18° мороза, днём по улицам текут ручьи, а крутые улицы высокой части города представляют собою бурные потоки. Во время пути по средней Сибири ещё была зима, но теперь быстро наступает весна, однако, всё-таки ведь путь наш лежит на север, и мы скоро должны, поэтому, отстать от весны.

Ехать всем вместе по тракту нет возможности, ибо нас восемь человек: три члена Чукотской экспедиции, три — Ленско-Колымской, да капитан Г.Я. Седов с боцманматом Жуковым. На общем совете решено разделить на три партии: в первой едут К.А. Воллосович с Н.А. Июдиным, во второй — Э.Ф. Вебер, астроном Чукотской экспедиции, я и Г.Я. Седов с Жуковым; в третьей — И.П. Толмачёв с М.Я. Кожевниковым. В Иркутске заказали восемь кошев: в четырёх размещаются члены экспедиции по два в каждую и четыре идут под багаж. Кошева — это местного изделия кибитка на полозьях — зимний экипаж. Вблизи же Иркутска снега уже совершенно нет. Первое время ехать придётся в тарантасе на колёсах до тех пор, пока не доберёмся до полосы снега.

15 (28) марта днём уезжают К.А. Воллосович и Н.А. Июдин, вечером же отправляется и наша вторая партия и, как всегда бывает, удаётся уехать лишь значительно позднее назначенного времени — только в восемь часов вечера, когда уже совсем темно. На дворе отеля идёт укладка вещей в неуклюжие экипажи; прощаемся с остающимися товарищами, и тарантасы, громыхая, выезжают на освещённые улицы го-

рода. Несколько минут езды — и застава, за коей пригород с небольшими домишками, но скоро и он кончается. Очень скоро убеждаешься, что наш тарантас — сооружение не из приятных: тряска ужасная — так и отбиваешь себе бока, повернуться нельзя, всё заставлено вещами. Сами сидим неуклюжие, одетые в козьи дохи. Проехав полчаса или около того, решаем, что лучше вылезти из кибитки и сидеть снаружи её на сундуках с хронометрами. Ночь лунная, окрестные горы и выющаяся тёмная полоса дороги очень красивы. Вдали, внизу, горят тысячи огней покинутого нами города. Дорога идёт по холмистой местности с несколькими перевалами, с которых открываются широкие горизонты на окрестности и долину реки Ангары. Ямщики рассказывают разные диковинные случаи ограбления проезжих почти у самого города и указывают места, где скрывались разбойники. Все эти рассказы сильно преувеличены, но очень подходят к этим оврагам и ущельям, так таинственно освещённым луною.

Первый перегон в 25 вёрст (26 км) до станции Хомутовской делаем медленно, тянемся три часа и только в одиннадцать часов ночи останавливаемся у ворот первой почтовой станции. Дальше, оказывается, можно ехать на санях, снега уже достаточно. Только около Иркутска, вследствие большого движения, испорчен зимний санный путь. Начинается перекладка вещей из тарантасов в купленные и доставленные раньше кошевы, на коих уже без смены днём и ночью придётся ехать до самого Якутска. Так как остановка на Хомутовской поневоле должна быть продолжительной, заказывается самовар. Станция — небольшая деревянная изба, показавшаяся после комнат Отель-Централь весьма непривлекательной и грязной; но, когда теперь мысленно сравниваешь её со станциями-юртами Верхоянского тракта и поварнями Устьянского, она кажется чуть ли не дворцом, — всё, ведь, относительно. Первое же впечатление, да ещё ночью, когда всё слабо освещено фонарями с грязными стёклами, — неприятное. Часа через три только тронулись в дальнейший путь.

Теперь пришлось испытать прелесть езды в кошеве. Прежде всего пора устраиваться спать, ибо уже час ночи, а за последние дни пребывания в Иркутске все успели достаточно устать. Укладываешься спать, завернувшись дохой и бараньим одеялом, но первое время не можешь забыться, трясёт страшно, ветер умудряется проникать сквозь доху и леденит своим дыханием: одно мучение — и до следующей станции Жердянской не удаётся заснуть, несмотря на все старания.

На станции Жердянской не хватает лошади, приходится брать обывательскую и платить за неё вдвое дороже. Но и при этих условиях только около семи часов утра 16 (29) марта удаётся выбраться со станции. Далее, утомлённый дорогою и долгим ожиданием на станции Жердянской, засыпаю тяжёлым кошмарным сном. Что значит ещё непривычка спать в дороге!

Г.Я. Седов будит меня на станции Усть-Ординской. Здесь решено умыться, позавтракать, одним словом, начать следующий день 16 (29) марта. Завтрак уничтожается с удовольствием; главное блюдо — пельмени, коих в Иркутске для нашей экспедиции было заготовлено целых 6 000 штук. Перевозятся эти пельмени в сыром виде прямо в мешках. Хотя мороз и не сильный, однако, пельмени похожи на камешки, но скоро распускаются в горячей воде. Подкрепившись пищей, более бодрые, двинулись в дальнейший путь.

Дорога идёт в небольшом расстоянии от склонов невысокого горного хребта (Байкальского), который, кажется, тянется в обе стороны бесконечно. Он интересен своею дикостью, что ещё усиливается вследствие пасмурной и холодной погоды. Все склоны гор покрыты невысоким хвойным лесом. Около трёх часов дня прибыли на станцию Ользоновскую; только что расположились здесь пить чай, как вдруг говорят, что приближается почта, которая заберёт лошадей, бросаем еду и чай, торопим ямщиков, быстро усаживаемся в повозки и через несколько минут уже спускаемся с крутой горы.

Погода совсем испортилась — сильный и холодный ветер, снег забивается в кошеву, приходится с головой закрыться дохой и дремать; иногда лишь выглядываешь, чтобы посмотреть местность. Метель все усиливается и продолжается несколько часов. На станции Баяндаевской не оказалось лошадей, и здесь пришлось ждать до часа ночи. Откровенно говоря, такие остановки отчасти даже приятны, хотя, конечно, сильно задерживают передвижение, но зато с каким удовольствием после продолжительной дороги по морозу проводишь время в тёплой избе.

17 (30) марта холодная ветреная погода по-прежнему не позволяет долго оставаться на воздухе. В кошеве же удобно сидеть лишь на краю её, свесив ноги вниз, ибо в самой кибитке ноги находятся все время в горизонтальном положении, так что долго так сидеть утомительно, из-за чего предпочитаешь лежать или же находиться в полулежачем положении. Сидеть же на краю кошевы можно только при отсутствии ветра.

Проехали большие сёла Манзурское и Мало-Манзурское, и, наконец, добрались до села Качуга, первой станции, расположенной на берегу реки Лены. При переезде через Лену попали в небольшую наледь и немного подмочили наши вещи. Село Качуг, расположенное на высоком берегу, довольно красиво. Далее до следующего станка, города Верхоленска, целых 35 вёрст (37 км) — самый большой перегон Якутского тракта. Благодаря живописности берегов Лены — дорога идёт здесь по льду этой реки — забываешь о продолжительности перегона; глаз не может оторваться от своеобразной красоты тёмно-красных утёсов и скал. Здесь река ещё совсем узенькая — 40-50 саженей (80-100 м), сдавленная с обеих сторон горами, она извивается среди крутых, иногда отвесных берегов; встречая непреодолимые преграды в виде громадных каменных утёсов, отыскивая свободный выход, она поворачивает иногда под углом 90° и, через несколько саженей, натываясь на новую скалу, опять круто поворачивает. Так, извиваясь, она пробивает себе дорогу и, принимая в себя реки и ручьи, делается всё шире и шире; всё реже и реже её крутые повороты и всё увереннее направление её, пока, наконец, она не сделается великой рекой, имеющей десять вёрст ширины и текущей уже неуклонно на север.

Отвесные громады покрыты большими елями, многие из которых свесились над обрывами; некоторые висят даже вершинами вниз, некоторые лежат уже на льду реки. Красные скалы испещрены как бы какими-то неведомыми надписями. Снег придаёт особенную прелесть берегам, он уже начал таять и потому самым живописным узором покрывает скалы. Всего четыре цвета играют роль в картинах, открывающихся здесь взорам путешественника, а именно: тёмно-красный, белый, тёмно-зелёный (хвойный лес вблизи) и тёмно-синий (лес вдали), но какое разнообразие в оттенках и их сочетаниях! Изредка встречаются розоватый цвет — это снег, окрашенный тёмно-красными отложениями, и серый — лиственный лес.

Верхоленска мы ждали с нетерпением, рассчитывая встретить порядочный город, ибо это всё-таки уездный город Иркутской губернии, но действительность не оправдала наших ожиданий. Небольшие деревянные одноэтажные домики, расположенные почти только по направлению тракта, делают его похожим на наши небольшие сёла. До Верхоленска был отложен и обед, здесь же производилась заводка хронометров и сравнение их, а также наливка горячей воды в грелки ящиков для хро-

нометров, чтобы предохранить их от возможного (без этой предосторожности) понижения температуры ниже нуля, что вредно отзывается на ходе хронометров и даже при большом понижении температуры может повести за собою их остановку. Вечерняя остановка, на которую относится вся эта процедура, постоянно отнимает у нас много времени, ибо после обеда и чая следует ещё вскипятить два самовара, для четырёх грелок (две грелки на каждый из сундуков — один мой, другой — Э.Ф. Вебера). После обеда и отъезда со станции, укладываешься спать — и в скором времени качка в кошеве уже не мешает сну. Оказывается, что сравнительно скоро привыкаешь к дороге.

18 (31) марта проехали станцию Жигаловскую, самую южную на Лене, до коей доходят пароходы, впрочем, только в случае высокой воды. Здесь, недалеко от станции стояло несколько небольших плоскодонных ленских пароходов, летом поддерживающих сообщение между Якутском и Усть-Кутом.

Лена стала величественнее, кругом подходят высокие горы, покрытые густым лесом, но таких, как раньше, отвесных обрывов уже нет.

Здешние лошади бегут очень быстро, обыкновенно их приходится сдерживать, понукать опасно, ибо они и без того несутся в карьер. Особенно горячие лошади попались нам после станции Усть-Ильгинской, несли даже с горы так, что кошева сильно раскачивалась в обе стороны. Если передняя повозка почему-либо замедляет свой ход, то больших трудов стоит удержать следующую тройку, чтобы не врезаться в замешкавшуюся кибитку; часто для этого приходится сворачивать с дороги в снег. В конце концов это обстоятельство является даже опасным для сидящих в передней кошеве, ибо может попасть оглоблей и по голове достаточно сильно, так как крышка кибитки, в которой сидишь прислонившись, состоит лишь из тонких перекладин, сверху покрытых рогожей.

День 19 марта (1 апреля) ехали по Лене, имеющей ширину около 300 сажень (650 м). Берега по-прежнему высокие, покрытые хорошим лесом. О весне, которая была в Иркутске, забыли и думать. Термометр показывает -30° , а ночью упал до -38° . Небо совершенно ясное, звёздное; днём же ярко светит солнце и непосредственно нагревает меховые вещи довольно сильно. Снег на валенках, в которые мы обуты, тает под влиянием тёплых лучей, но воздух холодный, свежий — дышится легко и чувствуешь себя бодрим.

20 марта (2 апреля) были на станции Подымахинской, носящей подходящее название, ибо, чтобы попасть на станцию, надо подниматься на высокий и довольно крутой берег Лены. Здесь следует сказать о том, как вообще расположены станции на Лене, начиная почти от Верхоленска и до Олёкминска. Крутые, покрытые густым лесом, склоны берегов Лены неудобны для жилья, а внизу у самого берега всегда имеется сравнительно невысокая полоска земли у того, либо у другого берега. На этих небольших пригорках и располагаются деревни и сёла, в более значительных из которых устраивают, обыкновенно, почтовую станцию. Высота местоположения селений различная, вообще около 10 метров, но есть и более высокие — метров до 20 — 30. На некоторые станции въехать особенно затруднительно из-за крутизны подъёма и тогда, обыкновенно, запряжка лошадей происходит внизу, на льду реки, а путешественникам предоставляется пешком подняться на гору, если они желают погреться на станции. В тот же день проехали большое село Усть-Кут, расположенное при устье небольшой речки Куты в красивой гористой местности. Ночь наступает по-прежнему холодная, но спать под дохой тепло; смерив температуру, нашёл, что в зависимости от того, как укроешься, она около 18°-20°Ц. Только под утро, после долгой ночи, начинают зябнуть ноги, несмотря на валенки. К утру же, обыкновенно, край дохи, закрывающий голову, покрывается ледяной корой. Ночью вылезать из-под дохи не особенно-то приятно, в первый момент кажется, что всё лицо колет иголками — ведь внезапный температурный скачок в 50°-55°. Впрочем, ощущение это проходит довольно скоро.

Вся провизия наша, которую везём с собою, превращается в камень вследствие таких морозов. Молоток является при обеде такою же необходимостью, как нож, и более, во всяком случае, необходим, чем вилка. Хлеб приходится резать, ударяя по ножу молотком, и тогда откалываются куски хлеба с ледяными кристаллами. Если очистить яйцо, то желтком можно колотить по столу, он стучит как деревянный. Сыр, консервы, колбаса, даже масло — всё превращается в твёрдое состояние, да ещё какой крепости. Везти продукты всё же приходится с собой, ибо в сёлах иногда ничего нельзя достать, да и некогда, так как лавки иной раз расположены далеко от станции. На станциях же берём только самовар, да яйца, но последние в том же замёрзшем виде. Все эти обстоятельства делают наиболее приятною пищей пельмени, ибо остальные замёрзшие продукты, в особенности хлеб, очень долго оттаивают, даже будучи подвергнуты нагреванию; хлеба обыкновенно и не дожидаться,

если принять во внимание, что на станцию приезжаешь уже достаточно голодным.

На последней перед Киренском станции встретили исправника Киренского уезда, возвращавшегося с объезда своего громадного по площади уезда. Просили устроить нам помещение в городе, ибо предполагали там сделать небольшую остановку для астрономических наблюдений. Пока мы занимались на станции Макаровской обычными вечерними делами, исправник заготовил в Киренске, в так называемой «гостинице», две комнаты. В Киренск мы приехали поздно ночью на 22 марта (4 апреля). Рано утром чуть взошло солнце Э.Ф. Вебер и я были уже у столбика против собора — астрономического пункта, определённого Н.А. Тачаловым во время экспедиции Русского Астрономического Общества для наблюдений солнечного затмения 1896 года. Здесь установили наши инструменты и принялись за наблюдение солнца. Во время нашей работы подошли к нам совершенно неожиданно И.П. Толмачёв и М.Я. Кожевников, догнавшие нас здесь, так как волей-неволей мы должны были двигаться медленнее их, вследствие упомянутых выше забот о хронометрах. Все вместе пообедали в «гостинице», где кроме того закупили рыбной провизии для дальнейшего пути. После обеда они уехали дальше и мы, таким образом, очутились позади всех. Вечером надвинулись тучи, так что вечерние наблюдения произвести не удалось, и мы решили из-за этого не останавливаться, а ехать дальше, тем более, что для определения пунктов на берегу океана эти наблюдения не могли быть полезными. В Киренске пришлось ещё перезарядить фотографический аппарат при помощи особого мешка, в который просовываются только руки, а вся процедура открывания кассет, раскуртки коробки пластинок и замены пластинок производится на ощупь. Первое время возишься с этим очень долго, но после некоторой практики научаешься производить эту операцию быстро и безошибочно. Подобный мешок прямо незаменим при путешествии, и здесь полезно отметить, что при этой замене не было испорчено за всю экспедицию ни одной пластинки. Операцию замены всё-таки лучше производить вечером, или же, если днём, то следует покрыться одеялом, чтобы как-нибудь не попал свет в могущие образоваться небольшие незаметные дырочки в ткани мешка.

Киренск покинули при пасмурной погоде, и скоро после отъезда из него начался буран, продолжавшийся всю ночь, так что даже были при-

нуждены поднять полог кошевы. Тьма сделалась непроницаемой, мокрый снег то и дело набивался в кошеву, несмотря даже на поднятый полог, и ухитрялся проникать и под баранье одеяло и под доху, что не доставляло никакого удовольствия.

24 марта (6 апреля) должны проехать знаменитые «Щёки». Встаём раньше, чтобы увидеть интересные места. Сначала невысокий, но мрачный утёс Филатовский — постояли около него, снял фотографию, 1 затем первая Щека — высокая, крутая скала с неправильным напластованием, далее крутой поворот реки в 90° и другая более высокая скала с антиклинальными складками. Дорога идёт у самой скалы, так что для того, чтобы видеть вершину, надо смотреть сильно запрокинув голову. На самой вершине строевой еловый лес кажется мелким кустарником.

Утренний чай на станции «Пьяный Бык» против скалы того же имени, скалы, собственно говоря, мало интересной и каких много на Лене; она интересна разве своим названием, происшедшим будто бы от того, что во время путешествия Врангеля здесь разбилось судно со спиртом.

После станции Дубровской снова интересные утёсы «Бычки», представляющие беспорядочное нагромождение скал и каменных глыб, интересное именно своею беспорядочностью. Здесь следует отметить ошибку в стовёрстной карте Главного Штаба: именно, в ней ущелье Щёки показано ниже по Лене, чем утёс Бычки, на самом деле оно раньше; Щёки на 3-4 версты (км) выше станции Пьяный Бык, утёс же Бычки находится за станцией Дубровской, которая ниже Пьяного Быка на 25 вёрст (26 км).

Причудливые берега Лены особенно хороши при закате солнца, когда они на фоне розовой зари рисуются то в виде каких-то величественных и грандиозных развалин замка, то в виде как бы неведомого горящего города. Иногда видишь чудовищное животное, покрытое твёрдой, дико торчащей щетиной (лес) и изрыгающее из своей пасти огонь, иногда видишь греющуюся под лучами уходящего солнца бесконечно длинную змею, хвост которой теряется в тёмной глубине далёкого поворота реки. Величественная картина гармонирует с полнейшей тишиной. Когда тройка стоит на отдыхе, как вкопанная, лишь иногда эта тишина нарушается серебристым звоном колокольчика если какая-нибудь из лошадей мотнёт головой. Ах, эти колокольчики! Сперва они приятны, но на второй и третий день пути они уже раздражают вас, на четвёртый не знаешь куда деться от их постоянного звона, а затем постепенно так

привыкаешь к ним, что перестаёшь слышать, и, в конце концов, чувствуешь, что чего-то недостаёт, когда почему-либо нет колокольчиков на тройке.

1 К сожалению, все мои снимки живописных видов Лены погибли, так как я имел неосторожность отправить их из Якутска в Ленинград (Петербург) почтовой посылкой. На границе Якутской области посылка была вскрыта в поисках контрабанды и пластинки испорчены попавшим на них светом. Поэтому первая глава настоящего дневника осталась без иллюстраций.

25 марта (7 апреля) приехали в большое село Витим при устье реки того же имени. На этой же реке расположен городок Бодайбо — главный пункт золотопромышленной компании, благодаря которой и Витим представляет самое большое и благоустроенное на Лене село. Здесь можно достать почти всё, что угодно, конечно, только не в праздник, а мы, как нарочно, попадаем в большие пункты всё по праздникам. Здесь разменял пятьсот рублей на мелкие деньги, что необходимо, ибо при расплате за лошадей на станциях обыкновенно не бывает сдачи. Вследствие наполнения карманов тужурки медью и серебром, последняя становится страшно тяжёлою, утешаешься, впрочем, мыслью, что тяжесть эта будет быстро уменьшаться по мере движения вперёд.

Последнее время дорога сделалась очень узкою вследствие снежных заносов. Благодаря этому кошева часто «срезывается» в снег, т.е. сваливается в сторону, наклоняясь даже под прямым углом, так что в таком случае всё вылетает из неё в мягкий, к счастью, снег. Так было уже несколько раз. Один раз было даже посерьёзнее, чем можно было бы думать. Неожиданно кошева наша сорвалась с небольшого косогора, ямщик перелетел, сделав ногами большую дугу в воздухе, повозка перевернулась, высыпав все вещи на Э.Ф. Вебера. Последний очутился под чемоданами, хронометрическими сундуками, покрытый бараньими одеялами, а сверху сеном, и на всю эту груду навалилась ещё одним краем и сама кошева. Кричим другим ямщикам, уехавшим вперёд, ибо вдвоём не приподнять кошевы. Спрашиваю Э.Ф. Вебера: «Как Вы себя чувствуете?». «Ничего, — отвечает он глухим голосом, — только освободите скорее». Прибежали другие ямщики и общими усилиями освободили нашего астронома. Интересно, что Э.Ф. Вебер заранее предсказал возможность такого случая.

На станции Романовской, самый, кажется, высокий из подъёмов, но как ловко лошади влетают на него! Ямщик разгоняет предварительно

тройку до очень большой скорости; при спуске же вниз обыкновенно употребляют верёвочные тормоза до половины расстояния спуска, после чего повозку освобождают, лошадей отпускают (до половины же их ведут под уздцы, всё время сдерживая) и кошева стремглав, раскачиваясь во все стороны, несётся вниз всё быстрее и быстрее, пока, наконец, не попадёт на ровную, белую равнину реки Лены. 26 марта (8 апреля) продолжаем ехать всё той же дорогой; кошёвки поминутно срезываются — то та, то другая; каждый раз большая возня, чтобы поставить их на дорогу, и это сильно замедляет скорость нашего передвижения.

Дорога не всё идёт по Лене; иногда, вероятно, чтобы избежать излишних изгибов реки, она сворачивает на лесистый берег. В лесу ехать как-то приятнее, дорога тоже узкая, так что две кошевы, встретившись, расходятся лишь с большим трудом, причём ямщики как всегда расстаются в таком случае не без ругани. В лесу больше предметов, привлекающих внимание, а на Лене всё бело и гладко. Здесь снег лежит на пнях большими белыми шапками и пни похожи на гигантские грибы. Тройка несётся быстро и громадные деревья сибирской тайги быстро мелькают перед глазами, а вверху над дорогой, как бы по голубому небу, тянется тонкая нить телеграфной проволоки, и когда полулежишь в кошеве, кажется она высоко-высоко, будто действительно на самом небе. Это единственная нить, связывающая нас с родиной и остальным миром. Пока мы можем получать ответы оттуда всего через несколько часов после заданного вопроса. Странно гудит на ветре эта проволока, мелькают телеграфные столбы. Особенно вечером всё это принимает какой-то мистический оттенок, будто это бесконечно длинный живой организм, имеющий сначала много жизненных нитей, там на тёплом юге, где всем легче живётся, но чем дальше к северу, тем больше он теряет этих нитей, тем труднее он уживается в суровом климате. Вот, теперь остаётся лишь одна единственная нить, одна единственная! Она бежит вместе с нами на север, бежит через леса, горы, долины и без единого перерыва, но скоро оборвётся и эта последняя нить! За Якутском — далёкая, суровая полярная тайга, оторванная от всего мира, со своими своеобразными законами и своею жизнью, так не похожей на нашу. Ямщик прерывает грёзы — «вот», говорит он. «прошёл сохатый» (лось) и указывает на следы зверя; тут обращаешь внимание на след лисицы, там зайца. Вспоминаешь, что зверья здесь много, не так, как в наших распланированных лесах. Да и леса ведь непроходимые на целые тысячи вёрст, и много в них таких мест, куда не ступала ещё нога человека!

Какое огромное пространство ещё незанятой человеком земли! Великая сибирская тайга!

27 марта (9 апреля), после станции Жербинской переехали границу Якутской области. У границы красивая, дикая скала. Станции уже со вчерашнего дня стали ухудшаться: всё грязнее и теснее. В них исчезли обычные раньше лубочные картинки и иногда вместо печей уже попадают якутские камельки. Встречаешь уже якутов и начинаешь слышать непривычный для нашего уха говор.

28 марта (10 апреля) погоняем своих ямщиков сколько можно: завтра первый день пасхи, и желательно попасть по сему случаю в Олёкминск. На наше счастье дорога стала лучше и в первый раз едем быстро — за сутки делаем 200 вёрст (215 км). Сегодня великолепная заря, дающая такие чудные картины берегов, что смотришь не отрываясь, пока наступившая тьма сделает неясными их очертания, и пока внимание не привлекут загоревшиеся на небе, как драгоценные камни, Вега и Арктур. Как ярко сверкают они здесь в морозном воздухе! Замечательно быстро падает температура с заходом солнца. Пока оно светит, хотя и совсем низко, всё-таки чувствуешь теплоту его лучей, но вот оно скрылось за лесистой горою, освещая лишь верхушки высоких скал противоположного берега, стало сразу холодно. Когда же выезжаем из-за горы и снова видим солнце, становится опять теплее, но уже ненадолго. Всё ниже и ниже светило и, наконец, скрывается совсем; наступает ясная ночь, делается всё морознее и морознее и до самого восхода солнца температура падает всё ниже и ниже.

29 марта (11 апреля), в первый день пасхи, всё-таки удаётся нам попасть в Олёкминск, или Олёкму, как здесь часто называют этот город, главный город Олёкминского округа. Он расположен на левом берегу Лены, здесь уже величественной, имеющей в ширину около 3 вёрст (км) реки. Сегодня при ярком солнце она сверкает ослепительным светом. Поверхность реки здесь неровная: масса торчащих льдин, в которых лучи солнца, преломляясь, играют всеми цветами радуги. Остановились на почтовой станции; к нам пришли исправник округа и его помощник, притащили куличей, ветчины, вина и прочего, вообще постарались устроить так, чтобы мы почувствовали праздник. Здесь мы с Э.Ф. Вебером произвели кое-какие наблюдения и в пять часов вечера тронулись в дальнейший путь.

Дорога за Олёкминском снова идёт лесом. Наш ямщик — русский крестьянин, но по-якутски объясняется лучше, чем по-русски, и, пожалуй, строго говоря, этот язык для него более родной. В разговоре с нами, однако, он выражает некоторое презрение к якутскому суеверию — оставлять при крутых спусках на деревьях лошадиный волос или другой хлам, как жертву лесному духу, чтобы тот послал благополучный спуск. Впрочем, это презрение, кажется, напускное: ему перед нами не хотелось ударить лицом в грязь, а, вероятно, когда завтра будет возвращаться назад один, большой клок волос выдерет из хвоста лошади и преспокойно повесит на дереве рядом с бесчисленным количеством таких же умиловительных жертв.

30 марта (12 апреля), за ночь проехав целых 130 вёрст (140 км), в девять часов утра прибыли на станцию Чекурскую, знаменитую тем, что здесь в 1896 году работала экспедиция Русского Астрономического Общества, наблюдавшая полное солнечное затмение. При входе на станцию встречаешь знакомый бланк Общества за подписью председателя Общества С.П. Глазенапа и секретаря А.А. Иванова. Бланк гласит, что кандидату (в сельские старосты) Ивану Иннокентиеву Иванову присуждаются за помощь экспедиции серебряные часы. Тут же внизу фотография жителей селения с некоторыми участниками экспедиции — всё это сохраняется здесь свято. Хозяин станции, этот самый Иванов, принял нас как своих хороших знакомых и много рассказывал об экспедиции. Казалось, что это было совсем недавно, а ведь прошло с тех пор целых 13 лет! Такие события в этой глуши забываются не скоро. Осмотрели место, где стояли в 1896 году инструменты; там остались едва торчащие из-под снега столбики. На противоположном же берегу семивёрстной Лены с трудом можно было разглядеть в бинокль остатки большой деревянной трубы, служившей для фотографирования короны по способу Шеберле (в 1912 году Русское Астрономическое Общество издало труды этой экспедиции, там приведены снимки этой большой деревянной трубы).

После Чекурской попались лихие лошади и тройки неслись, как птицы, так что за эти сутки удалось проехать целых 240 вёрст (260 км) несмотря на пятичасовую остановку на Чекурской. На следующий день проезжали вблизи интересного левого берега Лены. После станции Ой-Муранской идут совершенно горизонтальные слои кембрийской системы красного и жёлтого цветов. Слои эти тянутся почти без перерыва на протяжении 20 с лишним вёрст (км). На станции Ат-Дабанской очень

крутой подъём, так что тройки подняться вверх не могут. Распряжка происходит на Лене. Вечерний чай в большом селе Покровском, имеющем целых три церкви. Обед по-прежнему состоит из пельменей, хотя теперь и в ограниченном количестве, так как осталось уже немного. Хотя Г.Я. Седов и говорил постоянно презрительно «ах, уж эти пельмени», тем не менее заменить их чем-нибудь подходящим для данных условий было затруднительно, а копчёный сиг, которого Г.Я. Седов берёг, как драгоценное лакомство, говоря о нём чуть не с Иркутска, и соблазняя нас перспективой полакомиться им, оказался вовсе не таким вкусным, так как вследствие морозов совсем потерял свою нежность.

2 (15) апреля около десяти часов утра, после 18 суток пути, увидели мы, наконец, дома долгожданного Якутска. Издали он довольно красив, расположен в равнине; небольшие домики, 6-7 церквей. После тех городов, которые встречали по тракту — это столица.

Якутск — областной город. Якутская область по площади равна $\frac{3}{4}$ Европейской части СССР и составляющей почти треть всей Сибири. Область разделяется на пять огромнейших округов: Якутский, Олёкминский, Вилуйский, Верхоянский и Колымский. Оба последние лежат почти целиком за северным полярным кругом. Легче всего представить громадность области, сравнив её с более привычными для нас расстояниями в Европейской части СССР: по широте она простирается на 20°, что соответствует расстоянию между Архангельском и южной оконечностью Крыма, однако, несмотря на это здесь нет такой разницы в климате, как в Европейской части СССР. Вся эта громадная область имеет только пять городов: Якутск, Олёкминск, Вилуйск, Верхоянск и Средне-Колымск, по именам коих и названы округа области. Остальные «города» не заслуживают этого названия, некоторые из них, как, например, Зашиверск, Жиганск, Устьянск значатся только на карте, а живут в них две-три семьи, а то и одна, как в Устьянске. Большинство селений расположено в южной части области и сгруппировано, главным образом, вблизи Якутска, затем Олёкминска и Вилуйска. Вблизи первого встречаются действительно большие посёлки, как, например, в Намском улусе; вообще вблизи Якутска жителей кругом много. В северных же округах, т.е. в Верхоянском и Колымском, селения, состоящие из 3-4 юрт, встречаются только по пути больших трактов и рек и то очень редко. В остальных же местах безлюдная, глухая тайга и везде высокие горы, холмы и долины, покрытые за полярным кругом исключительно

лиственничным лесом. До Якутска лес ещё хороший и в нём много зверя. Летом много медведей — говорят от них просто житья нет: убивают скот, а ночью опасен даже проезд по тракту. В 1908 году на Алдан случайно зашёл даже тигр, поранил нескольких якутов, но был убит и теперь чучело его красуется в Якутском областном музее, в котором собрано многое, касающееся природы края и якутской культуры.

Сам Якутск лежит на левом берегу Лены, имеющей здесь 10 вёрст ширины, но и это не самое широкое место Лены. Последнее находится при устье реки Алдана, где при слиянии получается бассейн в 30 вёрст шириною со множеством островов. Дома в Якутске большею частью деревянные, каменных очень немного и то всё казённые постройки. Улицы очень широкие, как бы говорят, что простора здесь достаточно, нечего стесняться и лепить дома друг на друга. Имеется семь церквей, женская гимназия, реальное училище, семинария и гостиница. В общем же интересного в городе мало. Вечером были в общественном собрании, где был благотворительный вечер. Здесь же узнали неприятную для дальнейшего нашего передвижения новость: именно, накануне только была отправлена в Верхоянск партия ссыльных, вследствие чего, ввиду недостаточности перевозочных средств по тракту, движение едущих сзади должно быть затруднено. К.А. Воллосович решил поэтому ехать дальше немедленно, покончить сборы экстренно, хотя бы для этого пришлось отказаться от некоторых вещей. Решили ехать на следующий день, чтобы догнать политических и, перегнав их, ехать по свободному тракту. Это с виду незначительное обстоятельство, как отправка партии ссыльных, да кроме сего ещё отправка очередной почты сильно затормозило передвижение как нашей, так и, в особенности, Чукотской экспедиции.

Из достопримечательностей Якутска следует отметить древний памятник, казацкую крепость времён покорения Сибири. Это сооружение в своё время служило оплотом при борьбе казаков с туземцами.

Всё пребывание в Якутске прошло в работе и сборах в путь. Нужно было произвести астрономические наблюдения и снова переупаковать весь багаж, так как далее предстояло перейти на нарты — лёгкие санки, а, следовательно, упаковка должна была быть возможно более лёгкая, и большие ящики должны были быть разбиты на малые. Обе ночи пришлось провести за универсальным инструментом. Урывками были написаны письма на родину: дальше, ведь, не будет уже такой частой почты, как на Якутском тракте, где почта идёт два раза в неделю.

В пять часов утра 4 (17) апреля все три члена нашей экспедиции вместе с казаком-переводчиком Дьячковым, усевшись в нарты, выехали из ворот дома и направились дальше на север по своеобразному тракту на Верхоянск.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Верхоянский тракт
4-16 (17-29) апреля.

Нарты — Первая станция — Станция Сеген-Кюёльская — Смена лошадей на оленей — Верхоянский хребет — Запряжка оленей — Наледи — Станция Ньюёра — Жители на реке Ньюёре — Станция Тоён-Тиряхская — Ухудшение растительности — Трудности пути — Печальная судьба почтового оленя — Станция Диринг-Оломская — Застряли — В поварне — Верхоянск.

Прежде всего следует остановить внимание на экипаже, если таким словом можно назвать нарты. Для путешествия по северным трактам кошева становится непригодной, во-первых, вследствие своей тяжести, она не под силу слабым северным животным, а, во-вторых, вследствие своей ширины, — она совсем не может проходить по узким «дорогам», пробитым в дремучей тайге. Нарты представляют собой лёгкие санки около 1½ аршина (1 м) шириною и 2½ аршина (1,7 м) длиною. Они настолько легки, что человек вполне свободно может везти их. На полозьях нарты кое-как пристроены доски, на которых располагается путешественник. Те нарты, которые были предназначены для членов экспедиции (рис. 5), имели ещё верх из серого сукна и представляли нашу подвижную постель. Дно было обито мягкой обивкой, передок также закрыт тканью, чтобы не задувало. Такое устройство нужно считать необходимым, если принять во внимание, что эти нарты должны служить в течение более месяца нашим кровом, так как ехать придётся безостановочно день и ночь. Когда в нарте ложишься, ширина её оказывается только-только достаточной, чтобы поместиться в ней, так как бока касаются её боковых стенок.

4 (17) апреля в десять часов утра прибыли мы на первую станцию Верхоянского тракта — Туруяхскую. Станция представляет обычную якутскую юрту, к которой скоро привыкаешь настолько, что считаешь

её нормальным типом человеческого жилища. Первое время впечатление совсем иное. Это низенькое деревянное строение имеет форму усечённой пирамиды, у которой основанием служит прямоугольник (рис. 6). Вся она обмазана серой глиной. Одна дверь, обыкновенно обитая оленьей шкурой, открывается непосредственно в самое помещение юрты. В имеющиеся в юрте два-три окна, т.е. квадратные отверстия со сторонами не более $\frac{1}{2}$ аршина (35 см), вставлены стёкла лишь поблизости от Якутска, далее же стёкла почти не встречаются, вместо них натягивается налимья кожа (пузырь) или, что лучше всего, вставляются толстые льдины.

На Туруяхской пришлось ждать лошадей уже значительно дольше, чем на станках Якутского тракта. За станцией дорога идёт по берегу лесного ручья, в лесу, состоящем исключительно из лиственницы да ползучего кедра. Целый день ехали до следующей станции Хомустахской. Здесь уже пришлось прождать несколько часов; вообще, чем дальше на север, тем дольше дожидаясь перевозочных средств. Прежде, бывало, на Якутском тракте, если через три четверти часа не дают лошадей, начинаешь уже браниться и торопить с запряжкой, здесь же в порядке вещей дожидаясь по несколько часов. В смысле расстояний между станками — тоже большая разница с предыдущим трактом. Там оно равно, в среднем, 18-25 вёрст, здесь же уже около 50, а в некоторых перегонах и до 75 вёрст (80 км) при этом ещё вёрсты здесь как будто побольше, чем были раньше. Должно быть баба клюкой мерила!

Дорога идёт теперь (в 1909 г.) по новому тракту, пока не обозначенному на картах, идущему западнее прежнего. Этот тракт пересекает реку Алдан у Тунгары, далее он идёт по реке Нюёре, переваливает хребет вблизи Дулгалаха, далее идёт сначала долиной этой реки, а после сворачивает в долину реки Яны. Дорога лежит почти всё время сплошным лесом и иногда настолько узка, что даже узкая нарта только-только проходит. Когда сидишь на нарте сбоку, высунув ноги вперёд, то и дело приходится их подбирать, чтобы не задеть за деревья.

От станции Дыгдаловской до Сордонгнохской перегон в 70 вёрст и сделать его на лошадях без смены довольно затруднительно, если принять во внимание, что лошади в достаточной мере загнаны зимними перегонами по тракту. Местность холмистая, и всё так же сплошной стеной стоит лиственничный лес — глухая тайга.

Ещё на Дыгдаловской думали догнать партию политических, но они успели уехать. Впереди нас кроме того ехал казак Солдатов с нашим багажом; казак же Асламов с багажом Чукотской экспедиции, выехавший одновременно с нами, отстал на одной из станций за недостатком перевозочных средств. После стало нам известно, что он кое-как передвигался на чём было возможно, а больше всего на волах, так что в его обозе были разнообразные животные.

Рис. 5. Обоз экспедиции на Верхоянском тракте. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Здесь казаки, потомки прежних покорителей Сибири, весьма сильно поддались влиянию побеждённых якутов и, думается, что якутский язык для них более родной, чем русский. Служат они по казённой надобности, ездят по трактам, главным образом, с почтой и политическими ссыльными. После Якутска мы попадаем уже совсем в чужую страну, где почти никто не понимает русского языка, и как-то не подходит слово Россия к этому якутскому царству, где всё такое чужое и непонятное нам.

Только в три часа ночи 7 (20) апреля, наконец, добрались мы до станции Сордонгнохской, пройдя эти 70 вёрст в 20 часов, считая в этом числе и остановку у юрт Тюю на два часа. Якуты, впрочем, говорят, что здесь не 70, а больше вёрст, и это похоже на правду. Здесь мы встретили политических, которые заночевали в юрте станции. К.А. Воллосович горячею речью убедил их пропустить нас вперёд, ибо им-то ведь всё равно, когда приехать в Верхоянск, а нам дорог каждый час. Они уступили нам

свое первенство приезда на станцию, и ночью же мы тронулись в дальнейший путь.

Рис. 6. Ст. Тёхтюр (юрта) на Верхоянском тракте. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Около 12 часов дня 7 (20) апреля прибыли мы на станцию Сеген-Кюельскую, лежащую на южном предгорье Верхоянского хребта. Здесь происходит смена перевозочных средств, лошади далее заменяются оленями. А так как оленьих кормовищ поблизости от станции не имеется, и таковые находятся более, чем за десять вёрст от неё, то пришлось в ожидании, пока пригонят оленей с пастбища, засесть на этой станции на более продолжительный, чем обычно, срок.

Верхоянские горы видны отсюда в виде длинной, невысокой ленты: некоторые вершины совершенно лишены растительности, большинство же покрыто лесом, издали кажущимся чёрным. Вместе с Н.А. Июдиным пошли сделать несколько снимков; для этого пришлось свернуть с дороги, а следовательно, попасть в глубокий снег. Вообще, при съёмках очень часто приходилось проваливаться в глубокий снег по пояс и более, отыскивая подходящее для производства снимка место. Пока мы ожидали оленей на станции, нас нагнали политические. Двое из них рассказывали, между прочим, как в 1908 году они бежали из Якутска, желая пробраться к Охотскому морю на Аян и едва не погибли от голода, заблудившись в гористой тайге, так что рады были, когда попали в Нелькан и отдались властям.

Пользуясь долгой остановкой, я занялся астрономическими наблюдениями. Только в семь часов вечера пригнали оленей, но это ещё не значило, что сейчас можно ехать дальше, ибо ещё предстояла их запряжка в нарты.

Запряжка оленей в нарты производится так: на шею оленя накидывается широкая петля, представляющая часть длинного кожаного ремня, на другом конце которого находится такая же петля для другого оленя. В каждую нарту запрягается по два оленя, причём ремень просовывается через передок нарты¹, но не прикрепляется к ней. При езде тяжесть нарты ложится на плечи оленей: у левого оленя на левое плечо, у правого на правое. Олени должны бежать ровно; если один из них будет тянуть сильнее, то другой должен сделать усилие, чтобы его не подтянуло под передок нарты. Для первой пары выбираются так называемые передовые, обученные олени, которых вообще имеется немного, и они особенно ценятся. Остальные пары запрягаются так же, но кроме того имеют уздечку, за которую они привязываются к заднему концу предыдущей нарты, вторая пара к концу первой нарты, третья пара к концу второй нарты и т.д., так что образуется длинный десятинартный поезд (рис. 5), причём всё управление движением этого поезда сосредоточивается на первой паре оленей. Остальные же волей-неволей должны следовать туда, куда направляется первая нарта. На первой нарте помещается ямщик с длинной палкой, называемой «таяк», посредством которой он управляет движением первой пары оленей. Если нужно повернуть влево, ямщик заносит палку около глаз правого оленя, и последний, уклоняясь от таяка влево, толкает туда и левого оленя. Обращаю внимание на то, что вожжей не имеется. Чтобы подбодрить оленей, ямщик часто соскакивает с нарты и бежит сам рядом с ними. Точно также и в тех случаях, когда олени не слушаются, приходится соскакивать и заставлять ударами таяка повернуть упрямую пару в желаемую сторону. На запряжку оленей приходится обратить особенное внимание в виду того, что вся эта процедура имела чрезвычайно большое значение для нашей экспедиции, ибо, как мы убедились летом, от благосостояния оленей зависит возможность передвижения экспедиции.

Запряжка кончилась только в девять часов вечера и мы, оставив политических на станции в ожидании перевозочных средств, тронулись в дальнейший путь по направлению к видневшемуся Верхоянскому

¹ К передней части нарты приделывается горизонтальная деревянная дуга, за которую олени и тянут нарту.

хребту. Дорога между горными ущельями пробирается к долине реки Ньюёры; при вечерней заре надвигающиеся горы очень красивы (рис. 7). Не спали в ожидании знаменитых наледей, так затрудняющих передвижение по северным дорогам, идущим почти всегда по льду какой-либо реки, речки или, в крайнем случае, ручья.

Наледь — это обширное пространство в долине реки, залитое водою, под которой находится в высшей степени скользкая ровная ледяная поверхность, крайне неудобная для передвижения (рис. 8). Наледи на некоторых реках достигают грандиозных размеров, тянутся (например, на Колымском тракте между станциями Курилахом и Тастахом) с перерывами на протяжении нескольких десятков вёрст и служат большим тормозом при передвижении по полярной тайге, ибо, не будучи даже глубокими, четверть или поларшина (17-35 см), они задерживают оленей и делают путь по скользкому льду прямо изнурительным, хотя без смеха и не можешь смотреть на уморительные прыжки, какие проделывают эти славные животные, как перебирают ногами, чтобы не упасть, и, надо сказать, что падают довольно редко. Упав же, олени не могут обыкновенно встать без посторонней помощи. Всё это делает одну версту по наледи равноценной, пожалуй, двадцати вёрстам по снегу. В некоторых местах, впрочем, наледи обладают и довольно большою глубиною в три четверти аршина или аршин (50-70 см.). Где возможно, наледи стараются обойти, хотя бы и пришлось для этого сделать большой крюк. Очень часто глубина наледи бывает обманчивой: поверхность льда кажется почти совсем лишённой воды, но в момент въезда на лёд, последний под тяжестью нарты проламывается, и нарта погружается в ледяную воду. Очевидно, сверху выступающая вода снова замерзает тонким слоем, и на самом деле мы видим не истинную поверхность ледяного покрова реки, а второй тонкий ярус льда. Спать в нарте при движении по наледи не представляется возможным по причине толчков. Укладываешься на ночь лишь после того, как узнаёшь, что благополучно миновали путь по этим неприятным местам.

К.А. Воллосович объясняет происхождение надлёдных вод следующим образом: они образуются там, где у дна реки имеется порода, хорошо проводящая тепло. После замерзания рек при сильных морозах происходит замерзание воды и у их дна, вследствие чего вода является заключённою как бы в ледяную трубу. При дальнейших морозах нарастающая толща льда, занимая всё больший объём, выпирает воду, кото-

рая, стремясь на верх по линиям наименьшего сопротивления, производит в ледяной коре трещины и разливается по поверхности ледяного покрова реки. Эти соображения подтверждаются тем, что при усилении морозов наледи только увеличиваются.

Рис. 7. Скалы на р. Нюёре. Фот. Е. Ф. Скворцова.

8 (21) апреля рано утром, высунувшись из нарты, увидел ослепительно белые снежные вершины, великолепно выделявшиеся на ясном голубом небе. Нарты стояли уже распряжёнными — мы находились на станции Нюёра. Вылезши из нарты, я произвёл снимки этих красивых снежных вершин (рис. 9). На Нюёре задержались недолго: олени оказались неподалёку и потому скоро тронулись в дальнейший перегон в 75 вёрст, а по словам якутов и в целых сто с лишним вёрст. Следующая станция

Тоён-Тиряхская лежит уже по другую сторону Верхоянского хребта. Так как такой продолжительный перегон сделать затруднительно, не давая отдыха оленям, то обыкновенно делается остановка у жителей, расположенных как раз посередине между станциями Нюёрой и Тоён-Тиряхом.

Рис. 8. Верхоянский хребет и наледь на р. Нюёре. Фот. Е. Ф. Скворцова.

В долине реки Ньюёры попадают интересные тополёвые рощи (рис. 10). Тополя здесь довольно объёмистые, с мохнатыми стволами, покрытыми как бы предохраняющим от морозов налётом. Не обошлось и без приключения: на полном ходу опрокинулась нарта Н.А. Июдина и потащила его по снегу, снег забился ему в рот, так что он не мог и крикнуть, чтобы ямщик остановился. Хорошо, что тот своевременно заметил, что в его обозе не всё благополучно. Вся нарта заполнилась снегом, пришлось сделать небольшую остановку для чистки нарты. Мы воспользовались этим для того, чтобы сделать несколько снимков, один из них с началом наледи изображён на рис. 8. Опрокидывание нарты происходит довольно часто. Ведь, собственно говоря, это очень неустойчивый экипаж, а если ещё принять во внимание скверную дорогу, то приходится скорее удивляться, что это происходит не так часто, как можно было бы предполагать. Ночью, несмотря ни на что, спишь крепко и не думаешь о возможных неприятностях; только иной раз просыпаешься от слишком сильного толчка о дерево, но не надолго, сейчас же опять закрываешь глаза и забываешь об ударе.

По тракту много крутых подъёмов и спусков: некоторые настолько круты, что смотришь и удивляешься, как это наш обоз спустится вниз. Впрочем, нужно сказать, что обоз не спускается, а просто скатывается. Каждый поезд, примерно из 8-10 нарт, внизу спуска сбивается в кучу. Олени все перепутываются, получается целый лес из рогов. При этих спусках нарты ударяются о деревья иной раз с такой силой, что разбиваются. Особенно часто ломается при этом передок нарты. Это опять задержка в пути, ибо приходится снимать с нарты багаж и приниматься за её починку.

Вот, наконец, завидели вдали конусовидную урасу жителей. На описании их жилища стоит остановиться подробнее (рис. 11): небольшой конус высотой около двух саженей (4 м); с одной стороны сделано отверстие, прикрытое «тордохой», — это дверь; посреди жилища костёр, вверху же конуса дыра для выхода дыма; кругом костра шкуры, на которых располагаются жители — тунгусы. И в этом жилище проводят они всю исключительно суровую зиму Верхоянского края. А теперь, весной, в 30° градусов мороза они вынесли из своего неприхотливого жилища для снятия фотографии ребятишек с непокрытыми головами. К каким условиям может привыкнуть человеческий организм!

Рис. 9. Верхоянские горы со ст. Ньюёра. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Внутри урасы дым ест глаза, но всё-таки, и она послужила нам хорошей защитой от стужи и ветра. У этих жителей мы расположились, чтобы напиться чая и дать отдых усталым оленям. Уже несколько раньше нами замечалось, что большая часть туземцев страдает глазами и часто вместо очков, достать которые здесь затруднительно и иметь которые могут лишь самые богатые, устраивают себе сетки из какой-либо тёмной ткани. Весною, очевидно, глазная болезнь является бичом инородцев, в особенности тунгусов. Причина — ослепительно яркая белая пелена снега, потом постоянное мелькание огня в камельке или костре, а затем ещё дым и жар от огня. Все эти обстоятельства, вместе взятые, вызывают болезнь глаз, по-видимому, доставляющую туземцам большие страдания. После долгого пути по снежной дороге некоторые даже временно теряют зрение. Такое критическое положение длится до тех пор, пока не исчезнет под лучами солнца снежный покров и не освободит глаз от ослепительного света.

Только в восемь часов утра 9 (22) апреля прибыли на следующую станцию Тоён-Тиряхскую (рис. 12). Заводку хронометров уже не в первый раз пришлось производить в пути: останавливаешь обоз, развязываешь нарту с хронометрическим сундуком, заводишь и производишь сравнение — вся операция отнимает от 20 до 25 минут времени. Нака-

нуне не пришлось и горячей воды налить в грелки, вследствие чего температура в ящике упала до -2° . Этою же ночью мы перевалили Верхоянский хребет и вступили в пределы безграничного Верхоянского округа.

Рис. 10. Тополевая роща на р. Нюёре. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Здесь кстати будет рассказать об эпизоде, случившемся не так давно на этом самом Верхоянском тракте, как раз на перегоне Нюёра — Тоён-Тирях, эпизоде, весьма характерном для этого тракта и в котором действующими лицами были два наших казака: Дьячков и Турунтаев¹.

Однажды раннею весною казак Турунтаев отправился из Верхоянска в Якутск. Сначала всё шло благополучно, т.е., лучше сказать, нормально, ибо продолжительное сидение сутки, а то и двое, на станках в ожидании перевозочных средств здесь в порядке вещей. Доехал он до станции Тоён-Тиряхской, а в это время вследствие наступившей тёплой погоды, вскрылась река Нюёра и все многочисленные речки и ручьи, текущие в горах. Вследствие обильного снега половодье было особенно сильным и Турунтаев оказался запертым на станции: ни вперёд невозможно было двинуться, ни назад. Запасов на станции не оказалось никаких; был там тунгус-промышленник, но у него ничего, кроме муки не было, у Турунтаева тоже провизии на 3-4 дня; вскоре всё поели, перешли на мучные лепёшки из муки да соли, без масла. Но и мука начала приходить к концу, а реки по-прежнему представляли бурные потоки. Хорошо, что

¹ Турунтаев вступил в состав нашей экспедиции в городе Верхоянске.

старуха тунгуска надоумила их: «Подите, — говорит, — поблизости есть озеро, может рыбки наловите». Услыхал это Турунтаев и говорит тунгусу, чтобы тот шёл с ним рыбу ловить. Надо сказать, что тунгус каждый день ходил в горы стрелять коз — палит раз пять в день, и каждый раз Турунтаев думает: «Ну уж сегодня будет, что поесть», а, глядишь, явля-

ется тунгус с охоты с одним лишь ружьём, так что надежда на него оказалась плохой. Достали они иголок, накалили их на огне, согнули в крючки, из верёвок сделали лёсы и пошли удить на озеро. Наживкой служили им кусочки цветного шёлка, нашедшиеся у старухи. На их счастье в первый же день поймали десяток небольших рыбок, так, по полфунта каждая, и далее целых десять дней промышляли они на озере с переменным успехом; но затем перестало клевать, сидят целый день и ничего не удаётся поймать, в мешке с мукой уже дно видно стало, да и соль вся вышла. Подойдут они к Ньюёре, а она катит свои быстрые волны среди камней и утёсов,

Рис. 11. Жилище тунгусов на Верхоянском тракте (справа стоит К. А. Воллосович). Фот. Е. Ф. Скворцова.

и вся покрыта белой пеной — нет возможности переправиться на другую сторону. На двадцать восьмой день мешок был опустошён совершенно, но на тридцать первый день приехал со станции Ньюёра казак Дьячков с несколькими якутами — всего их там собралось семь человек, и они общими усилиями кое-как переправились через реку, которая к тому времени в сильной степени убавила свою ярость, но тем не менее во время переправы они потеряли двух коней, которых унесло сильным течением. Дьячков и его спутники также долго сидели в заключении на станции Ньюёра, но там, по крайней мере, была кое-какая провизия, ко-

торая, впрочем, к концу их невольного заключения была вся израсходована, что и понудило их рискнуть на переправу. Затем вода быстро сбыла и движение по тракту стало возможным, как обычно летом, уже не на оленях, а вьючно на лошадях.

После станции Тоён-Тиряхской дорога идёт долиной реки Дулгалаха, на которой попадаются интересные обнажения, например, глинистые сланцы, наклонённые к горизонту под углом в 55°. Вечером прибыли на станцию Хабахскую. После перевала через Верхоянский хребет растительность стала заметно беднее, лиственницы стали тоньше, тополей почти совсем не видно, а если и попадаются, то самые захудалые. 10 (23) апреля ехали всё время по очевидно очень болотистой местности — удивительно безотрадный пейзаж, на который и смотреть грустно; лишь вечером, когда уходящее солнце золотит и расцвечивает небо бесчисленными оттенками красок, всё принимает совершенно другой вид, так что снова можно говорить о красоте.

Вечером на станции Быиттахской узнали ещё, что впереди едет верхоянский купец Шишлянников, который забирает на станциях оленей, так что волей-неволей дальше придётся ехать на оленях, утомлённых только что сделанным перегонном.

11 (24) апреля перегон между станциями Быиттахской и Тёхтюрской оказался весьма тяжёлым. Олени измучились и стали часто падать: два упали и подошли, троих отпрягли и оставили лежать — может быть и отдышатся; их заменили запасными, которых всегда полагается иметь в числе 3-5 штук при таком обозе, и которые привязываются к последним нартам каждого поезда и бегут налегке.

Весьма печальна судьба почтового оленя: работает он, можно сказать, до полного изнеможения, после зимы к весне еле волочит ноги, а тут ещё его впрягают в нарту и заставляют везти последнюю по совсем испорченной под влиянием солнечных лучей дороге. Привязанный между нартами в общем обозе, наиболее слабый олень начинает «тянуться», т.е. уже не бежит свободно, а его тянут передние, ибо, как было упомянуто, он прикреплён уздечкой к нарте, идущей впереди его: собственно, такой олень уже бесполезен в обозе и даже вреден, так как не он везёт нарты, а его самого приходится тащить всем тем, которые находятся впереди. Есть силы, нет ли их — он должен всё-таки бежать, так как иначе попадёт под нарту. В конце концов обессиленный, он падает на землю, а весь обоз продолжает свой бег, таща несчастного по земле,

по кочкам и камням, до тех пор, пока ямщику не придёт в голову обернуться назад и посмотреть, все ли в обозе благополучно. Впрочем, в таких случаях бывает поздно, и когда останавливается обоз, и подходят к тяжело дышащему оленю, помощь ему уже не нужна. Ему помогают, как умеют: растирают, вытягивают язык, но он, дрыгнув несколько раз ногами, умирает, и приходится его лишь откинуть с дороги и продолжать путь в ожидании новой жертвы. Бывают и такие хорошие олени, что всё время бегут хорошо, не представляешь себе, что на самом деле они напрягают последние усилия, и вдруг внезапно олень падает мёртвым от паралича сердца. Таким образом всякое передвижение по Верхоянскому тракту весной сопряжено с гибелью нескольких этих славных животных, а нам, в особенности, стремящимся как можно скорее на север, не приходилось щадить их.

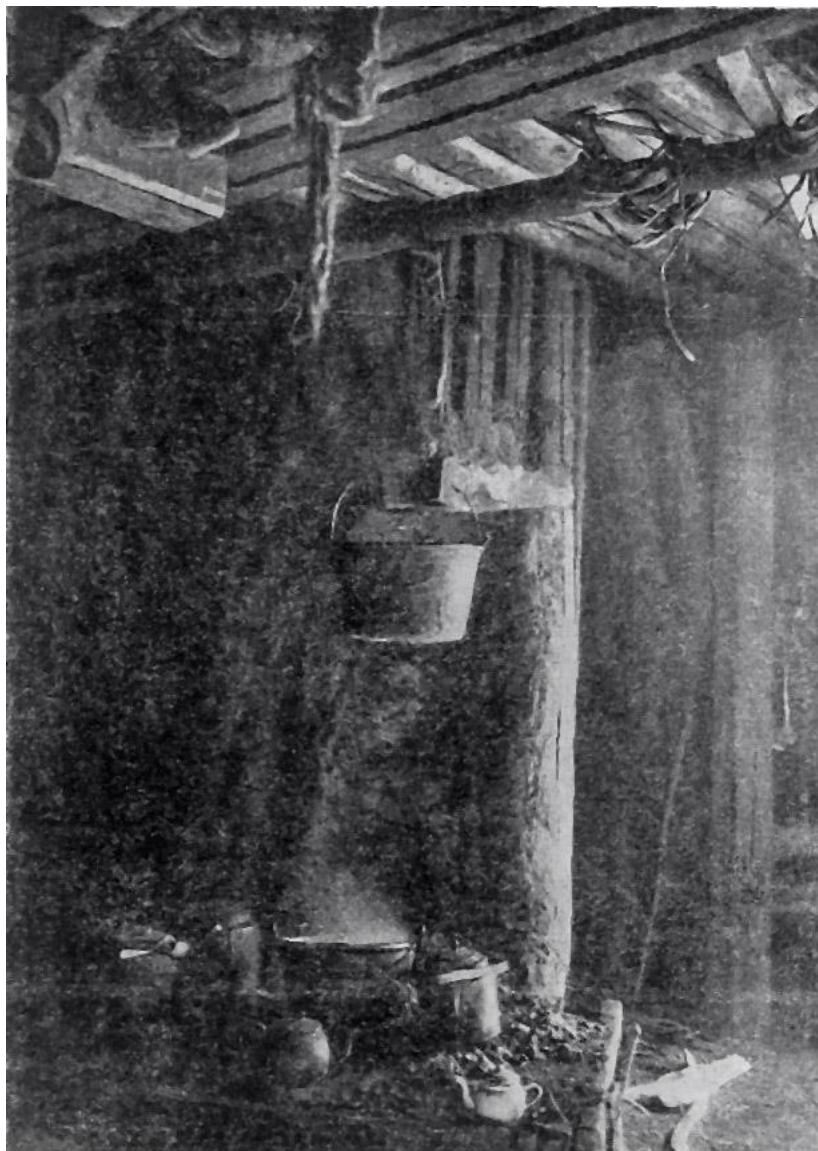

Рис. 12. Камелек на ст. Тоён-тиряхской. Фот. Е. Ф. Скворцова

Так вот, оставляя позади себя мёртвых или до полусмерти измученных оленей, старались мы добраться до станции Тёхтюрской; обоз с грузом давно отстал, да и наш пассажирский «поезд», состоящий из пяти

нарт, подвигался весьма и весьма медленно. Часто спрашиваешь ямщиков: «хас кёс халла?» (сколько вёрст осталось?) и получаешь противоречивые ответы — скажет 5 вёрст, едем затем минут сорок, спрашиваешь снова, оказывается 10 вёрст ещё осталось; вот и разберись тут, далеко ли до станции. Наши олени измучились совсем, остановились; решили дожидаться отставшего обоза, выбрать из всей массы лучших оленей и на них доехать до станции, оставив пока весь багаж, а на станции раздобыть лошадей ли, волов ли — безразлично, и довести багаж на них. Так налегке добрались до станции Тёхтюрской (рис. 6 и 13), расположенной на берегу ручья, окружённой кучами навоза и грязью непомерной. На этой станции пришлось провести целый день в ожидании багажа, за коим послали в помощь трёх лошадей, так что только поздно вечером двинулись дальше.

12 (25) апреля в 4 часа утра прибыли мы на станцию Диринг-Оломскую, пройдя расстояние в 40 вёрст в 16 часов и оставив на своём пути пять оленей. К довершению всех невзгод, на этой станции не оказалось ни оленей, ни лошадей, ни волов, кругом нет никаких жителей, а до следующей станции 60 вёрст. Пришлось посылать туда нарочного за оленями и ждать здесь пока их сюда пригонят, и они хоть немного отдохнут. Этой продолжительной остановкой воспользовался я для астрономических наблюдений: в полдень определил широту по солнцу, затем поправку часов, а вечером сделал наблюдения азимутов луны для долготы.

На Диринг-Оломской нас снова нагнали политические,двигающиеся быстрее нас, так как передвигаются налегке без всякого багажа: ну, на этой станции им придётся засесть на долгое время (после мы узнали, что на этой станции собрались вместе с ними участники Чукотской экспедиции, а также и капитан Седов и все они с трудом выбрались отсюда¹. Несмотря на остановку на станции, спать всё-таки укладываюсь в своей нарте, предпочитая последнюю тёплой юрте — ещё не покинуло, следовательно, брезгливое чувство.

Ночь уже белая, вечером заря не погасает до рассвета. Только в пять часов утра удалось собраться в дальнейший путь. Олени, конечно, плохие и через какой-нибудь час пути стали тянуться. В десять часов утра дотащились до местечка Юстях, где остановились, чтобы дать отдых оленям и напиться чая. Оказывается, что мы прошли всего двадцать

¹ И.П. Толмачёв. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб. 1911 г., стр. 15-20.

вёрст и, следовательно, остаётся сорок; ясно, что пройти их будет очень затруднительно. Тем не менее в два часа дня тронулись дальше, но после двух вёрст снова стали уставать олени, вследствие чего через каждые десять минут приходилось останавливаться для отдыха. Видим, что дело плохо: выбрали из всего обоза самых лучших оленей, взяли из багажа только хронометрический ящик и так налегке решили попытаться проехать вперёд к поварне, где, по словам жителей, должен находиться ямщик с Балинской (следующая станция) с оленями. Но подвигались так медленно, что стало скучно, и мы с Н.А. Июдиным пошли пешком, причём скоро обоз остался далеко позади — вот скорость езды на оленях по Верхоянскому тракту весной. Через час ходу мы подошли, действительно, к полуразвалившейся поварне, с надеждой заглянули в неё, — но поварня была пуста и в ней было холодно, как в леднике. Кое-как развели огонь на полуразвалившемся камельке, уселись у огня и стали обсуждать своё печальное положение. Обоз же наш дотащился до поварни только через три часа! От поварни до Балинской ещё целых двадцать пять вёрст: на наших оленях нам совсем до неё не добраться, если даже и дать им отдых на сутки — слишком уж они загнаны. Послать нарочного в Верхоянск — слишком долго, ибо К.А. Воллосович говорит, что к 23 апреля (6 мая) мы должны быть в Казачьем в низовьях Яны, чтобы захватить купцов, которые покинут село после 23 апреля, без них же мы не будем в состоянии снарядиться для поездок по берегу океана. Кроме того, ещё одно важное обстоятельство: 23 апреля снимаются со всех станков олени и движение переходит на летнее расписание, т.е. производится вьючно на лошадях, для чего пришлось бы переснарядить весь багаж. Так рассуждали мы в поварне у дымящегося камелька, подкрепляясь ради утешения мармеладом, коробка которого нашлась у кого-то из нас. Вдруг с Балинской является ямщик, узнавший о нашем положении, с предложением услуг по доставке нашего груза; по его словам, в пятнадцати верстах стоит в лесу богатый якут с оленями, который мог бы помочь нам в нашем положении. Ямщика мы сейчас же отправили туда, наказав непременно привести оленей на Балинскую, сами же решили кое-как добираться дальше, имея в виду помощь с Балинской. В ожидании же пока хоть немного отдохнут наши олени, стали ужинать, причём столом нам служила корзина, а стульями деревянные обрубки, валявшиеся вблизи поварни. Дыры в поварне позатыкали шкурами и одеялами, так что вскоре стало тепло, только дымно, ибо камелёк полуразвалился и большая часть дыма оставалась в поварне.

Рис. 13. Ст. Тэхтюр (общий вид). Фот. Е. Ф. Скворцова

14 (27) апреля добрались всё-таки до станции Балинской, пройдя от Дириг-Оломской 60 вёрст (64 км) в 60 часов, — скорость, нельзя сказать, чтобы была значительной!

Весна уже сильно даёт себя чувствовать: по дороге совсем уже стаял снег, и она въётся чёрной лентой по белой поверхности лежащего по бокам ещё не растаявшего снега — поэтому и весь наш обоз идёт не по самой дороге, а сбоку, предпочитая кочковатую, но покрытую снегом поверхность грязной и липкой почве дороги. Оленей на Балинской раздобыли получше, но всё же через двадцать вёрст пришлось дать им

отдых и остановиться в поварне в 40 верстах от Верхоянска. Здесь встретили едущего из Верхоянска содержателя станции Балинской, и К.А. Воллосович велел ему ехать на Дириг-Оломскую на выручку едущих сзади нас товарищей по экспедиции, ибо мы использовали почти все перевозочные средства тракта и едущим позади будет ещё хуже¹. Тот обещал сделать всё, что от него зависит, нам же он сменил наиболее утомлённых оленей. Дальше дорога идёт по гладкому льду Яны, так что мы покатали сравнительно с большой скоростью и в час ночи 15 (28) апреля прибыли, наконец, в Верхоянск.

В пять часов утра я принялся за астрономические наблюдения, и так как они должны были отнять довольно много времени и, главное, следующую ночь, то решено было нам здесь разделиться: К.А. Воллосович с Н.А. Июдиным едут вперёд в этот же день налегке, чтобы как можно скорее попасть в Казачье для дальнейшей организации экспедиции, я же со всем багажом отправляюсь вслед за ними, как только окончу все свои работы.

Как же описать Верхоянск, являющийся известным пунктом в метеорологии — полюсом холода, где наблюдалась наинизшая из известных на земной поверхности температур — минус 67,8°C. О том, какого рода

¹ В упомянутой выше книге И.П. Толмачёва описано бедственное положение ехавших сзади нас членов экспедиции.

постройки именуются здесь домами, лучше всего свидетельствует заснятая фотография (рис. 14). Большинство из них просто обыкновен-

Рис. 14. Улица в Верхоянске. Фот. Е. Ф. Скворцова.

ные якутские юрты, разве несколько просторнее, да почище. Тот дом, где мы остановились, представлял одну из лучших построек города. Я помню наше удивление, когда К.А. Воллосович сказал нам, выражавшим нетерпение скорее попасть в Верхоянск, чтобы мы не думали встретить в Верхоянске дома, вроде как в Якутске, и что там одни юрты. Мы не знали, шутит ли или серьёзно говорит это К.А. Воллосович — оказалось, что вполне серьёзно: мы нашли здесь ряд низких, обмазанных и

необмазанных глиною юрт. Город — право затрудняешься применять к Верхоянску это слово, но, ведь, это главнейший пункт громаднейшего по площади, большего всей Франции округа — расположен на берегу двух небольших, но довольно глубоких озёр, недалеко от реки Яны, в глубокой котловине (рис. 16).

Дома расположены на довольно большом расстоянии один от другого, так что нельзя, например, сделать общего снимка с города, на котором бы уместилось много домов. Никаких вывесок, извещающих о продаже чего-либо не имеется; все знают купцов, следовательно, и знают, где и что можно купить. Купить же, кажется, мало что можно: я, например, не мог здесь достать перчаток и подушки. Во время моего осмотра «города» я нашёл лишь одно здание, заслуживающее название, ну не дома, положим, а хотя бы избы — это деревянное здание полицейского управления. Есть дома, начатые постройкою, по-видимому, уже давно и недостроенные и, вероятно, таковыми же и останутся, пока не развалятся; много пустых строений, некоторые жилые также начинают разваливаться, вследствие отсутствия каких-либо исправлений в течение многих лет.

Дом, где мы остановились, имеет даже целых три комнаты и кухню, вернее две комнаты, ибо одна в виде прихожей — холодная; в кухне же, как и в якутских юртах, не печь, а камелёк. Я уже упоминал о камельке, теперь следует сказать подробнее об этой главнейшей части всякого строения якутов. До некоторой степени это род камина. Вообразим себе

четырёхугольную горизонтальную площадку, густо обмазанную глиной и расположенную на высоте от половины до одного аршина (35-70 см) от пола. К одной из сторон прямоугольника примыкает часть цилиндрической поверхности, уходящей в потолок и образующей близкий к прямому, а иногда и прямой угол с площадкой. Вверху над площадкой в потолке проделана дыра до 1½ аршина (1 м.) в диаметре, служащая для выхода дыма. На площадке помещаются дрова, которые ставятся на

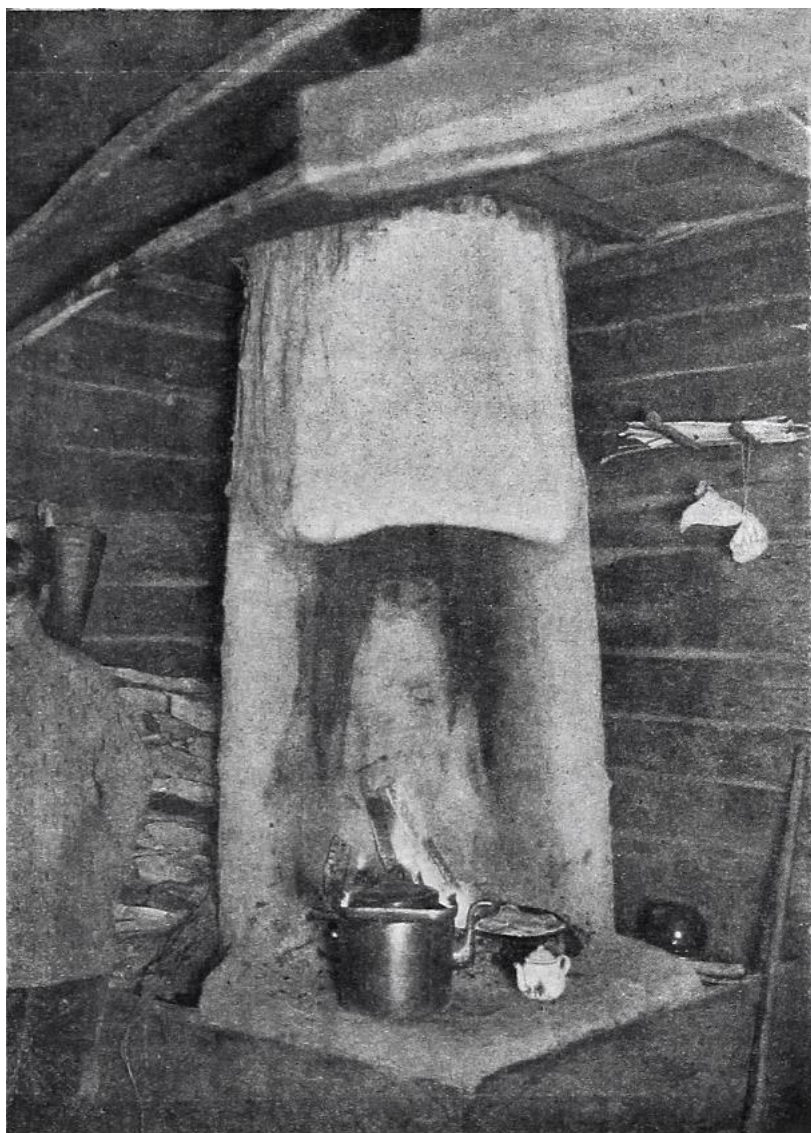

Рис. 15. Камелёк в Русском Устье. Фот. Е. Ф. Скворцова.

неё стоя, опираясь на цилиндрическую поверхность стенки. Приготовление кушаний происходит на углях, образующихся от горения дров на площадке. Вверху же над огнём обычно висит большой котёл для приготовления воды из льда. Огонь на камельке поддерживается почти непрерывно и даже ночью на него подкидывают дрова. В тех же случаях, когда приходится экономить последние и, следовательно, тушить на ночь костёр на камельке, верхнее отверстие в трубе камелька закрывается специальной меховой муфтой, без коей в несколько минут ушла бы вся теплота из юрты и в ней бы сделалось так же хо-

лодно, как и на открытом воздухе. Рисунки 12 и 15 дают представление о том, как устроен камелёк. Надо ещё сказать, что всё это сооружение строится из дерева и глины, о кирпиче здесь и не слыхивали. (Это замечание относится вообще к юртам, в Верхоянске же есть две или три обыкновенные печи). Дерево служит главной основой для постройки такой оригинальной печи, а затем весь остов обмазывается густым слоем глины, который и предохраняет это дерево от сгорания.

Стены нашей комнаты в Верхоянске оклеены «объявлениями по казённым, правительственным и судебным делам», есть в комнате даже зеркало, хотя и очень скверное, на стенах развешано несколько любительских фотографий, причём объектами снимков являются почему-то больше покойники. Висят на стене и две картины из тех, что когда-то давала, как приложение, «Нива».

В городе, кроме исправника и помощника его, есть доктор, несколько чиновников, два священника, учитель при школе, он же и заведывающий метеорологической станцией — это и есть вся наперечёт интеллигенция этого главного умственного центра Верхоянского округа.

Рис.16. Вид на Верхоянскую котловину.

Фот. Е. Ф. Скворцова.

Мои спутники уехали в день нашего приезда, мне же удалось в следующую ночь закончить все наблюдения, и я надеялся рано утром 16 (29) также двинуться, но несмотря на то, что с утра отдал распоряжение относительно раннего отъезда, только к полудню пригнали оленей, выехать же удалось лишь в третьем часу. Ожидать несколько часов, пока медлительные якуты соберутся с запряжкой — дело вполне обычное и с этим приходится волей-неволей мириться. В качестве переводчика со мною едет верхоянский казак Турунтаев — второй казак нашей экспедиции. Оба казака Дьячков и Турунтаев взяты нами на службу до окончания экспедиции.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Устьянский тракт

16-25 апреля (29 апреля-8 мая)

Особенности этого своеобразного тракта — Закат солнца: красота северных зорь — «Кяпсе» якутов — Кёс — Перевал Кырасихе — Станция Кулгага-суох — Встреча с исправником — Перевал Кулар — Поварня Джухаль — Станция Джойуолах-Джангы — Граница лесов — Тундра — Поварня на тундре — Село Казачье — Отъезд на берег океана — Усть-янск.

Устьянский тракт вероятно единственный в своём роде: здесь на расстоянии 900 вёрст (960 км) между Верхоянском и селом Казачьим имеются только две станции — Кулгага-Суох и Джойуолах-Джангы. Расстояния между станциями и по Верхоянскому тракту велики, так что трудно их проезжать на слабых животных, здесь же эти расстояния таковы: 270, 280 и 350 вёрст (290, 300 и 370 км). Понятно, что такие расстояния невозможно проезжать без остановок и ночёвок для отдыха оленей, и вдоль тракта настроены небольшие юрты, так называемые поварни, в которых путники могут найти приют от непогоды, переночевать, напиться чая и прочее. Такие поварни представляют нежилые постройки (рис. 17 и 18), но, обыкновенно, в них бывают заготовлены дрова для растопки камелька; размер их весьма невелик, что делается для того, чтобы дать возможность скорее нагреть воздух в этом неприхотливом строении. Уже по Верхоянскому тракту встречались поварни, о коих было упомянуто в предыдущей главе, здесь же они являются насущной необходимостью, и во время долгого пути по бесприютной холодной пустыне всегда вглядываешься в туманную даль, стараясь найти чёрную точку поварни в надежде поскорее укрыться от холода и утолить голод.

16 (29) апреля днём я с казаком Турунтаевым выехали из Верхоянска; замелькали юрты городка и скоро, через каких-нибудь десять минут, мы были уже за городом и быстро катили по хорошей дороге — ровному льду реки Яны. К сожалению, по хорошей дороге долго ехать не приходится, дорога сворачивает в чахлую, но густую тайгу, где снега уже мало, да к тому же дорога поднимается вверх к высокому перевалу. Медленно тащат олени нарты по чёрной кочковатой земле. Дорога

здесь совсем не расчищается. Да и что такое, собственно говоря, здешние дороги — только просеки, вырубленные в лиственничной тайге; в открытых же местах только вешки через 150-200 сажен (320-430 м) указывают, что здесь, действительно, «проложена» дорога. С вершины перевала, до которого добираемся с трудом, открывается великолепная по своей характерности перспектива на Верхоянскую котловину (рис. 16). Такие открытые виды, когда на многие десятки вёрст открывается горизонт и видишь всю холмистую лесную страну, встречаются здесь часто — их видишь постоянно с верхних точек многочисленных перевалов. По мере движения к вершине перевала растительность ухудшается, и на самом верху торчат лишь тощие, почти без ветвей, стволы лиственниц. Спустившись с перевала, остановились на отдых у жителей в местечке Хоптолох. Стало уже заметно холоднее: к вечеру термометр показывал -14°Ц .

17 (30) апреля за ночь удалось проехать всего 40 вёрст, ибо снова пришлось кормить оленей. Кстати, относительно кормёжки оленей. Лица, не знакомые со здешним бытом, наверное подумают, что это пустяки: взял, остановился, покормил оленей, да и поехал дальше. На самом деле эта процедура весьма продолжительная. Прежде всего кормовищ вблизи жилищ и поварен обыкновенно не имеется, так как весь мох уже объеден за зиму, но даже если таковой и имеется, то олени весьма плохо едят его, находясь в упряжке. Если же нужно подкрепить их силы, как следует, а в виду больших перегонов по тракту здесь это необходимо, приходится их распрячь и отпустить на волю в лес, а часа через два-три идти их ловить, так как несмотря на то, что они ручные, они не желают снова тащить нарты, а поймать и пригнать всё стадо не так просто и занимает много времени, в особенности, если принять во внимание медлительность якутов.

Якутов-ямщиков постоянно приходится торопить, повышать голос и только при этих условиях они шевелятся, хотя всё же не так быстро, как бы хотелось. Кроме того, они чрезвычайно любят «кяпсе» — поговорить, и если, хотя бы и не по пути, но недалеко сравнительно, так вёрст за 10-15 от дороги, находятся жители, весь обоз обязательно направляется к ним. Они, кажется, даже считают неприличным проехать «мимо» жителей и не напиться у них чая. Поэтому заставить их ехать без заездов весьма затруднительно; впрочем, нужно заметить, что жители-то тут, к счастью, попадаются весьма редко. Если по дороге встречается какой-либо якут, то происходит остановка. Ямщики соскакивают со своих

нарт, подходят друг к другу, втыкают свои таяки (длинные палки, которыми управляют передовыми оленями) в снег и начинают «кяпсе»: «куда едешь, да кого везёшь, да зачем он туда едет?» и прочее и прочее. Право, не знаешь, сколько времени продолжался бы такой разговор, если бы я не выскакивал из нарты и не торопил бы: «бар, бар, тюргенник» (поезжай скорей), после чего, ещё поговорив минут с пять, ямщики медленно начинают расходиться и нехотя садятся на нарты, чтобы продолжать путь.

Рис. 17. Поварня Тюрють на Устьянском тракте. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Ещё скажу несколько слов о способе измерения якутами расстояний. Часто на вопрос о расстоянии между какими-либо двумя пунктами получаешь такой ответ: «Если на хороших оленях, так три кёса будет, а на плохих и все пять» (кёс официально считается за расстояние в десять вёрст). Им и не растолковать ошибки их ответа: впрочем, если разобрать этот вопрос повнимательнее, то, окажется, что в сущности ошибки-то здесь нет, ибо «кёс» собственно скорее единица времени, чем расстояния. Кёс — это время, потребное для приготовления чая из льда — примерно около часу; так как за это время при средней скорости движения по тракту можно проехать десять вёрст, то отсюда кёс, как единица расстояния, равен десяти вёрстам. Следует помнить, что этот вывод приближённый, справедливый при оленях среднего достоинства, а потому вся фраза в дословном переводе — «на хороших оленях 30 вёрст, а на плохих и все 50» — теряет свою несообразность.

После четырёх часов дня дорога снова пошла вверх к высокому перевалу Кырасихе. Подъём медленный, по открытой местности, окаймлённой горными кряжами, продолжается на протяжении около 20 вёрст, и затем сразу открывается крутой спуск вниз на северо-запад в долину реки Чангкы (чрезвычайно затруднительно передавать якутские названия русскими буквами, не можешь подобрать подходящих букв). Высота перевала над долиной около 200 сажен (425 м). Чтобы нарты не бились друг о дружку при таком высоком и крутом спуске, их связывают одна с другой вплотную, гуськом, олени же помещаются по бокам. Смотря сверху вниз в глубокую долину, удивляешься только, как возможно благополучно спустить обоз с такой высоты и по такой крутизне. Вид, открывающийся с Кырасихе, очень интересен: далеко внизу лежат снега и краснеют под лучами заходящего солнца, далее на север снова виден подъём, а на самом краю горизонта белеют красивые высокие снежные вершины.

Начали спускаться: ямщики идут впереди и тянут оленей, которые, упираясь, задерживают нарты; но, чем дальше, тем труднее им это делать, всё быстрее и быстрее катимся вниз — уже ямщики не идут, а бегут; олени более уже не в силах сдерживать нарт и несутся за ними вниз всё быстрее; теперь только удивляешься, как ямщики успевают за оленями, да ещё в то же время находят возможным управлять передовыми оленями, направляя их по желаемому пути. Дорога на спуске, к счастью, довольна широка, а иначе, конечно, все бы разбилось вдребезги о деревья. В самом конце и то чуть не случилась беда: как назло, почти внизу имеется довольно узкий мост через горный ручей, а весь наш обоз с большой быстротой катился несколько в сторону, и я уже раздумывал, сидя на нарте, как отразится на моих хронометрах падение с обрыва ручья. Но ямщик употребил все усилия и все умение и ему удалось направить наш поезд по желаемому направлению; со страшным грохотом поезд прокатился по нескрепленным брёвнам «моста», а дальше на кочковатой почве живо потерял всю свою живую силу, при чём большая часть энергии движения пошла на отбивание боков сидящих в нартах.

18 апреля (1 мая), в восемь часов утра, приехали к одним жителям и остановились для отдыха оленям, прошедшим этою ночью 80 вёрст. Уже замечаешь, какая разница скоростей движения на хороших оленях и по хорошей дороге по сравнению с движением на полуживых оленях Верхоянского тракта. В два часа дня прибыли, наконец, мы на первую станцию тракта Кулгага-Суох (что в переводе на русский язык значит

«без ушей»), сделав 270 вёрст (290 км) в 47 часов, считая в этом числе и остановки. На станции встретили исправника Верхоянского округа барона Дершау, возвращавшегося из поездки в Булун. Исправник вёз с собою весьма интересный бивень мамонта, небольшой, но загнутый почти до полного круга, что представляет большую редкость.

Рис. 18. Поварня на тундре на Устьянском тракте. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Вскоре наступил закат солнца, картина на севере столь великолепная, что стоит постараться описать её насколько возможно, хотя заранее следует признать, что задача эта чрезвычайно затруднительна. Вся однообразно серая волнистая равнина понемногу принимает волшебную красоту. Солнце, бросив последние лучи, спустилось за волнистую линию горизонта, и небо загорелось бесчисленными оттенками различных цветов блестящее расплавленное золото, в том месте, где село солнце, переходит дальше через нежные оттенки в розовый и красный цвета, справа и слева зеленоватые блики, противоположная же восточная часть горизонта сияет нежным фиолетовым светом. На фоне золота зари изумительно красивы лиственницы; каждый сучок, каждая игла резко выделяются своей чернотой и их оригинальная кривизна и прихотливость очертаний делают пейзаж весьма необычным. Закатом солнца всегда любишь в ясную погоду и от него не можешь оторвать очарованного взора — и, как странно, будто нарочно, чтобы вознагра-

дить убогую печальную бедность земли, природа дала такую невыразимую красоту небу, украсив его этими зорями, а зимою и волшебными северными сияниями.

Рис. 19. Перевал Кулар. Фот. Е. Ф. Скворцова.

После станции начинается сперва едва заметный подъём к хребту Кулар (рис. 19). По мере подъёма, как всегда, растительность ухудшается, верхушки же гор совсем без растительности, и в местах, где стоял снег, видна чёрная масса камней. Вершина перевала лежит в узкой долине между высоко поднимающимися над перевалом вершинами. Когда мы были ещё внизу, для нас уже зашло солнце, теперь же оно снова льёт здесь благотворные лучи — недолго, впрочем; через несколько минут и отсюда оно спряталось за горы и лишь вершины гор остались освещёнными красным светом.

Соблазнившись светом солнца там наверху и желанием взглянуть на окрестности с вершины рядом лежащей горы, сначала показавшейся мне невысокой, я стал взбираться вверх по покрытому щебнем довольно крутому склону. Щебень катится под моими ногами, в некоторых местах приходится ползком карабкаться, цепляясь за чёрные выступы скал, кое-где прикрытые седым мхом. В своём тяжёлом одеянии еле добрался до вершины и здесь присел на скалу, чтобы отдышаться после подъёма. Отдышавшись, взглянул вниз и был вознаграждён за трудность подъёма. На меня снова светило солнце, а во все стороны простиралась волнистая, розовая поверхность, среди которой выделялись ослепительно белые вершины, ниже — лесистые долины. Далеко внизу копошится наш обоз, и олени его кажутся такими маленькими, точно это мухи, и там уже темно, густые тени легли на них от окружающих громад. Дальше внизу видны глубокие долины, кажущиеся чёрными от сгустившегося в них мрака. На самом же краю горизонта, чрезвычайно похожие на кучевые облака, громоздятся далёкие горы.

Спустившись вниз и усевшись в нарту, поехали дальше вниз по уклону. Нарты раскачиваются, ударяются друг о друга; олени часто запутываются, а иногда и весь обоз сбивается в одну кучу, так что ямщикам приходится энергично водворять порядок среди кучи нарт, ног и

рогов. Мимо мелькают чахлые и корявые лиственницы, но они выпрямляются и полнеют по мере движения вниз, так что внизу в долине въезжаем в довольно приличный лиственничный лесок. После Верхоянска кроме лиственниц уже не встречаешь других деревьев, лишь изредка по берегам каменных ручьёв попадает мелкий тополь. А вот, наконец, и поварня. Скорее в неё! Как, однако, приятно иметь приют хотя бы в таком неприхотливом строении. Отсчитав термометр, отметил -23°C при резком северо-западном ветре.

19 апреля (2 мая) в семь часов утра разбудил меня Турунтаев около поварни Джухаль. Падает снег, и довольно сильный северо-северо-западный ветер при -16° заставил поскорее укрыться в поварне. Здесь уже был разведён огонь на камельке и готовился чай. Однако, поварня эта неважная, так как несмотря на то, что огонь развели уже час тому назад, в ней было холодно, так что пить и есть пришлось не раздеваясь и даже в перчатках. Вообще зима здесь в полном разгаре, пока ещё нет никаких намёков на то, что приближается весна: сегодня ночью было -35° , что при сильном ветре весьма чувствительно. Весну мы оставили в Верхоянске. Весь день 19 апреля пришлось не высовываться из-под полога нарты, да и смотреть то в сущности было не на что. Но, несмотря на холод, когда на ночь закутаешься в нарте как следует, чтобы не осталось щёлок куда бы мог проникнуть ветер, бывает тепло и спишь хорошо, благо тряски здесь значительно меньше, ибо дорога пошла всё хорошая, снег совсем не затронут лучами солнца.

Каждый из трактов для нас характерен ещё и по своей специфической пище, которой мы на нём питались: на Якутском главенствовали пельмени, на Верхоянском — пирожки с мясом, на Устьянском — сыр, причём все эти продукты уничтожались в невероятном количестве. Начиная с Верхоянска, впрочем, первенствующее значение получает горячий чай и дальше до конца экспедиции он имеет главное значение. В пути же варить, например, суп было бы и долго и хлопотливо, поэтому обыкновенно сразу же по приезде на станцию, в поварню или к жителям ставился на огонь чайник.

В четыре часа дня мы приехали на станцию Джойуолах-Джангы (на карте Джоелик), сделав 250 вёрст (262 км.) в одни сутки; о такой скорости на Верхоянском тракте мы и мечтать то не смели¹. На станции пробыли весьма недолго, переменили сломавшуюся нарту, сменили оленей и покатали дальше.

Рис. 20. Граница леса на Устьянском тракте. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Едем по отрогам хребта Омолой. Здесь деревьев мало — степь; говорят, летом хорошая трава. Изредка даже жители попадаются. У жителей имеются лошади и коровы. Мохнатые, все в густой шерсти лошади пасутся среди снежной равнины — они отыскивают высохшую прошлогоднюю траву, разрывая довольно глубокий снег ногами и мордою. Эти лошади напугали наших оленей, животных вообще трусливых.

20 апреля (3 мая) окончательно оставили хребет Омолой позади, и в 8 часов утра остановились в поварне Майбыги. Дальше леса становится всё меньше; поверхность земли, ранее гористая, далее холмистая, делается всё ровнее. Ещё дальше — открытая равнина, где лишь поодиночке торчат корявые, покрытые тёмным мхом лиственницы. В этой же поварне расположились жители, и мы остановились у них для обеда, так как здесь были заготовлены специально для нас, проехавшим накануне

¹ Интересно сравнить эту скорость с нашим передвижением 14 апреля между станциями Диринг-Оломской и Балинской, где мы 60 вёрст (64 км) ехали 60 часов!

К.А. Воллосовичем, олени. Среди этой снежной пустыни, где ветер гуляет на просторе, приютилась большая семья якутов, и здесь проводят они девятимесячную зиму с двухмесячной ночью почти без света, если не считать мелькания огня в камельке, имея ближайших соседей на расстоянии 80 вёрст (85 км). После обеда, сменив оленей, мы отправились в дальнейший путь.

Рис. 21. Два последних дерева.

Фот. Е. Ф. Скворцова.

Так вот и великая полярная тундра! Куда ни взглянешь, везде белая, слегка волнистая снежная равнина; ни одного деревца, ни одного кустика — везде идеально белый чистый снег! Въехали мы в тундру не сразу: сначала ещё попадались лиственницы, всё более чахлые, всё более корявые, покрытые тёмным мхом. Деревья здесь как бы напрягают последние силы в непомерной борьбе с холодом, мраком и жестокими ветрами пустыни. Растение лишь после упорной борьбы уступает своё право на существование, старается проникнуть дальше на север и, где только представляется этому возможность, проникает в более северные широты. Чрезвычайно интересны эти последние лиственницы на границе лесов — почти лишённые сучьев, чёрные, точно обугленные стволы (рис. 20 и 21). За ними, за последними деревьями, открывается уже безлесная снежная равнина тундры. Выходишь из нарты, чтобы посмотреть на эту тундру, в которой придётся прожить несколько месяцев.

Вёрст 20-30 едем по равнине. Хочется отдыха и выглядываешь из нарты, подставляя лицо жестоким ударам ветра; смотришь, не виднеется ли в белой дали чёрное пятнышко поварни. Да вот, в самом деле, вдали несколько чёрных пятен — то поварня и несколько деревьев около неё. Поварня на берегу небольшой речки, почему около неё и деревья — это общее правило, что по долинам рек, в особенности больших, граница лесов перемещается к северу. В девять часов вечера подъехали к поварне. Солнце, по-видимому, не собирается заходить и теперь вышло из-за облаков, осветив снежную тундру красноватым светом и позолотив корявые лиственницы и жалкую поварню. Солнце зашло только около десяти часов вечера, бросив вверх после своего заката

светлый пучок лучей, который оставался видимым в течение 33 минут после захода дневного светила.

Рис. 22. Село Казачье. Фот. Е. Ф. Скворцова.

21 апреля (4 мая) в шесть часов утра Турунтаев разбудил меня, приглашая напиться чая в поварне. Выйдя из нарты, увидел опять снежную безграничную тундру — поварня находилась в открытой тундре (рис. 18). Это последняя наша остановка перед селом Казачьим, и после неё через четыре часа увидел вдали церковь и некоторые строения этого посёлка. Здесь же встретили впервые несколько саней, запряжённых собаками. Близ Казачьего снова растёт лес и довольно приличный, конечно, по сравнению с лесом, растущим вообще близ границы лесов. На невысоком, но крутом берегу Яны, при впадении в неё речки Малой Казачьей, расположилось село Казачье, являющееся центральным пунктом всего северного побережья океана между реками Леной и Индигиркой.

На льду Яны встретил я Н.А. Июдина, производившего измерение расстояния для определения скорости пробега оленей и проверки специального колеса со счётчиком. Напившись чая с ним и К.А. Воллосовичем и, рассказав друг другу свои впечатления от пути по Устьянскому тракту, мы с ним и Дьячковым отправились на лёд Яны, где была точно отмерена верста, которую мы проехали несколько раз на лёгкой открытой нарте, отмечая время по секундомеру. Последний пробег был сделан с наибольшей скоростью, при коей мы прошли версту в 2 минуты 34

секунды, что соответствует скорости $23\frac{1}{2}$ версты (25 км) в час. Вследствие такой скорости езды по пушистому снегу вернулись к дому, покрытые с ног до головы белой снежной пылью.

Весь вечер и почти вся ночь были заняты астрономическими наблюдениями.

Рис. 23. В Устьянске (дом старшины). Фот. Е. Ф. Скворцова.

22 апреля (5 мая) осматривал село Казачье (рис. 22). Оно показалось более приветливым, чем город Верхоянск. Дома по-прежнему без крыш на манер якутских юрт, хотя есть и рубленые, похожие на наши избы, только лишённые крыши, т.е. крышей служит горизонтальная площадь потолка. На такой плоской крыше ставятся нарты и другие предметы; на крышу легко влезть и с неё виднее окрестности села. В Казачьем живут купцы, ведущие, главным образом, меновую торговлю с якутами, тунгусами и юкагирами. У этих инородцев они скупают исключительно пушнину. В конце весны все купцы с товарами уезжают к устьям реки Лены в местечко Булун; некоторые из них отправляются на пароходе и дальше, в Якутск. Вообще, летом вся деятельность села Казачьего переносится в Булун, и село пустеет, покинутое большою частью жителей. Остаются лишь весьма немногие, в числе коих священник отец Лаврентий, с которым познакомил нас К.А. Воллосович, уже не первый раз проезжавший через это село.

Весь день К.А. Воллосович ведёт переговоры по поводу организации перевозочных средств для движения экспедиции по берегу океана, объясняясь, главным образом, по-якутски со старшинами Устьянского улуса.

Выработан был следующий план экспедиции: в конце апреля и начале мая (ст. ст.) съёмка устьев реки Яны и побережья на восток от устья до реки Сиэлляха¹; далее, быстрый переезд ещё зимней дорогой к устьям Индигирки и работа к востоку от неё, затем ещё по зимнему пути возврат на Индигирку и летом съёмка береговой линии между Индигиркой и Яной и к западу от Яны до устьев Лены. Такое на первый взгляд странное распределение работ вызвано необходимостью произвести съёмку в дельтах таких рек, как Яна и Индигирка, ещё зимою, так как производство работ в летнее время там было бы прямо невозможным по наличию многочисленных протоков, на которые разбиваются эти реки в своих дельтах. Съёмку же береговых линий в их дельтах мы считали весьма важной, имея в виду задачи нашей экспедиции.

Рис. 24. Устьянск. Фот. Е. Ф. Скворцова

Здесь же, в Казачьем, разделились мы на три партии: Н.А. Июдин в этот же день, 22 апреля (5 мая), едет к устьям Ильина Шара (самая западная протока в дельте Яны), я еду к устьям протоки Кочевой, где определяю астрономический пункт и дожидаясь Н.А. Июдина, чтобы дальше на восток идти вместе. К.А. Воллосович же прямо из Казачьего направляется на Индигирку в селение Аллаиху и организует поездку экспедиции к востоку от Индигирки.

23 апреля (6 мая) в половине второго ночи Н.А. Июдин собрался в отъезд на берег Ледовитого океана. Поместился он в громадной островной нарте, запряжённой пятнадцатью собаками. Нарта называется островной потому, что на такой здешние промышленники ездят на промысел мамонтовой кости на Ново-Сибирские острова. На нарте, кроме багажа и И.А. Июдина, поместились ещё два человека (в моём дневнике значатся два якута, но на самом деле оказалось, что это русские, но сильно объякутившиеся, настолько даже, что один из них по-русски почти ничего не понимал). Простились с Н.А. Июдиным, и последний, осмотрев ещё раз колесо счётчика — отсюда он уже начинает вести съёмку — уселся в нарту. С неимоверным лаем, воем и визгом ожидали собаки момента, когда им позволят бежать; наконец, все приготовления

¹ Для ясного представления изложенного здесь и в дальнейших главах при чтении полезно обращаться к приложенной подробной карте побережья.

кончены и нарта быстро понеслась по ровному льду Яны и скоро скрылась из вида.

Окончив астрономические наблюдения после отъезда Н.А. Июдина, я стал готовиться в путь на берег океана и занялся укупоркой снятых здесь и по дороге фотографических пластинок. Здесь нашёлся слесарь, который и запаял их в жестяную коробку для предохранения от вредного влияния сырости. В пять часов утра, окончив сборы, лёг спать, чтобы подкрепить силы для дороги, но часто приходилось просыпаться с непривычки от ужасного воя и визга, который иногда поднимало громадное количество ездовых собак, привязанных подле домов. Одна какая-нибудь заведёт песню и понемногу начинается концерт, в коем принимает посильное участие каждая из собак села, концерт доходит до *forte-fortissimo* и лишь понемногу стихает; снова наступает молчание на час или полтора, пока опять какая-нибудь собака не обеспокоится и не поднимет снова всех собак. Вот уж в буквальном смысле «собачье» село!

24 апреля (7 мая) в два часа дня на оленях в прежней своей нарте двинулся я далее на север к устьям протоки Кочевой. Снова потянулась та же печальная картина несчастного леса, напрягающего последние усилия в непосильной борьбе с жестокой природой. Вот позади остались последние деревья и — снова в тундре. Вдали видны юрты «города» Устьянска. Этот город, обозначаемый на некоторых картах крупными буквами, совсем покинут жителями, перебравшимися отсюда в село Казачье, вследствие частых затоплений его во время весенних разливов реки Яны. Местность, в которой он расположен, самая безотрадная: унылая голая равнина лес виднеется только где-то на краю горизонта. Понятно, почему жители предпочли перебраться в Казачье, хотя, быть может, это и стоило им дорого. Несмотря на то, что Казачье теперь заменяет Устьянск, за трактом осталось имя Устьянского, также, как и за улусом.

В Устьянске осталось 10-15 полуразвалившихся юрт, и в настоящее время живёт в нём лишь одна семья, а именно семья старшины улуса, который как раз едет проводником вместе со мною. В Устьянске поэтому я и остановился в гостях у него. Наилучшее представление об этом городе можно получить, взглянув на фотографии (рис. 23 и 24). Вряд ли можно придумать что-нибудь более печальное!

За Устьянском до самого берега океана простирается открытая тундра на протяжении 80 вёрст (85 км).

После обеда у Ефрема (так звали старшину), отправились дальше на север, уже на самый берег Ледовитого моря. Погода не благоприятствовала: дули холодные северо-восточные ветры и, по словам якутов, можно было ожидать пургу.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

В устьях реки Яны и дорога на Индигирку

25 апреля - 6 мая (8-19 мая).

Устье Кочевой — Установка знака — Встреча с Н.А. Июдиным — Блуждания в устьях Яны — Трудность и неточность зимней съёмки при низких берегах — Таинственное притяжение острова Кумах-Булгуннях — Сир-стан — Пурга — Юрта Дяльбиргялях — Отказ якутов идти дальше на север — Юрты Кынгкый — По тракту на Аллаиху — Полуночное солнце — Река Хрома — Рассказы о Хромской и Меркушиной стрелках — Следы метелей и ветров — Приезд в Русское Устье — Сборы к поездке на восток от Индигирки.

В юрте в десяти верстах от берега океана остановился я у жителей, где решил оставить весь свой багаж, а сам отправиться с инструментами на берег для определения астрономического пункта. Прибыл к устью протоки около двух часов дня 25 апреля (8 мая) и расположился с инструментами на левом берегу Кочевой, на небольшом холмике. Отсюда хорошо видна гладкая снежная равнина Ледовитого моря, в то время почти не отличавшаяся от такой же гладкой равнины тундры, лежащей ближе, на которой лишь далеко, на расстоянии приблизительно 20 вёрст, виднеются белые же холмы.

Установив свой большой универсальный инструмент на вершине холма, стал ожидать лучшей погоды, ибо солнце было закрыто густым слоем облаков. Ждать пришлось долго; успел пообедать, устроив заграждение из двух поставленных боком нарт для защиты от холодного северного ветра, дувшего с моря. После пяти часов вечера, к великому моему удовольствию, разъяснило и я занялся наблюдениями (рис. 25). Солнце зашло в

Рис. 25. Астроном за наблюдениями на р. Кочевой.
Фот. Е. Ф. Скворцова.

11 часов 40 минут, и после его заката я принялся за наблюдения Полярной, причём то и дело приходилось оттирать мелкие ледяные кристаллики, садившиеся на стёкла, покрывающие круги, и на объектив; окуляр же приходилось оттирать поминутно. Когда в 12 часов 20 минут закончил наблюдения Полярной, солнце уже всходило; под горизонтом оно оставалось, следовательно, всего 40 минут. Странно с непривычки видеть солнце в таких северных частях горизонта, то и дело ошибаешься в определении стран горизонта. Ночью температура упала до -18° ; время от часа до пяти утра, я провёл в той же своей нарте, в которой живу от Якутска. В пять же часов утра пришлось встать для продолжения астрономических наблюдений. Инструмент весь был как бы сделан из снега, в виду массы ледяных кристалликов, облепивших все его части; но, пока я пил чай и сравнивал хронометры, на нём не осталось и следа их, весь лёд испарился под лучами солнца и инструмент стоял совершенно сухим.

После наблюдений Дьячков с рабочими вырыли яму глубиною в полтора аршина (1 м) в мёрзлой земле, на что пошло порядочно времени. В яму установили деревянный столб, долженствующий служить для обозначения астрономического пункта. За столбом, впрочем, пришлось ещё съездить к жителям, так как на берегу подходящего дерева не нашлось. Столб наш виден издали среди белой пустыни, где попадаются лишь низкие песцовые пасти — деревянные ловушки, в роде грандиозных мышеловок, для ловли песка.

Закончив все работы и сделав небольшой план близлежащей местности, я возвратился снова к жителям, где решил ожидать Н.А. Июдина, записку которому привязал к столбу: пройти мимо столба, идя по берегу, он не мог. К вечеру поднялся жесточайший северо-восточный ветер, ночью же свирепствовал жестокий шторм, потрясавший нарту, в которой я ночую, и казалось, что вот-вот этот ветер опрокинет и унесёт лёгкую нарту. Когда я утром проснулся и собрался выходить, то почувствовал, что не могу открыть полога нарты. Оказывается, её за ночь совсем замело снегом, так что осталась торчать лишь одна верхушка; поэтому я не мог вылезти из нарты, пока Дьячков и якуты не откопали меня лопатами. Благодаря такой снежной защите от ветра, спать было особенно тепло.

27 апреля (10 мая) в десять часов утра приехал Н.А. Июдин. Ему, оказывается, порядочно пришлось испытать на пути от Ильина Шара. Первый проводник провёл всего 6 вёрст по берегу, а затем заявил, что

дальше не знает местности и не пойдёт. Пришлось отправить его к ближайшим жителям чуть не за 50 вёрст, а самому остаться на берегу без перевозочных средств, свалив с нарт все вещи на снег. Когда приехал на тех же собаках другой проводник, собаки были так утомлены сделанным перегонном, что, несмотря на данный им продолжительный отдых, дальше еле тащили нарты. Они шли, как следует, только тогда, когда перед ними кто-нибудь бежал, так что Н.А. Июдину с его спутниками пришлось попеременно бежать впереди нарт. Если бегущий останавливался и собаки тотчас же останавливались. Пришлось добратся до жителей, оставить там собак и дальше организовать поездку на оленях.

Всю последнюю ночь, несмотря на шторм, Н.А. Июдин шёл и производил съёмку. Утром он доехал до нашего знака на Кочевой, а оттуда, прочтя мою записку, направился к жителям. От ветра у Н.А. Июдина заболел глаз и пришлось прибегнуть к нашей маленькой аптечке, в которой всё-таки нашлась свинцовая примочка. Н.А. Июдин уселся в юрте вычерчивать свой маршрут, а я за свои записки и кое-какие вычисления. Дальнейшая съёмка должна была начаться на следующий день, так как на сегодняшний день решено было сделать отдых.

Н.А. Июдину удалось подстрелить четырёх белых куропаток, вследствие чего обед на этот раз будет нам более по вкусу. Нужно сказать, что к оленьему мясу до сих пор ещё привыкнуть не можем: если и едим, то с отвращением; коровьего же или, как здесь говорят, «скотского» мяса более у нас нет, а здесь достать его негде. Чтобы избавить себя от необходимости есть оленину, у которой неприятный запах, часто отправляемся с ружьём, в надежде подстрелить какую-нибудь птицу.

При вычерчивании плана пункта и при вычерчивании съёмки устьев Яны пришлось обратиться для выяснения названий островов и протоков Яны к помощи якутов: при этом мы убедились, как трудно добиться от них определённого ответа. Бывало очень занятно, когда по поводу какого-нибудь вопроса начинался обмен мнений между присутствующими якутами. Между собою они вели, примерно, такого рода разговор: «А когда твой отец ездил туда-то, что он говорил после этого?». Начинался рассказ о том, что говорил отец; далее кто-нибудь другой задавал вопрос, что говорил об этом дядя, который тогда-то и тогда-то бывал в этом месте? Понятно, поэтому, что даже на определённый вопрос ответ получаешь не скоро, ибо примиряющее всех решение выясняется постепенно среди массы иногда противоречивых мнений. Даже вопрос о названии какого-нибудь острова и то возбуждает довольно большие

прения. Более толковому из якутов было предложено изобразить на бумаге расположения проток левой половины устьев Яны. Изобразил он их приблизительно так, как они помечены на стовёрстной карте.

28 апреля (11 мая) в восемь часов утра выехали на съёмку к моему пункту. Здесь у жителей пришлось мне расстаться с моей нартой, служившей мне с 4 апреля домом, и дальше путешествовать уже на лёгкой открытой нарте. С пункта взяли направление на противоположный берег Кочевой. Отсюда, по словам проводников, берег направляется узкой косой в море. Чтобы не тащить с собой по берегу всего багажа, отправили ямщика с багажом по кратчайшему расстоянию к другому берегу косы, сами же направились вглубь по косе. Ехали долго, и, пройдя вёрст девять на север, очутились на холме, оказавшемся, по словам якутов, островком. Выходит, что будто это только отмель, заливаемая водою лишь изредка. Начавшийся ветер и небольшой снег указывали на возможность пурги, и мы рисковали быть застигнутыми ею без дров и пищи, а потому стали искать в бинокли нашего ямщика с багажом. Мне ещё было лишнее беспокойство относительно хронометров; ведь, они остановятся если их не завести до ночи. Кто-то из наших ямщиков увидел вдали чёрную точку, в которой и признал наш багаж, мы же и в бинокли не могли понять, что это за чёрная точка. Приблизившись увидели, что якут не ошибся. Наш багаж стоял на кормовище для оленей против островка Кумах-Булгуннях.

Приехав к нашему обозу, устроили чаёвку, причём костёр сложили из плавника¹, находившегося здесь в небольшом количестве. После чаёвки направились снова по берегу. Едем как будто по самому берегу: справа сквозь снег торчит тальник, слева под снегом как будто и лёд; поворот направо — поворачиваем, поворот налево — поворачиваем, снова поворот направо глубоко в материк, затем опять налево и подходим почти к самому острову Кумах-Булгуннях. Удивляемся, какими самыми замысловатыми извилинами идёт здесь береговая линия. Едем дальше: снова удаляемся от острова, вот уж он еле виден, вёрст десять до него, но злополучная судьба заставляет нас, описав по снежной поверхности самые невозможные петли, подойти снова к тому же самому острову Кумах-Булгуннях. Итак, весь день до ночи от острова и снова к острову. Уже стало темно, олени измучились, мы тоже утомились порядком в бестол-

¹ Плавником называется лес. выбрасываемый морем; в море же он попадает из больших впадающих в него рек.

ковых прениях с якутами — поэтому решили ехать обратно к тем же жителям, от которых выехали рано утром, и на следующий день снова начинать работу с пункта на Кочевой. К жителям приехали в одиннадцать часов вечера в каких-нибудь полтора часа всего небось в 15 верстах по прямому направлению и были от них. Так пропал в бесплодных поисках береговой линии пятнадцатичасовой рабочий день!

В юрте принялись за подробный расспрос всех её жителей — но истинная природа этого загадочного берега всё-таки не была нами тогда понята. Она стала нам вполне, ясна только после того, как мы летом познакомились со здешними отмелями, берегами, островами, лайдами, красной травой и прочими прелестями, о которых речь впереди. После чая вернулось к нам хорошее настроение, испорченное было неудачей и потерей целого дня, и мы много смеялись над нашими блужданиями под влиянием таинственного притяжения острова Кумах-Булгуннях, одно название которого теперь вызывает улыбку.

Тогда же в юрте решили ехать действительно коренным берегом¹, а все это, по всей вероятности, была лишь наносная почва, на которой образовалась впоследствии земля, пригодная лишь для произрастания тальника и травы.

29 апреля (12 мая), после вчерашнего тяжёлого дня, проспали до 11 часов. Дьячков нас не разбудил. Мы напали на него: «Чего не будил?» — «Ничего не приказали», говорит. Ну, делать нечего. Пока ещё оленей ловили, прошло много времени, так что выехать на работу удалось лишь в час дня.

Сначала всё шло как следует: шли от одной песцовой пасти до другой — пасти вообще располагаются по береговой линии. День лучше, светлее, солнце светит сквозь лёгкий покров alto-stratus, а к шести часам вечера совсем разъяснило и стало веселее. Мы очень скоро заметили, что проводник наш не ведёт по мысам, а старается их срезывать для сокращения расстояния. Например, замечаем, что переезжаем по льду; кричим «Тохто!» (стой), и спрашиваем через Дьячкова, что это такое? — «Озеро», говорит. — «Какого дьявола озеро, когда мы едем по самому берегу моря — залив, вероятно?». Нет, тот стоит на своём: — «Не залив, а озеро». — «Так значит вёз нас не по берегу, а, может, в трёх или более верстах от него — почему не хочешь везти нас как говорят?». Ну, уло-

¹ Мы увидим впоследствии, всегда ли существует такой коренной берег.

мали его, снова поехали «вдоль берега». Через несколько времени натыекаемся на холм. — «Что такое? Как зовётся?». — «Остров», говорит. — «Как остров, значит мы заехали уже в самое море? — «Остров», да и только. Что за притча?! То озеро, одна половина которого на суше, а другая в море, то вдруг остров среди суши, и потом эти невероятные извилины — такой сложный запутанный лабиринт!

Пришлось в конце концов, не обращая внимания на якутов, самим отыскивать береговую линию, что вовсе не так легко, как может показаться, ибо и море — белая снежная равнина и тундра такая же белая снежная равнина. Поэтому подвигались вперёд ощупью, весьма медленно, и сделали до 11 с половиной часов вечера всего тридцать вёрст, не останавливаясь для отдыха и еды¹.

Остановились на обед и ночёвку у жителей в местечке Сир-стан, где имеются два весьма характерных конусообразных холмика. В юрте после обеда снова начались продолжительные разговоры с якутами о чудесах береговой линии, островах, озёрах и прочем. И снова многое показалось нам настолько удивительным, что мы отказывались верить их словам. Да и как можно было поверить таким странным рассказам: озёрам, сливающимся с морем, и островам, стоящим на суше, и только много позже мы узнали всю ту правду, которая действительно заключалась в их словах.

Во всяком случае, в одном мы убедились вполне, а именно в том, что в таких местах зимнюю съёмку вести прямо немислимо, так как ценность такой съёмки весьма сомнительна. Где уж тут ручаться за точность проведения береговой линии, когда кажется, что её можно провести либо здесь, либо на 5 вёрст к югу, либо на 5 вёрст к северу.

30 апреля (13 мая) уже утром поднялся сильный восточный ветер и поднял пургу при -12° , но мы, тем не менее, решили ехать дальше, сколько будет возможно. Холм, находившийся от Сир-стана в полуверсте, уже не был виден сквозь массу поднявшегося снега. Проехав всего 2 версты, мы увидели, однако, что продолжать работу невозможно: началась настоящая буря, поднялось громадное количество снега высоко-высоко от земли, так что солнце сквозь эту массу висящего и порхающего снега приняло кровавый цвет, но в зените всё-таки оставался кружок голубого неба. Этот клочок голубого неба был весьма странным в виду непроглядной белой мглы, которая окутала землю. Когда мы с

¹ В это время и была пропущена нами громадная Чендонская губа, о чём будет сказано в главе 19-ой.

Июдиным отошли от нашего обоза сажень на 30 (65 м) для того, чтобы определить точнее, где начинается море, то мы оттуда еле видели чёрное пятнышко нашего обоза, но вскоре оно и совсем скрылось в снежном тумане. Громадные горы снега переносил ветер с места на место, в некоторых местах он сгонял весь снег, обнажая лёд или почву, в других наметал целые гряды и холмы. Всё гуще становился снежный туман и ветер всё усиливался, достигнув уже силы шторма. Ясно, что съёмки при таких условиях вести было невозможно. К большой радости якутов велели возвращаться обратно в Сир-стан; они вообще сегодня боялись выезжать, говоря, что заблудимся. Точно также по непонятным для нас причинам боятся они идти всё время по береговой линии, и главным их аргументом против этого нашего требования было, что ни одна экспедиция так не ездила. Эта фраза постоянно приводилась ими при требовании идти по извилинам берега. Что же касается их страха заблудиться, то мы ему мало верили, тем более, что после приказа ехать в Сир-стан они в непроглядной мгле повернули нарты и, ни разу не переменив направления, выехали прямо к юртам. Весь день и всю ночь продолжалась пурга, так что нам пришлось пробыть в Сир-стане до следующего утра.

1 (14) мая, в 7 часов утра, двинулись мы в дальнейший путь. Береговая линия видна здесь довольно ясно. Сделав 25 вёрст мы приехали, как мы думали¹, к устью рек Сомондона и Чендона, имеющих одно общее устье (на стовёрстной карте Главного Штаба неправильно закрашено синей краской место между протоками Кюндюёбйях и Крестовой, вследствие чего получается впечатление будто здесь большой залив, на пятидесятивёрстной же карте Главного Гидрографического Управления всё обозначено довольно правильно). Здесь далее берег идёт далеко на север, образуя большой полуостров, названный по имени брошенной юрты, находящейся на северо-западном мысе полуострова, Станом Маныко. Наши якуты наотрез отказались везти нас дальше вглубь полуострова, утверждая, что с собою они не взяли ни провизии, ни тордох для урасы (так называются здесь походные конические палатки, о коих речь впереди), и что в обход этот полуостров целых 500 вёрст, погода же ненадёжная, так как слегка утихшая пурга собирается разразиться снова. Узнав, что берег полуострова такой же низкий, как в местах наших блужданий, и считая выполненной нашу зимнюю работу,

¹ На самом деле, как оказалось осенью, это было устье реки Дяльбиргях, у которого стояла и поварня того же имени, о которой будет речь ниже.

именно съёмку устьев реки Яны, мы решили оставить этот полуостров Стан Маныко на лето¹. У наших же рабочих действительно не оказалось провизии и материалов для урасы, так как они предполагали, что мы будем ездить от жителей до жителей и ночёвки они будут иметь в юртах (полуостров же Стан Маныко совершенно необитаем). Мы предполагали, что улус заготовил нам перевозочные средства, а оказалось, что они расположили следующую партию оленей у устьев Сиэлляха, в расчёте, что мы срежем полуостров Маныко на основании их знаменитого аргумента, что ни одна экспедиция так не ездила. Аргумент этот имеет свой *raison d'être*, а именно, экспедиция Э.В. Толля в 1902 году и экспедиция К.А. Воллосовича за Санга-Юряхским мамонтом в 1908 году действительно не имели нужды ехать по береговой линии, так как съёмкой таковой эти экспедиции не занимались.

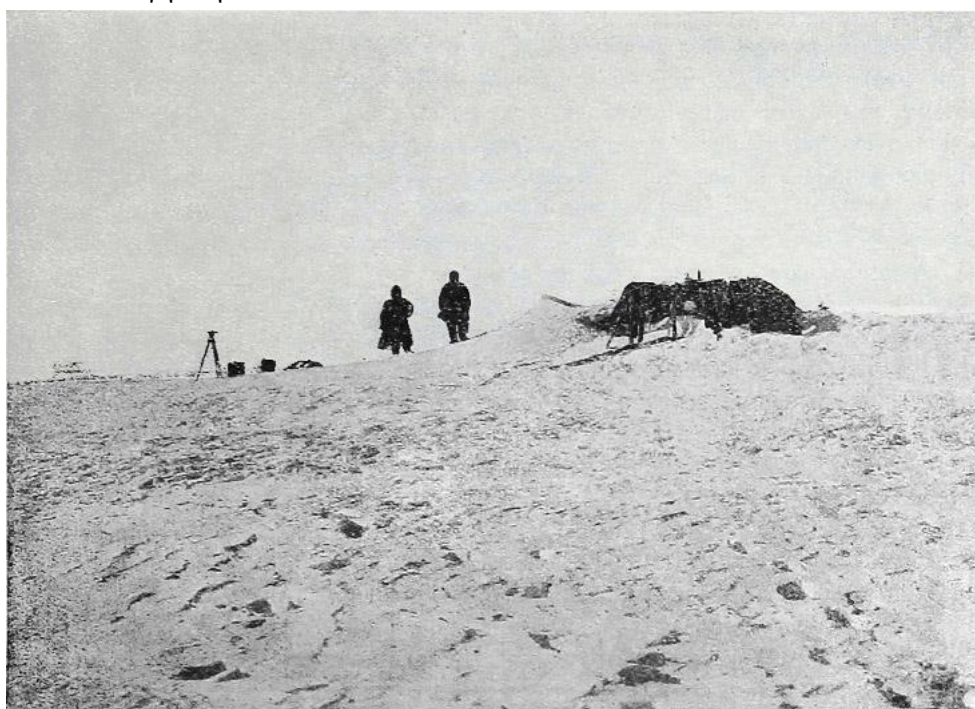

Рис. 26. Поварня Дяльбиргялях. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Итак, в полуразрушенной поварне Дяльбиргялях за чаепитием мы решили ехать отсюда немедленно в Аллаиху на Индигирку: терять много времени на Маныко нам было и нельзя, так как в зимнюю задачу входила ещё и съёмка устьев Индигирки, и, пожалуй, К.А. Воллосович уже заждался нас в Аллаихе. Поварня Дяльбиргялях стоит (рис. 26) того, чтобы остановиться на её описании. Это брошенная юрта, почти до потолка занесённая снегом; сквозь неё ветер гуляет в своё полное удовольствие. Тем не менее она послужила прекрасной защитой от силь-

¹ Это действительно было необходимо, так как осенью мы убедились, что под снегом мы здесь ни в коем случае не могли бы найти береговую линию и совершенно зря потеряли бы драгоценное время.

ного, посвежевшего восточного ветра, снова поднявшего пургу; пришлось только предварительно расчистить в ней снег при помощи лопат, которые мы везли с собою для установки знаков. Места свободного от снега, в юрте было, конечно, очень мало; посредине устроили костёр, а кругом сели мы втроём: Июдин, Дьячков и я. Снег всё-таки залетал к нам и белые снежинки садились на хлеб, сыр и сухари и таяли в стаканах горячего чая. Сидя в поварне, рассуждали о том, какая в сущности это великолепная постройка. Вот там, за этой небольшой площадкой в одну квадратную сажень, гуляет вьюга и жестокий ветер пробирает даже сквозь тёплую меховую одежду. Здесь же можно сбросить эту тяжёлую одежду и совсем не думать о ветре и неприятностях открытой тундры на берегу моря. Пурга всё усиливалась, но тем не менее над головой было голубое небо и солнце ярко светило. Я расставил малый универсальный инструмент и занялся наблюдениями солнца для определения здесь астрономического пункта. В книжке наблюдений у меня имеется пометка: «изображения солнца хорошие», — а ведь вся поверхность земли в это время была окутана беломолочной мглой, так что только самые близкие земные предметы были видны.

Закончив работы у юрты Дяльбиргях, мы покинули берег и направились на восток уже без работы, стараясь возможно быстрее перекинуться на Индигирку. Первую остановку сделали в юрте Кынгкый, расположенной на берегу большой реки Сиэллях. Эта юрта большая и светлая, в целых три окна; в ней имеется даже железная печь, кроме камелька, и в той и в другом горит огонь. Хозяин, хотя и приобрёл железную печь, но по привычке, вероятно, не может расстаться и с камельком. Живут здесь, по-видимому, богатые якуты. Нас здесь угостили даже коньяком и рябиновкой. Закуска же состояла из мороженого твёрдого коровьего молока и строганины. Строганина — это очень вкусное блюдо; представляет она просто-напросто мёрзлую сырую рыбу, в которой здешние сильные морозы произвели такие изменения, что она совершенно потеряла неприятный запах сырой рыбы и превратилась в нежное лакомство. Её мы вскоре очень полюбили, так же, как и юколу — вяленую особым способом на солнце рыбу. К оленине также начинаем привыкать — сегодня даже показалось вкусным это жирное мясо.

В юрте Кынгкый очень скоро образовался целый съезд якутов, специально собравшихся сюда с окрестных мест, чтобы посмотреть на экспедицию. Русские в тех местах представляют действительно редкость.

Ровно в полночь, но при свете полуночного солнца, которое мы видели впервые, мы покинули гостеприимную юрту Кынгкый и направились к востоку. 2 (15) мая несмотря на то, что к югу мы спустились немного, было заметно теплее. Лежавший на тундре снег был уже не такой плотный, а в иных местах уже была видна чёрная голая земля; накануне же мы ещё ехали по твёрдой белой равнине: таково влияние этого громадного холодильника — скованного льдом океана.

Наша провизия пришла совсем к концу, осталось лишь немного сыра; сегодня промышляли поэтому с Н.А. Июдиным, удалось подстрелить несколько куропаток. В шесть часов вечера мы были уже у границы лесов (рис. 27), которая здесь выражена резкой полосой, и далее ехали по неровной местности, покрытой тем же корявым и чёрным лесом, который так характерен для границы лесов. В одиннадцать часов прибыли на станцию Аллаихского тракта, соединяющего Казачье с Аллаихой на Индигирке. Этот тракт, хотя и не имеет такого значения как Устьянский, но всё-таки на нём возможно передвижение не экспедиционным образом, т.е. без ночёвок, ибо есть места, где можно сменить перевозочные средства.

3 (16) мая снова несколько к северу и лесов опять не видно. Приехали к реке Хроме, которая течёт по тундре, вырыв в ней крутые глинистые берега. Река эта очень мелка, промёрзла до самого дна; на крутых поворотах реки вода образовала террасы в глинистых берегах. Во многих местах твёрдая, как камень, глина вся в глубоких трещинах, вероятно, от сильных морозов. Снега по берегу Хромы уже совсем нет. Здесь в юрте на берегу Хромы мы встретили старика якута, говорившего, что ему уже более ста лет. Он был мальчиком во время экспедиции Анжу и Врангеля в 1820 году — экспедиции, снимавшей побережье Ледовитого океана между Леной и Беринговым проливом и работавшей в этом районе три года. Этот старик — «огоннёр», — как говорят якуты, рассказывал, что хорошо знает Хромскую и Меркушину стрелки и полагал, что обход их летом на оленях невозможен, в виду отсутствия там на протяжении сотен вёрст оленьих кормовищ. Что же касается работ старой экспедиции, то он рассказывал, что она обходила эти места частью зимою на собаках, а частью летом, но на лошадях, так как для лошадей подходящий корм там хоть и изредка, но встречается. Хромские же рабочие, заранее нанятые нами распоряжением Устьянского улуса, отказываются идти в обход этих полуостровов, так как совсем не знают этих непосещаемых жи-

телями «пропавших» мест. Нужно сказать, что мы мало обратили внимания на это предостережение и несколько посмеялись над страхами старика — и только, когда было уже слишком поздно, на Хромской и Меркушиной стрелках на горьком опыте убедились, сколько в его словах было правды, и как легкомысленно мы отнеслись к его словам.

Вечером снова 19° мороза, а ведь уже начало мая (ст. ст.). Мы совсем забыли про весну с тёплым солнцем, которое согревало нас на Верхоянском тракте. И 4 (17) мая всё тот же холодный «восток», как говорят якуты — снова не приходится снимать сукуя и даже поднять его капор на голову. 15 градусов мороза, конечно, нельзя считать сильным холодом; прогуляться по такому морозцу можно с удовольствием, но целый день просидеть на открытой нарте не совсем то приятно; хорошо ещё, что стали попадаться гуси, за ними побегаешь — согреешься. В смысле же практическом наша охота на гусей не давала желанных результатов, так как гуси в открытой тундре теперь осторожны, видят человека издали и не подпускают на выстрел. Все мы безуспешно охотились за ними, хотя и старательно, так как уже последний кусок сыра закончил своё существование.

Рис. 27. На тракте Казачье — Аллаиха. Фот. Е. Ф. Скворцова.

К счастью, на тракте расположились в уресе кочующие тунгусы; у них купили несколько оленьих языков. Придумали ещё сухари жарить — тоже выходит после долгой дороги вкусным блюдом. У тунгусов получили от К.А. Воллосовича записку, в которой он сообщает, что едет не в Аллаиху, а в Шевелёво (несколько севернее); соответственно с этим и мы изменили свой путь. Дальше в одной из поварен снова получили записку, в которой он сообщает, что в Шевелёве отказались везти на восток на собаках, и что он направляется в Русское Устье, где и будет нас ожидать. Повернули ещё к северу на Русское Устье.

4 (17) мая ясно, солнце высоко и белая тундра ослепительно сверкает, так что даже через специальные тёмные очки неприятно долго смотреть на эту безграничную сверкающую равнину. Вероятно, в это время наше северное полушарие, рассматриваемое откуда-нибудь из междупланетного пространства, достигает наибольшего блеска, так как солнце стоит уже высоко, а белая поверхность отражает почти все падающие на неё лучи. Несколько позднее, когда вся тундра оттает и скованным льдом останется лишь океан, вероятно, не трудно, например, с Марса в большой телескоп снять всю береговую линию, как резкую границу между белой пеленой океана и чёрной поверхностью оттаявшей тундры.

В одной поварне в десять часов вечера расположились на чаёвку; камелёк растопили так основательно, что лёд на потолке стал таять. То и дело с него падают крупные грязные капли, попадая то на руки, то на хлеб, то в стакан чая. Но всё же в который раз убеждаемся, что поварня действительно великолепное и необходимое сооружение, и что без поварен путешествие было бы во много раз тяжелее.

5 (18) мая от К.А. Воллосовича снова получили весточку: пишет, что 6 (19) мая он собирается уже уезжать из Русского Устья на восток.

Дорога, впрочем — не дорога, ибо таковой здесь не имеется, путь наш просто лежит по слегка холмистой тундре, покрытой глубоким снежным покровом, так что олени проваливаются в снег иногда по самое брюхо. Во многих местах виден тальник в большом количестве, покрывающий здесь некоторые холмы (ёдомы). Иногда же едем по местам, где влияние весны сказалось уже очень сильно, снег растаял и видна глинистая, растрескавшаяся почва; кое где снег подтаял, образовав систему параллельных пластинок. Многие из таких снежных пластинок уже совсем чёрного цвета.

Вообще же на снегу легко можно прочесть, какого направления были в последнее время ветры, или же, зная направления последних ветров, можно находить страны света по тем узорам, которые образовались в твёрдом снегу. В настоящее время преобладавшие в последние дни восточные ветры вывели хотя и замысловатые узоры в снегу, но такие, в которых отточенная и обрывистая стороны направлены к востоку, длинные же расходящиеся линии узоров направлены по линии восток-запад. При других ветрах изменится, конечно, и направление этих линий. Обратив внимание на снег, я стал внимательно следить за конфи-

гурацией его поверхности и нашёл великое разнообразие узоров и рисунков, но в каждом из них можно найти ось симметрии, расположенную по указанному направлению.

Наконец подъехали уже к последним жителям в 15 верстах от Русского Устья, которое отсюда уже видно. Ещё несколько раньше мы начали встречать якутов, к величайшему нашему удивлению говоривших по-русски. Нам показалось это странным, так как в более крупном центре — селе Казачьем — и то преобладает якутский язык.

В 10 часов вечера 5 (18) мая прибыли в Русское Устье, откуда К.А. Воллосович ещё не успел уехать. Отъезд дальше мы назначили на 7 (20) мая. Шестое же мая и обе ночи мне пришлось посвятить астрономическим наблюдениям и работе по новой переупаковке вещей. Дальше мы должны ехать на собаках, которых могли достать лишь на небольшое количество нарт, так что придётся ехать уже совсем налегке, оставив большую часть вещей в Русском Устье. Сколько раз вообще приходится заниматься упаковкой и переупаковкой вещей! В Петербурге — раз, в Иркутске — два, в Якутске — три, в Верхоянске — четыре, в Казачьем — пять, в Русском Устье — шесть и это, ведь, разве в последний раз? Ещё много таких переупаковок предстоит в будущем. И каждый раз всё компактнее стараешься уложить и брать с собою возможно меньше. И вот для поездки на восток от Индигирки беру только то, что ношу на себе, смену белья на всякий случай, универсальный инструмент (малый) и тяжёлый, но неизменный ящик с хронометрами.

6 (19) мая вечером Н.А. Июдин уехал на собаках к устью реки Гусиной, откуда он поведёт съёмку на восток, я же с К.А. Воллосовичем выезжаем седьмого на правую протоку Индигирки, где, если позволит погода, будет астрономический пункт. Встретиться с Н.А. Июдиным условились на стрелке реки Алазеи, где расположена юрта юкагиров.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Экспедиция на собаках на реку Алазею

7-14 (20-27) мая

Езда на собаках — Крута́ — Коссово — Станчик — Календари — Устье реки Вшивой — Стрелка на Алазее — Отсутствие перевозочных средств — Разделение экспедиции — Поварня на океане — Встреча у устья Деляковской — Злоключения в дельте Индигирки — Наступление весны — Заблудились — В тумане — Тяжёлый путь на собаках — Переправа через пр. Уларову — Протока Дракина — Переправа через Среднюю Индигирку — Снова зима — В воде — Большая Индигирка — Возвращение в Русское Устье.

Около трёх часов дня всё было приготовлено к нашему путешествию далее на восток. Мы заняли шесть нарт, из коих в каждую было впряжено по 14 собак, так что общее количество этих животных достигало внушительной цифры 84. Нетрудно представить себе тот грандиозный концерт, который поднимает вся эта компания, если принять во внимание, что, будучи запряжённой в нарту, каждая из всей своры лаем или визгом выражает своё желание тронуться поскорее в путь. В другое время собак держат постоянно на привязи, а потому и понятно их нетерпеливое желание побегать, хотя бы для этого и пришлось тащить нарту. Весь концерт достигает наибольшей силы, когда всё уложено на нарты и путешественники в них уже усаживаются, стараясь принять положение поудобнее: собаки чувствуют, что теперь скоро можно бежать и в нетерпении рвутся изо всех сил вперёд, так что только толстая палка с железным наконечником, воткнутая в снег у передка нарты, сдерживает их пыл и не позволяет сдвинуть нарту с места. Вот уже все уселись. — «Готово?» — «Готово». — «Трогай», и каюры (так называются собачьи ямщики) все одновременно освобождают свои тормоза. Неистовый и невообразимый хаос звуков прекращается, как бы по волшебству, мгновенно и шесть нарт стремглав срываются со своих мест и несутся по белому ровному снегу. Контраст между шумом и внезапно воцаряющейся тишиной так поразителен, что не сразу начинаешь слышать звуки, хотя, ведь, тишина нарушается шумом трения полозьев нарты о снег, покрякиванием каюров и поскрипыванием нарт. Молча несутся собаки, высунув языки и наострив свои острые ушки. Управление всей

нартой производится посредством передовой собаки, которая «слышит», т.е. понимает слова, с которыми к ней обращается каюр. «Тох, тох, тох» или «Нара, нара, нара» покрикивает каюр, когда ему надо повернуть направо и налево, или передовая собака, слыша приказание, делает соответствующий поворот, за ней же следует вся свора.

Если в пути почему-либо делаются остановки, собаки валяются по снегу, возятся, но когда остановка продолжается более чем десять минут, постепенно начинается снова концерт; начинает его какая-нибудь более нетерпеливая сначала лёгким завыванием, к ней присоединяются понемногу и другие и минут через пять мы снова уже окружены хаосом звуков, который опять мгновенно стихает, как только освобождены тормоза. Нарта собак вообще бежит послушно, но бывают случаи, когда она выходит из повиновения. Например, если собаки замечают оленя или песца, то бросаются вслед за ними во всю прыть, и тогда представляется весьма затруднительным направить путь нарты по желаемому пути. В этих случаях, в особенности, и важна хорошая передовая собака, которая не только сама не увлечётся погоней, но сумеет всю свору отвлечь от предмета погони и возвратить на прежний путь. Остановить же мчащуюся нарту тормозом очень трудно, ибо тормоз только взрывает снег и землю, а нарта продолжает лететь по желательному собакам направлению.

Рис. 28. На собаках. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Индигирские собаки (полярные лайки) славятся своей силой и выносливостью и считаются едва ли не лучшими собаками всего севера. Нарту, на которой помещается два человека, запас селёдок для корма собак на несколько дней и ещё пуда три багажа свободно тащит дюжина собак. Комплект в 12-14 собак называется «нартою собак». Нарты же, употребляемые для езды на собаках, отличаются от оленьих: они уже и длиннее. Запрягаются собаки попарно, одна пара за другую (рис. 28). В первой паре бежит передовая собака, рядом с нею запрягается собака,

которая подготавливается к должности передовой, т.е. обучается пониманию словесной команды каюра. Не всякая собака может быть передовой, для сего выбираются наиболее смышлёные, и если курс обучения она пройдёт успешно, то её можно запрягать в качестве передовой: неуспешные же ученики снова отправляются в задние пары. Хорошая передовая собака ценится очень высоко — цена её достигает до сорока рублей, а сорок рублей здесь сумма порядочная. Неудобство езды на собаках на далёкие расстояния заключается в том, что невозможно взять с собою корм на достаточно большой срок. Кормят собак почти исключительно рыбой (рис. 29), главным образом, селёдкой, причём идёт в ход лишь тухлая рыба, так как более свежую жители сами употребляют в пищу. Это обстоятельство несколько уменьшает удовольствие езды на собаках, так как, ведь, сидишь обыкновенно на этой, издающей неприятный запах, рыбе, сюда же ещё присоединяется и то обстоятельство, что собаки весьма основательно портят воздух.

Через три часа езды по той же ровной белой тундре доехали мы до местечка Крута́, расположенного на берегу Средней Индигирки. Обращает внимание чистота юрты: пол чист, вымыт и сор подметён, тогда как у якутов это считается совершенно излишним; им даже мысли об опрятности и чистоте в голову не приходит. Однако рассказы о жизни наших далёких соотечественников под 72° с.ш. на берегах Индигирки я откладываю до следующей главы.

После небольшой остановки и обеда в Круте́ отправились дальше, и для ночёвки остановились в Станчике, расположенном на Колымской протоке Индигирки. Здесь мы поместились в доме, а не в юрте, т.е., лучше сказать, в избе приказчика купца Антипина, обрусевшего инородца. Такое благоустройство встречаем в первый раз после чуть ли не Якутска. Изба просторная, светлая, тёплая.

8 (21) мая погода тёплая, 0,5° выше нуля, поэтому решено выехать попозже, после двух часов дня. Занялся рассматриванием украшений нашего помещения; висят лубочные картины, изображающие: одна выезд Стесселя и свидание его с Ноги после сдачи Порт-Артура, другая генерала Линевича, затем висит на стене старый календарь (на 1907 год), над дверью наклеены всякие бумажки, например штук десять обёрток от конфет, клеймо какой-то мануфактуры, бумага зоологического шоколада «Сиу», обёртка печенья той же фабрики и прочая мелочь в таком же роде — всё это, очевидно, здесь на редкость, а потому и в почёте.

Помню, в Русском Устье староста подбирал у нас всякие бумажки, кажется, особенно заинтересовался обклейкой коробки из-под табака. Подобрал с пола и, тщательно завернув в бумагу, сказал, что отдаст дома ребятишкам играть; думаю, что сочинил — вероятнее, что повесит такое редкое украшение у себя в юрте и место для него выберет повиднее.

Рис. 29. Кормежка собак. Фот. Е. Ф. Скворцова.

После двух часов дня выехали дальше. Часа в четыре приехали к жителям в юрту, которая и на здешний взгляд считается очень плохой: земляной пол, маленькие отверстия в стенах находятся наполовину под землёю и совсем не пропускают света; площадь юрты совсем крошечная, негде кажется повернуться и двоим, а здесь ютится целая семья русских, кое-как перебивающаяся на бесплодной равнине пустыни. Промысел рыбы ещё не начался, а запас у них весь уже вышел, вот и сидят голодные в тесной юрте, без света и тепла, так как и дров нет: не на чём привезти, нарта собак почти вся пропала с голодухи. У них посидели недолго и отправились в дальнейший путь. В шесть часов вечера приехали в Коссово, где остановились для обеда у крестьянского старосты, в хорошей избе со стеклянными даже окнами. Ввиду того, что вследствие дневной теплоты лёд на полозьях нарты (для уменьшения трения полозья нарты обыкновенно покрываются слоем льда — это называется «леденить полозья») отходит, мы решили передвигаться дальше по ночам, так что из Коссова решено было выехать после одиннадцати часов ночи. В общем же погода благоприятствует нашему передвижению; в прошлом году было теплее, и Индигирка, говорят, вскрылась 8 (21) мая, нынче же, по-видимому, ещё далеко до вскрытия.

Рис. 30. Лагерь на р. Вшивой. Фот. Е. Ф. Скворцова.

На Алазее мы должны будем встретиться с чукчами, у которых придётся достать перевозочные средства для движения на восток от неё, так как русско-устыинские собаки наняты нами только до Алазеи. Про этих чукчей мы часто спрашивали русских. Здесь в Коссове староста дал нам о них хорошую аттестацию, уверил, что это люди надёжные: «Знают бога и царя, и начальство понимают». Это говорилось только про ближайших чукчей, а не про тех, что живут за Колымой и представляют народ «некрещёный, дикий». После одиннадцати выехали из Коссова.

9 (22) мая рано утром мы остановились на берегу океана при устье реки Вшивой и здесь разбили свой лагерь (рис. 30). Расставили урасу, в которой мы и поместились, положив на снег оленье шкуры. Здесь мы должны были пробыть целый день, чтобы дать отдых уставшим собакам, прошедшим за ночь 85 вёрст (90 км). Наш стан представляет собой интересную картину, он занял площадь, примерно, в 200 кв. сажен (900 кв. м): три палатки, шесть нарт, перевёрнутых вверх полозьями, для того, чтобы стоял лёд и чтобы вечером можно было заледенить их новым льдом, две ветки, так называются маленькие лёгкие лодки, и 84 собаки, расположившиеся для отдыха во всевозможных позах. Багаж весь сложен с нарт на снег.

К одиннадцати часам дня погода улучшается и выходит солнце, так что мне удаётся произвести астрономические наблюдения и, следовательно, получить уже третий пункт на берегу океана. После, по обыкновению, устанавливаем столб, глубоко врывая его в землю. Я думаю, что

такой столб должен держаться довольно долго, если, конечно, кому-нибудь не придёт в голову мысль срубить его. Но для чего? — плавника здесь много, так что для разведения костра материала достаточно. Вообще, как увидим дальше, даже самые незначительные постройки сохраняются в течение сотен лет, и каждая мелочь имеет своё название, которое переходит от поколения к поколению. После установки знака произвёл съёмку ближайшей к пункту местности. Весь день прошёл совсем незаметно в работе, а в десять часов вечера, когда стало холоднее, мы тронулись в дальнейший путь.

Спать на собачьей нарте весьма и весьма неудобно, ибо она очень узка, да, к тому же, чтобы дать место для каюра, приходится свесить ноги с нарти в сторону; но, так как я прошлую ночь не спал, находясь в пути, то сегодня всё-таки удалось немного поспать. Конечно, в таких условиях часто просыпаешься и смотришь всё на ту же белую равнину. Слева океан, по самому берегу которого едем, справа такая же белая тундра, но береговая линия здесь видна хорошо, благодаря как бы барьеру из плавника. В семь часов утра 10 (23) мая свернули с берега, а в девять прибыли к юрте юкагиров (рис. 31), расположенной на узкой стрелке, образованной двумя протоками Алазеи.

Рис. 31. Юрта юкагиров на р. Алазее.

Фот. Е. Ф. Скиорцова.

Здесь ожидала нас первая неудача: у юкагиров мы узнали, что чукчей нынче поблизости нет, что все они ушли в горы вглубь материка и что места их неизвестны, что здесь достать собак для движения дальше нельзя, а также нельзя достать и корма для собак, на которых мы приехали: улов рыбы ещё не начался, а прошлогодняя вся пришла к концу, так что имеющаяся у жителей нарта собак живёт впроголодь и они опасаются вообще за её участь, если в скором времени

не начнётся улов. Да что говорить о собаках, когда и самим то жителям туго приходится, и они уже давно по возможности экономят с едою. Что же делать при таких условиях? Так горевали мы с К.А. Воллосовичем, сидя в нашей урасе (рис. 32) и не находя выхода из создавшегося положения. Собственно, даже и назад-то нам затруднительно попасть, если отпустить тех собак, на которых мы приехали; а задержать их более, как на один день, нет возможности, так как взятый с собою для них корм

едва достаточен для обратной дороги. Где же и на чём искать чукчей, когда кругом совершенно безлюдная пустыня? С большим трудом удалось уговорить соорудить две нарты и то только до реки Большой Куропаточьей. На двух нартах нет возможности устроиться нам всем и мне, в особенности, с тяжёлым хронометрическим ящиком и универсальным инструментом; поэтому было решено, что я отсюда на тех же русско-устыинских собаках возвращусь обратно в Русское Устье, К.А. Воллосович же с Н.А. Июдиным попробуют пройти сколько будет возможно дальше к востоку. Так как желательно иметь астрономический пункт возможно восточнее, то решено было задержать собак на сутки или немного более, чтобы иметь время сделать наблюдения на Алазее. Наши каюры с большим трудом согласились на задержку здесь, говоря, что нет корма для собак и что положение очень ненадёжное, так как стоит тёплая погода и собачья дорога может окончательно испортиться, да кроме того и Индигирка может с минуты на минуту вскрыться и отрезать нас от жителей. Но, как бы то ни было, на сутки удалось их здесь задержать. Таким образом пришлось снова делиться экспедиции, и благодаря недостатку перевозочных средств придётся К.А. Воллосовичу с Н.А. Июдиным возвращаться уже по летнему пути и всё-таки придётся искать чукчей. На наше счастье приехал один чукча, у которого узнали, что немного оленей можно будет впоследствии достать у его отца.

Здесь я впервые увидел чукчу, с длинными, чёрными, свешивавшимися на лицо волосами, с оригинальной медлительной походкой и удивительной неуклюжестью — тип, так резко отличающийся от прочих туземцев, так поражающий своей дикостью. К сожалению, мне не удалось познакомиться с его батюкою, о котором впоследствии мои товарищи много рассказывали.

Нужно производить возможно скорее астрономические наблюдения, а погода, как назло, пасмурна; пошёл бродить с горя по тундре с ружьём. Много гусей кричит и летает вокруг нашей урасы, но к себе близко не подпускают, слишком виден человек на белой пелене снега. Дьячков пробовал подкрадываться к гусям, покрывшись белой простынёй, но тоже почему-то неудачно, так что, в конце концов наши охотничьи трофеи оказались не велики, всего только четыре белые куропатки — птицы, которых легче всего подстрелить.

Пасмурное утро 11 (24) мая повергло меня в уныние. Неужели пункт на Вшивой будет последним на восток? К одиннадцати часам, однако,

показалось солнце, но сквозь густой покров облаков; тем не менее выбирать и ждать хороших условий не приходится, а потому принялся за наблюдения, стараясь поймать солнце, которое иногда совсем скрывалось за покровом облаков. В конце концов удалось произвести два ряда отсчётов и стало легче на душе.

В восемь часов вечера я простился с К.А. Воллосовичем, причём, вероятно, надолго, и двинулся в обратный путь в Русское Устье, где буду дожидаться возвращения остальных членов экспедиции. Багаж свой разложили на семь нарт, чтобы собакам было легче везти. Надеюсь по дороге встретиться с Н.А. Июдиным, который по расчёту уже должен быть где-нибудь между Индигиркой и Алазеей. В десять часов вечера остановились уже на берегу океана около поварни при устье Малой Алазеи.

Поварни, построенные в некоторых местах по берегу океана, совсем не похожи на описанные мною раньше поварни по трактам. Такие строить здесь было бы слишком роскошно. Эти же поварни представляют собою небольшие конические деревянные сооружения, сверху обложенные землёю, без окон, с небольшим отверстием, в которое нужно вползти, чтобы попасть внутрь. Одна из таких поварен, изображённая на моей фотографии, находится при устье реки Деляковской (рис. 29). Совершенно такая же находится и близ нашей остановки; в ней мы расположились для чаёвки. Внутренность поварни такова: земляной пол, находящийся много ниже поверхности земли снаружи, закопчённые брёвна, оси которых направлены вверх под углом в 75° к полу; стоять в поварне можно только сгорбившись, так как вверху брёвна сходятся друг с другом, образуя вершину конуса; дёрном поварня обложена только до половины, вверху же дым от костра свободно проходит между брёвнами. Уселись кругом костра; хотя и девять человек, но поместились, заняв всю площадь. На мой вопрос, давно ли построена эта поварня, говорят, что давно, когда ещё никого из каюров на свете не было, а среди них есть и пожилые. Да простоит она ещё, вероятно, много-много лет, так как, видимо, она поддерживается в исправности промышленниками песцов, коими и строятся такие поварни, как убежища зимою при объездах песцовых пастей (рис. 33).

Так как на пути сюда мы могли разъехаться с Н.А. Июдиным, то я пошёл с каюром перпендикулярно берегу, надеясь увидеть след в том случае, если он проехал, но ровная пелена снега нигде не была нарушена.

Исследование поверхности снега с несомненностью удостоверило, что никто не проезжал восточнее Малой Алазеи.

Рис. 32. Лагерь экспедиции на р. Алазее. Фот. Е. Ф. Скворцова.

После двенадцати часов ночи 12 (25) мая мы оставили поварню и тронулись дальше всё по самому берегу океана. Я всё искал в белой дали, не видно ли далёкой нарти, но пустыня была безлюдна. Собаки бежали неохотно, но на наше счастье впереди показалась группа диких оленей и собаки, забыв всю свою усталость, понеслись сколько было силы и, развив большую скорость, быстро докатили до устья Вшивой. У моего столба по-прежнему была воткнута записка для Н.А. Июдина, следовательно, он здесь ещё не проезжал; начинаешь беспокоиться, ибо по моему расчёту он уже должен бы быть, по крайней мере, здесь. У Вшивой несколько останавливаемся; где-то лают песцы, по берегу реки стрекочут куропатки, гуси летают ежеминутно. Дальше в путь!

Вот и ураса на Деляковской (рис. 29), отсюда мы должны сворачивать вглубь материка, а потому это последний пункт, где ещё могу встретить Н.А. Июдина, и поневоле смотришь поминутно в бинокль в ярко-сверкающую снежную даль. Уже шесть часов утра — ясный безоблачный день; солнце поднимается всё выше и всё ярче становится идеально белая поверхность океана. Прождав час и покормив собак половинной порцией рыбы, так как осталось всего только ещё на одну кормёжку, мы собрались было уже в дальнейший путь, как вдруг слышу крик одного из каюров: «Едут, едут!» И в самом деле: на горизонте показалась чёрная точка, которая при рассматривании в бинокль оказалась нартою собак: значит Н.А. Июдин — никто другой не может оттуда ехать. Приказал

приготовлять чай, и к тому времени, когда подъехал Н.А. Июдин, чай был готов и мы сидели с ним в расставленной урассе, рассказывая друг другу свои приключения. Н.А. Июдин, оказывается, потерял один день из-за пурги, свирепствовавшей на океане, как раз в тот день, когда мы благодушествовали в Станчике. Конечно, был очень огорчён Н.А. Июдин известием о невозможности пробраться далее Куропаточьей. После чая решили отдохнуть, он, ведь, тоже днём отдыхал и ночью работал. К тому же день оказался таким тёплым, что идти на собаках в такую погоду не представлялось возможным.

К одиннадцати часам сделалось совсем тепло — температура воздуха уже достигает 12°C. Солнце поднялось высоко и сильно печёт, а снежная белая равнина сделалась невыносимо яркой; кажется, что она сверкает ярче самого солнца и режет глаза, защищённые тёмными консервами; в воздухе тоже носится снежная пыль, ярко сверкающая. От света никуда не деться: он проникает и сквозь тонкие тор-дохи нашей наскоро поставленной урасы. Сегодняшний день яркость освещения снежной равнины достигла своего максимума. Подъехал к нашей урассе едущий из Алазеи русский и крикнул, чтобы ему помогли дойти до поварни, в которой бы он мог скрыться от света, сам же он временно потерял зрение от дороги по снежной равнине: собаки сами дотащили его нарту до нас — и он по голосам только услышал, что здесь люди и что ему может быть оказана помощь. Одно маленькое обстоятельство случилось здесь — обстоятельство, имевшее, однако, впоследствии довольно неприятные результаты: у Н.А. Июдина попортилась буссоль, которой он работал, снимая береговую линию, и он попросил дать ему мою. Я с удовольствием уступил ему, сказав, что таковая мне не понадобится, так как мне осталось сделать путь уже сравнительно небольшой, и в компасе нужды не предвидится, ввиду того что каюры хорошо знают дорогу. Таким образом я уступил ему свою буссоль, и у меня больше не осталось прибора, могущего указывать направления стран света. После обеда расстался я с Н.А. Июдиным, и оба мы направились в разные стороны. Когда-то теперь снова увидимся?

От света и жары (солнце как-то особенно действует в этой снежной равнине) разболелась голова, поэтому путешествие в неудобной позе на собачьей нарте сделалось очень мучительным, да и к тому же дорога пошла дальше скверная. Это только на океане снег лежит нетронутым, лишь испаряясь на солнце, в тундре же он сильно тает, и чем дальше от берега, тем яснее — насколько сильно уже вступила в свои права весна.

Всю ночь я промучился на нарте и заснул лишь под утро, а в пять часов утра мы остановились в Коссове для отдыха и чаёвки.

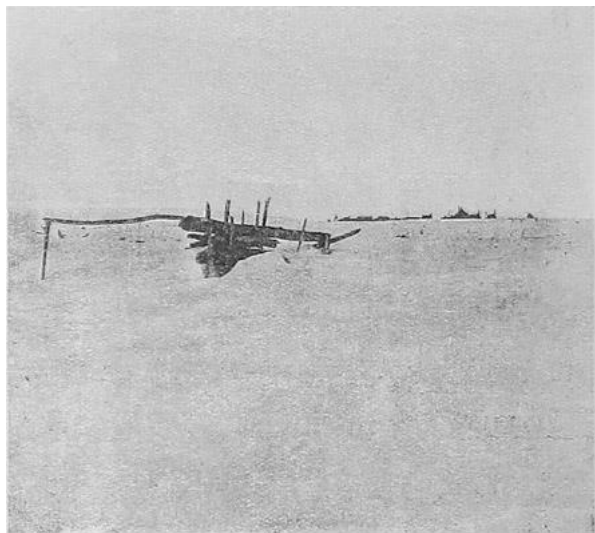

Рис. 33. Песцовая пасть. Фот. Е. Ф. Скворцова.

13 и 14 (26-27) мая 1909 года, вероятно, останутся памятными на всю жизнь — это были для меня одни из самых тяжёлых дней за время экспедиции. В Коссове мы оставили две нарты и двух каюров Портнягиных, ибо это было их постоянное место жительства. Здесь же мы узнали, что ехать через Станчик, как мы ехали туда, уже невозможно, так как по протоке Уларовой против Станчика пошла верховодка высотой в рост чело-

века и поэтому переправа через неё вряд ли возможна. Здесь всё время, оказывается, стояла тёплая солнечная погода, испортившая санный путь и доведшая протоки до положения, при котором они грозят вскрыться ежеминутно. Каюры сговорились ехать через какое-то «якутское житьё», и ехать немедленно, ибо могущий произойти разлив Индигирки разобьёт всю громадную дельту её на массу островков, зальёт низкую тундру и может запереть нас где-нибудь на безлюдном клочке земли без пищи для себя и наших собак. Поэтому, после чаёвки в Коссове, в семь часов утра мы двинулись в дальнейший путь.

Солнце поднялось уже высоко, и день снова обещает быть тёплым. Кочковатая тундра только местами покрыта снегом, в большинстве же случаев снег растаял, и сквозь покров воды видна чёрная земля. Двигаться на собаках по такой почве возможно только весьма медленно: тяжело пыхтя тащат они нарты по чёрной земле (полозья, конечно, уже давно лишены слоя льда), но проделывают эту работу старательно, вероятно, всё-таки они чувствуют, что направляются к родному дому. К одиннадцати часам стало, можно сказать, жарко (15° в тени); дорога ещё ухудшилась — прямо видно, как тает снег и по всем уклонам текут, бурля, ручейки. Часто попадаются озёра, покрытые ещё ледяной корой, поверх которой находится вода. С небольших холмов, иногда попадающих по дороге, текут бурные потоки от тающего на вершинах их снега, эти потоки заливают прилегающую тундру, и вода ещё более ускоряет таяние снега внизу. Я был поражён этой картиной: ведь только вчера ещё на берегу океана оставил я девственную белую рав-

нину, всего только каких-нибудь 30-40 вёрст к югу вглубь тундры и такая поразительная перемена. Ведь несомненно, что там на океане и теперь лежит нетронутой пелена снега. Что значит, что под снегом не толстый слой холодного льда, а чёрная земля, сильно поглощающая тепло.

Около часа дня вдруг замечаю, что мы проезжаем мимо холмика, чрезвычайно похожего на тот, мимо которого мы проезжали часа два тому назад. Обращаюсь к моему каюру — моя нарта идёт впереди, и мой каюр является путеводителем — с указанием на это обстоятельство. Вижу — смутился, не знает, что сказать. Подъезжают и сзади нас едущие нарты. Те каюры набрасываются на моего; что, дескать, ведёшь нас второй раз по тому же месту, зачем говорил, что знаешь дорогу, когда путаешься здесь в тундре и зря заставляешь мучить скот, и без того истомлённый такой дальней дорогой. Тот оправдывается, говорит, что знает дорогу, немножко только запутался, перепутав едомы (так называются здесь холмики)¹. «Но, — говорит, — теперь буду внимательнее». — «Ну делать нечего, едем дальше». Тронулись снова по той же чёрной тундре. Часто ещё попадаются места со скользкой липкой глиной, к которой крепко прилипают полозья нарты, так что собаки не в силах отодрать нарту от земли без помощи каюров. Часто встречаются большие озёра, покрытые льдом, сверху которого находится вода. Объезжать нам их нет сил, и нарты тащатся по льду, собаки по брюхо в воде, нарты в воде также почти до сидения. Попадаются долинки между едомами, где сохранился ещё снег, и тогда наше передвижение ускоряется, собаки ободряются и тащат веселее.

Так, то по хорошей, то по отвратительной дороге, передвигаемся мы часа два — всё низкая тундра, с бесчисленным количеством озёр и изредка попадающимися едомами. Вдруг мой каюр останавливается и заявляет, что совсем не знает местности, что ему совершенно незнакомы эти едомы. Все, конечно, обрушиваются на него, как он смел говорить тогда в Коссове таким авторитетным тоном о том, что бывал здесь. ««Ну, да, бывал года три тому назад», — говорит и прибавляет, — но только в пургу, тогда почти ничего не было видно». Ну, что тут делать, теперь уж назад не воротишься; он признаётся, что совсем запутался, следа обратного тоже не найти, ведь столько раз мы ехали прямо по

¹ Якуты называют эти холмики «булгунняхы», русские — «едомы (эдомы)». Это весьма характерные образования среди низкой тундры и о них часто будет идти речь в дальнейшем.

воде. «Нужно ехать прямо на запад, — говорю, — перебраться по возможности скорее через все протоки Индигирки и по последней найти Русское Устье».

Поехали дальше, уже не обращая внимания на слова моего каюра, говорившего иногда, что узнаёт то ту, либо другую едому, но вскоре умолкнувшего о своём знании. Не всё ли равно, обойдёмся и без якутского жилья, через которое должен был идти наш путь. Солнце уже давно скрылось в тучи, а вскоре совершенно неожиданно налетело на нас облако тумана, и через несколько минут всё потонуло в непроглядной мгле. Остановились мои каюры. Сюрприз весьма неприятный и неожиданный! К счастью, лёгкий юго-западный ветерок ещё не прекратился, и мы поплелись дальше в непроглядном тумане, держа курс так, чтобы ветер дул справа под углом в 45° к направлению нашего движения, т.е. в переднюю половину левой щеки. Предполагается конечно, что с наступлением тумана ветер не переменил своего направления. Шли так ещё часа два; как назло попалась низкая, сильно залитая водой, кочковатая тундра. Собаки в полном изнеможении, каюры уже не сидят на нартах, а идут рядом с ними, чтобы облегчить их тяжесть, шлёпая по воде и часто помогая собакам в их добросовестной работе. А ветер всё тише и тише и, наконец, совсем стихает. Одному кажется, что с этой стороны дует, другому, что с противоположной. Направление потеряно, и тут я вспоминаю, что со мною нет буссоли, что я вчера только отдал её Н.А. Июдину, запасные же остались в Русском Устье — и, ведь, нужно же было случиться такой напасти, как туман; о нём мы и не подумали. Ехать дальше нет возможности, пока не рассеется туман: вставляются в нарты тормоза и от нечего делать готовится чай. За чаем рассуждаем о нашем положении; оно весьма незавидное: провизии с собой у нас нет, взято было в обрез, так как, ведь, едем не куда-нибудь, а в Русское Устье; корма для собак нет совсем, в Коссове скормили последнее, достать там больше не могли, так как улов рыбы всё ещё не начался, а зимние запасы у жителей уже истощились. Миколай Чихачёв, старший из каюров, утешает что, если и пропадём, так все вместе. Спрашиваю его, а долго ли держатся здесь туманы — говорит, что иной раз и по трое суток стоят. А погода, как назло, тёплая, целых 8° , и таль идёт вовсю. Чихачёв мечтает о том, чтобы переправиться хотя бы через протоку Уларову, так как за ней находится местечко Крута́, которое как-нибудь, хоть через несколько дней, а нашли бы, а там люди и помогут нам. Я возражаю, что

Крута́ нам не поможет, ибо нас семь человек, а там бедные жители, вероятно, уже остатки зимних запасов доедают, о пище для собак и говорить нечего. «В крайнем случае, — говорю, — вот нам еда — эти самые собаки, которые так усердно служили нам, они и должны оказать нам и эту последнюю услугу, пойти нам на обед. Кстати их здесь много, надолго хватит». Миколай соглашается и ласково треплет свою передовую собаку, как бы сожалея о предстоящей ей участи. «Впрочем, — говорю, — рано ещё об этом думать. Может, туман и скоро разойдётся». После чая, как всегда, настроение поднимается, но туман стоит по-прежнему непроглядной стеной. Уже пять часов вечера; собаки, удивлённые долгой остановкой, притихли и расположились на мокрой земле для отдыха, и мы располагаемся кое-как на нартах, надеясь сном подкрепить силы для предстоящего ещё далёкого пути. Удалось заснуть; в семь часов вечера просыпаюсь, оглядываю кругом живописную картину наших шести нарт, расположенных полукругом со спящими неподвижными собаками и таковыми же каюрами среди залитой водой тундры и по-прежнему окружённую тесным кольцом непроглядной молочной пелены. Принимаю снова более удобное положение и засыпаю; через несколько часов просыпаюсь, вздрагивая от холода и сырости: идёт мелкий, но частый дождь, уже порядочно успевший смочить меня во время сна; переменить мокрого костюма нельзя, так как с собою только один. Бужу каюров, чтобы развели костёр и поставили чай. К сожалению, обедать не придётся, с собою остались только сухари — впрочем, где уж тут думать о такой роскоши, как обед. На костре удаётся кое-как высушить с внутренней стороны мою бобриковую куртку и меховые чулки. Нужно сказать, что ноги были обуты в так называемые торбоса, состоящие из двух частей: во-первых, чулок или, лучше сказать, меховых валенок, у которых мех находится на стороне, обращённой к телу, и, во-вторых, собственно торбасов, облегающих ноги выше колен, причём они мехом обращены уже наружу; изготавливаются торбоса из оленьего меха. Зимой они служат прекрасной защитой от жестоких морозов, но летом они не пригодны, так как, конечно, пропускают совершенно свободно воду; стоит постоять на мокрой земле и уже чувствуешь, что влага прошла сквозь них, а при таком путешествии, как наше, в воду вставать приходится поминутно.

Дождь всё-таки нас обрадовал — есть надежда, что прекратится туман. Гляжу на часы: десять часов вечера; теперь похолоднее, хорошо бы

в путь, но куда? Все направления для нас равны, нет оснований предпочесть какое-либо из них. Собаки спят глубоким сном, хотя легли, ведь, на голодное брюхо. Больше всего беспокоишься о собаках: ведь, и в Крутё для них не достать корма, для такой оравы там его не найдётся; пожалуй, некоторым из них действительно скоро придётся отведать собачьего мяса. Ну, завтрашний день ещё можно не покормить, а дальше-то как же, ведь, они целый день в работе и в какой ещё тяжёлой — на голодный-то желудок не потащишь тяжёлую нарту по кочковатой липкой тундре.

Спать больше уже не хочется. Сидим вокруг костра, который чуть теплится, развести больше нельзя, так как дров нет, и то на него употребили доски из-под нарт, вытащили какие было возможно — дерево тоже необходимо беречь. А дождь всё идёт и идёт; закрылся мокрой дохой — снова все затихли в ожидании, когда над нами сmilуется судьба. И урасы или хоть бы какой-нибудь палатки соорудить нельзя, ибо нет с собою материала. Ругаешь мысленно себя за легкомыслие, что без всяких предосторожностей отправился в путь по такой пустыне, да, по правде сказать, раньше и в голову не приходило, что нечто подобное может случиться. Впрочем, и то сказать: ведь провизии то и взять негде было, не у юкагиров же на Алазее или в Коссове, где у самих жителей есть нечего.

Часа в четыре утра просыпаюсь в сидячем положении под своей дохой, мой каюр предлагает чай — единственное, что у нас имеется в достаточном количестве. Дождь перестал, но туман по-прежнему стоит стеной со всех сторон; однако, мне кажется, что на небе не всё так однообразно бело, а что в одной стороне как будто можно угадать присутствие солнца — следовательно это восточная сторона, и, следовательно, мы можем, зная это, тронуться в путь. Каюры внимательно всматриваются в небо и соглашаются со мною, что там, вероятно, должно быть солнце. Но мы решили подождать ещё немножко, чтобы, если уж ехать, то наверняка. Измученные собаки всё ещё лежат в неподвижных позах, точно мёртвые — пускай отдохнут, отсюда, ведь, при самых благоприятных условиях не менее суток езды до Русского Устья. Мы все внимательно следим за белым покровом, закутавшим небо и вдруг ясно вырисовывается белый диск солнца! Стремительно бросаются каюры будить собак, которые весьма неохотно встают со своих мест; некоторые спят так крепко, что каюрам приходится расталкивать их, давая довольно

чувствительные пинки. Поправляется упряжка. Наконец, всё готово, и в шесть часов утра трогаемся мы в путь прямо на запад.

Под лучами солнца быстро пропадает туман, и в семь часов утра от тумана нет и следа, облака тоже ушли за горизонт, и на голубом небе ярко засияло солнце. Теперь тундра видна на большое пространство: та же низкая, залитая водою, с редкими едомами равнина, и ей конца, кажется, не предвидится. Мой Ваничка (каюр, который управляет моей нартой) говорит, что места он не узнаёт, да и как тут узнать, когда нет никакого отличительного признака, — та же тундра, те же самые едомы, что и вчера.

Едем молча. Под лапами собак и нартами булькает вода, нарта качается из стороны в сторону, то наскакивая на кочку, то соскакивая с кочки; каюры идут рядом с собаками, подбодряя их словами и восклицаниями; собаки старательно работают своими лапами, но нарты лишь весьма медленно подвигаются вперёд. Так едем час, другой, третий, а ожидаемой протоки Уларовой всё нет. Тут стало попадаться бесчисленное количество небольших озёр, «лайд»¹, как называют русские, но мы держим свой путь прямо, не отклоняясь, и прямо въезжаем на покрытый сверху водою лёд озёра: собаки, с визгом барахтаясь в неглубокой, но холодной воде, тащат нарту несколько быстрее по скользкому льду. Надлédная вода неглубока, всего по брюхо собакам, и идти по такому озеру легче, чем по кочковатой тундре. Солнце поднялось высоко, и странно кажется, что оно невыносимо палит. Не потому ли так кажется, что все мы думаем в это время о том, как под такими лучами тает лёд Индигирки? Как бы то ни было, но собаки изнемогают от тяжести нарт и жары, все они тяжело дышат и идут с высунутыми языками. И так идём ещё час, другой и третий, и только после часа дня один из каюров замечает вдали реку. К двум часам мы добираемся до Уларовой протоки: река вздулась и почернела, ширина её здесь около 150 сажень (320 м), и протока эта считается такой же глубокой, как Средняя и Большая Индигирки. Теперь возникает вопрос, как удастся перебраться на другую сторону; сверху льда река покрыта водой — вопрос, насколько глубока эта вода. Итак, через реку! Ваничка берёт за алык передовую собаку и идёт с палкой впереди, меряя глубину воды. Собаки снова начинают визжать, шлёпая по холодной воде. Вода становится всё глубже и глубже; пово-

¹ Что такое лайд будет ясно из дальнейшего изложения.

рачиваем вдоль реки, чтобы найти более мелкую воду, в нескольких местах пытаемся уже на середине реки попасть на противоположный берег, но глубина воды не позволяет. В конце концов, описав по реке полукруг длиною, примерно, в две с лишним версты, мы выбираемся на противоположный берег. Миколай Чихачёв ликует: «Теперь не пропадём, — говорит, — здесь на этом острове ведь есть жители — местечко Крута́».

Чтобы дать хоть какой-нибудь отдых усталым собакам, прошедшим девять часов по ужасной дороге, решено здесь остановиться и напиться чая. На берегу много тальника, из которого удаётся сложить хороший костёр, на котором сушится наша обувь. Собаки поглядывают на нас, пьющих чай, в напрасном ожидании пищи — нам нечего им дать; убедившись в том, что их ожидания напрасны, свёртываются калачиком, стараясь во сне забыть голод. Но, после Уларовой все каюры выглядят веселее, хотя ещё очень большой путь предстоит впереди, и ещё две большие переправы. Долго останавливаться нет возможности — время не терпит, таль идёт большими шагами, скоро и через лайды нельзя будет переезжать по льду, обходить же их, этот бесконечный лабиринт, конечно, у нас нет никаких сил. Поэтому через два часа, т.е. в пять часов вечера, снова будим своих собак и отправляемся в дальнейший путь по бесконечному полю кочковатой тундры, изрезанной лабиринтом лайд. Трудно описать однообразный мучительный переход в течение следующих пяти часов: страшно медленно двигались мы все молча, и лишь журчание воды, да иногда печальный визг какой-нибудь собаки, выбивающейся из сил, нарушали торжественную тишину грандиозной равнины. Поднимая голову, мы видели впереди, сзади, и по сторонам, всё ту же залитую водой плоскую тундру; едомы скрылись, и почти без остановок шли мы всё время на запад.

Попалась одна громадной величины, но мелкая лайда, совсем лишённая ледяного покрова, с илистым дном, в котором увязали ноги собак, и более версты пришлось идти по ней, причём здесь каюры употребляли все силы, чтобы помочь собакам, так как без этой помощи последние не в состоянии были тащить нарты по липкой глине. Но вот, наконец, вдали увидели мы юрты; то должно быть Крута́ — там придётся отдыхать. И вдруг совершенно неожиданно путь нам перерезывает река около 60 саженей (130 м) шириной и совершенно лишённая льда. Мы все остановились, как вкопанные, преграда казалась непреодолимой,

лодки с собой нет и плавать никто не умеет. Протока называется Дракина, и о ней-то совсем позабыли мои каюры. А юрты Крута́ находились не более, как на расстоянии 7-8 вёрст — «хоть близок локоть, а не укусишь». Но тут Миколай Чихачёв вспоминает, что протока эта по «сказкам» (т.е. по рассказам) неглубока, и, быть может, удастся найти место и перейти на другую сторону вброд. А, ведь, в самом деле, одно то обстоятельство, что на ней нет льда свидетельствует, что она должна быть мелкой. И так оно и оказалось в действительности: мы свободно переехали её вброд, глубина её была не более аршина (0,7 м).

Напоследок пробежал дикий олень как раз по направлению к Крутё, и наши собаки, забыв всю усталость, ринулись за ним изо всех сил, а тут кстати попалась большая лайда со льдом, непокрытым водою, и мы скоро доехали до юрт, где и остановились для отдыха. В Крутё, как я и предполагал, корма для собак не было и для людей-то запасы приходили к концу, так что нам уступили только три рыбы на семерых — конечно, это немного, но всё-таки подкрепит силы для предстоящего пути в 45 вёрст. В Крутё дал только три часа срока для отдыха, поэтому каюры завалились спать сейчас же после еды. Я же решил не спать, чтобы разбудить их вовремя. Вышел на Среднюю Индигирку, на берегу которой и расположена Крута́. Река вся почернела и посинела, непрерывной полосой тянется открытая вода, по которой ходят волны от поднявшегося ветра. Как-то мы переправимся через неё, и в каком виде найдём мы Большую Индигирку?

Спрашиваю хозяина юрты, что он думает насчёт переправы; он говорит, что ещё можно без особенного риска перебраться — «Христос-спаситель поможет». Незаметно проходят три часа, и в час ночи бужу своих каюров, чтобы готовиться к переправе. Усилился ветер, и тёмные синие волны ходят по реке; местами белеет лёд, во многих местах чёрные пятна. Вдоль самого берега какая-то каша из снега и воды; кажется, что ни на лодке, ни на нарте нет возможности переехать на другую сторону. Так как глубина воды нам неизвестна, и, по всей вероятности, может достигать в некоторых местах до 2 аршин (1,5 м), то приходится принять меры предосторожности, чтобы уберечь наш багаж: на нарты накладываем доски, устраиваем что-то вроде второго этажа из досок, которые мы купили у хозяина юрты, и на эти доски уже накладываем наши вещи; особенно оберегаю хронометрический ящик и ящик, в коем находятся фотографические пластинки. Наконец всё уложено, и нарты завязаны. Перед отъездом заходят мои каюры в юрту помолиться Богу и с полчаса

стоят перед образами; со словами «Христос-спаситель поможет» выходят из юрты. Теперь ещё остаётся задача разбудить наших собак: последние спят крепко, и приходится прибегнуть к энергичным мерам, чтобы поставить на ноги измученных животных. Осторожно спускаемся по крутому берегу вниз к реке. Я стою на нарте, надев на себя фотографический аппарат. Вот и река! Каюр, идя впереди, увлекает за собой собак. Моя нарта идёт первой; вот уже нарта в каше — иначе нельзя назвать эту смесь льда, снега и воды. По этой каше нарта подвигается вперёд, можно сказать, черепашим шагом, сделает аршин и стоит минуты три, потом ещё аршин, и снова остановка. Вдруг насккиваем на какую-то льдину, невидимую под водой: нарта наклоняется на бок и, врезавшись в снег, останавливается; каюр, возясь по колена в ледяной воде, старается сдвинуть нарту с места, но безуспешно, нарта примерзает полозьями ко дну. Ваничка зовёт других каюров, и общими усилиями удаётся отодрать нарту от льда. Тронулись дальше с тою же скоростью; бедные собаки визжат немилосердно, но добросовестно стараются тащить нарты вперёд. Вода всё глубже и глубже, уже выше нарты; собаки еле достают до дна своими лапами, и теперь уже она передвигается лишь усилиями каюра. Я стою на нарте, но ноги уже в ледяной воде, которая прошла сквозь мои торбаса; каюрам ещё хуже, вода им почти по пояс и становится ещё глубже, и каюры начинают выражать беспокойство за благополучный исход переправы, но я указываю им, что во всяком случае, в Крутё оставаться также невозможно — один исход, во что бы то не стало, попасть в Русское Устье. К счастью, вода была только до середины реки, и наибольшая глубина была только немногим выше пояса. Мне вода доходила только до колен, но и то не могу сказать, чтобы была приятна такая ледяная ванна. Через час времени добрались мы до лишённой воды середины реки, несколько проехали по хорошей дороге, а затем стали искать наиболее мелкой воды у противоположного берега. Несколько раз пытались перебраться на западный берег, но безуспешно, и, только пройдя две версты вдоль по реке, нашли место, где без особенных усилий можно было переехать на противоположный берег.

Надо ещё сказать, что с самого начала переправы поднялся жесточайший западный ветер с ледяным дождём, немилосердно резавшим лицо. Когда мы выбрались на противоположный берег, все дрожа от холода, первой заботой было развести костёр, чтобы высушить насколько воз-

можно свою одежду. Костёр был быстро разведён, но поваливший густой и мокрый снег мешал сушить наши вещи. А у нас всё было совершенно мокрое: сидел я у костра, завернувшись в мокрую доху, руки мокрые, лицо мокрое и нечем вытереть, да, пожалуй, и не стоит труда вытирать, ибо всё время садится мокрый снег и тает. Через каких-нибудь десять минут все наши нарты были засыпаны снегом, но на земле он не держался — таял тотчас же, так что надежды на то, что он исправит дорогу, не было. Посмотрел на термометр: Батюшки, уже 8° мороза, недаром нам так холодно! Вещи наши тем не менее не собираются высохнуть; долго дожидаться не приходится, и мы решаем ехать дальше. Закрывшись мокрым одеялом и дохой, устроился на нарте, стараясь укрыться от резкого ветра и мокрого снега, но ветер то и дело распахивает доху и всё засыпает мокрым снегом. Дорога опять лежит по той же ужасной низкой тундре; везде вода, внизу под нартой, кругом, проникла во всю нашу одежду, и ещё сверху льётся вместе с мокрым же снегом — и при этом 8° мороза. Пытаюсь всё-таки заснуть, но нарта так покачивается, что то и дело кажется опрокинется и тогда очутишься в ледяной воде. Но усталость и полная апатия ко всему взяли верх, и я заснул тяжёлым сном, несмотря на журчание воды и сильные толчки от неровной поверхности.

Проснулся я от страшного визга собак и их шлёпанья по глубокой воде. В изумлении огляделся вокруг: мы были посреди бушующего пространства воды, земли не было видно — мы шли по огромнейшей лайде, по ещё крепкому, но покрытому водою льду. Вследствие неясной погоды низких берегов не видно, и потому получается впечатление какого-то моря, среди коего ничтожными точками затерялись наши три нарты. Но визг собак, этот печальный визг, в котором столько страдания, проникает в самое сердце — всё сливается в какую-то отчаянную протяжную ноту. Ах, бедные, славные животные, досталось же вам за эти дни, и как не любить вас, так преданных человеку! И мне кажется, что они ясно понимают необходимость идти всё вперёд, потому что стараются тащить нарты изо всех сил, несмотря на всю, действительно, ужасную дорогу. И сколько раз в эти дни поражался я выносливости и силе, которая таится в этих маленьких животных. Уж кажется, что они измучены в конец, идут еле-еле, опустив головы и высунув свои красные языки — видно, последние силы напрягают, но вот умелый каюр удачным словом сразу поднимает настроение, и нарта идёт веселее, и

видишь уже снова весёлое помахивание пушистых хвостов. А пробежавший олень или другой какой-нибудь зверь мгновенно преображают еле плетущуюся свору, и нарта летит уже как будто и не существует неровностей пути, но долго такой подъём конечно, продолжаться не может. Сколько такой чисто нервной энергии в этих зверьках!

Я снова заснул посреди этой громадной лайды; сквозь сон доносилось бульканье и журчание воды, непрерывное покрикивание осипших голосов каюров: «подь, подь, подь, нара, нара, тох, тох...» и всё покрывающая печальная нота, в которую сливался отчаянный визг собак. А разбудили меня уже на берегу Большой Индигирки, на противоположном берегу которой виднелись юрты Русского Устья. Собаки уже видели их и стояли весёлые, помахивая хвостами и радостно лая, предвкушая, наконец, утоление своих голодных желудков. Теперь осталась только переправа. Индигирка здесь немного менее двух вёрст ширины и поверхность её свободна от воды. Нарты въезжают на лёд для последней переправы. Едем по ровному льду, и вдруг лёд под моей передней нарттой проламывается и вода захлёстывает нарту — оказывается, что это надлёдная вода, только покрытая тонким слоем льда за сегодняшнюю морозную ночь. Ну, да теперь уже всё равно, теперь, если и вымокнешь весь, то есть где переодеться и согреться, и, не выбирая уже мелких мест, идём прямо на противоположный берег. Лёд стал настолько тонок, что проламывается уже под тяжестью собак и они, путаясь в его острых осколках, где бредут, где плывут, снова подняв визг, однако, в этом визге уже ясно слышны радостные ноты. Как только попадаем на крепкий лёд, нарта летит во всю прыть и кажется, что собаки только что впряжены в нарты. С громким лаем несутся наши нарты через Индигирку прямо на юрты, но вдруг каюр замечает, что прибрежная полоса реки, шириною сажень в 60 (130 м), уже свободна от льда, а нарта несётся прямо туда. Каюр старается затормозить, но ему не удаётся; открытая вода всё ближе, а собаки несутся, как угорелые. Со всех сил налёг каюр на тормоз и ему удалось, наконец, остановить нарту у самого края воды. В Русском Устье уже заметили нас и спешат спустить на воду «карбас», чтобы перевезти нас на берег. Вот карбас подходит ко льду, идёшь к нему по трещащему тонкому у края льду, вскакиваешь на карбас и направляешься к берегу. Недалеко от берега карбас садится на мель. Тут уж не разбираешь, соскакиваешь в воду и выбираешься наконец на территорию Русского Устья. Весь багаж на льду, снят с нарт и тоже перевозится на карбасе, а собаки с пустыми нартами весело бросаются вплавь,

вылезают на берег, громко лают, и им вторят товарищи, остававшиеся в посёлке. Подхожу к собакам и ласкаю их. Разве без них возможно жить в такой стране?..

На берегу встречает меня остававшийся здесь казак Турунтаев. Я рад ему, как давно знакомому человеку. Турунтаев встречает меня восклицанием: «Барин, что с вашим носом?». — «А что, говорю, я ничего не чувствую?». — «Да он весь белый!». Иду в дом, достаю зеркало — в самом деле отморозил. В ночь на 15 (28) мая отморозил себе нос — дико звучит такая фраза. Были и не такие морозы раньше и ничего не случилось. Очевидно это произошло во сне, когда в некоторые моменты я совершенно ничего не чувствовал.

Итак, наконец, я добрался до Русского Устья, издали казавшегося таким привлекательным. С большим трудом цель достигнута. Как я стремился к Русскому Устью эти последние дни, и как сразу по приезде это самое Русское Устье потеряло всякую ценность для меня, превратившись в группу нескольких грязных юрт среди залитой водой равнины и скоро сделалось для меня, можно сказать, тюрьмой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Русское Устье на Индигирке

15 мая - 7 июня (28 мая - 20 июня)

Посёлок Русское Устье — Дом мещанской управы — Заключение в Русском Устье — Жизнь русских на далёкой Индигирке — Главнейшие русские посёлки на Индигирке — Удивительная сохранность русского языка — О происхождении индигирских русских — Одежда — Средства передвижения — Главный промысел: рыбная ловля — Гусиный промысел — Побочные промыслы. — Пища — Болезни — Темнота русских — Некоторые черты характера — Важнейшие нужды русского населения — Перелёт птиц — Весенняя полярная ночь — Начало рыбного промысла — Ледоход на Индигирке — Прибытие остальных членов экспедиции — Их маршрут по хребту Улахан-сис — Самоотверженность чаек — Частное солнечное затмение — Отъезд из Русского Устья на берег океана.

Итак, второй раз в Русском Устье (рис. 34) и на этот раз уже очевидно на более продолжительное время. Посему нужно расположиться комфортабельнее, но здесь это возможно лишь при условии крайней неприхотливости.

Русское Устье представляет небольшой посёлок, состоящий из девяти жилых домов и несколько большего числа небольших амбаров, служащих для склада запасов на зиму (план на стр. 79). Все дома построены по одному образцу. Рисунок 35 представляет снимок дома мещанской управы, лучшего дома посёлка. Этот дом, в котором расположился я, состоит из двух комнат и холодных сеней без наружных дверей. В каждой комнате имеется по камельку. Внутри дома имеется следующая мебель: два стола, табуретки и деревянные кровати. Стол в торжественных случаях покрывается старой, потемневшей от времени, пёстрой скатертью. Дом этот обычно отапливается только до «Миколы», но теперь, по случаю моего приезда, приезда «начальника», как выражались русско-устынцы, отрядили мне истопника для отапливания моего помещения. Турунтаев же исполнял обязанности повара. Впрочем, сейчас же выяснилось, что разнообразия в обедах и ужинах быть не может, так как из провизии здесь можно достать только рыбу — омуля. Итак, начался новый период еды — рыбный. Сегодня, завтра, послезавтра на обед и ужин — рыба, рыба и рыба. Весьма неприятным оказалось, что и хлеба нельзя достать: здесь его не пекут, вместо него делают ржаные лепёшки. Ну, что же, и то хорошо!

Поддерживать теплоту в моём помещении оказалось делом нелёгким: камелёк (рис. 15) топится целый день, но под утро всё-таки в комнате термометр показывает всего полтора градуса выше нуля; да и как нагреть комнаты, когда отверстия окон закрыты лишь тонкой ситцевой тканью, а в рамах большие щели.

Выйти из дома теперь некуда, кругом тёмно-серая, совсем залитая водой тундра. Один шаг от порога дома и ноги погружаются в кочковатую тундру, которая, кажется, безгранично протянулась во все стороны, и на юг, и на север, и на запад, и на восток. Вот только на юге, но в страшной дали, чуть видны Бурульгинские горы. А погода опять холодная, валит снег и снова окреп лёд Индигирки, только в прибрежной полосе река свободна от льда, сама же Индигирка снова представляет хорошую дорогу для собачьей езды.

Дни проходят страшно томительно в этом невольном заключении. Когда возможно, занимаюсь астрономическими наблюдениями, но это бывает не так часто, ибо свинцовое небо редко разрывает свой покров, чтобы дать место солнцу. Чаше оно непроницаемо и кажется опустившимся на самую землю, которую оно придавило своей тяжестью. И всё время к тому же пронизывающий холодный ветер, так что уж совсем не

до прогулок. Читать тоже нечего: книг с собой мы не могли брать, так как, ведь, должны были ограничиться самым необходимым, а книги — это уже роскошь. Время проходит волей-неволей в разговорах с двумя моими собеседниками, Турунтаевым и истопником Иваном. Последний посвящает меня в образ жизни и в нужды русских на Индигирке.

Рис. 34. Русское Устье на р. Индигирке. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Постараюсь на основании этих его рассказов, а также на основании впечатлений, вынесенных из поездки по другим посёлкам дельты Индигирки, дать описание тяжёлой жизни наших далёких соотечественников.

Русские поселения на Индигирке расположены в самом нижнем её течении главным образом в её обширной дельте. Самое южное — Аллаиха — находится в 120 верстах (128 км) от берега океана, на левом берегу Индигирки; севернее лежат посёлки Шевелёво и Бурульгин; около последнего река разделяется на два рукава, образуя вершину дельты, далее рукава эти в свою очередь дробятся, образуя многочисленные протоки. К северу от Бурульгина на каждом из рукавов имеются русские поселения, из коих наибольшие — Русское Устье и Стариково на Большой Индигирке и Станчик на Колымской протоке. Более мелкие посёлки — Крута на Средней Индигирке, Коссово на Колымской и прочие; в некоторых живёт лишь по одной семье, а сам посёлок состоит из одной юрты да 2-3 амбарчиков. Означенные на стовёрстной карте издания Главного Штаба селения Едомка и Колесово уже давно покинуты

жителями, вместо них выросли другие. В Аллаихе имеется церковь и живёт священник, в Русском Устье есть деревянная часовня, издали весьма напоминающая могилу (рис. 34). Все посёлки, кроме Аллаихи, лежат севернее границы лесов, в полярной тундре; около Бурульгина лишь подходит к берегу реки горный кряж и тем нарушает здесь общую картину беспредельной равнины.

На описании страны и климата здесь мне останавливаться нечего, ибо и то, и другое не представляют исключения из общей картины прибрежной полосы края между Леной и Колымой. Индигирка обыкновенно освобождается от льда между 20 мая (2 июня) и 10 (23) июня. В 1909 году она тронулась 2 (15) июня. Бывают случаи исключительно ранней весны, когда вскоре после «Миколы» — 9 (22) мая — вскрывается река, но бывают случаи, когда ледяной покров простаивает и до Петрова дня — 29 июня (12 июля).

Рис. 35. Дом мешанской управы в Русском Устье. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Самое поразительное в жизни этих далёких русских — это отличная сохранность русского языка среди инородческой среды. Я уже упоминал, что, въехав в Якутскую область, слышишь всегда лишь якутский язык; в Олекминском округе и то встречаются иногда даже русские, которые ни слова не знают по-русски, до такой степени сильно здесь якутское влияние; смотря по внешнему виду — и русский, а задашь вопрос на русском языке и слышишь в ответ: «белбяпин» (не знаю). Даже в городе Верхоянске преобладающий язык якутский, русский господствует только среди немногочисленной местной администрации и интеллигенции, даже казаки между собою объясняются большею частью по-

якутски. В селе Казачьем, этой полярной столице северного края между Леной и Алазеей, не встретишь русского, не говорящего по-якутски; якут или туземец там ни слова не понимают по-русски. Одно время у нас был проводником русский, крестьянский староста Портнягин из села Казачьего — он не понимал ни одного русского слова.

На Индигирке же все русские говорят по-русски, большинство совсем не знает якутского языка и самое удивительное это то, что окружающие инородцы не только понимают, но и сами говорят по-русски. Есть, конечно, некоторые особенности индигирского языка: отличается выговор, имеются некоторые слова, коих нет в нашем языке («кабыть», что значит ладно, хорошо, «мольч» — превосходно, отлично). Некоторые особенности заимствованы от якутов, например, вместо слова «да» русско-устыинец «экает», т.е. произносит букву «э», растягивая её нараспев. Но эти отклонения легко объясняются полной вековой обособленностью русских на Индигирке от своих соплеменников. Ведь, даже у нас, в Европейской России, существуют различные выговоры. Можно ли удивляться некоторым странностям выражений и выговора русских на далёкой Индигирке?

Что касается происхождения индигирских русских, то в этом отношении от них трудно было что-либо разузнать. По-видимому, время прихода их сюда относится к глубокой старине. Среди них есть рассказы, по которым можно заключить, что они являются пришельцами из-за моря (архангельцы). Некоторые же фамилии поражают своим сходством с древними боярскими фамилиями. Русские разделяют себя на коренных или «корневых», как они выражаются, и на некоренных, т.е. поселившихся здесь сравнительно недавно. Перечисляю фамилии коренные: Струковы, Воронцовы, Чихачёвы, Шелоховские, Голызинские, Киселёвы, Куракины, Черемхановы, Рожины, Шкулевы, Котовщиковы, Щелкановы. Коренное население пополнялось ссыльными. Вот фамилии, по словам русских, не коренные: Портнягины, Илошевские, Иголкины, Скопины, Шаховы, Гуськовы. Для контраста приведу здесь наиболее часто встречающиеся на севере фамилии: Санниковы, Антипины, Слепцовы, Гороховы, Протодяконовы; и некоторые казачьи фамилии: Дьячковы, Турунтаевы, Солдатовы, Асламовы.

Возможно, что индигирские русские являются потомками ссыльных на север бояр, очень давно перебравшихся на кочах по Ледовитому океану на далёкую Индигирку. Узнать там по этому поводу что-нибудь более определённое не удалось.

Теперь эти русские официально именуются верхоянскими мещанами.

Что касается одежды русских, то она уже вследствие суровых климатических условий неминуемо должна была измениться и сделаться более или менее похожей на рациональную туземную. Кроме того, и для выделки одежды имелся, главным образом, олень, ибо песец, идущий для продажи, для жителей среднего достатка был бы слишком дорог. Нужно сказать, что всё же русские одеваются довольно щеголевато, по крайней мере в праздники, и одежда их более похожа на тунгусскую и юкагирскую, чем якутскую. Зимой якутский «сукуй» надевается на кафтан, имеющийся у некоторых, что представляет отличие от инородческой одежды; он готовится из «аршинного товара», привозимого сюда в настоящее время зажиточным стариком Киселёвым, приказчиком одного из устьянских купцов. На ноги одеваются олени торбаса, обшитые у зажиточных бархатом. Летом одежда более лёгкая, готовится из «ровдуги» (местной выделки замши из оленьей кожи) и грубого холста. Что касается летней обуви, то она весьма далека от совершенства, ибо не имеется непромокаемой кожи для её выделки (нужно заметить, что вся одежда готовится здесь же на месте), а приготовляемые из ровдуги «сары» совсем мало пригодны для хождения по мокрой тундре и для рыбной ловли, ибо быстро промокают — в этом отношении очень хороши якутские сары, выделяемые из конской кожи. Многие жители предпочитают работать босиком; при мне мой истопник с женою и десятилетним сыном провели несколько часов по колени в ледяной воде, занимаясь ловлей неводом в только что вскрывшейся Индигирке.

Средствами передвижения вследствие отсутствия в дельте Индигирки оленьих кормовищ служат собаки. Оленеводы кроме того неизбежно должны вести кочевую жизнь, что не в характере русских, хотя необходимость всё же заставляет их летом перекочёвывать ближе к морю для рыбного промысла и даже идти далеко в прибрежную тундру на гусиный промысел. Всё же остальное время жители проводят, не удаляясь далеко от своих постоянных зимних жилищ. Для гусиного промысла они содержат по 1-2 лошади, на которых перевозят свой скарб и ветки, сами же совершают переходы пешком, ночуя в переносных палатках. Всё Русское Устье имеет всего десять лошадей, да и вообще их здесь весьма немного. Весь год лошадь находится на подножном корму, зимой

добывает его, как и олень, раскапывая снег своими копытами. Содержание лошадей поэтому обходится весьма дёшево; зато пропитание для собак добывается жителями с большим трудом, ибо для прокормления одной нарты собак нужно не менее 30.000 сельдей в год.

Вся жизнь русских находится в полной зависимости от улова рыбы в данном году, все остальные промыслы служат лишь небольшим подспорьем — рыбная же ловля кормит, как всех жителей, так и их скот — собак. Поэтому во время хода рыбы все остальные занятия отлагаются и все жители — мужчины, женщины и дети — всецело отдаются рыбному промыслу. Рыба ловится небольшими неводами и сетями. Временем лова являются, главным образом, осень и начало зимы; к февралю лов прекращается совсем, весною же начинается, как только река освобождается от льда. Как только заберега¹ будет настолько широка, что возможно закинуть невод, жители спешат «неводить», но первое время обыкновенно бьются даром: рыба ещё не пришла. Наконец, понемногу начинает попадать «селядка», а затем начинается и настоящий ход её; «селядка» считается жителями «не скусной», но весною идёт в пищу за неимением другой. Собаки, уже давно получавшие минимальные дозы пищи, начинают понемногу отъедаться. Скоро появляется и другая рыба и прежде всего муксун. Ловятся затем здесь омуль, чир, налим и щука; две последние не уважаются жителями. Щука считается даже поганой, её не едят даже в голодные годы, разве уже в случае самой последней крайности. Из больших рыб попадаетесь довольно часто нельма, достигающая здесь полутора пудов (24 кг); её жители очень любят: рыба жирная, а чем более жира, тем вкуснее пища — в этом сходятся все жители севера, благодаря тому, что жир отлично предохраняет от холода. После весеннего хода рыбы снова наступает затишье — жители направляются тогда на гусиный промысел. Осенью снова появляется рыба, тогда-то, главным образом, и заготавливаются запасы на зиму, ибо рыба весеннего улова обыкновенно за лето подгнивает и годится только на корм собакам, для которых, кажется, не имеется предела испорченности рыбы. Цена рыбы значительно колеблется в зависимости от времени года и улова рыбы. При мне существовала цена 1 рубль за 10 рыб средней величины от 2 до 4 фунтов (0,8 до 1,6 кг), т.е. 25-30 фунтов (10-12 кг) рыбы на рубль. Главный запас составлял омуль, который осенью 1908 года появился, по рассказам, в таком большом количестве, что

¹ Заберегами здесь называются свободные от льда прибрежные полосы реки.

позволил некоторым наиболее богатым, т.е. имеющим много сетей, например, Киселёву, собрать большие запасы. Характерно, что цена рыбы для собак, т.е. рыбы подгнившей ничуть не ниже свежей. Сохраняется рыба летом в неглубоких ямах, закрытых слоем земли, осенняя же складывается в особые амбары. Проезжая мимо таких хранилищ рыбы, пойманной ранней осенью, поневоле отворачиваешься, ибо даже и чуть тронутая рыба, но собранная в таких количествах, далеко даёт себя знать. Осенняя же рыба, пойманная уже при достаточно сильных морозах, наоборот, сохраняется всю зиму в мёрзлом виде превосходно.

Жители, имеющие немного рыболовных снастей, не успевают составить достаточные запасы на зиму даже и в случае большого хода рыбы и каждую весну проводят более или менее впроголодь. Средств на то, чтобы купить рыбу у более богатых не имеется, к тому же и цена её в такое время поднимается значительно. Наиболее зажиточные наживаются, конечно, на своих запасах, но всё же опасаются продавать много, ибо не известно, как скоро в данном году начнётся лов и хватит ли самим рыбы, если её много продать. Тогда как о голодовке в Колымском крае бывает известно сравнительно скоро благодаря постоянному тракту и два раза в месяц отправляющейся почте, о положении русских на Индигирке можно узнать только очень поздно, чуть ли не осенью по зимнему пути.

К западу от самой правой протоки Индигирки, между реками Волчьей и Богдашкиной, между берегом океана и озером Моготоевым вся местность представляет сплошную болотистую низину с бесчисленным количеством лайд самой разнообразной формы и величины; местность эту русские называют «Лопаткой», и она то служит местом оригинального гусяного промысла, ибо сюда в бесчисленном количестве собираются для линяния холостые гуси. Все лайды буквально кишат этими птицами, лишёнными крыльев в периоде от 8 до 20 июля (21 июля до 2 августа). К Прокопьеву дню 8 (21) июля и перебираются «русаки» — так называют русских окружающие инородцы — на Лопатку, составляют партии для промысла и выбирают лайду, на которой побольше гусей (стада менее 200-300 штук не трогают, считают невыгодным терять на них время). Каждая партия состоит из 10-15 человек, нескольких веток и иногда нескольких собак. Потихоньку на берегу ставят большую сеть вроде мерёжки с длинными крыльями, затем с другой стороны обходят лайду, спускают ветки, и с шумом и криком бросаются на гусей, уже давно почуявших что-то неладное и сбившихся в кучу посередине

лайды, где чувствуют себя в большей безопасности. Кольцом на ветках окружают гусей, стараясь гнать к берегу, где стоит сетка, поднимают невообразимый шум, плеская вёслами по воде и оглашая воздух весёлыми криками. Гуси гогочут, машут слабыми крыльями и тем более усиливают общий гам. Наконец, сбитые с толку, бросаются на берег, и большая часть попадает в сеть; часть, прошедшая сбоку крыльев, настигается собаками, которые то и дело перебегают от одного гуся к другому, перекусывая им горло. Сетки набиты гусями, которые выбились из сил, и нижние уже задавлены массой верхних; охотники выходят на берег и начинается поголовное избиение гусей палками. Говорят, что случается промыслить за один приём около 2000 гусей. При хорошей охоте на семью иногда приходится по 300-400 гусей за сезон. Однажды на такой охоте произошёл и несчастный случай: испуганная группа гусей, спасаясь, бросилась прямо через ветку, в которой сидели два человека, и опрокинула неустойчивую ветку; оба упавшие в воду утонули, ибо никто из жителей не умеет плавать — даже и представления они не имеют о том, что человек может держаться на воде: им это кажется делом нечистого. Убитых гусей зарывают в неглубокие ямы, где они до наступления морозов успевают в достаточной мере подгнить. В более глубоких ямах гуси сохраняются лучше; на сохранность сильно влияет время наступления морозов. Об особенной свежести птицы, впрочем, и не заботятся, ибо все жители любят, когда птица с душком. Линные гуси представляют весьма вкусную и жирную птицу, их отлично можно было бы сохранять, немного просолив. К сожалению, жители не любят солить ни птицы, ни рыбы. В двадцатых числах июля (ст. ст.) у гусей подрастают крылья, и они поднимаются на воздух при приближении к лайде, и промысел, таким образом, становится невозможным.

В связи с гусиным промыслом следует упомянуть и о добыче мамонтовой кости, которая отыскивается по высокому берегу океана к западу от Лопатки, начиная от реки Богдашкиной и по берегу Хромской губы, на так называемом Хапташинском яру. Однако, этот промысел носит здесь чисто случайный характер. Отправляются на него имеющие свободное время после гусиного промысла. Костей добывается в настоящее время очень немного: причина — слишком небольшое разрушение берега, содержащего эти кости, вследствие слишком отмелого моря; в редких случаях вода достигает глинистых обрывов и «ломает» яр, т.е. производит разрушение, благодаря которому обнаруживаются кости. В

несравненно большем количестве кость добывается к западу, на Оёгосском яру (между стрелкой Меркушина и Святым Носом), который разрушается морем в колоссальном размере, но это область, куда не заходит русский: туда собираются промышленники из села Казачьего и прилежащих к нему селений. Русские могут искать кость не на всём Хапташине: по условию с хромскими якутами они установили границу — один ручей в яру (Содомская виска): по правую сторону его, к востоку, область русских, к западу — якутов; этот ручей не имеют права перейти ни те, ни другие, хотя бы и видели на другом берегу мамонтовую кость. Цена кости на месте 20-40 р. за пуд (16 кг) в зависимости от качества кости.

Полярная лисица — песец (белый и редко голубой) служит также предметом промысла и в последнее время составляет довольно доходную статью. Ловятся они, главным образом, зимою, когда мех его наиболее ценится, в остроумно придуманные капканы, так называемые «пасты», построенные из плавника. На рисунке 33 изображена одна из пастей при устье реки Вшивой (вдали виден лагерь экспедиции).

Объезды пастей совершаются 2-3 раза в год на собаках. Цена песка подвержена значительным колебаниям в зависимости от моды на него; но следует отметить, что сами промышленники получают весьма немного, большая часть барыша идёт в руки скупщиков и якутских купцов. Местные скупщики получают особенно много выгоды, так как расплачиваются товаром, на коем также имеют свою прибыль. В Русском Устье песцов скупает старик Киселёв, служащий приказчиком устьянского купца. Мясо песцов не бросается жителями, а идёт в пищу собакам. Из пушного товара попадает здесь ещё и горноста́й, его ловят в небольшие капканы, а раннею осенью его догоняют собаки.

В очень небольшом количестве промысляют ещё белых медведей, для коих построено на берегу океана несколько пастей в роде песцовых, лишь в более грандиозных размерах, но эта добыча чисто случайная.

Из пернатого царства, кроме гусей стреляют и другую птицу, как то: белую куропатку (её не любят, ибо она не жирная — сухая, как выражаются там), уток, куликов и проч., но это всё тоже случайно и в небольшом количестве, а потому съедается сразу, в запас не идёт. Также мимоходом промысляется и дикий олень, хотя для окружающих юкагиров он служит самым важным предметом охоты. Летом удаётся промыслить оленей, когда последние небольшими стадами переплывают Инди-

гирку: тогда русские спешат на ветки, на них догоняют оленей и убивают их особыми лёгкими копьями. Ружьё до самого последнего времени у русских в употреблении не было — его заменял лук; теперь мало-помалу лук выходит из употребления, вытесняемый ружьём. Старики по этому поводу выражают своё неудовольствие — дескать, молодёжь забывает заветы старины. Ружьё тем не менее могло бы сослужить хорошую службу русским, но, к сожалению, его только теперь начинают ценить и пока оно им мало доступно по цене.

Из описания промыслов видим, что главную пищу составляет рыба: её обыкновенно варят так как жареную вообще не любят, как и все инородцы, готовят из неё «юколу» (особенным образом провяленную рыбу), кроме того едят строганину. Во всём этом видно влияние окружающей среды. Но у русских есть кушанье из рыбы, какого не знают инородцы, именно рубят рыбу и готовят из неё что-то вроде наших котлет — имеют они шарообразную форму. Из ржаной муки без яиц готовят иногда для разнообразия лепёшки. Вот и весь перечень кушаний у индигирских русских.

В большом количестве пьют чай, хотя и не столь неумеренно, как пьют якуты. Чай идёт наиболее дешёвый, кирпичный, пьют его обыкновенно без сахара, который слишком дорог — не менее 50 копеек за фунт (0,4 кг). Почти все русские курят: табак употребляется низшего сорта, известный во всей области под именем черкасского.

Иногда, но редко, попадают и лакомства: конфеты и дешёвый шоколад, привозимый торгующими через село Казачье из Якутска; обёртки от этих вещей не бросают, так как они идут на украшение комнат.

Благодаря употребляемой несвежей рыбе и птице, к тому же плохо проваренной, нередко у русских гастрические заболевания, иногда принимающие тяжёлую форму, даже имеющие иной раз смертельный исход. Заразные болезни, в особенности оспа, свирепствующая временами во всём крае, не забывает и Индигирку и, как везде на севере, производит страшные опустошения. Болезнь, называемая корью (быть может, на самом деле это и не корь), также посещает временами Индигирку и также уносит много жертв. Сифилис распространён здесь, как будто, гораздо менее, чем в инородческой среде. Заговорив о болезнях, необходимо упомянуть об абсолютном отсутствии всякой медицинской помощи, ибо на весь громаднейший Верхоянский округ имеется один

врач, живущий в Верхоянске, редко из него выезжающий и почти никогда не заглядывающий в такие отдалённые окраины округа, как поселения на Индигирке. Следует отметить, что и в самом Верхоянске с прилегающим к нему районом столько работы, что действительно невозможно найти свободного времени для объезда. Объезд неминуемо должен быть поверхностным, ибо врач должен поневоле торопиться, памятуя о громадном пути; да, ведь, кроме того он ясно сознаёт, что никакой пользы принести не может, пролетев как метеор по стране, а долго останавливаться ему невозможно, ибо иначе он никогда не вернётся в Верхоянск. Хронические больные должны страдать, не ожидая помощи, а между тем в этой помощи они сильно нуждаются и она могла бы очень облегчить их страдания. Сказанное здесь о медицинской помощи относится вообще ко всем живущим в Верхоянском округе, а не только к русским.

Все местные русские безграмотны, про себя говорят: «Мы народ тёмный». В Русском Устье грамоте учит писарь, но, тем не менее, грамотных нет. Один из наших каюров рассказывал, что учился восемь лет, но даже не выучился читать. Писарь нанят мещанской управой из Якутска.

Как характеристику их невежества приведу следующий случай: К.А. Воллосович задумал было объяснить, как узнать время по часам одному из жителей — старосте Щелканову, засмотревшемуся на его часы. Тот замотал головой в знак того, что это для него непостижимо. К.А. Воллосович стал уверять, что это вовсе не трудно, но он упорно стоял на своём и не хотел слушать — «Где, нам, тёмным людям, понять такую премудрость, и не объясняй лучше, всё равно ничего не пойму».

5 (18) июня было частное затмение; я заранее сказал об этом моему истопнику Ивану. В день затмения он приносит дрова — солнечный свет был сильно ослаблен — я указываю ему на солнце, закрытое диском луны, он с удивлением и страхом поглядывает на солнце сквозь тёмные очки и говорит: «Чудно — солнце, как луна — это ты сделал?».

В характере русских много мягкости, друг к другу они относятся очень дружелюбно, обычные обращения: Ваничка, Гришенька и прочие, ни разу не слышал я, чтобы они ругались. Этого не было даже в минуты раздражения.

Местной особенностью русских является также отсутствие обычая платить калым за невесту. Этот якутский обычай распространён в Якутской области не только среди якутов и инородцев, но и среди русских, населяющих более южные места области. Так, близ Олёкминска мы

встречали некоторых русских среди ямщиков, по словам коих они не могут жениться рано, так как за невесту должны выплатить большой ка-лым.

Мне кажется, что индигирские русские более смелы, чем якуты и туземцы; воды, по крайней мере, они не боятся, как последние. Переправляться через реку в сильный ветер инородцев удаётся заставить только с большим трудом и угрозами, русские же в этом отношении гораздо смелее и пускаются даже в весьма опасные переправы. Впрочем, смелостью и предприимчивостью отличаются и многие туземцы, главным образом, промышленники, т.е. охотники и собиратели мамонтовой кости, коим приходится совершать большие переходы и поневоле привыкать к опасностям. Некоторые отважные промышленники забираются далеко от своего постоянного жилья — имена наиболее энергичных долго сохраняются в потомстве. Среди русских промышленников в середине прошлого столетия славился некто Чихачёв, о котором скажу несколько слов в следующей главе и по следам которого, как мы увидим дальше, и направилась наша экспедиция.

Район, служащий в настоящее время для промыслов русских, с одной стороны (западной) ограничен Хромской стрелкой — здесь имеются последние песцовые пасти русских; с восточной же стороны он простирается до реки Алазеи. Походы же Чихачёва обнимали значительно большую область, ибо к западу он доходил до Святого Носа.

К отрицательным чертам русского населения относится желание нажиться на счёт менее состоятельных, что, как было упомянуто, представляется возможным во время голодовок, если, конечно, имеются достаточно большие запасы; но это явление везде заурядное. Живут русские большими семьями, очень дружно, все они набожны и в достаточной степени суеверны, что присуще вообще всем жителям севера. Священник, живущий в Аллаихе, объезжает зимою посёлки и совершает нужные требы, венчает, крестит. В случае смерти кого-либо он призывается особо.

Русские обращались к нам с просьбой помочь им, ибо, по их словам, их обращения к местной администрации остаются без последствий¹. Инородцы через свои управы (вблизи Индигирки расположены Устьян-ский и Абыйский улусы Верхоянского округа) получают пособия от

¹ По возвращении из экспедиции в 1910 году мною была представлена министру торговли и промышленности докладная записка под заглавием «Русские на Индигирке». Большая часть настоящей главы заимствована непосредственно из этой записки (стр. 70-78).

местной администрации в случае нужды, но далёкие русские лишены их совсем. Они жаловались, что не получают даже волоса для сетей, хотя последний выдаётся инородцам, а в волосе нуждаются они весьма серьёзно, ибо в сущности, и все их благополучие зависит от количества сетей, которые они могут пустить в промысел.

Точно также относительно ружей можно заметить, что они могли бы принести им пользу: в окрестностях много диких оленей — охота на них могла бы до некоторой степени служить им подспорьем. Необходимы также и запасные казённые магазины провизии на случай голодовок; в 1908 году начали строить в Русском Устье такой склад, но, кажется, администрация не согласилась отпускать из него товар на тех условиях, о которых просила мещанская управа. Одним словом, существует организация для помощи инородческим улусам, но русские мещане предоставлены своим собственным силам.

Весьма нужна, как было упомянуто выше, медицинская помощь хотя бы самая элементарная. Необходимо защитить население от оспы; в Якутской области эпидемия этой болезни уничтожает иногда поголовно целые селения. Прививка могла бы в сильной степени обезвредить эту страшную здесь болезнь. Для этого дела нужно было бы три-четыре фельдшера на весь округ, население не трепетало бы, опасаясь нашествия «красной старухи», как называют здесь эту болезнь.

Большую пользу мог бы принести жителям и сельский учитель, он разогнал бы тот мрак, в котором живут они, что сделало бы их, быть может, не такими упорными в смысле новшеств, могущих облегчить их же жизнь. Русские выражали сожаление, что приходится содержать чужого писаря — им гораздо полезнее был бы вышедший из их же среды.

Сильным облегчением было бы улучшение способов рыбной ловли и, главным образом, улучшение примитивного способа сохранения рыбы — ведь, как было упомянуто, весь весенний улов пропадает для жителей вследствие неумения предохранить его от гниения во время лета. Глубокие погреба, вырытые в мёрзлой земле, могли бы предохранить в достаточной мере рыбу, а также гусей от порчи; к сожалению, вырыть такие погреба очень затруднительно, вследствие твёрдой, как камень, мерзлоты, и не под силу отдельным семьям. Что касается солки рыбы и птицы, то это, конечно, тоже могло бы значительно предохранить продукты — часть могла бы сохраняться таким образом; но к этому возможно только медленно приучить жителей. В этом деле

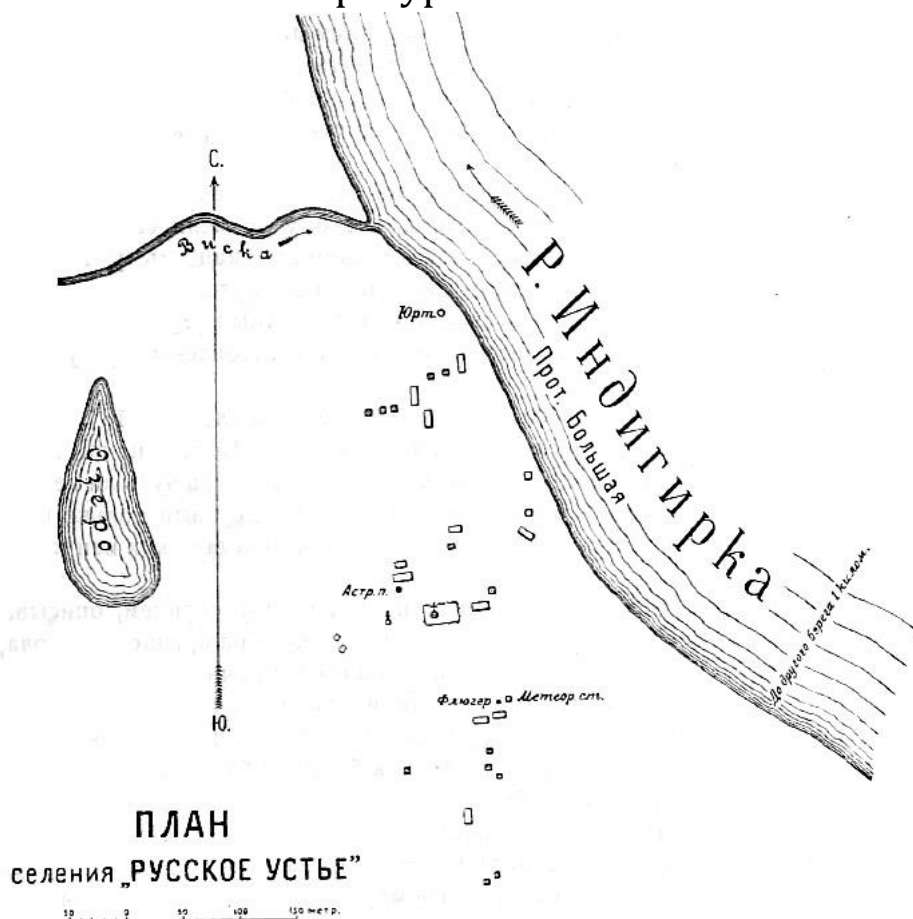
сильно влияет предубеждение жителей, они скорее станут есть несвежую рыбу, чем солёную. В Колымске в прошлом столетии один из исправников издал приказ о копчении рыбы и насильно принуждал жителей к этому: неумело и неохотно приготовленная рыба подгнила настолько, что жители к весне остались совсем без пищи и чуть не погибли с голоду — об этом событии и до сих пор они вспоминают. К счастью исправник был за что-то уволен, а то он собирался и на следующий год употребить ту же меру.

Заброшенные на столь далёкий север, под 71° широты, в суровую страну господства льда, снега и ветров, где почти три месяца продолжается сплошная ночь, где нет и тёплого лета, принуждённые без отдыха трудиться, чтобы не погибнуть от голода, лишённые самых важных предметов первой необходимости, в течение нескольких веков оторванные от всего русского и окружённые со всех сторон инородческой средой — русские на Индигирке сохранили свой язык и свою самобытность, чем вызывают глубокое удивление и заслуживают, чтобы им была оказана помощь и была бы хоть сколько-нибудь облегчена их тяжёлая участь.

Только на пятый день моего заключения в Русском Устье погода сделалась хоть немного сносной и удалось немного побродить по негостеприимным окрестностям посёлка. Залитая водой вперемежку со снегом гладкая равнина, с большим количеством лайд всяких размеров, с кое-где торчащими тощими и низкорослыми кустами тальника, вряд ли способна, особенно при сером низком небе с быстро бегущими облаками и холодном ветре, рассеять скуку одиночества. Вернувшись, я сел за писание своего дневника, и в это время крики, что едет мой товарищ, «один начальник», заставили выбежать, не одеваясь, на берег Индигирки. Но там меня ожидало горькое разочарование: приехал вовсе не «начальник», а юкагирский князь Варакин с другим юкагиром, привёзшим часть клади наших, отправленную ими для облегчения пути по трудным местам. Кладь оказалась вся подмоченной во время переправы через Среднюю Индигирку. Около Круты́ им совсем не удалось переправиться, пришлось взять значительно ближе к морю, но и там при переправе чуть не утонул каюр Иван Портнягин. Вещи пришлось сейчас же разобрать и развесить для просушки. Подмоченное и замёрзшее бельё представляло камни. Горе, что подмочило два пуда сухарей — здесь, ведь, теперь нельзя возобновить наших запасов. После просушки из сухарей вышло какое-то вязкое тесто — его пришлось бросить, также, как

и часть муки и макарон — а это всё предметы, которые весьма и весьма могли бы пригодиться в дальнейшем пути.

20 мая (2 июня) производил съёмку Русского Устья (черт. 1). Всё та же давящая погода. Турунтаев, и тот свой Верхоянск вспоминает, как благодатную страну: «Теперь, — говорит, — у нас тепло, травка». А здесь, действительно, в 20-х числах мая (ст. ст.) среди дня 3-4° Ц., а о ночи нечего и говорить. Индигирка по-прежнему стоит неподвижно, но в извилинах заберег ежедневно происходят изменения в зависимости от малейших колебаний температуры.

Черт. 1.

В нашем заключении нашлось одно развлечение — это поселившиеся за камельком полевые мыши, вероятно, бежавшие с полей, залитых водою: они совсем привыкли к нам, настолько, что стали есть из рук и не убегали даже, когда их гладили.

23 мая (5 июня) солнце, наконец, прогнало свинцовый туман облаков, и погода выдалась, хотя холодная, но ясная и безветренная. Но мне в такой именно день и нельзя гулять: день провёл за универсальным инструментом; вечером же, после установки инструмента по солнцу, наблюдал Полярную, закрывшись от солнца зонтиком. В такой день всё

же и здесь не так безотрадно; сделал также несколько снимков, некоторые с крыши нашего дома, понемногу выползающего из-под снега. Теперь всё-таки на крышу влезаешь, употребив некоторое усилие, а, ведь, раньше, с севера в особенности, крыша была на одном уровне с поверхностью снежной равнины. Крыша вообще служит наблюдательным пунктом.

Как-то незаметно слетелись различные птицы и сразу оказалось их бесчисленное количество. В воздухе стоят несмолкаемые крики, посвистывание, свистки, стрекотание и гоготанье, часто высоко проносятся стаи гусей и уток.

25 мая (7 июня) может считаться первым весенним днём — безоблачное небо, яркое солнце, тёплый южный ветерок и 12°C., — подумать только! Птиц ещё больше: с крыши дома видишь бесчисленное их количество, копошащееся на тундре и лайдах, и все разных цветов и размеров. Вот теперь, действительно, кипит жизнь — одни улетаются, прилетают новые.

Днём ходил с ружьём, чтобы промыслить на обед для разнообразия съедобную птицу, а то, ведь, питался исключительно рыбой, к этому времени сильно надоевшей. Не обошлось и без маленького приключения — разорвало капсюль у моего ружья и при этом сбило пенсне. Ружье таким образом из двухствольного обратилось в одноствольное. С охоты принёс несколько неизвестных мне птиц, которые, однако, были признаны Иваном годными для еды и изготовлены Турунтаевым к обеду.

26 мая (8 июня) великолепный солнечный день, ещё теплее, до 18°: всё стремительно тает, будто пытается наверстать упущенное время. Полыньи на Индигирке становятся всё шире и шире, а воды кругом ещё больше; теперь чуть ли не сплошное море кругом моего дома, лайды и озера сливаются одни с другими, только в виде небольших островков виднеется земля. Выходить можно лишь в высоких непромокаемых сапогах.

После великолепного дня настала чудная ночь с ярким солнцем, описывающим полный круг над горизонтом. Около двух часов провёл я на крыше дома, очарованный величию и красотой непривычной для нас солнечной ночи. Несмотря на солнце, блистающее на севере, чувствуешь, что всё-таки эта ночь по какому-то величию и торжественному покою, разлитому в окружающую природу, я бы сказал безмолвна, хотя и чирикают где-то ночные птицы и где-то как бы в трубу трубит какая-то птица: «ду-ду-ду»... Нет той суетни, беготни, возни и непрерывного

звука, как бы слившихся в один голос тысячей отдельных разнообразных голосов, как это было днём. Воздух особенно прозрачен, видно очень далеко, как днём не удавалось видеть, ибо днём нижние слои воздуха, неравномерно нагретые, всё время струятся, и дальние предметы как бы подёрнуты дымкой. В самом деле, например, сегодня днём температура воздуха достигала 18°, и такой слой воздуха прилегает во многих местах к ледяной поверхности многочисленных озёр и лайд. Зато ночью всё особо прозрачно: чистое голубое небо, спускаясь к горизонту, приобретает нежный жёлтый цвет, окружающий светлой каймой линию горизонта. Впереди эта кайма лежит на коричневой с белыми пятнами полоске отдалённых Бурульгинских гор, а кругом во все стороны — кажущаяся безграничной, как поверхность моря, коричневато-красноватая тундра с бесчисленным количеством больших и малых, ярко сверкающих белых пятен (ледяная поверхность озёр и наиболее глубоких лайд, на которых ещё не растаял лёд); некоторые из таких пятен горят ослепительным светом, отражая весь свет солнца. А вот слева уходящая в даль, постепенно суживающаяся широкая лента Индигирки; эта лента, посередине ярко белая, окаймлена с двух сторон голубыми зеркальными дорогами неподвижной воды, резко граничащими с чёрными полосами глиняных берегов; за этой разноцветной полосой снова тундра, далеко видна ураса в том направлении, откуда я с таким трудом добирался до теперешнего моего местопребывания...

27 мая (9 июня) такой же тёплый и ясный день. Русско-устыинцы стали неводить, так как появилась «селядка»; видишь, как везде бросают невода и бродят босиком по ледяной воде. Стоя на берегу Индигирки слышишь, как ломается лёд и сваливается по краям заберег; по заберегам также медленно и плавно плывут льдины, пока не застрянут где-нибудь на мели или в узком проходе. Льдины имеют столбчатое строение и легко рассыпаются на отдельные иглы. Большая извилистая трещина пересекает лёд реки до самой забереги противоположного берега.

Дрожание воздуха в этот день особенно велико, некоторые отдалённые холмы кажутся оторванными от земли и покоящимися на струящемся под ними воздухе: они как бы висят в нём.

28 мая (10 июня) опять такой же ясный и тёплый день. Внезапно наступившее лето каждый день приносит новости — можно уже кое-где заметить свежую зелёную травку. Белый лёд Индигирки пошеве-

лился: трещина сдвинулась вниз по течению, появились и другие трещины; вода прибыла настолько, что затопила глинистые пляжи и подошла непосредственно к травянистому берегу; на тундре уже почти не видно снега, лайды также в значительной степени освободились от ледяного покрова.

Поразило почти полное, по сравнению со вчерашним днём, отсутствие птиц; все пролетели дальше, остались лишь обычные для здешних мест куропатки, чайки да несколько мелких. Птиц — как не бывало.

Учился ездить на ветке, по сравнению с которой наш челнок казался бы непоколебимым. Садиться приходится прямо на дно. Берёшь одно весло в обе руки и действуешь то одним, то другим его концом, при чём необходимо туловище сохранять неподвижным, не то ветка сейчас же наклоняется на бок, грозя перевернуться. После некоторой практики всё-таки не так трудно приспособиться и к этому средству передвижения. На этих душегубках, однако, ведь туземцы мечут и поднимают сети и ездят даже в ветреную погоду, совершенно при этом не умея плавать. Здесь они вообще не знают, что такое купание и не представляют себе, что человек может держаться на поверхности воды.

Киселёвы сегодня поймали в невод нельму фунтов в 30 (12 кг) и прислали её мне. Взял лишь небольшой кусок на пробу. Рыба оказалась жирной, а, следовательно, и вкусной. Впрочем, и омуль хорошая рыба, и первое время казалась очень вкусной, но в конце концов рыба так надоела, что иной раз предпочитал «кислого», как здесь говорят, т.е. прошлогоднего промысла гуся.

Недолго, однако, в этом краю может простоять хорошая погода; после девяти часов вечера 28 мая (10 июня) на северо-западе появились белые густые клубы облаков, внезапно поднялся сильный северный ветер и через час всё было затянуто быстро несущимся сухим туманом. На следующий день выяснилось, что, по-видимому, мы на несколько дней будем лишены тепла и солнца, — снова свинцово-серое небо, сильный холодный ветер, дождь попеременно с ледяным дождём, а иногда и настоящий снег, по несколько часов не тающий. Такая погода простояла почти непрерывно, с просветлениями лишь на 2-3 часа, до 4 (17) июня.

Снова, следовательно, приходится сидеть взаперти, в убогой комнате нашего дома. С Алазеи мы взяли в качестве сторожа собаку; раньше она всё дичилась нас с Турунтаевым, но теперь попривыкла, и, по-видимому, домой больше не хочет, ибо получает пищу не ту, что дома. Я говорю Турунтаеву, что теперь пропитание Кобутко стоит столько же,

сколько пропитание нас двоих. Ей на 10 копеек в день рыбы и нам столько же. А Кобутко, привыкший к холоду, в такую погоду, как теперь, чувствует себя, кажется, лучше, чем в стоявшие тёплые дни, когда он всё старался расположиться в тени в сениях, где часто забирался под доски к не стаявшему ледяному покрову. Сказывают про нашего Кобутко, что он однажды угнал медведя, хотевшего было приблизиться к стоявшей на ночёвке нарте.

Сидишь и размышляешь о том, как странно сложились обстоятельства. Всех нас было пять человек и все мы очутились в разных местах в середине мая. К.А. Воллосович был тогда на пути к Куропаточьей, Н.А. Июдин вблизи реки Вшивой, я блуждал в устьях Индигирки, казак Дьячков сидел на Алазейской стрелке, казак Турунтаев в Русском Устье — как разошлись тогда, так до сих пор и не можем встретиться.

Рис. 36. Ледоход на р. Индигирке. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Сильный ветер всё-таки расшевелил лёд Индигирки, и если бы не холодная погода, то, вероятно, она бы тронулась ещё в мае. Но холода помешали, май прошёл, настало 1 (14) июня, а ледоход ещё не начинался.

Наконец, 2 (15) июня в довольно ясный, но ветреный день медленно двинулось ледяное поле, разбив свою массу на огромные отдельные льдины (рис. 36); эти льдины с треском насакивали одна на другую вздымаясь высокими торосами, так что вся поверхность реки приняла крайне неровный характер — ошетичилась. Иногда на несколько времени река совсем освобождалась от льдин и тогда громадные волны с белыми гребнями и отдельными ярко-сверкающими льдинками на чёрном фоне воды представляли суровую, но красивую картину. Жестокий

ветер сбил весь ледоход на нашу сторону, закидав наш берег столбчатыми льдинами, с треском рассыпавшимися на мелкие частицы.

3 (16) июня река очистилась от льда, но по-прежнему была покрыта седыми гребнями волн. Масса льдин так и осталась на нашем берегу; по-видимому, здесь им и придётся лежать до тех пор, пока летнее солнце не превратит их в воду.

В третьем часу ночи на 4 (17) июня я был разбужен лаем Кобутки, дававшим знать, что кто-то подходит к нашему дому, а кто может подходить кроме наших? И, в самом деле, к моей великой радости это оказались они. Теперь снова все в сборе, и можно думать о дальнейшем пути на запад. Они пришли к Бурульгину ещё 27 мая (9 июня), но до вчерашнего дня не было возможности переправиться через реку, а как только стало возможно, они переехали через бушующую реку среди плывущих льдин и добрались до Русского Устья.

Чрезвычайно интересен был их маршрут внутри страны по склону горного хребта Улахан-Сис, по местам, где не была нога путешественника.

Рис. 37. Кисляхи в отрогах хребта Улахан-сис между верховьями рр. Кочевой и Вшивой.
Фот. К. А. Воллосовича.

Грандиозные продукты выветривания гранитного массива достигают здесь громадных размеров 10-12 саж. (20-25 м) высоты: это настоящий каменный лес среди равнины тундры, он носит местное название «кисляхи», что значит люди, и, действительно, издали эти группы гра-

нитных столбов похожи на толпы людей. Здесь приведена одна фотография, снятая К.А. Воллосовичем с этих замечательных кисилыхов (рис. 37).

Следующие три дня прошли в подготовке к дальнейшему путешествию по береговой линии океана к устьям реки Яны, где мы ранней весной закончили съёмку. До того места ведь целых 1500 вёрст (по береговой линии), — 1500 вёрст (1600 км) совершенной пустыни, ибо в Русском Устье оставляем последнее человеческое жилище и до самых устьев Яны¹ уже не встретим ни одной обитаемой юрты. Поэтому всё должно быть с собой, более уж не можем рассчитывать на помощь людей.

С утра 4 (17) июня погода снова выправилась, день был тёплый и ясный. В свободное время пошёл побродить с ружьём по окрестностям. Здесь меня поразила пара чаек своей энергичной защитой гнезда. Шёл я себе по бережку лайды, как вдруг нападают на меня две небольшие чайки, подлетают прямо к самой голове, стараясь ударить. Удивляюсь и останавливаюсь — чайки поднимаются выше, делаю несколько шагов вперёд — они снова с криком опускаются на меня. Догадываюсь, что где-нибудь поблизости гнездо, и выжидаю, несколько отойдя, чтобы птицы обнаружили, где оно находится, дабы забрать яйца, так как К.А. Воллосович собирает коллекцию яиц. Через несколько минут самка действительно садится на небольшую кочку у края лайды. Иду туда, и снова возобновляется ещё более энергичное нападение: птицы крыльями несколько раз задевают меня по лицу — отбиваться руками от двух, так стремительно меняющих своё положение, хотя и маленьких воздушных врагов затруднительно, почему, выбрав удобный момент, делаю выстрел из ружья, и самка падает мёртвой на землю. Кстати, ведь нужна и шкурка этой чайки. Дохожу до гнезда по воде, откидывая самца прямо рукой, и забираю три лежавших в гнезде яичка. Как я потом убедился, такую самоотверженную защиту своего гнезда проявляет лишь эта небольшая порода чаек, называемая здесь «юрюнгюрях», другие же и значительно более крупные виды чаек при приближении к гнезду покидают его и держатся на очень почтительном расстоянии. Яйца были артистически выдуты Дьячковым, а с чайки снята шкурка, также, как и с «петуховой жёнки», как Иван называет самку одной красивой птички.

¹ Первое жилище находится несколько севернее, именно в нескольких верстах к югу от устья реки Муксуновки.

5 (18) июня было частное солнечное затмение: 0,7 солнца было покрыто диском луны. Немалое удивление оно произвело на русско-устьинцев, в особенности, потому, что я им его предсказал. Слова моего истопника Ивана приведены мною раньше. Погода в день затмения выдалась на редкость хорошая и безоблачная, так что очень заметно было неполное и характерное освещение во время наибольшей фазы. И 5 (18) и 6 (19) в свободное время с удовольствием бродил по тундре, прощаясь со ставшими хорошо знакомыми окрестностями Русского Устья. Но больше времени пришлось провести за инструментом для наиболее точного определения географических координат этого пункта, одного из основных пунктов нашей экспедиции. 6 (19) июня часть нашего багажа была отправлена вперёд за левую протоку Индигирки, а на следующий день 7 (20) июня и мы сами отправились в дальнейший путь при трогательных проводах русско-устьинцами, выражавшими всевозможные пожелания, с поминанием имён Господа и Христа чуть не после каждого слова.

Двинулись мы дальше с твёрдой надеждой не позднее, как через два месяца, быть в селе Казачьем, но, забегая вперёд, скажу, что в этих местах трудно что-нибудь рассчитывать, и данный нами срок в два месяца на самом деле растянулся на четыре месяца — ошибка во времени довольно значительная.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Путь к устью реки Гусиной
7-19 июня (20 июня-2 июля)

Первая переправа — Лебединое озеро — Сбор яиц — Слабость оленей — Приказ о продаже оленей — Прелести летней погоды — Поварня Киселёва — Рассказы о Лопатке — План её обхода — Походы русского промышленника Чихачёва — Притеснения юкагиров со стороны якутов — Пуговицы, подаренные юкагирскому князю — Озёра и лайды — Путь от поварни Киселёва к устью Гусиной — Низкая тундра — Охота на уток — Мыс Гусиный — Определение астрономического пункта — Разделение экспедиции на три части — Снова в низкой тундре — Нападение комаров — Возвращение к стоянке у поварни Киселёва.

Наш обоз, состоящий из 20 нарт, медленно подвигается на север от Русского Устья, туда, к берегу океана, к устью реки Гусиной. На каждой

нарте очень немного багажа, около 5-6 пудов (80-100 кг), ибо олени теперь чрезвычайно слабы, изнурены ростом рогов и линянием — вид у них самый плачевный. Медленно тянутся нарты по кочковатой, залитой водой тундре, часто цепляясь за кочки. Русское Устье понемногу становится всё меньше и меньше, и странно, что как будто грустно расстаться с ним, несмотря на печальное житьё в нём, — а причина тому заключается вероятно в том, что чувствуешь, что навсегда покидаешь его, ибо вряд ли ещё когда-нибудь судьба забросит сюда. Вот уж совсем не видно даже убогой часовенки, но вот небольшой подъём тундры и снова вдали видишь её. Бесконечное множество птиц поднимается; при движении нашего каравана: тут гуси, утки, куропатки, гагары, кулики и прочие, на одном озере видели даже великолепную пару диких лебедей, к которой Дьячков неудачно старался подползти с ружьём.

В шесть часов вечера подъехали к протоке, идущей из Елони в Индигирку, где предстояла переправа. Около неё булгуннях (едома), на который я пошёл с Н.А. Июдиным; с булгуннях во все стороны на очень далёкое расстояние открывается картина безбрежной, со множеством озёр и лайд тундры; по ней извивается протока, а вдали синяя лента Индигирки с чуть заметным Русским Устьем. Н.А. Июдин взял с вершины направления, и мы спустились вниз, где началась переправа. Речка шириною сажень в 40 (85 м), но глубокая. Олени распряжены и согнаны в кучу; их погнали в реку — пошли с охотой и красивой тесной кучей поплыли на противоположный берег. Багаж же переправлялся на ветках, которые связывались для крепости одна с другой при помощи вёсел и кольев, так что получалось что-то вроде плота. При таком устройстве удаётся сразу погрузить довольно много, вследствие чего можно уменьшить число необходимых рейсов с одного берега на другой. Благодаря малой ширине реки переправа заняла всего два часа, и в восемь часов вечера всё было на другом берегу. Но дальше сейчас не двинулись, так как отпустили оленей на кормовище. Пошли с Н.А. Июдиным на охоту; кое-что промыслили. Теперь уже на Н.А. Июдина сделали нападение чайки, и он при этом сражении также не удержался от выстрела, хотя и смеялся раньше, что я не мог справиться с чайками.

Несмотря на то, что мы прошли весьма немного, сразу выяснилась желательность сократить нашу кладь ещё насколько возможно. Лямки, несмотря на лёгкость нарт, всё-таки сильно натирают лишённую шерсти кожу оленей. Как ни грустно, но решили бросить часть наших вещей,

и так как больше нечего бросать, кроме провизии, то оставили часть нашего запаса сухарей, муки и прочее.

Только в два часа ночи 8 (21) июня тронулись в дальнейший путь при великолепной погоде: небо чистое, прозрачное и солнышко нагревает довольно сильно. Путь лежит по невысокой плоской возвышенности с постепенным подъёмом. Пустыня кругом необозримая, всё покрыто оленьим мхом, вершковым и менее того тальником, вершковыми полярными «пальмами»¹, и... во все стороны всё одно и то же. И такая пустыня предстоит нам до самой Яны, и единственные люди на всей громадной площади этой пустыни — мы!

Сейчас же под мхом, куда ни стукнешь палкой, встречаешь твёрдую, как камень, замёрзшую землю, и всего то на два вершка (9 см) оттаяла почва в этой слегка холмистой тундре. Медленно, медленно тянемся мы в гору, поминутно останавливаясь: то олень упал, то лямка оборвалась, то нарта опрокинулась, и только около пяти часов утра увидели, наконец, в глубокой котловине озеро, около которого заранее решено было устроить ночёвку, т.е., лучше сказать, выспаться, ибо слово «ночёвка» в данном случае не подходит, так как действие происходит днём. Ввиду того, что такого рода обстоятельства будут иметь место часто, теперь же следует оговорить, что слово «ночёвка» ни в каком случае не будет определять времени суток, а будет означать остановку для продолжительного отдыха. Незаходящее солнце позволяет передвигаться и работать в любое время суток. Озеро покрыто льдом, оттаявшим лишь у самого берега небольшой полосой, что свидетельствует о глубине озера; на воде плавало несколько лебедей, и так как озеро не имело названия, то мы его и назвали Лебединым.

После отдыха, в шесть часов тридцать минут вечера, снова тронулись в дальнейший путь. Спустившись с холмов попали в низкую болотистую тундру, почти сплошь залитую водою: едешь по воде, достигающей глубины 4-5 вершков (15-20 см). Погода нахмурилась, набежали тучи. На одной из лайд, около которой в десять часов вечера остановились для чаепития, организовали сбор яиц, в результате коего пополнили наши съестные запасы на 25 чайчих и 30 утиных яиц. Яйца, как разнообразие в пище, имеют в наших глазах особенную ценность. Во время этого сбора пошёл дождь, но, несмотря на это, мы тронулись в дальнейший путь, обливаемые дождём. Путь снова пошёл по низкой, мокрой тундре

¹ Так называл К.А. Воллосович характерные веточки с несколькими листочками полярной ивы (*Salix polaris*).

среди лабиринта большого количества озёр и лайд, которые значительно удлиняли наш путь, так как приходилось их объезжать.

После полуночи поднялся жестокий ветер и дождь до боли стал резать лицо. Внизу вода, сверху вода. Большую часть дороги идёшь пешком, и вообще трудно усидеть на нарте, когда она черепашьим шагом ползёт; в такую погоду, в особенности, чуть не бегом побежишь, лишь бы согреться. Через несколько часов пути от постоянного пребывания в воде в конце концов промокли насквозь; непромокаемые сапоги и те пропустили воду, а так как температура упала ниже нуля, то это обстоятельство давало себя чувствовать. С трудом добрались до булгунняха на берегу озера Ураса-Кюэль, где должны были встретиться с посланным из Русского Устья за частью оленей нарочным юкагирским князем Егором Варакиным. От вчерашней ночёвки прошли около 30 вёрст (32 км). Расположились лагерем на склоне булгунняха, тундра же кругом совершенно залита водою. После ужина легли спать в устроенной для нас конической палатке — «урасе», совершенно такой, в каких здесь путешествуют кочевники. Жестокий ветер всё время трепал тордоху и проникал и во внутренность урасы, но, несмотря на это и на то, что, ведь, вся постель дорогой отсырела, усталость взяла своё и спалось хорошо.

Следующий день 9 (22) июня пришлось не двигаться дальше, чтобы дать отдых оленям, уже утомившимся, хотя сделали всего лишь два перехода; у одного из оленей сильно разболелась нога. На этой остановке задержались более, чем на сутки; день и ночь для нас совсем перемешались: обедали, например, сегодня в час ночи. 10 (23) июня, встав в два часа дня, послали сейчас же за оленями; но, пока шли обычные медленные сборы наших рабочих, прошло много времени и выехать в дальнейший путь удалось лишь в шесть часов вечера.

Снова пошла низкая тундра с водою, глубина которой достигала поларшина (35 см). Снова шлёпаешь по воде, часто перепадает холодный дождь, и холодный ветер мало доставляет удовольствия. Как-то странно смотреть на трёх путешественников, медленно шагающих по воде тундры, обливаемых холодным дождём, идущих навстречу сбивающему с ног северному ветру, и странно думать, что, ведь, не 20-30 вёрст нужно будет им идти и не 200-300 даже, а почти 2000 вёрст (2150 км)¹. Легко сказать, легко проехать 2000 вёрст по железной дороге,

¹ Мы считали расстояние по береговой линии от устьев р. Гусиной до устья реки Лены; тогда нам ещё не приходило в голову, что до Лены мы не дойдём.

легко даже на лошадях, в удобных санях Якутского тракта, относительно легко даже на оленях Верхоянского тракта, но пройти их пешком, почти по воде, с болью следя за движущимся караваном оленей, везущих багаж, поминутно останавливающихся, падающих, изнемогающих от труда тащить нарту, цепляющуюся полозьями за кочки, и зная, что неоткуда ждать помощи — это иногда кажется почти невозможным! Однако, как-никак, а идём дальше. Часто ломаются нарты; два оленя упав сломали себе по рогу, один из них весь в крови, текущей из рога. Голова совсем тёмно-красная, тело же всё розовое; но юкагиры говорят, что это ничего: ведь на рост рогов тратится его сила — нужно только тщательно перевязать сломанное место, чтобы от сырости рог не начал подгнивать. Во время пути каждому удалось промыслить какую-нибудь птицу: Варакин показал своё искусство, подкравшись к дикому гусю, для чего ему пришлось на животе долго ползти по мокрой тундре. В полночь подъехали к большому озеру, где решили стать на ночёвку.

На наше счастье, по рассказам Егора Варакина оказалось, что не так далеко, но в стороне от нашего пути, находятся кочующие юкагиры с оленями, почему К.А. Воллосович и отрядил нарочного к ним, чтобы купить ещё 30 оленей и тем в значительной мере подкрепить наши перевозочные средства. Он написал химическим карандашом приказ и смочил его, чтобы буквы были пожирнее, Варакин приложил ещё две печати — и нарочный отправился верхом на олене отыскивать кочевников. Вместе с приказом ему было передано 450 рублей в уплату за забираемых оленей, забрать же приказано было независимо от того, желают ли хозяева продать или не желают — в таких случаях приходится прибегать к насилию (правда только словесному). По поводу этого приказа вспомнили подобный случай, бывший на Алазее — тоже по поводу отпуска оленей. К.А. Воллосович положил в конверт со штемпелем экспедиции бумажку, на которой я делал какие-то вычисления, запечатал, ничего не написав на ней, и отдал юкагиру Василию с приказом показать его юкагирам и чукчам в том случае, если они будут отказывать в отпуске требуемых перевозочных средств. Здесь можно подобным образом пользоваться бумагой, перед которой туземные жители чувствуют священный страх. Одно неведомое искусство запечатлеть свои слова на клочке неодушевлённой бумаги действует на них так неотразимо, что они не в силах противиться хотя и переданному на словах, но подкреплённому бумагой приказанию. В Русском Устье Василий

торжественно вернул мне этот знаменитый приказ, сказав, что всё было исполнено охотно.

Эти дни у нас лукулловские обеды, состоящие из трёх блюд в таких, примерно, комбинациях: суп из гуся, жареная нельма и компот, или суп из гуся, олени почки и манная каша. Впрочем, нельма, взятая из Русского Устья, скоро придёт к концу, но зато, по словам того же Егора Варакина, нашего теперешнего постоянного собеседника, будут в озёрах и речках попадаться чир и омуль, ибо теперь как раз ход рыбы в бассейнах, только что сбросивших зимний покров. Егор как-то сказал: «Пойду застрелить оленя», взял ружьё и верхом отправился на охоту; в его словах было столько уверенности, что мы подумали, что он хвастает, но через два часа он приходит и говорит: «Убил двух, вот роги привёз, а за оленями нужно съездить на нартах».

11 (24) июня в шесть часов вечера снова разобрали лагерь и двинулись дальше при тех же отвратительных условиях — ветре и дожде — и снова почти сразу же стали «приставать» олени. Так как теперь, пока не прибудут олени, за коими поехал нарочный, всё равно торопиться некуда, то бросили в тундре часть нашей клади, чтобы её доставили позже свежими силами, а сами облегчённые двинулись дальше к поварне Киселёва на берегу Гусиной, куда должен доставить оленей наш нарочный. Поварня эта стоит в среднем течении реки Гусиной, в 40 верстах (42 км) от её устья. Пройдя около 15 вёрст, в 11 часов ночи встали на ночёвку. Очень приятно после того, как часов пять пройдёшь по мокроте под дождём и ветром, наконец, забраться в урасу и напиться горячего чая, что сразу делает настроение снова бодрым. Сегодня ещё в довершение всего пошёл снег, да так и не переставал всю ночь. Мокрая тордоха доставляла ночью много неприятностей — повернёшься во сне, а она и ляжет на голову, мокрая и холодная.

12 (25) июня, в 10 часов утра, снова снялись и тронулись в путь. Погода ещё более ухудшилась, валил густой, как зимой, но мокрый снег, ветер усилился до шторма, а тундра по-прежнему попалась низкая, т.-е. идти пришлось по воде. Только к часу дня несколько уменьшилась сила противного нашему движению ветра и перестал идти снег, а около двух часов дня подошли мы, наконец, и к поварне Киселёва на правом берегу реки Гусиной (рис. 38); здесь должна быть продолжительная остановка.

Гусей на Гусиной довольно много, так что название этой реки можно считать подходящим, хотя вообще их здесь и в других местах много.

Впрочем, относительно происхождений названий в большинстве случаев нельзя сказать ничего определённого: как, например, докопаться до происхождения названий таких рек, как Вшивая и Блудная (к востоку от Индигирки). Устье же Гусиной всё-таки лежит недалеко от начала знаменитой Лопатки, места, на котором, по выражению Егора Варакина, «гусей — всё равно, как комаров». Теперь нам предстояло организовать путь по «беда страшной Лопатке» (тоже выражение Егора). Он очень красноречиво нам её описывал: вообще все его рассказы сопровождались выразительной жестикуляцией, что делало их весьма интересными. Всю оригинальность его своеобразной речи весьма трудно передать словами. Лопатку он описывал приблизительно так: «Там всё лайды да лайды, лайды да лайды — при этом страшно выпучивал глаза — воды беда как много, а кормовищ для оленей совсем нет, трава всё солёная-солёная; олени, наевшись её, так и пропадают; поблюёт, поблюёт и пропадёт, а сладкую — так называют тут годную для питья — воду и совсем трудно найти». Из всех этих рассказов с несомненностью выяснилось, что Лопатку со всем нашим обозом ни в каком случае нам обойти невозможно — для её обхода необходимо принять чрезвычайные меры и снова экспедиции разделиться на три части.

Лопатка представляет полуостров, тянувшийся от устья реки Волчьей до устья реки Богдашкиной, по береговой линии на протяжении приблизительно 80 вёрст. После обсуждения всех обстоятельств решили осилить Лопатку при помощи следующего плана: Н.А. Июдин, такова уж его судьба, совсем налегке пойдёт с одним юкагиром — капралом Николаем — по самой береговой линии для производства съёмки, К.А. Воллосович с небольшим количеством оленей пойдёт к устью реки Богдашкиной, обойдя громадное озеро Моготоево с западной стороны¹. От устья Богдашкиной он сможет послать навстречу Н.А. Июдину немного свежих оленей на тот почти несомненный случай, если часть оленей последнего пропадёт во время пути по Лопатке. Я же со всем багажом и, следовательно, с наибольшим количеством оленей направляюсь прямо через тундру к устью Хромской губы по превосходным оленьим кормовищам, щадя оленей, с тем расчётом, чтобы иметь возможность в случае нужды выслать навстречу товарищам свежие силы. Но разделиться ре-

¹ См. «Карту маршрутов Ленско-Колымской экспедиции»

шено не здесь, а у устья реки Гусиной, где мне нужно определить астрономический пункт в том месте, где Н.А. Июдин весной начал съёмку на восток от Гусиной.

Рис. 38. Поварня Киселева на р. Гусиной. Фот. Е. Ф. Скворцов

13 (26) июня такая же отвратительная погода, как и накануне до полудня; из урасы лучше не выглядывать. Хорошо, что в такую погоду не надо ехать. Из разговоров с Варакиным выяснились поразительные факты, касающиеся свойств местности, лежащей на нашем пути. Вдоль правого (восточного) берега Хромской губы тянется Хапташинский яр, т.е. весь берег представляет высокий крутой обрыв. Сюда якуты и «русаки» ходят летом промыслять мамонтовую кость, вымываемую из глинистых обрывов яра. Против Хапташинского яра лежат два узких полуострова, так называемые стрелки — Хромская и Меркушина, а за Меркушиной начинается другой, ещё более богатый костью яр — Оёгоский, тянувшийся до самого полуострова Святой Нос. Между Хапташинским яром и стрелкой Меркушина лежат, таким образом, две громадные губы — Хромская и Омуплахская — вдающиеся вглубь материка более, чем на сто вёрст. Эти губы в своих устьях весьма не широки — Хромская около 4 вёрст, Омуплахская немногим более 2 вёрст¹, по мере же углубления в материк ширина губ (здесь называют так все морские заливы) увеличивается и Омуплахская имеет ширину около 50 вёрст, Хромская несколько меньше. Рассказывая о житье «руссаков», Варакин, между

¹ См. карту маршрутов экспедиции и на ней детальную карту «Устья губы Омуплахской и Хромской».

прочим, рассказал историю давно умершего русско-устыинского промышленника Чихачёва. «По сказкам» т.е. по рассказам, этот Чихачёв имел песцовые пасти и на Хромской и на Меркушиной стрелках; участвуя в сборах кости на Хапташинском яре, он поспевал в своё время и на Оёгосский яр, переходя вброд, как Хромскую, так и Омудлахскую губы. По правде сказать, мы не сразу поверили тому, что эти столь внушительные, если судить по карте, бухты могли быть столь мелкими, что можно их перейти вброд. Тем не менее подробные рассказы Варакина в конце концов убедили нас в том, что в сущности эти две бухты представляют лишь озера и в будущем, вероятно, окончательно будут отделены от моря. Обе эти бухты, будучи довольно глубокими в середине, имеют, следовательно, чрезвычайно мелкие устья, понемногу заносимые илом; получается как бы узкий перешеек между Хапташинским яром и Меркушиной стрелкой, перешеек лишь на 1-1½ аршина (0,7-1 м), покрытый водою. Надежда на эти бухты, как на удобные гавани, где могли бы укрываться суда, как-то предполагали в министерстве торговли и промышленности, таким образом, должна быть оставлена.

Итак, Чихачёв на лошадях вброд переходил через обе эти губы и попадал на Оёгосский яр, где получал свой пай мамонтовой кости, ибо по условиям каждый, приходивший на промысел, получал свою часть, независимо от собранной лично им кости — вся собираемая отдельными промышленниками кость складывалась вместе и затем делилась поровну между всеми участниками сбора. Для облегчения объезда пастей на стрелках в зимнее время, по словам Варакина, Чихачёвым были построены поварни, развалины которых сохранились и по настоящее время. На мысль о переправе через бухты его, вероятно, натолкнули олени, бродившие по бухте с одного берега на другой. Когда Варакину кто-то заметил, что, может быть, в настоящее время губа сделалась глубже, он весьма резонно заметил: «Ну, да охто её выкопал?» «Охто» — на его языке означает «кто». Оригинально употребление им слова «беда»: ещё когда «беда плохо что-нибудь» — оно понятно, но «беда хорошо» — звучит странно. Что «на Лопатке беда много лайд» — это плохо, но что «беда много гусей» — это хорошо; у него же и то и другое выражается одним словом «беда». Мысль, что человеку не дано знать много про будущее, им кратко выражена в часто приводимой фразе: «Ну, да человек как узнать может?» Если спрашиваешь, будут ли в такой-то местности олени или гуси, часто получаешь ответ: «Ну, да, куды денутся?» Мы настолько привыкли к его оборотам, что сами стали часто

употреблять их, уж больно они иногда были метки! Поначалу Варакин был весьма в печальном настроении, имея в перспективе путь по «беда страшной Лопатке», но после сообщения ему нашего плана обхода Лопатки стал веселее — «теперь, — говорит, — может и не погинем».

14 (27) июня жестокий шторм с ледяным дождём и иногда со снегом не прекращался целый день — из урасы страшно и нос высунуть. Пользуясь свободным временем разговаривали всё с тем же Варакиным. Постепенно выяснялась с его слов картина притеснений якутами менее сплочённых кочевников — юкагиров и тунгусов.

Позднее мы имели случай убедиться в правдивости рассказов Варакина и других юкагиров об якутском гнёте. Юкагиры, живущие между Алазеей и Яной, считаются принадлежащими к Устьянскому инородческому улусу, но представителей в нём не имеют, ибо туда всегда выбираются якуты. Юкагиры выражали желание о выделении их в отдельное управление при Устьянском улусе, или, если это невозможно, то хотя бы о переводе их в Колымскую Юкагирскую Управу. Это последнее было бы сопряжено со значительными трудностями в виду отдалённости этой управы от мест, где они кочуют, но всё-таки они тогда могли бы защищать свои законные интересы. В общем юкагиры весьма тепло отзываются как о «руссаках», т.е. индигирских русских, так и о чукчах: «Те хоть народ дикий и бога не знают, но хороший, беда хороший народ» — говаривал Варакин; но все единогласно говорят о притеснениях со стороны якутов. Якуты считают их низшей расой и обращаются с ними свысока, в чём мы не раз имели случай убедиться. Пользуясь своей большей культурностью и сплочённостью, якуты распоряжаются ими, предписывая пойти туда-то и туда-то, требуя отчёта, где был и проч. Так, например, они заставляют обслуживать станки Аллаихского тракта, обманывая кочевников небывалыми приказами начальства: «Вы теперь тоже стали якутами, должны нести их повинности, должны, как и мы, ставить на станки оленей» — говорят им якуты. Проверить, есть ли такие приказы, юкагиры не могут. Я уже упоминал, как на них действуют писанные приказы — покажут бумагу, а что в ней — разобрать они не могут. Но за станки, ведь, якуты получают деньги, а если это повинность, то она равномерно распределяется среди якутов и устанавливается очередь. Если юкагиры протестуют, не хотят исполнять приказаний, то их страшат тем, что пожалуются губернатору, напишут ему письмо — и стоят юкагиры на станках с Михайлова по Егорьев день, пропуская лучшее время охоты на оленей. А жаловаться некуда, ибо

езде они должны действовать через того же якута. Весь этот гнёт постепенно разоряет кочевников, а тогда он делается ещё более сильным. Многие из юкагиров в конце концов делаются работниками состоятельных якутов, и тундра понемногу теряет своих истинных детей.

В ночь на 15 (28) июня свирепый западно-северо-западный ветер старался сорвать с места нашу урасу, но обложенная нартами и крепко перевязанная тордоха выдержала его ярость, цилиндрическая же палатка юкагиров была разнесена ветром, и им больших усилий стоило собрать её снова и поймать все вещи, унесённые ветром при крушении их жилища. До самого утра невозможно было уснуть от свиста и шума ветра, неистово трепавшего тордоху. Всю ночь пролежали так, разговаривая, и лишь под утро, когда ветер стих, удалось уснуть. Благодаря ветру совсем нет комаров, от которых в это время обычно приходится сильно страдать.

К.А. Воллосович подарил Егору Варакину «бистер» (бисер) и «золотые пуговицы», чем тот был чрезвычайно доволен и долго рассматривал блестящие пуговицы, советуясь с ним, как украсить ими парадный кафтан. К.А. Воллосович вполне серьёзным тоном давал ему советы, а мы еле сдерживались от смеха, наблюдая эту сцену. Лишь когда Варакин от нас вышел, можно было вдоволь посмеяться. К.А. Воллосович говорит, что ничего не поделаешь — надо быть серьёзным, чтобы не обесценить подарка.

Поехали с Варакиным осмотреть сети, поставленные утром на реке Гусиной: сняли 10 муксунов и чиров — каждый весом от 2 до 3 фунтов (0,8 до 1,2 кг), так что один осмотр дал 20-30 фунтов (8 до 12 кг) на две небольшие сети. Вечером поехали второй раз и сняли 12 рыб, из них один чир был на 5 фунтов (2 кг) весу.

Днём 16 (29) июня приехал, наконец, поджидаемый капрал и пригнал 30 вновь купленных оленей. Теперь пошла сортировка, каких куда отправить, какие пойдут по Лопатке, какие с К.А. Воллосовичем к устью Богдашкиной и какие со мной к Хромской губе. Сортировка основывалась на подробном осмотре всех оленей такими тонкими специалистами в этом деле, как наши юкагиры. Все олени были собраны в круг и начался их продолжительный осмотр и долгие разговоры юкагиров между собою по поводу свойств того или другого оленя — это распределение, конечно, всецело было предоставлено их опытности. Когда всё было до деталей выяснено, собрались в дальнейший путь и в начале 11 часов ночи, оставив большую часть багажа и оленей вместе с казаком

Дьячковым здесь у поварни Киселёва, наш небольшой теперь караван двинулся по направлению к видневшимся на севере едомам к устью реки Гусиной.

Близ поварни Киселёва есть два озера, лежащие почти рядом и обратившие на себя наше внимание тем, что, будучи совершенно одинаковыми по величине (в полверсты в диаметре), одно из них совершенно свободно от льда, а другое сковано сплошным толстым ледяным покровом, начавшим таять только близ самого берега. Очевидно, это зависит от их глубины. Выражаясь по здешней терминологии, первое есть лайда, а второе — настоящее озеро. Проехав несколько далее, встретили такую лайду, которая только по ясно выраженному берегу может быть признана за лайду, ибо на ней нет совсем свободной водной поверхности — всё заросло густой травой и поверхность её представляет просто болото; но ясно выраженный бережок кругом этого болота свидетельствует о его происхождении из настоящей мелкой лайды. В конце концов совершенно ясно, что строгой границы между озером и лайдой и дальше болотистыми низинами, потерявшими даже признаки берега, в действительности не существует — по крайней мере приходится встречать эти образования во всех стадиях развития. С одной стороны стоит озеро, а с другой — заросшее травой болото без всякого берега; ввиду же того, что лайды очень часто встречаются массами, образуя лабиринт, следует думать, что низкая болотистая тундра, иногда тянущаяся на многие вёрсты, есть не что иное, как поверхность слившихся одна с другою и заросших лайд, потерявших свою индивидуальность. Система лайд превращается в ровное низкое болото. И в каких только комбинациях приходится здесь встречать эти озёра, лайды, лайды-болота и просто болота.

Очень часто на тундре встречаются трещины, причём большею частью они из одной точки расходятся тремя лучами, образующими между собою равные углы по 120 градусов; в течение часа пути я насчитал таких пучков 26, и только в трёх случаях линии расходились под прямым углом. Эти трещины имеют место лишь в сухой тундре.

Ровно в полночь небо очистилось от туч и наконец мы увидели солнце. С первыми минутами 17 (30) июня мы вступили на хребет едо́м и начали подъём к перевалу, лежавшему не выше 30 сажен (60 м) над поверхностью тундры. С перевала открывается вид далеко до устья Гусиной, около которого заметен мыс Гусиный — видно, что до самого устья расстилается совершенно ровная, гладкая тундра. Северный

склон имеет характерные конические выступы, так называемые «байджараки», с которыми подробнее познакомимся позже; у подошвы же хребта лежит большое озеро, середина коего покрыта льдом. Вода озера зеленоватого цвета.

В четыре часа утра стали на ночёвку на берегу этого озера. Здесь долго отдыхать не пришлось — надо торопиться, и в десять часов утра мы уже сидели за утренним чаем; но, как назло, выехать сразу не уда-

Рис. 39. Низкая тундра у р. Гусиной.

Фот. Е. Ф. Скворцова

лось: один олень не захотел идти в запряжку и вот уже два часа, как юкагиры бегают за ним, но он не даётся, и они скрылись вместе с ним за едомой. День хороший, солнечный; пошли вперёд пешком — обоз, при черепашьей скорости его передвижения, догонит. В общем, если бы возможно было передвигаться всё время пешком, движение экспедиции было бы скорее, но, ведь, необходимо везти с собою провизию, инструменты, ветки, постели, палатки и прочее. В конце озера увидели стадо уток, и Варакин пошёл показывать своё искусство, ловко подкрался и с одного выстрела убил трёх и одну ранил. Раненая села в озере; спустив ветку, я поехал с ним заодно посмотреть на озёрный лёд. Он высадил меня на льдину, а сам отправился в погоню за уткой, но это не удавалось, и он поехал за ружьём на берег. Лёд озера чистый, прозрачный, спускается по краю вниз небольшими террасами, сверкающими в прозрачной глубине. Пока Егор ездил на берег, а я рассматривал лёд, прилетела другая утка и, к нашему удивлению, стала драться с раненой. Варакин воспользовался дракой, близко подплыл к дерущимся и выстрелом убил раненую и ранил вероломную здоровую утку. За новой раненой он устроил интересную погоню: стараясь убить её веслом, он на ветке вертелся, как вьюн, пока, наконец, ему не удалось её оглушить; после этого мы с ним вернулись на берег — он, довольный тем, что, истратив всего два патрона привёз пять жирных уток.

Дальше путь пошёл по низкой тундре (рис. 39), т.е. по болоту: олени шлёпают по воде, нарты в воде, и мы сами месим жидкую почву. Вскоре

очутились в гладкой низине, расстилавшейся беспредельно во все стороны, и только на краях горизонта виднелись в дымке Гусиный яр, Степанов яр и та едома, к которой мы ехали. Чем дальше, тем глубже становилось болото, и только в 11 часов вечера остановились на берегу небольшой виски, где было относительно сухо. Ввиду ясной погоды обедать не придётся, а нужно немедленно ехать на пункт и приготовиться к наблюдениям. Однако, сначала нужно отыскать то место, где весной Н.А. Июдин начал съёмку — поэтому сейчас же, попив только чай с юколой, совсем налегке на одной нарте отправились с Н.А. Июдиным к берегу моря против мыса Гусиного. Отыскать определённую, отмеченную при зимних условиях точку дело не такое простое, ибо теперь всё имеет совершенно другой вид. Поиски нужно начать с какого-нибудь выдающегося пункта, каковым здесь является высокий мыс Гусиный, находящийся на противоположном берегу залива, в который впадает река Гусиная. Переехав нашу виску и держа курс на мыс, подвигались довольно медленно по той же лайдообразной тундре, которая по мере приближения к берегу моря становилась всё суше. Наконец достигли берега залива против мыса, от которого нас отделяло водное пространство шириною версты в три. Небольшой заливчик справа, идущий в материк, свободен от льда, что свидетельствует о его мелководности, к северу же простирается ещё покрытая льдом поверхность моря, лучше сказать, большого залива, в который впадает кроме Гусиной ещё и река Волчья. Постояв немного против мыса, направились по берегу заливчика на юг, где, проехав около трёх вёрст, отыскивали среди большого числа песчовых пастей ту пасть, на которой весной Н.А. Июдин поставил букву Н; таким образом найдена была исходная точка весенней съёмки на восток, откуда она будет продолжена и на запад. Здесь же решили определить астрономический пункт, тем более, что эта точка географически легко определяется, как самое устье реки Гусиной. Поставив здесь высокое бревно стоймя, чтобы можно было издали, не отыскивая, подъехать сюда, отправились домой, т.е. к месту стоянки. Там ожидал нас обед — жареные на вертеле утки. Хотя было четыре часа утра, но сейчас же снова нужно было собираться и ехать с хронометрами и инструментами на пункт. Юкагир было закапризничал, отговариваясь тем, что олени плохие, но ему было объяснено, что дело важное, раз я не собираюсь спать, а немедленно отправляюсь на работу. В шестом часу я простился с К.А. Воллосовичем, идущим отсюда напрямик к устью Богдашкиной, и отправился на свой пункт к устью Гусиной (рис. 40). Там меня оставил с

вещами юкагир, уехав к стоянке, так как здесь не было оленьих кормовищ. За мной он должен приехать только вечером — таким образом я остался на берегу совсем один.

Рис. 40. Устье р. Гусиной. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Наступившее утро 18 июня (1 июля) было ясное и тихое, и весь день как нельзя более благоприятствовал астрономическим наблюдениям, которые заняли у меня всё время до самого вечера. День был тёплый и тихий, а посему внезапно появилось бесчисленное количество комаров, так что даже наблюдать пришлось в сетке. В промежутке между наблюдениями занимался варкой чая да чаепитием, прилечь же боялся, так как мог бы ещё проспать. Так незаметно прошёл весь день и солнце склонилось уж к горизонту, когда я увидел вдали чёрную точку, скоро превратившуюся в шедшего сюда Н.А. Июдина с Николаем и небольшим обозом, тащившим лишь их постели, тордоху палатки, да необходимую во всех случаях ветку. Отсюда Н.А. Июдин начинал свой путь по «беда страшной» Лопатке. Скоро подъехал и мой юкагир, с которым я должен идти обратно к поварне Киселёва. В девять часов вечера мы расстались с Н.А. Июдиным, пожелав друг другу счастливого пути, и как тогда на Деляковой, разошлись в разные стороны — он на север к морю, я на юг в материк. Когда-то теперь снова придётся встретиться? Тогда, ведь, расстались 12 (25) мая, а снова все вместе сошлись лишь 5 (18) июня.

Мой юкагир сказал, что знает путь прямее, чем тот, которым мы сюда шли, и мы направились несколько по другому пути, немного западнее прежнего. Та же низкая тундра потянулась перед нами, та же слякоть и

то же медленное, томительное движение. На одной из висок ещё основательно поломалась нарта, и более часа провозились за её починкой. Чем дальше мы ехали, тем глубже становилась вода на тундре и затем перешла в сплошную трясину; олени изнемогали, да и мы тоже выбились из сил, но остановиться на ночёвку здесь не было никакой возможности, ибо отсутствовали кормовища. С большим трудом дотащились мы, наконец, до склона едомы и в пять часов утра 19 июня (2 июля) встали на ночёвку. Как только была поставлена ураса, сейчас же лёг спать на подмоченном одеяле, даже не напившись чая, — такова была усталость: ведь 17 (30) июня в 10 часов утра я встал, а лёг лишь 19 июня (2 июля) в шесть часов утра, то есть сорок четыре часа провёл либо в работе, либо в дороге, ещё более утомительной, чем работа, и за всё это время не пришлось даже прилечь.

Проснулся лишь в три часа дня, разбуженный прямо стоном, стоявшим от бесчисленного множества комаров. Вышел из урасы, смотрю: лежат олени и тяжело дышат, все они буквально облеплены комарами, которые во многих местах, на голове и в тех местах, где облезла шерсть (ведь сейчас время линяния оленей), образуют сплошную серую массу. Ни единого свободного местечка они не оставили, использовали свободную поверхность тела до последнего миллиметра; тут уж не видишь отдельных насекомых — один рядом с другим, и все сосут несчастных животных. Некоторые из оленей ещё беспрестанно вздрагивают и трясут головой, но другие настолько утомлены и потеряли всякую надежду на избавление от жестоких врагов, что лежат без всякого движения, положив голову на землю. Трое, вероятно более сильных, ещё бегают, как угорелые, взад и вперёд. Юкагир время от времени подходит к оленям и рукою проводит по шерсти, давя комаров, отчего тело оленей покрывается кровью, но сейчас же на место погибших врагов усаживаются новые массы, тучами носящиеся над лежащими жертвами. Отойдя несколько в сторону для осмотра местности, я подвергся такому нападению; испытываешь настоящий страх, чувствуя себя бессильным перед этой массой — без сетки или вне защиты дыма костра долго пробыть невыносимо.

В шесть часов вечера 19 июня (2 июля) снялись с едомы и тронулись дальше, но в девять часов сделали остановку, чтобы дымом костров хотя отчасти прогнать замучивших оленей комаров. И в самом деле их стало меньше, когда в одном месте мы нашли достаточно материала для костров. Олени понимают сами, что в дыму легче, и держатся кучками у

костров. Но скоро поднявшийся из-под надвигавшейся тучи сильный западный ветер прогнал и остатки комаров, так что с удивлением можно было отметить, что от всего бесчисленного количества, бывшего только что, не осталось ни единого экземпляра. Однако с ветром взамен комаров пришли холод и дождь, и путь наш, в который мы отправились после двухчасового отдыха, снова пошёл по трясине, в результате чего все вещи были окончательно промочены, когда мы в три часа ночи прибыли, наконец, к поварне Киселёва на Гусиной. А на Гусиной абсолютно всё сплошь залито водой. Спрашиваю остававшегося на месте нашей стоянки Дьячкова, есть ли где сухое местечко. «Нет, — отвечает — всё кругом промокло». После обеда так и пришлось лечь на мокрой шкуре, в мокром одеяле, среди стоящей в урассе воды; поневоле вырвется выражение: «валяешься здесь как собака!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Внутри тундры между рекой Гусиной и Хромской губой

20-28 июня (3-11 июля)

Отъезд с Гусиной — Неторопливые сборы в путь — Хребет булгунняхов — Снова комары — Река Волчья — Прелести здешнего лета — Дровяной голод — Громадные стада диких оленей — В вершинах рек Богдашкиной, Губиной и Мастах-Апки — Недоразумения по поводу течения Мастах-Апки — На берегу Хромской губы — Содомская виска — Отправка партии оленей навстречу остальным членам экспедиции.

На 20 июня (3 июля) назначил отъезд своей партии в дальнейший путь по направлению к устью Хромской губы прямо через внутреннюю тундру. После полудня разъяснилось, и мне удалось произвести некоторые астрономические наблюдения для определения пункта: «Поварня Киселёва на реке Гусиной» (рис. 38). Тем временем юкагиры, не торопясь, готовились к отъезду. Олени были пригнаны и собраны в кучу, замкнутую верёвочным кольцом; их всего было здесь 58, из них пять были признаны негодными для продолжения пути, так что со мною пойдут 53 оленя. Один олень накануне по неизвестной причине околел. Однако, нужно огромное терпенье, чтобы спокойно смотреть на сбор наших рабочих — до того медленно у них всё это делается. Привяжут одного оленя к нарте, закурят трубку и стоят минут пять, смотрят; затем, после запряжки второго оленя, снова закуривание и остановка, и так вообще

после каждой операции, которых каждый раз приходится проделать очень большое число. Всё время торопишь их: «тюрген, тюрген, тюргенник» (скорее, скорее), но это не очень-то на них действует — ведь призывкли они к небольшим переходам вёрст не более, как по 10, когда торопиться действительно некуда, ибо перед ними всё та же однообразная равнина тундры. Около семи часов вечера удалось, наконец, двинуть наш обоз от реки Гусиной, где в течение восьми дней с 12 (25) июня находился наш центральный лагерь.

Что же сказать о потянувшейся местности? Всё, ведь, то же: озёра, лайды, болотца, гладкая тундра, местами булгунняхи и, в заключение, небольшая виска, около которой наши юкагиры успели распрячь оленей, пока я с Дьячковым брал направление на булгунняхи, так как веду от Гусиной маршрутную съёмку¹. Когда же я подъехал к виске, то с удивлением увидел, что олени уже свободно бегают по тундре — вот если бы юкагиры так же быстро собирались в путь, как становятся на ночёвку! Меня сильно рассердило такое своеволие, так как я надеялся проехать побольше, а тут через три часа пути уже и остановка. Накричал на них, чтобы другой раз не смели без моего разрешения делать остановку, но волей-неволей пришлось здесь ночевать, ибо поимка разбежавшихся оленей заняла бы очень много времени; сказал лишь, чтобы за это завтра постарались выехать пораньше. Вечер выдался хороший, тёплый, тишина полная, солнышко светит невысоко над горизонтом в северной его части, и даже тундра с вьющейся небольшой виской при этом освещении представляет, несмотря на однообразие, красивую картину.

На следующий день 21 июня (4 июля) выехали в путь в десять часов утра, что случилось впервые после нашего отъезда из Русского Устья; подействовал, следовательно, вчерашний выговор. Но не сразу переехали виску и довольно неудачно — я выкупался до пояса, ибо олени внезапно потащили нарту вниз по крутому берегу и прямо в воду, а при подъёме вверх нога моя ещё попала между передком нарты и кочкой. Чуть не сломал ногу, но кочка оказалась некрепкой и отлетела в сторону, освободив ногу. Однако, после этого я долго не мог встать, весь день пришлось ехать на нарте и не идти пешком, как обыкновенно. Дьячков по этому случаю рассказал, что с ним было подобное происшествие — но «к счастью, — говорит, — нарта сломалась». Я и посмеялся над ним — «Ну и нога же у тебя, крепче деревянной нарты».

¹ Этот маршрут от поварни Киселёва на р. Гусиной до Хромской губы помещён на общей маршрутной съёмке Н.А. Июдина (см. карту маршрутов экспедиции).

Рис. 41. Озеро на тундре между рр. Гусиной и Волчьей. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Понемногу двигаемся дальше. Пролетел гусь очень близко, а ружья крепко привязаны к нартам; кричу Дьячкову: «Дьячков, вон обед наш полетел!»; велел ружья держать наготове — ведь наше основное питание добывается охотой.

Так понемножку, не торопясь, с разными инцидентами, передвигаемся по ровной тундре, приближаясь к длинной цепи-хребту булгунняхов. Скоро вступили на них, покрытых тем же мхом и травой, что и тундра внизу. После перевала — спуск вниз к озеру, у которого наши юкагиры хотели остановиться на обед, даже стращали, что дальше скоро мы не найдём места, где была бы вода, но я не поверил их словам и, действительно, через два часа пути в котловине между булгуннями открылось большое озеро, около которого мы и остановились, чтобы пообедать (рис. 41). Озеро имеет невысокий, сажени в полторы (3 м), бережок, сильно размытый, с обнажённым внизу подпочвенным льдом. Противоположный же берег озера представляет собою крутой глинистый яр. Дьячков промыслил на озере пять уток на сегодняшний ужин и завтрашний обед. После обеда — сейчас же дальше в путь; оленей не отпускали от нарт, и они немного покормились, стоя у последних. Тундра дальше пошла все возвышенная, с булгуннями. Этот тип тундры представляет самую отрадную картину её; к тому же почва здесь сухая и покрыта великолепными оленьими кормовищами. Проехав два часа после остановки для обеда въехали на хребет, где расположились для ночлега на берегу небольшой виски, извивающейся в высоких крутых берегах.

Уже после обеда, когда затих ветерок, стали появляться во всё возрастающем количестве комары, а к вечеру их набралось, что называется, видимо-невидимо. Отпряжённые олени бегают, как сумасшедшие, и всё время за ними бегают рабочие, установив очередь, так как в такое время их необходимо пасти, не давая далеко убежать от становища, ибо доведённые до отчаяния животные могут убежать так далеко, что их нельзя будет найти. Сидя в уресе слышишь какой стон стоит в воздухе — и в уресе от комаров отбоя нет; поэтому казаки курят свой черкасский табак, закрыв возможно плотнее щели тордохи, но от этого дыма, кажется, из урасы сбежишь. Перед сном, однако, ещё головёшку принесли в урасу и от неё напустили дым, «аж глаза ест», и, осмотрев все дырки и щели и тщательно закрыв всё, улеглись спать. Но в уресе душно и жарко, и всё-таки комары пробираются каким-то образом, так что до третьего часа ночи ни я, ни мои казаки не можем уснуть. Кстати, я теперь еду барином, так как со мною целых два казака, — К.А. Воллосович и Н.А. Июдин пошли ведь совсем налегке.

Всю ночь пробегали олени и лишь под утро, изнеможённые, упали на землю, — лежат неподвижно и стонут, «охают», как выражается Варакин. Вот и извольте передвигаться при таких условиях! Тем не менее в полдень 22 июня (5 июля) двинулись дальше, но не далеко, ибо через два часа подъехали к реке Волчьей (рис. 42), переправа через которую должна нас несколько задержать.

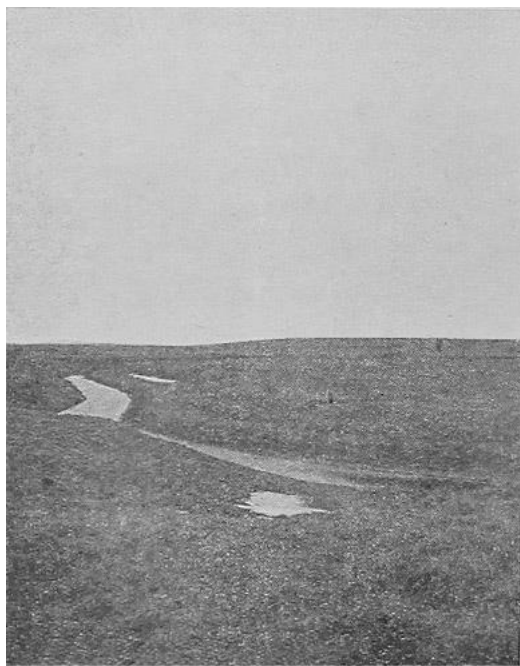

Рис. 42. Долина р. Волчьей.

Фот. Е. Ф. Скворцова.

Река Волчья идёт здесь в узких, крутых берегах; мы подъехали к тому месту, где сходятся друг с другом два рукава реки, очень похожие на глубокие каналы. На северных склонах этих глубоких каналов ещё до сих пор лежит снег, и странным он кажется в такой тёплый день, с наибольшей температурой в $22,3^{\circ}$ (самая высокая температура из отмеченных мною за всё это лето). Переправа (рис. 43), несмотря на мелкость реки, благодаря её крутому, чуть не отвесному берегу, заняла много времени, так что дальше в этот день не двинулись — пускай отдохнут олени, хотя вряд ли возможен отдых в виду не уменьшившегося количества комаров. И, действи-

тельно, только их отпустили, как они пошли бегать, ничего не видя перед собою, натыкаясь на нарты, часто опрокидывая их, и один раз чуть не развалив нашей урасы. Днём я побродил вверх и вниз по реке, занеся оба рукава на свой маршрут (рис. 44). Вечером то же выкуривание, — но не заснуть, ибо в закрытой урасе теперь невыносимо жарко и душно. Вот и решаем дилемму, что лучше: ясный тёплый день, но с комарами — или холодный день с дождём, но без комаров. Всё-таки для людей, пожалуй, комаров предпочтёшь, хотя несомненно, что если бы задать этот вопрос оленям, они предпочли бы и дождь, и холода; да что им эти холода по сравнению с зимними в долгую тёмную полярную ночь. В такой же день, как 22 июня (5 июля) и без комаров им было бы тяжело — не привыкли они к теплу. Даже наши юкагиры жаловались, что слишком уж жарко и то и дело вытирали свои лица от пота, — и это в день, когда только начинаешь согреваться!

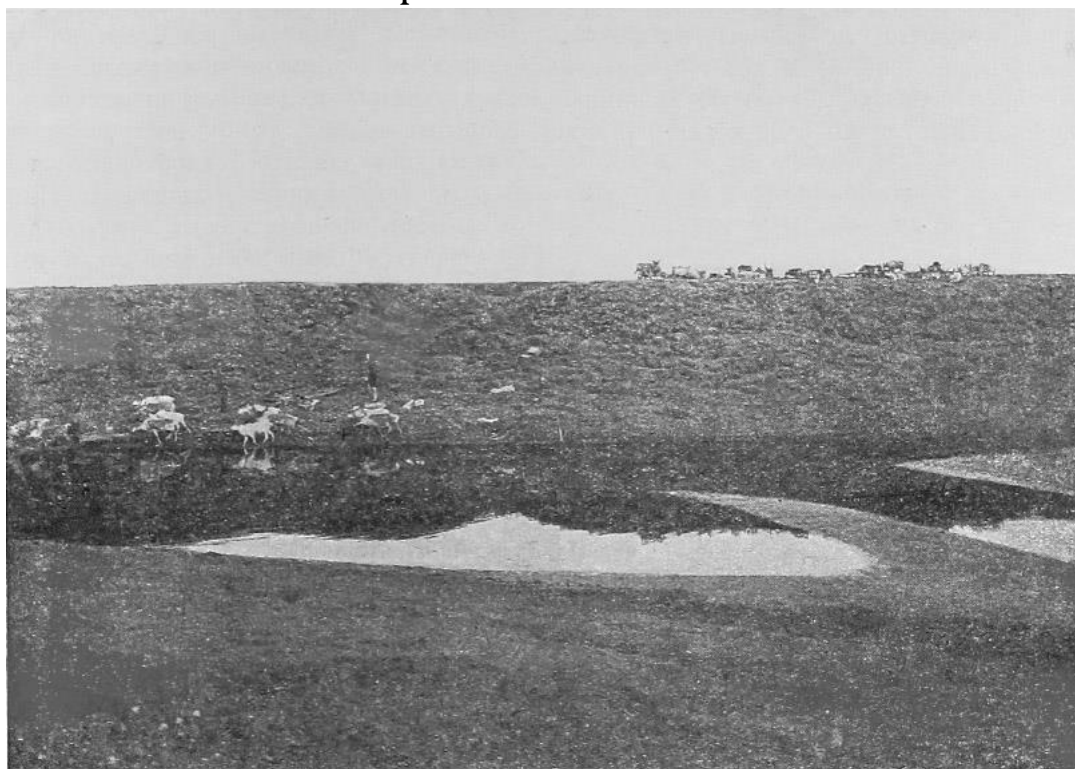

Рис. 43. Переправа через р. Волчью. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Лёгкок на помине дожличек — и только просыпаюсь 23 июня (6 июля), как Дьячков докладывает: «Бог дожличка дал, давно не было». А, ведь, давно, действительно, с 19 числа — целых три дня! Сняли поставленные вечером сети; в них попало целых 6 чиров, весом по 2-3 фунта (0,8 — 1,2 кг), так что всего около 13 фунтов (5 кг) рыбы, а ставить то пришлось на глубине всего в три четверти аршина (0,5 м), ибо Волчья здесь очень мелка, — тут, ведь, недалеко и её исток.

Скоро тронулись в дальнейший путь; снова потянулась та же пустыня, где ни единого следа человеческого не встретишь, где лишь

птицы нарушают полнейшую тишину, которая царила бы здесь без них, где по земле лишь изредка пробежит вдали дикий олень и где ветер свободно гуляет по простору пустыни — как-то странно чувствуешь себя в такой непривычной обстановке и думаешь, что пройдёт лет сто, а, может, более того, пока снова занесёт сюда какую-нибудь новую экспедицию и кто-нибудь снова будет иметь несчастье бродить здесь и удивляться, каких только мест нет на земном шаре!

Сильный норд-вест с проливным дождём начался вскоре после нашего отъезда с Волчьей и очень скоро до костей промочил всех нас; через три часа пути пришлось остановиться для переодевания, просушки и обеда. Дождь перестал и даже выглянуло солнце, позволившее развесить промоченные вещи. Нужно сказать, что внутри тундры совсем нет топлива, в нашем районе нет даже сколько-нибудь крупного

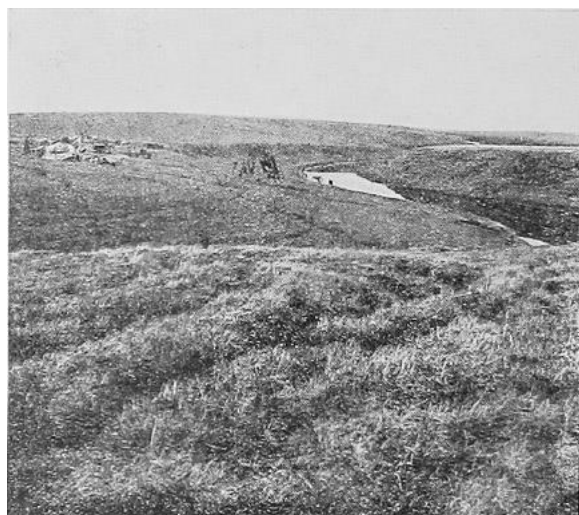

Рис. 44. Долина р. Волчьей и лагерь экспедиции.
Фот. Е. Ф. Скворцова.

тальника, могущего ещё в случае нужды служить материалом для костра. С Гусиной мы взяли запас дров, но и там собрали немного, так что в топливе мы должны были всё время соблюдать строгую экономию, разводя костры только для приготовления пищи. Поэтому мы и не могли, например, защитить оленей дымом костров от комаров — для этого необходимо очень большое количество топлива. После обеда удалось проехать всего пять вёрст, так как олени стали

уставать. Остановиться пришлось в низкой тундре, расположив урасу только-только что не в воде. На ночёвке выяснилось, что запас дров пришёл к концу; придётся жечь некоторые доски с нарт — но надолго ли этого хватит? Ещё не доставало, чтобы пришлось отказаться от горячей пищи, а она одна, кажется, и даёт силы выносить ужасающую сырость. Дорогой уже давно отыскиваем что-нибудь подходящее для горения, но везде лишь глинистая, покрытая мхом и травой поверхность, ни единой, хотя бы маленькой щепочки, также как и не единого, даже самого малейшего камешка — зато воды, глины и льда сколько угодно.

24 июня (7 июля) холодное пасмурное утро, а всю ночь снова лил дождь, одно время даже немного и снежок посыпал; но утешаешь себя, что в такую погоду оленям лучше, больше можно пройти за день, и, в самом деле, 24 июня (7 июля) сделали самый большой переход — в 28

вёрст (30 км). В вершинах реки Богдашкиной встретили громадное стадо диких оленей, голов в 400, не меньше. Ввиду того, что провизия наша нуждалась в обновлении, так как много рыбы и мяса испортилось за короткий тёплый период, то разрешил юкагирам отправиться на охоту. Под защитой домашних оленей они довольно близко подошли к пасущемуся на склоне едомы стаду. После первого выстрела, грохотом нарушившего тишину пустыни, олени бросились бежать врассыпную, как угорелые, в разные стороны, иногда чуть не набегаая на стрелков, прикрытых спинами спокойно стоящих домашних оленей. Охотники убили трёх оленей и так увлеклись работой по снятию кож и прочего, что пришлось отрядить Дьячкова с приказом забрать оленей и ехать дальше к месту ночёвки, которое выбрали на берегу реки Богдашкиной недалеко от её вершины. Богдашкина здесь мало похожа на реку; это мелководный ручей, во многих местах с одного до другого берега поросший свежей зелёной травой. От убитых оленей взяли только часть мяса, остальное же было закопано в вырытых ямах: им воспользуются юкагиры на обратном пути — идущие с нами юкагиры наняты только до устья Хромы, где их должны сменить другие рабочие.

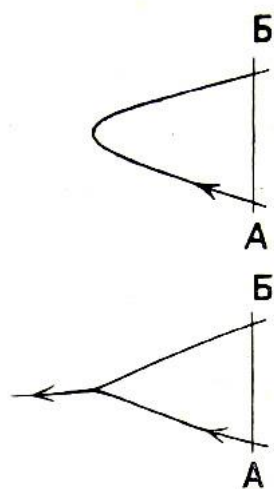
25 июня (8 июля) лишь в час дня удалось сняться с места, ибо накануне был праздник у юкагиров по причине удачной охоты — поели они вдоволь, причём рога и часть внутренностей были съедены в сыром виде. Сегодня встретили снова два громадных стада диких оленей; присились было юкагиры снова на охоту, но я не позволил останавливать движение обоза, ибо считал бесцельным убивать бедных животных, когда у нас имелось в запасе свежее мясо. К концу дня олени стали падать, и, как нарочно, попалась низкая болотистая тундра без кормовищ. так что пришлось, насилуя их, всё-таки идти, пока не дотащились до склона холмистой возвышенности с хорошими кормовищами, где и остановились на ночёвку. Тут же протекает небольшая речка, по поводу названия которой Дьячков ведёт дипломатические переговоры с капралом. Нужно сказать, что вообще узнать что-нибудь о названиях рек, их течении и прочих топографических подробностях местности довольно затруднительно, ибо мои юкагиры по-русски не понимают, а Дьячков часто толком не в состоянии объяснить, что от них требуется. В конце концов оказалось, что это вершина реки Губиной, впадающей в Хромскую губу; вместе с тем выяснилось, что к устью этой реки и намеревались идти юкагиры, так как здесь они сговорились встретиться с остальными частями экспедиции. Но, взглянув на карту, я убедился, что это

совсем не то место, в котором мы. члены экспедиции, решили съехаться, — оно лежит значительно южнее устья Хромской губы, которое именно и интересно нам по причине вышеприведённых рассказов Егора Варакина. Тут, очевидно, произошло недоразумение, нас они не так поняли. Так как от устья Хромской губы ближе до Лопатки, то я и решил изменить свой маршрут и отсюда ехать прямо к устью Содомской виски, лежащему, по словам капрала, как раз напротив Хромской стрелки. С этого места можно скорее подать помощь нашим, если они в ней будут нуждаться.

26 июня (9 июля) направились к устью Содомской виски; через 5 вёрст пути въехали на холмистую, довольно высокую равнину, по которой и ехали весь день, не спускаясь вниз. Местность напоминает плоскогорье близ реки Волчьей; она пересечена множеством ручьёв, вырывающих глубокие овраги, на дне которых лежит ещё совершенно нетронутый снег. Ручьи эти впадают в речку Мастах-Апку, текущую между Губиной и Содомской виской в ту же Хромскую губу. Здесь, в вершине Мастах-Апки, она имеет два рукава. Своеобразно-красивая картина вершины Мастах-Апки тем не менее не могла быть запечатлена на фотографиях по причине непрерывающегося дождя, затянувшего всё как бы туманом. Пройдя лишь 15 вёрст от вершины Губиной, ввиду утомления оленей, встали на ночёвку на берегу той же речки Мастах-Апки.

После обеда, состоявшего из оленьего супа, позвал к себе в урасу капрала для разъяснения некоторых подробностей в течении Мастах-Апки, подробностей, повергших меня днём в недоумение. В пути было неудобно разъяснять их, и я их только отметил в записной книжке, в которой записывал все данные для съёмки, вычерчиваемой обыкновенно вечером после обеда на остановке для ночёвки. Не сразу удалось всё выяснить; и только когда было предложено капралу изобразить сомнительные места на бумаге, разъяснились все недоразумения. Для примера приведу одно. Мастах-Апка лежит между Губиной и Содомской виской и, понятно, что для того, чтобы с Губиной попасть на Содомскую виску необходимо переехать Мастах-Апку, которая здесь сильно крутит. Вот мы и переезжаем реку; спрашиваю: «Какую?» — «Мастах-Апка», получаю в ответ. Дальше версты через 3 снова переезжаем речку, на вопрос «какая?», получаю тот же ответ: «Мастах-Апка». С этим ещё можно было бы помириться если бы нам пришлось дальше ещё раз переехать эту речку, но капрал решительно заявляет, что больше её переезжать не

будем. На остановке же дело разъясняется: оказывается, что это два рукава одной и той же реки, недалеко от их пересечения нами сливающиеся друг с другом. Для наглядности привожу чертежи неверной и исправленной записи моей книжки (черт. 2). Точно также, весьма странно казалось видеть одну и ту же речку, то справа, то слева от нашего пути, идущего по прямой линии — таковы извилины этой речки.

Черт. 2.

В ночь на 27 июня (10 июля) температура снова упала ниже нуля и выпал снег, растаявший только утром под лучами просвечивающего сквозь тучи солнца. Взяв фотографический аппарат, направился по Мастах-Апке, чтобы сделать несколько снимков. Нужно сказать, что здесь, благодаря однообразной окраске, но характерному рельефу местности, предпочтительно делать стереоскопические снимки, простые же снимки дают плохое представление о местности. Прилагаемые снимки (рис. 45, 46 и 47) изображают долину Мастах-Апки близ нашей стоянки. В два часа дня

тронулись в дальнейший путь по той же высокой, пересечённой в разных направлениях местности. Через три часа пути эта возвышенность круто обрывалась вниз и дальше далеко шла ровная тундра, в конце которой «чуть глазом видится» море. Спустившись вниз, поехали по низкой тундре со всеми её неприятными особенностями, делавшейся всё суше по приближению к берегу и незаметно снова поднимавшейся вверх. Около 10 часов вечера подъехали мы к берегу Хромской губы. Берег здесь, высотой сажень в 35-40 (75-85 м), двумя террасами спускается к Хромской губе. Сверху виден низкий противоположный берег залива, который здесь имеет ширину около 5 вёрст. Бушующее пространство воды с еле заметным вдали бережком как-то не вяжется с рассказами Варакина о её мелководности, представляется невозможным перейти его просто вброд. Однако ведь Чихачёв переходил!

Рис. 45. Долина р. Мастах-апки. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Наш капрал принял за Содомскую виску другой ручей, почему мы оказались на 10 вёрст к югу от неё, но так как было уже поздно и олени

очень утомились, то я решил остановиться на ночёвку здесь, на следующий же день сделать этот последний небольшой переход к Содомской виске, где и ждать остальных членов экспедиции. На берегу губы нашли в избытке плавник и здесь закончился наш дровяной голод; у нас уже сожжено было всё, что можно, даже части нарт пошли в ход. Здесь можно будет и их привести в должный порядок. К вечеру снова пошёл дождь и лил всю ночь. Ну, разве такое время года может назваться летом? Погода эта соответствует петербургскому октябрю, да и то второй половине его!

Рис. 46. Олени на пастбище. Фот. Е. Ф. Скворцова.

самим.

Берег Хромской губы представляет обрывистый скат, называемый Хапташинским яром, который тянется по всему правому берегу губы от реки Лапчи до реки Средней на протяжении более ста вёрст. Сразу, как только я вышел на берег, я натолкнулся на торчащий из глины большой зуб мамонта; под яром же нашёл ещё несколько костей, которые и были забраны для передачи К.А. Воллосовичу.

Рис. 47. Сборы в путь на р. Мастах-апке.
Фот. Е. Ф. Скворцова.

28 июня (11 июля) перед отъездом была исследована на всякий случай местность вблизи берега, для того чтобы убедиться, что наши не проехали к устью реки Губиной. Следов не оказалось, но на всякий случай я ещё послал туда нарочного, чтобы быть совсем спокойным и чтобы посмотреть, нет ли там какой-либо записки — ведь таковую на верховом олене можно доставить скорее, чем возможно двигаться

самим. Отправив нарочного на Губину, мы в 11 часов дня двинулись в последний переход. Дорога шла по глинистым едомам, плохо прикрытым растительностью, почему полозья нарт часто прилипали к почве, и олени с трудом тащили нарт. Ввиду этого только в четыре часа дня мы добрались до «дому», т.е. последние 10 вёрст шли пять часов — скорость невеликая! На холме на берегу Содомской виски, близ самого её устья, мы разбили лагерь (рис. 55 и 56). Здесь придётся прожить,

вероятно, долго, пока не вернутся наши из трудного обхода Лопатки. 29 июня (12 июля) вернулся нарочный с Губиной, там он не нашёл никаких знаков пребывания кого бы то ни было и в тот же день я отрядил двух юкагиров с партией лучших оленей и с запасами провизии навстречу нашим, приказав им идти всё время по береговой линии на восток от нашего лагеря до тех пор, пока они с ними не встретятся. Сам же запасся терпением для этого ожидания и занялся хождением по окрестностям и осмотром замечательного Халташинского яра.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Хапташинский яр

29 июня - 12 июля (12 - 25 июля)

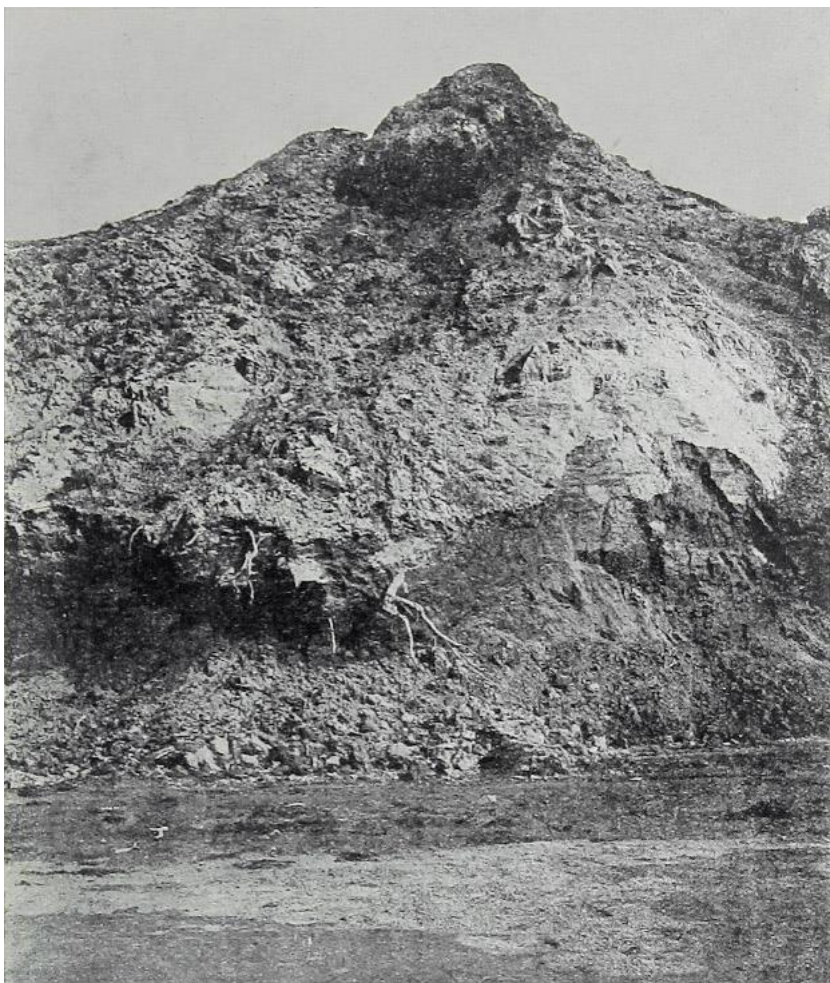
Мамонтовый берег — Каменный лёд — Межледниковая глина — Байджараки — Остатки ископаемых животных — Обвал берега — Взгляд на прошедший месяц июнь — Описание Большого яра — Грязевые потоки — Множество ископаемых остатков — Прибытие нарочного от наших — Редкая хорошая ночь. Охота на мохсоголов — Прокопьев день — Прибытие К.А. Воллосовича и Н.А. Июдина — Путь по Лопатке — Дальнейший план экспедиции по стопам Чихачёва — Достоинство Хромской губы как бухты — Переправа через Хромскую губу.

Придётся на время отклониться от принятого мною порядка изложения в форме дневника и постараться дать общую картину ледниковых отложений яра, картину, которая выяснилась для меня не сразу, а после продолжительного знакомства, как с Хапташинским, так и с Оёгосским яром, в связи с объяснениями такого знатока в этом деле, как К.А. Воллосович. Было бы неправильно держаться здесь дневника, в котором это описание разбросано на многих страницах и в котором первое время встречаются иногда и не совсем верные взгляды на отдельные подробности строения яра.

Известный сибирский путешественник Миддендорф назвал берег между Индигиркой и Леной «мамонтовым берегом», и, действительно, здесь находится наибольшее количество мамонтовой кости, а большинство остатков мягких частей мамонта найдено также в этом районе, хотя иногда и не на самом берегу океана. Эти древние остатки расположены не по всему берегу равномерно: наиболее благоприятные для появления их на свет места представляют высокие глинистые обрывы по

берегам рек, больших озёр и, главным образом, по берегам как самого моря, так и больших его заливов. Наибольшую длину имеют эти обрывы, называемые здесь ярами, в двух местах: вдоль правого берега Хромской губы, где они образуют Хапташинский яр, и вдоль самого моря между стрелкой Меркушина и полуостровом Святой Нос, где они составляют Оёгосский яр; и тот и другой имеют длину более ста вёрст.

Яры представляют крутые обрывы высокого берега; высота их в разных местах различна и колеблется в больших пределах, наиболее высокие обрывы достигают до 85 м над уровнем моря. Обрывы состоят из слоёв светло-серой глины и льда, и никаких других образований здесь не встречается — исключительно глина и лёд, но в разнообразных сочетаниях. Глиной никого не удивишь, лёд — также вещь здесь обыденная, но тем не менее эти обрывы представляют выдающийся интерес и подобных им не встречается почти нигде более на земном шаре. Причина этого заключается в том, что лёд здесь является горной породой, он представляет основание, на котором покоится вся тундра. Это «чудо полярной Сибири» названо было известным исследователем Ново-Сибирских островов Э. Толлем «ископаемым или каменным льдом». За-

ключённый под землю лёд в этих краях не может таять и представляет твёрдую инертную массу. Только в тех случаях, когда в разрезах рек, озёр и берегов моря он выходит на дневную поверхность, обнаруживается его особенная природа, состоящая в том, что точка плавления льда лежит около нуля. Вследствие этого, летом, когда температура воздуха вообще значительно выше нуля, лёд начинает таять, что является причиной характерных для яра образований.

Рис. 48. Хапташинский яр — обрыв с ископаемыми деревьями.

Фот. Е. Ф. Скворцова.

Самое поверхностное наблюдение над обнажениями яра обнаружит очень скоро, что существуют два слоя льда — один верхний (рис. 50 и 51), начинающийся сразу после современного тундряного покрова, имеющего толщину от $\frac{1}{2}$ до 1 аршина (0,35-0,70 м), и другой нижний (рис. 49), лежащий обыкновенно под слоем глины большой мощности. Таким образом, глина лежит между двумя ледяными слоями, почему и может быть названа межледниковой глиной. Нижней границы нижнего льда в ярах увидеть нельзя, ибо нижний лёд обыкновенно лежит невысоко над уровнем моря и нижняя его часть уходит под последний. Правильная ненарушенная картина отложений представляется в следующем виде: сверху залегает тонкий слой современной мёрзлой почвы, прикрытой перегноем и мхом, за ним идёт слой верхнего льда различной в разных местах мощности, затем значительно большей мощности слой межледниковой глины, под которой в самом низу лежит слой нижнего льда. Здесь я привожу схемы такого ненарушенного напластования: одна схема (А) представляет разрез вдоль береговой линии, другая (Б) — перпендикулярно береговой линии (черт. 3. А и Б).

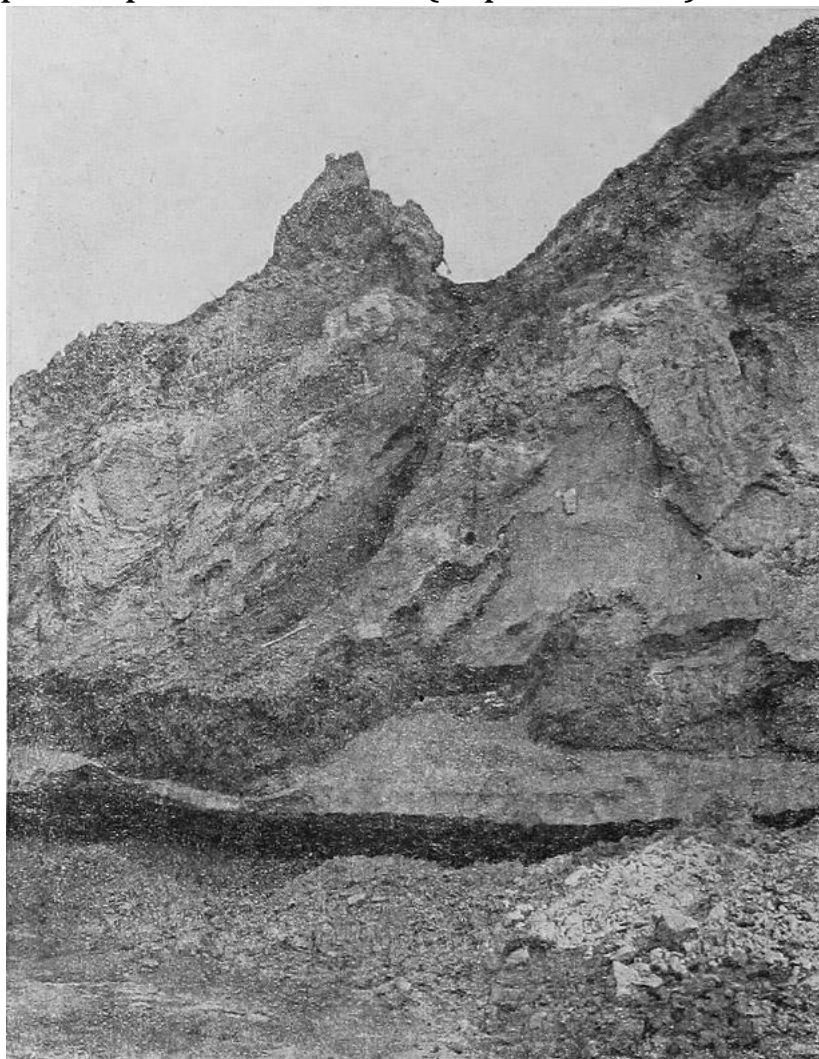
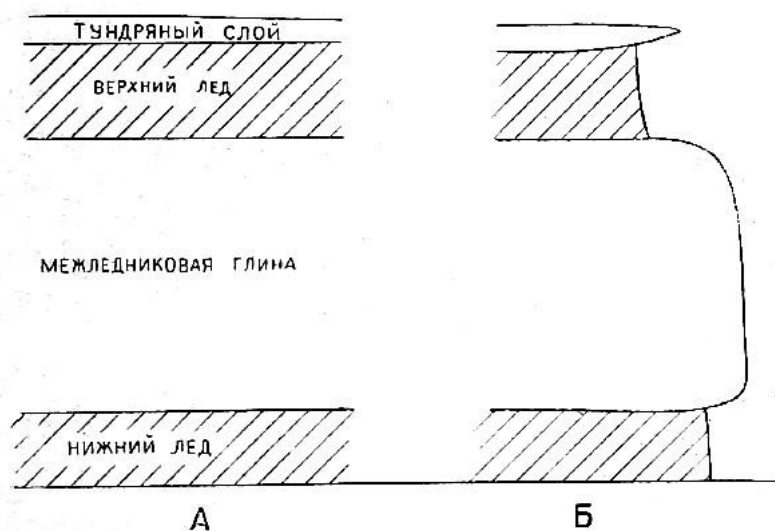

Рис. 49. Хапташинский яр—обрыв с нижним льдом. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Однако, такое ничем не нарушенное напластование встречается далеко не всегда, гораздо чаще оно нарушено. Иногда отсутствует верхний лёд и обрыв состоит из мощного слоя глины и нижнего льда под нею; иногда, даже часто, отсутствует нижний слой льда и обрыв представляет собою верхний слой льда с лежащим под ним до самого низа слоем глины; часто не видно ни того ни другого слоя льда и обрыв состоит из мощной толщи межледниковой глины. Но бывает и наоборот: яр может состоять только из одного слоя льда — верхнего или нижнего; в таком случае получается ледяной берег. Интересны также случаи, когда слой льда бывает пересечён включениями глины (рис. 51); эти включения имеют большей частью цилиндрическую форму; иногда слой льда разорван, а разрыв наполнен плотно сжатой массой глины, которая характерными линиями свидетельствует о том громадном давлении, каковое она испытывает от прилегающей с двух сторон плотной массы льда. Одним словом, полная нормальная картина большей частью нарушена. Однако обыкновенно нетрудно различить верхний лёд от нижнего; более затруднительно это сделать там, где имеется только одна ледяная стена без глины — тогда неспециалисту бывает трудно разобраться, имеет ли он перед собою верхний или нижний лёд; исследование же прилежащих слоёв даёт геологу указание на то, к какой эпохе относится данный лёд.

Черт. 3. А и Б — разрез ледниковых и межледниковых отложений.

Понятно, что образование верхнего более позднего льда произошло через большой промежуток времени после образования нижнего льда, ибо между ними лежит слой глины громадной мощности, иногда до 40 м, на образование которого пошло много десятков тысяч лет. Из рассмотрения этой картины яра мы видим, что ледниковая эпоха, поскольку она оставила следы в отложениях данной местности, состояла,

по крайней мере, из трёх периодов: первого ледникового периода, остатком которого является нижний лёд, тёплого межледникового периода, во время которого образовалась вся масса межледниковой глины с большим количеством остатков растительного и животного царства, свидетельствующим о богатой жизни, царившей тогда на этом теперь таком печальном севере, и второго ледникового периода, сгубившего почти всю прежнюю жизнь; остатками этого второго ледникового периода является верхний лёд. Как в первый, так и во второй ледниковый период вся поверхность теперешней тундры представляла голый сплошной ледяной покров, подобный современному ледяному покрову Гренландии. Этот лёд, конечно, имел рельеф местности, в которой он образовался, хотя лежащая под ним глина и деформировалась под влиянием его огромного давления. Под давлением льда, распределённым равномерно, всякие небольшие холмики, включённые в него, медленно изменяли форму, большею частью превращаясь в цилиндрические образования, когда же вследствие таяния льда это давление исчезало, такие глинистые образования превращались в конусообразные холмики, столь характерные для ледниковых отложений. Эти конусообразные холмики, так называемые «байджараки» (рис. 53), везде сопутствуют льдам, и К.А. Воллосович, видя такие холмики, всегда предсказывал, что где-нибудь поблизости должны быть выходы льдов, и так оно постоянно и бывало.

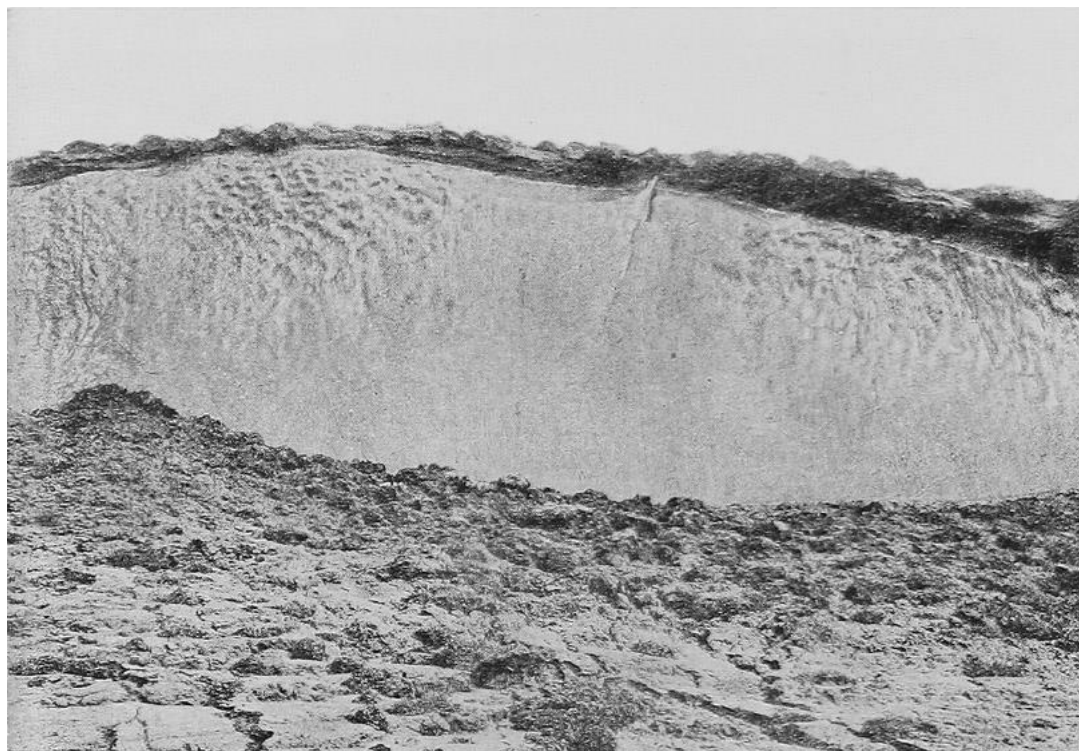

Рис. 50. Хапташинский яр — ледяная стена Большого яра. Фот. Е. Ф. Скорцова.

После рассмотрения ледяных слоёв следует обратиться к подробному осмотру межледниковой глины. Она-то и является естественным кладбищем давно прошедшей жизни, она-то и содержит остатки деревьев и вообще растительной жизни, а также и кости животных, живших в межледниковое время, и она-то, наконец, даже сберегла для нас редкие остатки мягких частей мамонта, а также и волосатого носорога. Она же даёт возможность существования здесь особого промысла — сбора мамонтовых бивней, так называемой «мамонтовой кости», для чего промышленники часто отправляются даже на Ново-Сибирские острова. Нужно заметить, что промышленники собирают лишь бивни мамонтов, не обращая внимания на всё остальное множество костей, ценность которых может определить лишь палеонтолог. Эти кости в большом количестве вымываются из яра и раскиданы по всему берегу. В береговых обрывах имеется также большое количество остатков кустарниковой и древесной растительности, что хорошо видно на прилагаемом снимке (рис. 48). Как общее правило следует указать, что чем выше залегает слой, в котором находятся данные остатки дерева, тем последнее меньше и ближе подходит к кустарнику. Например, это можно видеть даже на вышеприведённом снимке (рис. 48). В средних слоях межледниковой глины встречаются крупные деревья, свидетельствующие о богатой растительности того времени здесь, в стране, где первое вообще деревцо можно встретить лишь спустившись на 300-400 вёрст к югу. По мере приближения к верхним слоям, поближе к верхнему льду, растительность становится всё скуднее, пока не станет почти такой, как в современную нам эпоху, когда наибольшим по размерам представителем растительного царства является тальник. Совершенно то же самое имеет место и по отношению к животному царству, в особенности к характерному представителю ледниковой эпохи — мамонту. Здесь, по словам К.А. Воллосовича, можно подобрать последовательный ряд остатков особей, свидетельствующий о постепенном мельчании и вымирании этого животного. Громадная разница между крупным представителем этого вида в нижних слоях и мелким, почти детёнышем по сравнению с первым, представителем в самых верхних слоях глины может быть заполнена совершенно незаметными переходами от одного к другому. Постепенно и медленно сдавала жизнь свои позиции в борьбе с надвигающимся холодом, пока, наконец, всё не покрылось безжизненным ледяным покровом. Лишь один северный олень уцелел здесь, приспособившись к питанию чуть не сухим мхом в немногих, оставшихся

непокрытыми льдом, местах, вместо пастбищ на прежних роскошных лугах.

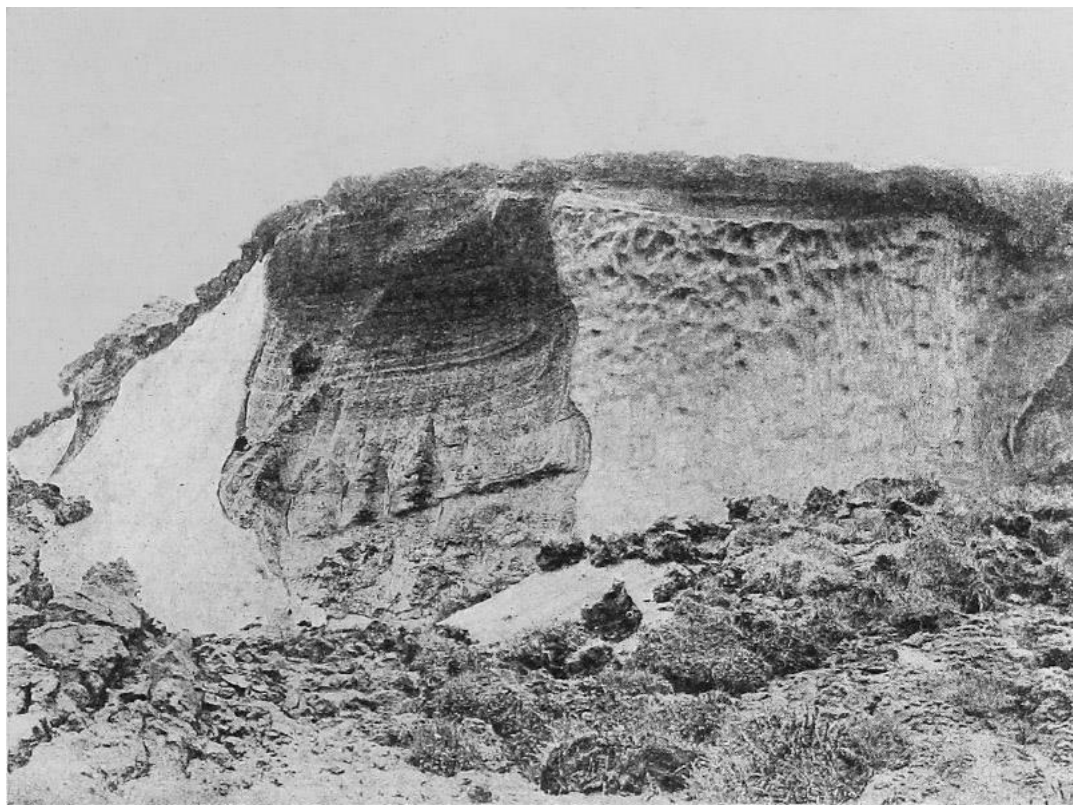

Рис. 51. Хапташинский яр — ледяная стена с включениями глины. Фот. Е. Ф. Скворцова

Что касается промежутка времени, протёкшего хотя бы с последнего оледенения до наших дней, то, несомненно, что оно громадно; считают что с тех пор прошло не менее 25-30 тысяч лет, и геологи весьма склонны скорее увеличить эту цифру, нежели уменьшить, и, если подумать, что, ведь, и в настоящее время происходят изменения, вновь приводящие к иному распределению суши и воды, равнин и гор, совершенно, однако, незаметные в течение не только нашей краткой жизни, но и сотен лет, то эти цифры становятся для нашего ума вполне приемлемыми. Хотя начало этой эпохи, замечательной появлением на земле человека, являющегося до настоящего времени высшим представителем жизни, лежит ещё в более глубокой дали по времени, однако, по сравнению с древностью самых глубоких архейских пород, то было чуть ли не вчера.

После этого общего описания приступаю к деталям, которые можно описывать уже придерживаясь принятой мною формы дневника.

29 июня (12 июля) показалось солнце и удалось сделать кое-какие астрономические наблюдения. День, наконец, выдался тёплый — до 16,5°C. Благодаря ветру комаров сравнительно немного, т.е. относительно немного, вероятно в Петербурге сказали бы «масса»; но раз было возможно обойтись без сетки при наблюдениях, значит, их было мало, а

что покусаны руки и лицо, ничего ещё не значит. Впрочем, нужно сказать, что комаров в таких количествах, как раньше, мы уже больше и не видавали, вообще здесь на берегу в виду постоянных ветров они не могут быть таким бичом, каким являются вдали от берега. Свободное время посвятил исследованию ближайших к нашему лагерю обрывов Хапташинского яра, взяв с собою фотографический аппарат. Снова предпочитаешь стереоскопические объективы; и здесь большую своеобразность представляет рельеф; что же касается цветов и теней, то вообще всё здесь на севере однотонно, что может быть и придаёт всему величественно мрачный колорит, всю своеобразную красоту коего плохо передаёт не стереоскопический снимок. Пошёл низом у самых стен серых громад, внизу подмытых водою моря и в некоторых местах нависших над седой пеной, лежащей вдоль береговой линии после вчерашнего прибоя. В сегодняшний тёплый день идёт таяние льда и часто шлёпают сверху куски глины. Шёл я потихоньку вдоль берега, внимательно осматривая светло-серые стены, испещрённые таинственными письменами, как вдруг вздрогнул от грохота, напомнившего пушечный

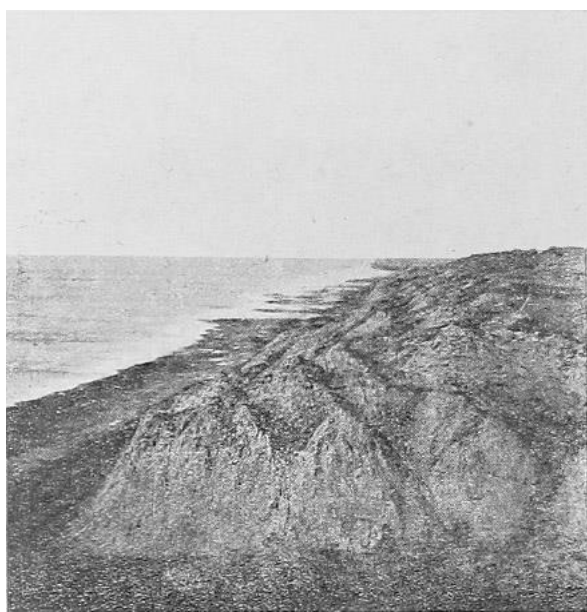

Рис. 52. Хапташинский яр — общий вид Большого яра.
Фот. Е. Ф. Скворцова.

выстрел — гулкое эхо покатилося, нарушая мёртвую тишину пустыни. Обернулся назад; там, в высоком столбе поднявшейся пыли, увидел массу обвалившейся глины в том месте, у которого я стоял минуты три тому назад. Невольно задумался о своей судьбе: если б обвал произошёл три минуты тому назад, вероятно, так и не узнали бы, куда я девался, ибо подобных куч глины по берегу, как я скоро убедился, много, и едва ли можно было бы догадаться, которую из них нужно разрывать, чтобы отыс-

кать моё тело. Вот прекрасные условия для сохранения трупов в мягкой глине, со всех сторон плотно их облипшей, лишаящей доступа кислорода. Через тысячи лет от трупов сохранятся в худшем случае кости, как в подобных обрывах и сохранились кости давно живших животных. После этого инцидента шёл уже на более почтительном расстоянии от яра и обратил ещё большее внимание на то, как подмыты громады и насколько некоторые из них близки к падению. Следовательно, и вверху тоже не безопасно подходить к краю яра, ибо особенно сверху не

видишь, в каком положении выступ берега, к которому подходишь. Впрочем, нужно заметить, что интерес к береговым разрезам всегда заставлял пренебрегать опасностью, так как иначе, ведь, и не познакомишься хорошенько с этими исключительными образованиями.

30 июня (13 июля) также ходил вдоль яра, отыскивая кости и складывая их в определённых местах, чтобы потом собрать и перевезти к лагерю для вручения К.А. Воллосовичу. Кости попадают разнообразной величины, есть такие, что и с места еле сдвинешь. Версты через две к югу от нашего лагеря яр принимает причудливые очертания: он тянется некоторое время не одною стеною, а разбивается на отдельные массивы, увенчанные на вершинах самыми замысловатыми фигурами, часто издали похожими на средневековые замки.

Рис. 53. Хапташинский яр — байджараки Большого яра. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Вечером Дьячков взволновал наш лагерь известием, что видит вдали движущиеся с восточной стороны две чёрные точки. Я достал бинокль, но и в него решительно нельзя было определить, что это за точки; только наведя трубу универсального инструмента убедился, что точки представляют два выступа яра, а что касается движения их, которое, казалось, и я различал, то это была чистейшая иллюзия. И надежда,

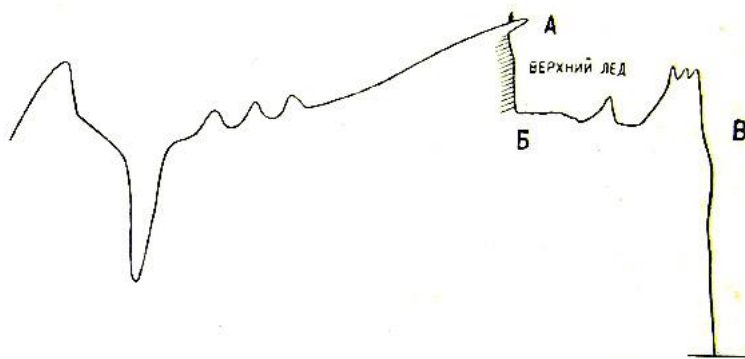
что может быть это возвращаются наши, погасла так же скоро, как и возникла.

Сегодня последний день июня; подводя ему итог, могу сказать, что месяц был прескверный — гораздо легче был его предшественник май, хотя и более холодный. Об июне же остаётся воспоминание, как о месяце с едва выносимой сыростью, от которой некуда деться, и которая часто заставляла сомневаться в том, что удастся выйти отсюда здоровым. Когда вызываешь воспоминание об этом времени экспедиции, то встаёт, как живая, картина сплошь залитой водой тундры, серые нависшие над самой землёй облака, холодный дождь или мокрые густые хлопья снега при сильном ледяном ветре и мы, бредущие иногда чуть не по колена в воде среди еле волочащих нарты жалких оленей, или лежащие едва не в воде в уресе, осыпаемой дробью дождя и сотрясаемой порывами ветра, заставляющими тордоху непрерывно выбивать характерную дробь. Забегая вперёд, скажу, что более плохого месяца не было, и что морозы и разные другие неприятности гораздо легче переносимы,

чем эта беспощадная сырость, от которой нет спасения. И представьте себе моё изумление, когда я услышал ещё такую фразу из уст одного из юкагиров: «Нынче по случаю экспедиции лето хорошее, сухое». Уж не знаю, насколько он прав, что же касается меня, то кажется не в силах представить себе лето более мокрое!

Первые дни июля были мною посвящены на осмотр самого интересного места яра, лежащего верстах в четырёх от Содомской виски по направлению к реке Хроме. Я назвал это место Большим яром и с тех пор почти ежедневно совершал туда паломничества, наказывая немедленно послать за мною верхового, если получатся какие-либо известия от наших. Там я и проводил в совершенном одиночестве бóльшую часть тех дней, когда не было видно солнца. Солнце, впрочем, удавалось видеть весьма редко, хотя всё-таки я смог произвести все нужные астрономические наблюдения для определения астрономического пункта: Содомская виска на Хапташинском яре.

Большой яр, действительно, достоин подробного описания. Это высокий в 50 м, спускающийся двумя террасами обрыв. Вершина его господствует над всею ближайшею поверхностью тундры. Если сделать разрез по нему по линии, перпендикулярной берегу, то получим схему, изображённую на черт. 4.

Черт. 4. Схема Большого яра.

Сначала (слева) идёт глубокая котловина, вся сплошь усеянная байджараками; если смотреть сюда с точки А, то представляющийся вид чрезвычайно напоминает лунный ландшафт. Котловина кончается подъёмом вверх, в точке А внезапно обрывающимся крутой ледяной стеной; дальше идёт хаос обломков глины и льда, перемешанных с тундряным покровом, а в конце площадки снова возвышаются байджараки, за коими яр обрывается до самого подножия высокой крутой стеной; межледниковой глины нижнего льда в этом яре не видно. Для наглядности в точке А помещено в том же масштабе изображение чело-

века. По дну котловины проходит глубокая рытвина — ложе ручья, после нескольких извилин впадающего в Хромскую губу. Площадка БВ вся залита потоками липкой от тающей ледяной стены глины, текущей вниз по прорытым глубоким трещинам между байджараками.

Благодаря этим потокам внизу яра образуются местами совершенно непроходимые конусы выноса. Вначале я таки попал в неприятную историю с таким потоком: настолько основательно в нём завяз, что еле выкарабкался; думал, что без сапог придётся вернуться домой, ибо иначе ног не вытащить из этой проклятой глины; не попадись брёвнышко, пришлось бы вытаскивать ноги из сапог, оставив сапоги в засосавшей их глине¹. Попавшееся же брёвнышко позволило упереться при помощи ружья одной рукой, другой вытащить, держа за ушко сначала одну ногу, которую можно было поставить на то же брёвнышко, а потом и другую. После этого пришлось искать другого места, чтобы перейти ручей — это возможно сделать или у самого яра, где часто ручей настолько сжат в крутых берегах яра, что его можно просто перепрыгнуть, или же обойдя грязевой поток достаточно далёким заходом по воде Хромской губы.

По поводу этого грязевого потока припомнил я рассказы К.А. Воллосовича о тех исключительно великолепных условиях, какие они представляют для сохранения мягких частей погибших в них животных, благодаря столь легко текучему, всюду проникающему илу. Если в настоящее время такие потоки и не представляют опасности благодаря сравнительно медленному таянию льдов, то не то должно было иметь место в тёплую межледниковую эпоху в местах, где выходили на дневную поверхность льды, соответствующие теперешним нижним льдам. В таких местах должны были создаваться могучие потоки липкой глины, образующие в своих устьях смертельные капканы для животных, неосторожно в них вступавших. Наиболее беспомощными являлись в них наиболее массивные животные, как мамонт и носорог, вследствие своей колоссальной тяжести глубоко проваливавшиеся в них и уже более не имевшие возможности освободиться. Наоборот, мелкие животные, как олени, имели гораздо более шансов освободиться из них; быть может

¹ В своей статье «Das Absterben der Gletscher und die Eiszeit» (Zeitschr. f. Gletscherkunde, Bd. VIII. 1914, SS. 178 — 79) В.В. Ламанский приводит со слов К.А. Воллосовича один из эпизодов, имевших место в Ленско-Колымской экспедиции. Он сообщает о том, что топограф экспедиции чуть было не завяз в находившемся в движении грязевом потоке и выбрался из него лишь при помощи тунгуса-проводника. По-видимому здесь Ламанским отмечается, в несколько изменённом виде, описываемое выше происшествие.

этим и объясняется то обстоятельство, что наибольшее количество костей принадлежит, именно, громадным животным, количество же костей мелких ему значительно уступает.

Рис. 54. Хапташинский яр — вид Большого яра снизу.
Фот. Е. Ф. Скворцова.

С этого яра мною сделано десять фотографических снимков, дающих полное о нём представление, в особенности если воспользоваться стереоскопом. Здесь приведены лишь самые характерные. Рисунки 50 и 51 представляют верхнюю ледяную стену, вышиной около 8 м, на первом почти отвесную, на втором более пологую с включением глины, будущим байджараком. Рисунок 52 представляет вид яра, если смотреть вдоль Хромской губы; рисунок 54 — вид

яра с моря, внизу виден грязевой поток, вверху та же ледяная стена, что на рис. 50 и 51. Наконец, рисунок 53 представляет вид на Хромскую губу с точки А схемы на черт. 4 — обрыв (хорошо видный на стереоскопическом снимке), затем группу байджаров, и за ними прибрежную полосу с грязевым потоком.

Этот Большой яр представлял собой прежде обыкновенную едому, возвышавшуюся среди тундры и скрывавшую под обычным тундряным покровом все свои чудеса, пока разрушение берега не дошло до неё и не вскрыло спрятанные под почвой льды, благодаря таянию коих всё приняло такой своеобразный характер. Склон влево от А и до сих пор ничем не отличается от склона обычных здесь едом; весьма вероятно, что точка А есть высшая точка едомы, так как высота в 50 м есть обычная высота едом — редко встречаются более высокие. При дальнейшем разрушении яра высота его будет всё уменьшаться.

Наибольшее число костей, найденных на Хапташине, оказалось, именно, у подножия этого Большого яра. Энергичное таяние открытых на южную сторону льдов даёт потоки воды, вымывающие вместе с глиной и заключённые в ней кости: вся отмель под яром усыпана множеством различных костей.

Уже с начала июля начало охватывать беспокойство о судьбе наших и с каждым днём оно росло. Часто отправляешься на восток от виски навстречу им, но тщетно ищет бинокль в однообразной дали ожидаемых путников — уныл простор и лишь дикие олени пробегают кое-где

по нему. 4 (17) июля зашёл особенно далеко вдоль яра, — но по-прежнему никого, и нарочный всё ещё не возвращается. В эту сторону яр также интересен. Один ручей, разделившись на рукава, вымыл в берегу глубокие рытвины, оставив между своими разветвлениями высокие башни самой замысловатой формы, — но и с этих башен, хотя и на далёкое пространство открывалась тундра, увидеть движущихся людей не удалось. Назад к дому отправился низом под яром и очень раскаялся, но было поздно; подняться вверх дальше не было возможности, так как яр представлял отвесную стену. Раскаялся же потому, что вода подошла очень близко к яру и нельзя было обходить грязевых потоков, которых попадалось здесь много, вследствие чего идти здесь было очень тяжело. Скоро на мои сапоги налипло столько глины, что ноги мои походили более на ноги мамонта, чем человека. Несколько раз приходилось отскрёбывать глину, чтобы вновь скоро набрать её столько же.

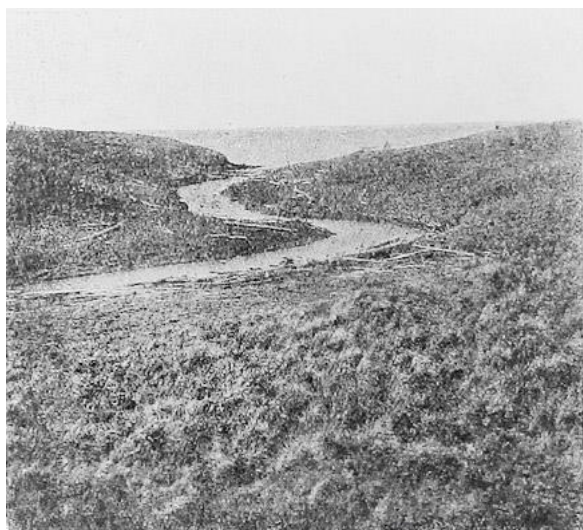

Рис. 55. Хапташинский яр — устье Содомской виски.
Фот. Е. Ф. Скворцова.

5 (18) июля, когда я стоял у универсального инструмента, готовясь определить поправку хронометров по солнцу, Дьячков сообщил радостную новость — «нарочный возвращается». И в самом деле, по тундре приближался юкагир верхом на олене. Наконец, он подъезжает к нам, соскакивает с оленя и, шатаясь от усталости, так как не спал всю ночь, подходит ко мне, передавая записку К.А. Воллосовича. В записке последний сообщает кратко о трудности

пути по Лопатке и о том, что все олени, шедшие с Н.А. Июдиным, пропали, а остальные совершенно обессилены; сообщает также, что через несколько дней они прибудут к нашему лагерю. Итак, всё благополучно; по поводу радостных вестей устраиваю пир, т.е. Турунтаев изготавливает лепёшки, вследствие чего можно пить чай с ними, а не с ржаными сухарями, как обыкновенно.

6 (19) июля отправился я с Дьячковым и нартой оленей на Большой яр, чтобы привезти домой собранные там кости, кстати поискать и новых. Целых костей много не попадает, большая часть их ломается при разрушении яра; но всё-таки набралось более двух десятков совершенно целых. Мелких же обломков по всему яру видимо-невидимо, ва-

ляются как шишки в сосновом лесу. Когда идёшь по берегу, то беспрестанно наклоняешься, подбирая то один, то другой осколок. И подумать только, что под всей прибрежной тундрой покоятся эти остатки, ревниво спрятанные под ледяным покровом, и только в редких местах, в обрывах рек, озёр или моря они нам доступны. К тому же, ведь, совершенно ничтожное количество из числа живущих могло попасть в исключительные условия, повлёкшие за собою сохранение, но и эта ничтожная часть является громадной!

Когда я впервые увидел в обрыве Хапташинского яра большой зуб мамонта и, взобравшись на вершину, выкопал его из глины, я держал его в своих руках со священным трепетом; теперь, конечно, этого не чувствуешь, ибо слишком уж часто пришлось бы испытывать священный трепет, ведь даже и пол моей урасы усыпан этими костями, чтобы не ступать по вязкой глине; но всё-таки иногда задумаешься над костями, чем-нибудь отличающимися от других. Вот рог бизона с частью черепа — принимая во внимание отломанную часть, да соображая ещё по части черепа о его голове, представляешь себе его громадную голову с толстыми витыми рогами (в три вершка диаметром близ черепа); вот голова громадного быка и челюсти не менее почтенной лошади, вот рога благородного оленя... Целый мир встаёт пред вами и в изумлении сидишь на берегу и не хочешь сдвинуться с места!..

Рис. 56. Лагерь на Хапташине.

Фот. Е. Ф. Скворцова.

Ночью удалось пронаблюдать Полярную и Вегу для более точного определения географической широты пункта; от лучей довольно яркого солнца укрылся большим парусиновым зонтиком (рис. 56 — лагерь на Хайташине). Поставили также знак астрономического пункта в виде вкопанного в землю столба. Такая великолепная ночь, что жаль и спать ложиться. Должно быть потому, что так редко здесь видишь солнце, такой чудесной и кажется ночь. Вся тундра отливает золотистым блеском; кругом далёкие булгунняхи, как золотые купола, блестят в синеве неба, слева вдали блестят, отражая свет, как зеркала, ледяные обрывы Большого яра, прямо впереди Хромский залив, освещённый сбоку, кажется весь вылитым из голубой стали, голубой же змейкой вьётся среди золота берега

Содомская виска (рис. 55), а над противоположным чуть видимым берегом ровно сияет совершенно правильный диск солнца. Тишина поразительная, всё спит, ветерка ни малейшего и величаво спокоен в северной стороне блестящий на солнце океан! Всё это, конечно, очень хорошо и красиво, но так редко бывает — в последний раз, ведь, такая погода была 18 июня (1 июля), и неизвестно, когда такая снова выдастся. Ведь вот солнце не заходит у нас в продолжение двух с половиной месяцев, а часто ли видишь его при этом? И забавны поэтому его ночные визиты: вдруг в полночь или в час ночи небо ненадолго очищается от туч и солнце заглядывает в нашу урасу, обращённую своею дверью как раз на север.

7 (20) июля истёк месяц, как мы выехали из Русского Устья, но путь, пройденный за этот месяц, весьма невелик — мы предполагали быть в это время чуть ли не у Святого Носа, а вот ещё и до Хромской губы не дошли, настолько тяжёлые обстоятельства встретились на нашем пути. Да и теперешнее наше положение не из блестящих, ибо когда все сойдётся, то наши перевозочные средства вряд ли будут годны для продолжения пути.

Пошёл побродить с ружьём по берегу виски, но сам не знаю, как вышел всё на тот же Большой яр. Поэтому решил пройти по берегу ещё несколько дальше в надежде найти интересные кости, и, в самом деле, кое-что нашёл и собрал в кучу; между прочим, много попадаетесь костей, служащих обыкновенно мальчишкам для игры в бабки — таких бабок здесь можно собрать на весьма большое число играющих, можно устроить игру в бабки из костей ископаемых животных. Так шёл я, наклонившись и тщательно осматривая глинистую отмель, пока не услышал пронзительного крика над своей головой. Подняв голову вижу, что две громадные птицы вьются надо мной, вижу, что это хищники, каких нет в нашей коллекции шкурок; нужно их подстрелить, тем более, что птицы положительно не позволяют сделать ни шага далее вдоль берега яра. Нападение жестокое в роде нападения чаек, о котором я рассказывал раньше, только птицы вооружены, конечно, значительно лучше чаек. Я убиваю выстрелами обеих, они падают на склоны яра, но я никак не могу их найти в течение целого часа, хотя обшарил весь яр в этом районе. Нахожу гнездо, из коего забираю два яйца для коллекции. Однако, в конце концов, одна из птиц, раненая, сама выдаёт своё присут-

ствие нападением на меня. Убив её прикладом ружья, забираю и её, причём плачусь глубокими царапинами на руке от её острых когтей, так как неосторожно взял её ещё живую.

Привязав птицу за ноги к поясу, собрался было домой, но досада взяла, что не отыскал самки, и снова обшарил яр и снова безуспешно — так и пришлось идти домой только с одной птицей.

Прихожу домой, показываю добычу юкагирам. «Плохо, — говорят, — будет». — «Это почему же?» — «Мохсогола (род сокола) убил, нельзя его трогать». Ну вот и подите, говорите с ними. Посмеялся я над их суеве-рием, но разве их можно разубедить в нём. Суеверие сидит очень глу-боко и в гораздо более развитых людях, а бедным, невежественным ди-карям оно вполне простительно.

В этот же день 7 (20) июля совершил второе путешествие на Боль-шой яр вместе с Дьячковым и тремя оленями, чтобы забрать собранные кости. Дьячкову удалось застрелить трёх гусей. На обратном пути не-осторожно попали мы с ним в глубокую лайду и основательно вымокли. Как назло, было холодно — всего два градуса, вследствие чего про-мёрзли обратной дорогой основательно, нужно было ехать более часа в мокрой одежде; но вернувшись домой в полночь, согрелись горячим чаем, и холодная ванна прошла бесследно.

8 (21) июля — Прокопьев день, замечательный тем, что по здешнему календарю, во-первых, с этим днём кончается комариное время, во-вто-рых, холостые гуси начинают линять, теряют способность летать, и со-бираются громадными партиями на лайдах. Впрочем, на смену комарам для оленей приготовлен другой бич, уже начинающий появляться — это паут, муха, похожая на шмеля, кладущая свои яйца под кожу оленям. Из яиц выходят личинки, живущие под кожей и мало удовольствия до-ставляющие злосчастным оленям. Олени их страшно боятся, да оно и понятно, на некоторых шкурах видно множество желваков от гнёзд этого овода.

9 (22) июля в пять часов утра я вдруг услышал голос Н.А. Июдина, об-ращённый к собаке: «Догор». (Догор по-якутски значит приятель, слово это у них в большом ходу, это обычное обращение друг к другу.) И в са-мом деле, пришёл пешком Н.А. Июдин, оставивший остальной обоз по-зади, а через полчаса прибыл К.А. Воллосович: итак, снова мы все вме-сте. Разделившись 18 июня (1 июля) мы снова собрались вместе только на двадцать первый день. Понятно, что сейчас же был устроен чай с ола-дьями, и мы начали, попивая его, рассказывать друг другу о том, что

было с нами за эти двадцать дней. Лопатка оказалась, попросту говоря, гнилым болотом; лайд, как и предупреждал Варакин, видимо-невидимо, кормовищ абсолютно никаких. Как только Н.А. Июдин вступил в эти прелестные места, так и начали пропадать у него олени, и скоро остались лишь два, которые тащили ветку. Постель и палатку пришлось бросить и спать под открытым небом — и это в ту погоду, которая была в 20-ых числах июня. Идти ему с юкагиром Николаем пришлось всё пешком, всё по воде, по липкой трясине, из которой с трудом вытаскиваешь ноги. В конце концов ещё и оленю пришлось помогать тащить ветку, когда остался лишь один, бросить же ветку невозможно, — не вплавь же переплывать речки. Олени, посылавшиеся К.А. Воллосовичем навстречу Н.А. Июдину, не достигали цели и гибли в болотах от недостатка воды и кормовищ. В конце концов Н.А. Июдин вышел; К.А. Воллосович говорит, что он никогда не забудет того вида, какой Н.А. Июдин имел при их встрече после выхода с Лопатки. Юкагир Николай не выдержал тяжёлого обхода Лопатки и заболел, Н.А. Июдин же оказался выносливее его, хотя и привыкшего к кочевью по тундре. В общем следует заметить, что несмотря на нашу избалованность по сравнению с туземцами, во всех таких передрыгах мы чувствуем себя бодрее и легче даже выносим лишения; причиной служит, вероятно, тот подъём духа, который, к счастью, не оставляет нас. После Лопатки наши промыслили на лайдах шестьдесят штук линных гусей, устроив на них облаву, вроде той, какая устраивается русско-устынцами.

9 (22) июля в губе было особенно мало воды и юкагиры переезжали на другой берег: наибольшая глубина губы была равна всего полутора аршинам (1 м), так что рассказы Егора оказались вполне правильными. Все наши олени находятся в очень плохом состоянии, и мы с трудом можем рассчитывать на то, чтобы добраться до реки Хромы, а главное то, что как Хромская, так и Меркушина стрелки также представляют места по меньшей мере с плохими кормовищами, так что обойти их является делом сомнительной возможности; для дела же особенной пользы от обхода этих всего-навсего внутренних озёр не будет. Было решено пойти по стопам Чихачёва¹ и, минуя Хромскую стрелку, прямо переправиться сначала через Хромскую губу, а потом через Омуллахскую на конец стрелки Меркушина, по которой и идти на запад к Святому Носу. Но

¹ Для ясного представления пути Чихачёва, а также и для уяснения изложенного в следующих трёх главах, следует обратиться к рассмотрению карты «Устье губы Омуллахской и Хромской» на которой нанесены и места наших переправ к поварне Чихачёва и на стрелку Меркушина.

так как и такой план с имеющимся у нас запасом измученных оленей выполнить невозможно, и так как желательно было возможно более облегчить путь по берегу, то К.А. Воллосович решил идти другим путём: а именно от устья реки Хромы он решил идти внутрь страны, тем более, что местность, прилегающая к Святому Носу, ему была известна по предыдущим его экспедициям. Таким образом мы с ним здесь расстаёмся, он идёт отсюда к Хроме, откуда вышлет к нашему лагерю свежих оленей; мы же переберёмся через губу и будем ждать оленей, как раз против Меркушинской стрелки, у поварни Чихачёва.

Втроём ходили вдоль берега яра. К.А. Воллосович объяснял нам природу здешних отложений и, поднимая кости, называл кому они принадлежат, — то мамонту, то бизону, то носорогу, то — как говорил он — «бычку», хотя этот бычок чуть не со слона величиною. Этот яр прямо какой-то естественно-исторический музей. Про мамонта К.А. Воллосович говаривал, что, переживи он период второго оледенения, он и теперь бы бродил здесь, ибо в настоящее время мог бы найти уже достаточно пищи.

10 (23) июля вода ещё больше отошла от яра, она отхлынула на 30 м от поставленной накануне Н.А. Июдиным метки. К.А. Воллосович поехал на берег Хромской стрелки посмотреть местность и сделать ещё промер «бухты», а мы с Н.А. Июдиным отправились на Большой яр; я на этот раз захватил аппарат и сделал все вышеупомянутые снимки. За яром я случайно нашёл убитую три дня тому назад «мохсоголью жёнку»; вот, ведь, и не искал, как тогда, а случайно натолкнулся; отсюда видно, как трудно здесь найти что-нибудь, по цвету мало отличающееся от цвета яра. К нашему возвращению вернулся и К.А. Воллосович, сообщивший, что сегодня наибольшая глубина губы всего-навсего 27 дюймов (0,7 м) — не особенно глубокий вход в «удобную бухту». Решили было сейчас же перебираться на ту сторону. Переправа всё-таки должна отнять много времени — ведь ширина губы здесь четыре с половиной версты (4,8 км). Но скоро поднялся непроглядный туман и переправу пришлось отложить.

11 (24) июля с утра сильный северо-восточный ветер поднял по губе большую волну. Приказав рабочим готовиться к переправе и начать её, как только стихнет ветер, отправились втроём на Большой яр; мне хотелось показать его К.А. Воллосовичу. В безоблачный день хорошо на нём: в котловине по берегу ручья или, лучше сказать, трещины множество маленьких цветочков белых, жёлтых и синих на фоне такой редкой здесь зелёной травы — ведь тундра никогда не бывает зелёного цвета,

её цвет напоминает цвет начинающей засыхать скошенной травы. Здесь же в этом месте в котловине, защищённой от ветров, сохранился ландшафт привычной нам родной зелени. Рассматривая яр, К. А Воллосович рассказывал нам многое о происхождении тех или других его особенностей. Под яром снова искали кости и камни; последние здесь гораздо большая редкость чем кости, и очень интересуют К.А. Воллосовича, как свидетельствующие о выходах каменных пород. В одном месте и в самом деле нашли пять, но маленьких, с кедровый орешек, камешков.

Часа на два ветер почти стих, и мы предполагали, что наши начали переправу, но, когда вернулись домой, оказалось, что пока они собирались, снова поднялся ветер, они сунулись было, да вернулись обратно и «ждут совета». К.А. Воллосович пробрал их, велел ждать вечернего затишья и всю ночь посвятить переправе. Мы же сами решили по очереди не спать, ибо, по-видимому, всё-таки необходимо подгонять — боятся переправы. В восьмом часу вечера стихло, решились ехать, предварительно придя всё-таки ко мне за советом. Пошёл и я следить за переправой. Часть вещей, не боящихся подмочки, пошла прямо на нартах через губу. Остальные же в два приёма должны быть перевезены на соединённых друг с другом ветках. Ветки стоят в 100 м от начала воды, ибо ближе к берегу подойти нельзя — мелко. Все вещи до веток переносятся на руках, рабочие шлёпают по воде взад и вперёд, перенося вещи. Наконец, всё готово, и первая партия под предводительством Дьячкова отправляется медленно к противоположному берегу. Идут и олени вброд; слежу за ними — вот они уж далеко, а вода хватает только по брюхо. А дальше скрываются и они и ветки в ослепительном золоте воды, ибо солнце как раз напротив, и невозможно смотреть в эту сторону.

Скоро встают и мои товарищи, и всю ночь перед расставанием мы проводим вместе в разговорах и поглощении чая в большом количестве. «Турунтаев, поставь-ка ещё чайник» — часто раздаётся голос, когда содержимое чайника подходит к концу. Турунтаев отсюда идёт вместе с К.А. Воллосовичем, с нами же по берегу отправляется Дьячков; бросанием жребия они решили, кому куда присоединиться. Около полуночи возвращается Дьячков с рабочими; им разрешено напиться чая и немного отдохнуть, ибо и на том берегу ветки не подошли к берегу на значительное расстояние и вещи также пришлось довольно далеко тащить на руках. Около двух часов ночи уже 12 (25) июля разобрали и нашу урасу, которая на этом месте целых две недели служила мне домом; всё

сложили, перенесли на ветки, и скоро медленно направилась на другой берег вторая партия наших вещей. Мы все перебрались в урасу, построенную для К.А. Воллосовича и продолжали прощальную беседу, ожидая, когда ветки вернутся с того берега. Как медленно могут быть сделаны такой переезд и выгрузка, показывает, что только в шесть часов утра возвратились юкагиры с того берега, т.е. путь туда и назад с выгрузкой вещей занял целых четыре часа. После такой поездки нужно дать хотя бы небольшой отдых рабочим.

В десять часов утра направляемся и мы к веткам, ибо всё готово, последние вещи уложены, настал и наш черёд. К.А. Воллосович идёт нас провожать и по воде до самых веток, стоящих в 100 м от начала воды на очень солидном расстоянии от берега, — вода отхлынула на много метров от яра. Шлёпаем мы все трое по воде. Вот и ветки; прощаемся с К.А. Воллосовичем, и ветки медленно начинают двигаться от Хапташинского яра к Хромской стрелке. Прощай Хапташинский яр! Долго мы видим фигуру К.А. Воллосовича, стоящую на берегу и делающуюся всё меньше и меньше, как и высота яра. Но скоро и он и весь наш лагерь становятся незаметными для простого глаза.

А на середине губы полнейшая иллюзия, что мы плывём в открытом море, ибо снизу с веток совсем не видно низкого берега стрелки, а справа открытый океан, на котором вдали высятся ледяные торосы и кажется нам, что плывём прямо в открытое море от удаляющегося Хапташинского яра. Но иллюзия эта резко нарушается, когда ткнёшь в воду короткой палкой и сразу почувствуешь вязкое дно. Вот так залив, вот так вход в бухту; и мы говорим, что что бы ни случилось, а переправа через Хромскую бухту вброд будет замечательнейшей неожиданностью нашей экспедиции!

Целых сорок пять минут движется наш импровизированный плот, пока метрах в 400 от берега не садится на мель. Выскакиваем из веток и идём пешком по всё уменьшающейся глубине. Посередине Н.А. Июдин для эффекта ещё закуривает, стоя в воде, чтобы выразить полное презрение к губе, и далее шествуем по всё более мелкой воде, а затем по мокрой глинистой отмели, пока не достигаем покрытого травой бережка, на котором недалеко от берега уже расставлена наша ураса. Принимай Хромская стрелка путешественников, приюти нас на некоторое время!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На Хромской стрелке

12-24 июля (25 июля-6 августа)

Первое знакомство со стрелкой — Охота на гусей — Рекогносцировки в поисках кормовиц на конец стрелки и на булгуннях — Второе становище на стрелке — Отсутствие хорошей воды — Вторая рекогносцировка к поварне Чихачёва — Вид пролива и Меркушиной стрелки с поварни Чихачёва — Вторая охота на гусей — Третье становище на стрелке близ поварни Чихачёва — Промер пролива и первый шаг на стрелку Меркушина — Поразительный обман зрения — Прибытие людей с Хромы.

Итак, все наши вещи и мы сами на Хромской стрелке. Здесь нам придётся прожить до тех пор, пока не придут олени с Хромы, с собою же у нас всего десяток оленей на всякий случай для экскурсий по Хромской стрелке. Таким образом наша экспедиция очутилась на безлюдной стрелке без всяких перевозочных средств. Как-никак, а нужно осмотреться на новой, совершенно неизвестной нам земле, прежде же всего спать, хотя сейчас и два часа дня, — но здесь часто не приходится считаться с временем суток. К сожалению, в 7 ч. 30 мин. заводка хронометров и ежедневное их сравнение, тем не менее и пять часов сна подкрепляют достаточно. А после этой работы отправились мы с Н.А. Июдиным, захватив ружьё, на осмотр наших ближайших владений.

Скоро мы убедились, что за эти владения нельзя дать и гроша медного — кругом все лайды да лайды, лайды да лайды, между ними зыбкая трясина, покрытая мхом и травой. В этой трясине проваливаются ноги, прорывая тонкий твёрдый слой и опускаясь в холодную воду, пока не коснутся твёрдой, как камень, мерзлоты. На лайдах, правда, бесчисленное количество гусей, но, ведь, только пока они линяют. Сюда в непосещаемые людьми места забрались они и здесь на широких лайдах они в полной безопасности; но только подрастут у них крылья, и они оставят эти гиблые места. Промыслить гусей на большой лайде без лодки невозможно. Как ни старайся незаметно подойти к гуляющему на берегу стаду, гуси заметят вас прежде, чем подойдёте настолько близко, что можно рассчитывать на удачный выстрел, и с криком бросятся плыть на середину лайды, где их не достать выстрелом, да там и будут держаться, пока вы будете прятаться около лайды, да и спрятаться то в

открытой тундре некуда. Мы скоро убедились, что гусей не провести. Н.А. Июдин с ружьём запрятался за попавшийся на бережку лайды плавник, я же обошёл лайду и стал с другого берега бросать глину и кричать, стараясь заставить приблизиться гусей к противоположному берегу, но они упорно оставались посреди лайды и не плыли к берегу, где сидел охотник. Более успешна была наша охота на маленькой лайде, где выстрел хватает с одного берега до другого, тут уж, действительно, уйти им некуда, но здесь они прибегают к другому приёму: часть их осталась на середине лайды, а часть, переплыв лайду, принялась убегать по противоположному берегу. Попробовали было, обойдя лайду, догонять их, но не тут-то было — бегут, помогая крыльями так что не угнаться; если бы были ещё палки, пожалуй, можно было бы подбить часть, а так — куда, тут за ними не угонишься, когда и ходить-то трудно по вязкой земле, в которой завязают ноги, быстро же и совсем не побежишь.

Вернулись к кучке более глупых гусей, вертевшихся посреди лайды. Выстрелив, убил двух и двух ранил, убитых ветром скоро прибило к нашему берегу. Один же из раненых поплыл к противоположному берегу и принялся убегать по нему, но из-за раны не так уж быстро, я бросился бежать за ним и скоро бы настиг его, но он, очевидно, догадался, что по земле не уйти от меня, быстро повернул к лайде и поплыл на середину, где смешался с кучей остальных. Я побранил себя, что не дал ему достаточно уйти от лайды, чтобы отрезать отступление, да никак не думал, что он такой хитрый. Другой раненый спрятался в трещине берега, но Н.А. Июдин случайно открыл его убежище, хотел подойти, чтобы убить прикладом, но и он не стал дожидаться, а поплыл по лайде; тогда Н.А. Июдин не пожалел последнего взятого с собою патрона и настиг его выстрелом. Забрав трёх убитых гусей и посмотрев на остальных, плававших по лайде теперь в безопасности, мы отправились домой, ибо было уже одиннадцать часов вечера. Пошли же не той дорогой, что шли сюда, а взяли несколько левее, и вот тогда-то и оценили всю прелесть стрелки. Всё время пришлось идти по трясине, при каждом шаге нога проваливалась до мерзлоты; вытащишь её, снова ставишь и снова почва под ней разрывается, и нога снова опускается до твёрдой почвы. Иногда эта трясина делалась настолько глубокой, что ноги проваливались выше колен и тогда холодная вода наливалась в сапог. Так пришлось нам идти три версты, да ещё тащить гусей и ружьё — вот когда мы порадовались, что не настреляли больше гусей. Н.А. Июдин говорит: «Вот такая же и Лопатка в большей своей части». Эти три версты

пройти куда труднее, чем 15 вёрст по обыкновенной почве, и мы вернулись к нашему лагерю измученные. Но там нас ждал готовый обед, вкусный суп из гуся, за который мы и принялись, предварительно вылив воду из сапог и дав их Дьячкову для просушки. После обеда в первом часу ночи решили, что «и в экспедиции жить можно», и легли спать.

13 (26) июля отдыхали от бессонных ночей и скитаний последних дней. Побродили лишь немного, отыскивая места, где бы были оленьи кормовища; ездил искать их и капрал, но к вечеру выяснилось, что все эти поиски безуспешны — оленьих кормовищ мы не нашли. Есть ещё кое-где немного тальничного листа, но основы оленьего благополучия — отавы — нет ни следа. И встаёт вопрос, не есть ли Хромская стрелка та же Лопатка?

14 (27) июля снова отправились на рекогносцировку местности: ещё не теряем надежды поднять репутацию Хромской стрелки и найти лучшие места! Чтобы скорее покончить с этим вопросом, пошли с Н.А. Июдиным в разные стороны, взяв по три оленя, ибо думали сделать вёрст по 25. Он направился к тому булгунняху, который «виделся» ещё с Хапташина, а я на север к самому концу стрелки, где должна находиться поварня Чихачёва. Пожелав друг другу успеха в поисках, разъехались в разные стороны. Иду всё время по самому берегу, внимательно смотря под ноги и срывая попадающиеся мох и траву. Вот уж не предполагал, что когда-нибудь так близко придётся принимать к сердцу аппетита оленей и сделаться знатоком по распознаванию трав и мхов с точки зрения годности их для пищи оленей. Что делать, от этих мхов всё время зависит благополучие экспедиции! Поиски не увенчались успехом, отавы и дальше по берегу нет, попадаетея в очень небольшом количестве тальничный лист, но и то, так сказать, второй сорт и только на узкой полоске близ самого берега, где вообще посуше. Эта узкая полоска хорошо проходимой местности имеет ширину не более 2 сажень (4 м), а дальше идут: трясина и лайды, лайды и трясина. По этой узкой полоске начинают попадаться песцовые пасти; объезжают их только зимою, когда местность становится доступной, впрочем, и вообще песцовый промысел возможен только зимою, ибо зимою, ведь, пёсец имеет чудный белый мех, который так излюблен городскими модницами. Летом же пёсец линяет и тогда мех его совсем не ценится. Так потихоньку добрался я до самого конца стрелки; далее она уходила на запад, образуя правый берег уже Омуллахской губы, на берегу которой в несколь-

ких саженьях от конца стрелки и стояла поварня Чихачёва (рис. 59). Конец стрелки замечателен грандиозным деревянным барьером из плавника (рис. 58), но сейчас же за ним вглубь берега начинались старые знакомые: лайды да трясина. Тут плюнул с досады и повернувшись спиной к суше, стал смотреть через пролив на чуть заметную низкую чёрную полосу Меркушиной стрелки, стараясь угадать, какова-то будет она, неужели такова же, как её сестра Хромская стрелка. Через пролив в три версты шириною, покрытый седыми волнами, видна была только низина, — нигде ни малейшей возвышенности, низина чуть-чуть только поднималась над пенящимся пространством воды. Мы слишком хорошо знаем цену таких низин, потому созерцание Меркушинской стрелки, хотя и с расстояния в три версты принесло мне весьма мало утешения. Домой вернулся в семь часов вечера и около часа ждал приезда Н.А. Июдина. Сведения, которые он сообщил, не отличались от моих: до самого булгунняха та же низина, превращающаяся иногда в

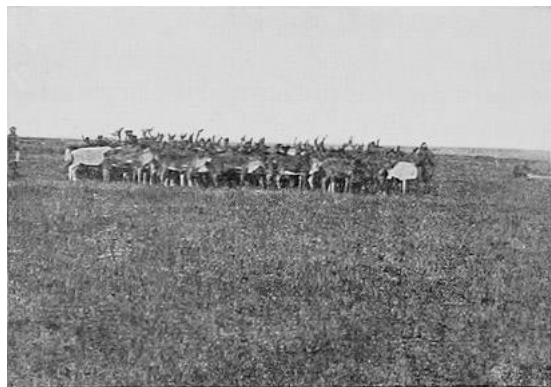

Рис. 57. Олени, собранные в круг.

Фот. Е. Ф. Скворцова.

едва проходимую трясину. Лайды самых грандиозных размеров, до таких, у которых и в бинокль не рассмотреть противоположного берега. Взобрался Н.А. Июдин и на самый булгуннях и увидел, что совершенно такая же картина простирается во все стороны и дальше до самого края горизонта — больше не видно ни единого холма, и этот булгуннях один одинёшенек

стоит среди лайд и трясин. Итак, теперь мы вполне и окончательно убедились, что Хромская стрелка представляет собою то же, что и Лопатка!

Вот, после нашей рекогносцировки и сидим за обедом в невесёлых размышлениях о том, что будет, если хромские люди поведут оленей не по правому Хапташинскому берегу губы, а по левому, по Хромской стрелке — в этом случае они доставят их нам в совершенно бесполезном для нас виде; но, надеемся всё же, что среди рабочих найдётся знающий местность человек, который предупредит этот губительный для нас манёвр. Опять же от стрелки Меркушина мы ничего хорошего ждать не можем. Так вот и выкручиваешься из одной беды и попадаешь в другую; вспоминается русская сказка: «Это ещё не беда, Иван-Царевич, полбеда, беда ещё впереди». Грозным вопросом встаёт перед нами стрелка Меркушина и вспоминаются нам рассказы старика на Аллаихском тракте о

непроходимости этих мест, рассказы, которым мы не поверили и над которыми так легкомысленно посмеялись. Эх, проскочить бы скорее до Оёгоса, дальше, как видно по карте, уже не будет таких мест!

Как-никак, а нужно двигаться дальше и добраться до поварни Чихачёва, куда должны прибыть хромские люди. Но с десятью оленями сразу нам туда не перевезти всех вещей, почему решено небольшими переходами перебираться туда постепенно. 15 (28) июля перекочевали на новое место на 5 вёрст к северу и разбили лагерь также на самом берегу. При выборе стоянки ещё приходится тщательно отыскивать хорошую воду, ибо в большинстве лайд вода непригодна для питья, в иных вследствие солёности, в других вследствие препротивного запаха гнили. Хорошей воды здесь мы вообще нигде не могли найти; выбирались лишь лайды, в которых она была более или менее сносна. Сначала было неприятно её пить, но потом привыкли, плохо только, что от неё страшно пучит животы. По этому поводу вспоминаются слова Варакина про оленей, наевшихся неподходящей травы и напившихся вот такой самой воды из лайд, а именно, что у них от этого «шибко брюхо болит». У нас пока не болит, но живот всё-таки ненормально вздут. На новом становище лучше воды не нашли, после чая чувствуешь тяжесть в желудке. Но пьётся много и вкус воды отбиваешь, подбавляя в чай рома — вот когда он оказался действительно необходимым.

Рис. 58. Плавник на Хромской стрелке. Фот. Е. Ф. Скворцова.

16 (29) июля сделали с Н.А. Июдиным и капралом ещё рекогносцировку к поварне Чихачёва и на запад от неё. К вопросу о кормовищах

присоединился ещё и вопрос о воде. Розыск по земле сопровождался и пробой воды из соседних лайд. Метрах в 400 от поварни нашли небольшое местечко с небольшим количеством тальничного листа, осмотрев который даже капрал сказал «ючюгяй» (хорошо), относительно, конечно, т.е. с голодухи олени здесь не подохнут. Вода же везде оказалась не лучше, чем на прежних становищах. Многие из здешних лайд имеют уровень дна несколько выше уровня воды в Омуллахской губе, по крайней мере, при теперешнем её состоянии, некоторые из этих лайд вытекли через образовавшиеся трещины в море, у некоторых дно даже совершенно высохло, другие же имеют мокрое дно, что свидетельствует о том, что вода лишь недавно из них исчезла. Далеко лежащий от берега плавник свидетельствует о том, насколько далеко в бури заходит вода губы вглубь стрелки, кто знает, не пришлось бы в таких случаях спасаться на далёкий булгуннях. Трёхвёрстный пролив, отделяющий нас от Меркушиной стрелки, сегодня представляет бушующее пространство воды, и на ветках его в такую погоду немислимо переплыть. Мы смотрим на ту сторону, думая, что если глубина его больше двух аршин, то оленям его не переплыть, — что будем делать тогда, идти кругом по Хромской стрелке и два раза по Меркушиной? Вряд ли это в состоянии сделать олени, но опять же «Чихачёв переходил», значит, и мы можем. Но насколько ему было легче идти здесь на лошадях, питающихся той травой, которую олени не едят? В этих местах, как это ни странно, более неприхотливым животным оказалась лошадь, — олени же такие «модные» (термин Варакина; это слово в его представлении преобразовалось в выражение чего-то особенного, странного), им подавай лишь отаву. Вечером ещё осмотр местности, ближайшей к нашему новому становищу. Вообще мы изучили нашу стрелку вдоль и поперёк, основательно исходили её, так что никакое сухенькое местечко не укрылось бы от нас, — но постоянно находили одно и то же.

17 (30) июля холодный и ветреный день, ночью температура упала до -2° . Просидели весь день, не выходя из урасы, а капрал отправился на Хапташин забрать собаку, часть вещей и штуки три оленей у юкагиров, прежних наших рабочих, стоявших там с частью наших оленей, набравших сил на кормовищах для дальнейшего пути. 18 (31) июля он вернулся, причём сообщил, что было так мелко, что на ветке он мог проплыть лишь только середину губы, большую же часть ему пришлось самому волочить ветку. Мы очень скоро убедились, что те шестьдесят гу-

сей, которых наши промыслили у конца Лопатки, сослужат нам большую пользу: здесь на стрелке мы стали питаться исключительно ими; настал новый период пищи — гусиный. Для сохранения от порчи гуси были выпотрошены, вычищены и посолены, так что мы имели довольно большой запас провизии; тем не менее желательно было его пополнить, почему и организовали нападение на лайду, отправившись туда на этот раз с веткой. Но всё-таки нас всего четверо, лайда огромная, ружьё одно, на большое количество гусей рассчитывать нельзя; тем не менее добыча наша выразилась числом одиннадцать. Во время охоты заметили дикого оленя. Капрал пошёл на него и в пылу охоты мы очутились между лайдой и капралом. Дьячков, вертясь на ветке, палит прямо в нашу сторону, а капрал из берданки палит в оленя, тоже по нашему направлению. Я говорю Н.А. Июдину, что мало вероятности, что в нас попадут — места, ведь, много, но, тем не менее, одна пуля просвистела у уха Н.А. Июдина. Однако всё обошлось благополучно, лишь капрал получил выговор, что три раза промазал на близком расстоянии, а дикий олень был бы для нас большим подспорьем. Кстати, дикие олени иногда заходят и в эти гиблые места, они, правда, гораздо более подвижны: что, например, стоит свободному дикому оленю отмахать вёрст сорок, — является только непонятным зачем всё-таки они заходят в эти места.

18 (31) же июля мы решили перекочевать, наконец, к поварне Чихачёва, т.е. лучше сказать, несколько к западу от неё, к выбранному 16 (29) июля месту. Тронулись в путь только в десять часов вечера; мы с Н.А. Июдиным по берегу стрелки, обоз же напрямик через стрелку. Наш путь длиннее версты на четыре, но зато значительно суше; Н.А. Июдин идёт, ведя съёмку. Скоро, однако, поднялся непроглядный туман, так что съёмку пришлось отставить; пользуясь же тем, что шли по береговой линии, занялись устройством знаков, приблизительно, через каждые две версты, чтобы видеть один от другого. Для этого нам послужили песцовые пасти, основное длинное бревно коих ставилось вертикально и, следовательно, могло быть видимо издалека. Так подвигались мы по берегу в непроглядном тумане. Вот и конец стрелки, легко определяемый по максимальному скоплению плавника; впереди прямо открытое море, и большие валы с белой пеной катятся к нам под ноги; но видишь их только у самого берега, дальше всё слилось в мутной сырой пелене, и северный ветер дует в лицо, неся холодный воздух от ледяных торосов. Вот и поварня Чихачёва (рис. 59). Посмотрели на часы — скоро

час ночи, и встали под защитой поварни с южной стороны: всё-таки, хотя она и похожа на решето, но немного задерживает ветер. Уселись там, чтобы отдохнуть, и разговорились об еде, — эх, хорошо бы теперь поросёночка с хреном! Но, не скоро дождётся и чая, ибо наш обоз, несомненно, движется медленно; да не заплутались бы они ещё в этом тумане — тогда пришлось бы нам здесь ждать, пока он не разойдётся.

Рис. 59. Поварня Чихачева на Хромской стрелке. Фот. Е. Ф. Скаорцова

Отдохнув, пошли дальше к выбранному месту. Туман по-прежнему всё несётся и несётся мимо нас, и кажется, что там на море неограниченный его запас. Так двигались мы по берегу и вдруг останавливаемся, как вкопанные: перед нами в нескольких шагах стоит белый медведь, а у нас для защиты только двустволка, заряжённая дробью, в руках Н.А. Июдина, да у меня сбоку висит кинжал, который я употреблял при рытье ям для установки знаков — средства борьбы с таким зверем более, чем непригодные. Мы стоим неподвижно, как вкопанные, и он стоит, наклонив голову, и не шевелится. Скоро эта неподвижность показалась подозрительной, и мы сделали несколько шагов вперёд — не движется; ещё несколько шагов, и убедились, что это сучковатый, совершенно гладкий белый плавник, действительно, похожий на стоящего медведя, а в особенности, в этом проклятом тумане. Здесь же оказалось и выбранное нами место для становища. Уселись с Н.А. Июдиным на бывшего медведя в ожидании прибытия наших, которые приехали в три часа ночи, к каковому времени мы успели достаточно промёрзнуть

в этом сыром воздухе. Мы всё-таки порадовались, что они не заблудились, но капрал сказал, что этого не могло быть, так как он всё время держал путь так, чтобы ветер дул в правую щёку. Ну, похвалили его, стали ставить урасу; место для неё малопригодное, хотя и не трясина, но всё-таки почва, когда идёшь, подгибается; под слоем земли, поросшей травой, очевидно вода, ну, пока не прорвалась, ещё можно терпеть; настлали только брёвнышки перед входом в урасу. Наконец-то можно напиться чая и улечься спать!

На следующий же день 19 июля (1 августа), хотя и был сильный ветер, поднявший по проливу волну, я решил переехать пролив, чтобы измерить его глубину и тем положить конец вопросу о возможности перенять на ту сторону оленей. После обеда уселись мы с Фёдором (капралом) в ветку, он с веслом, я с длинной палкой бамбуковой удочки, и мы направились потихоньку через пролив к стрелке Меркушина, часто останавливаясь для измерения его глубины. Метров сорок идёт мелкое место, а затем начинается глубина в два с четвертью аршина (1,6 м), глубина для нас неприятная, ибо олени здесь должны плыть. Ветку нашу иногда захлёстывало волной, но мы всё-таки двигались вперёд. Глубокая полоса (всё, ведь, относительно — два с четвертью аршина иногда считаешь глубоким местом), однако, тянулась недолго, всего-навсего метров 80, дальше пошла глубина в 1 аршин с небольшим и настроение всё улучшалось по мере движения вперёд; приблизительно на трети расстояния от стрелки Меркушина попала ещё не широкая, метров тридцать, борозда глубиной в один аршин с тремя четвертями (1,25 м), но дальше глубина быстро пошла убывать, и скоро ветка остановилась на мели. Соскакиваю в воду и иду к берегу; скоро попадается вязкое дно и приходится идти в весьма неудобной позе, держа сапоги за ушки. Без всякого бережка постепенно начинается более сухое место, кое-где покрытое красной травкой, а ещё немного дальше начинается сплошной ковёр невысокой красной травы. Беру бинокль, но ничего путного рассмотреть не могу, — местность стоящая, по всей вероятности, Хромской стрелки; тут же вижу, что в небольшом расстоянии начинаются и любезные нам лайды. Поворачиваю и иду к ветке, двигаемся назад в таком же порядке: я снова измеряю глубину, двигаясь по другому галсу. Получилось то же самое. На берегу рассказываю Н.А. Июдину о полученных данных. Главный результат, что переправа возможна. Мелкий пролив имеет, следовательно, две неширокие борозды около 2 аршин (1½ м)

глубиной и это сегодня при северном ветре, при южном же или, в особенности, западном глубина будет ещё меньше. Что же касается природы Меркушинской стрелки, то мы и раньше особенно не заблуждались насчёт неё.

Вечером, сидя в урасе, слышу голос Н.А. Июдина: «Евгений Фёдорович, идите скорее. Хромские люди едут и оленей гонят». — «Не может быть, говорю, ещё слишком рано». — «Ну, вот выходите из урасы. сами увидите», отвечает он. Натягиваю сапоги, вымокшие от сидения на дне пропускающей воду ветки, и выхожу, захватив бинокль. Выбежали из своей палатки и Дьячков с капралом. Все смотрят в сторону нашей прежней стоянки. Взял бинокль — в самом деле движется большое стадо оленей, голов в семьдесят, около них идут и люди. Фёдор насчитал целых пять человек и оленей видимо-невидимо. Дьячков стал уж разбирать, который из них Егор Варакин, а который Николай, ходивший на Лопатку. Мы с Н.А. Июдиным строим планы, что вот сейчас же и нужно начинать переправу, пользуясь тем, что ветер совсем стих. Фёдор побежал ставить на костёр большой чайник, чтобы к приезду вновь прибывших был готов чай и их можно было угостить этим, таким приятным здесь напитком. Но... как всё обманчиво, и какие только иллюзии не представляются в беспокойном здешнем воздухе! Ведь нас четверо, мы были вооружены цейсовскими биноклями и все мы четверо совершенно ясно видели движущихся людей и оленей, и, тем не менее, приехал только один юкагир с двумя нартами, запряжёнными каждая парой оленей. (Этот юкагир был отправлен нами на прежнюю стоянку с четырьмя оленями, чтобы привезти часть вещей, которые мы не смогли захватить сразу к поварне Чихачёва). Посмеялись мы над собою и Дьячковым, уже различившим отдельных лиц, и пошли в урасу пить чай, приготовленный для воображаемых гостей.

20 и 21 июля (2 и 3 августа) «пустые дни», как мы выражаемся, т.е. ничего интересного в эти дни не приключилось. Выходить из урасы не пришлось по причине стоявшего целыми сутками тумана, бродить по коему не представляло особенного интереса. Здесь на стрелке вообще очень часты туманы, что я объясняю близостью холодного океана. В тёплый день, благодаря испарению со множества лайд, воздух вообще содержит здесь много паров воды, и стоит подняться северному ветру, приносящему холод, как образуется туман, ибо получающаяся смесь

воздуха имеет температуру, при которой может содержаться значительно меньше водяных паров, излишек которых и сгущается, образуя туман.

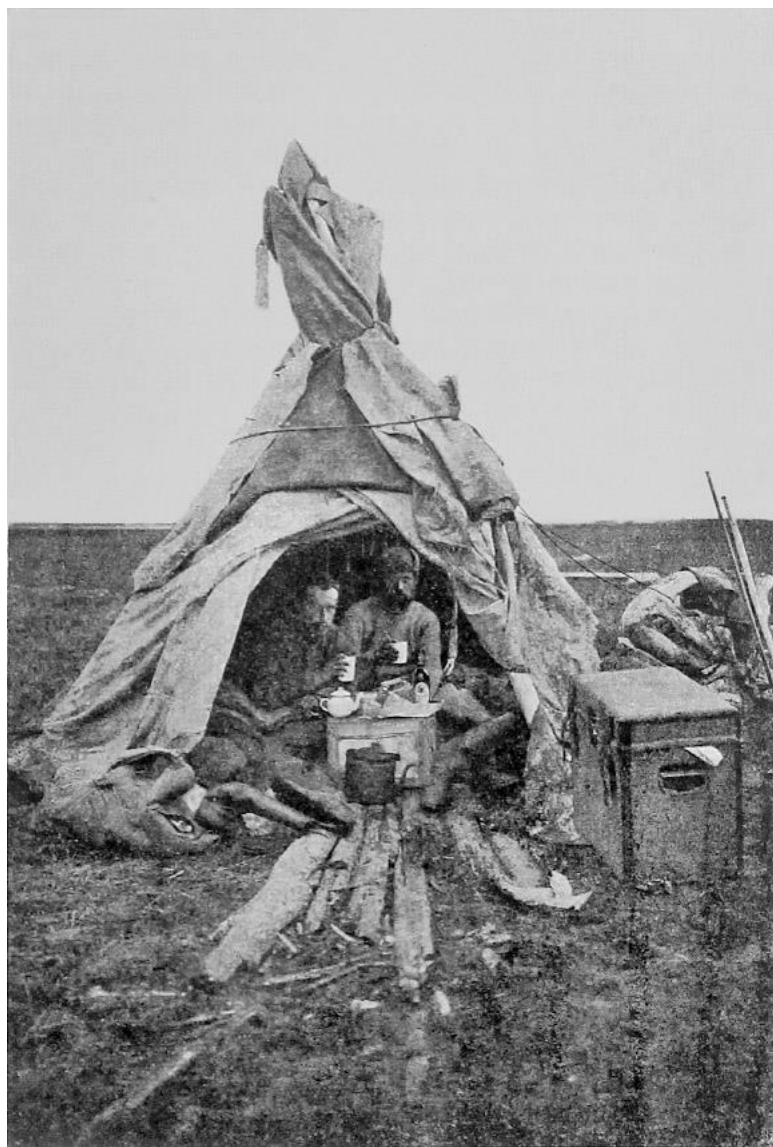

Рис. 60. В уресе. Фот. Е. Ф. Скворцова.

В такие, в общем не столь редкие дни, когда приходится по целым суткам просиживать в уресе, занимаемся больше разговорами и предположениями о предстоящем пути. Здесь были бы весьма кстати книги для чтения, но таковых мы, конечно, не могли взять с собою. Вот только и есть с собою захваченный Н.А. Июдиным «Современный Календарь», в котором прочтено всё от доски до доски, включая все таблицы и список мужских и женских имён. Да ещё есть небольшая книжка стихов политического ссыльного П. Драверта; эта последняя дала нам значительно более духовной пищи, чем «Современный Календарь». В ней попадаются стихотворения иной раз

весьма подходящие к нашим настроениям, и неудивительно, ведь, в конце концов, — она навеяна почти той же природой. Многие из этих стихотворений были выучены нами наизусть, да и не мудрено, если подумать, что эта книжка в течение всей экспедиции была единственной (Драверт, «Ряды мгновений». Якутск. 1908).

22 июля (4 августа) хороший денёк; занялся астрономическими наблюдениями. Вечером же выползла из-за горизонта луна; пронаблюдал её азимуты для того, чтобы иметь возможность определить по абсолютному способу долготу места. Благодаря этому пункт у поварни Чихачёва является третьим основным пунктом (первые два: Казачье и Русское Устье). Н.А. Июдин также был занят, снимая при помощи мензулы

и кипрегеля окончность Хромской стрелки; так что день прошёл для нас быстро.

23 июля (5 августа) пустой день. 24 июля (6 августа) в шесть часов утра в отверстие нашей урасы просунулась голова Дьячкова: «Так что хромские люди приехали.» — сообщил он. Наконец то! — «Ну, хорошо, Дьячков, чай готов?» — «Готов». — «Ну, молодец, тащи сюда чайник да зови Егора рассказывать, как и что». Через полчаса сидели мы снова с Егором, и он нам рассказывал, как они добрались. Оленей они ещё не привели, оставив их на Хапташине, сюда же немедленно приехали за распоряжениями. Оказывается, что на Хроме заготовили для нас только тридцать оленей вместо ожидаемых сорока, придётся, следовательно, целых двадцать штук взять из нашей старой партии. Варакин говорит, что они ничего себе, подкормились на Хапташине за две недели. Мы ему рассказываем, что боялись, как бы они не пошли по левому берегу губы, он же говорит, что среди хромских людей есть один якут — Христофор, который бывал как на Хромской, так и на Меркушинской стрелках; он их предупредил, чтобы не шли по левому берегу. Самому же Егору эти места неизвестны, но проехав нынче по стрелке он говорит — «ну и беда страшные места». Мы смеёмся и говорим: «Ну, что, Егор, придёшь когда-нибудь кочевать сюда?» Он, сделав страшные глаза, отвечает: «Ни в жисть, бога молить буду, если живой вернусь домой». «Домой» на его языке — ведь это означает только родную тундру, в домах же, т.е. в юртах, они не живут: «Ведь душно там, ум делается плохой». Разузнав обо всём, послали одного юкагира на Хапташин, приказав доставить всех оленей с людьми к нашему стану.

К вечеру прибыли, наконец, все люди с семьюдесятью оленями, причём по дороге по стрелке два оленя пропали, где-нибудь хватили вредной травы. Мы и то удивляемся, что наш десяток, уж не знаем почему, живёт на стрелке сравнительно недурно, не проявляя признаков болезней.

Занимался фотографией. Снял себя с Н.А. Июдиным в урасе (рис. 60), затем группу рабочих, старых и новых (рис. 2). На последнем снимке в первом ряду, юкагиры: первый (считая слева) капрал Фёдор; третий, сидящий на так называемом побочневом ящике — Егор Варакин; четвёртый, с вышитым кисетом для табака — Николай, ходивший с Н.А. Июдиным на Лопатку; внизу же, первый справа — якут Христофор Горохов, которого Варакин рекомендовал нам как знатока местности от Хромы

до Яны. Во втором ряду слева — два юкагира, затем якут Николай и тунгус Багелай. Последние два вместе с Христофором пойдут с нами в дальнейший путь, с остальными же расстаёмся здесь. Итак, теперь с нами будут только трое; разделяться на долгое время теперь вряд ли будем. Из троих только один Христофор знаком с местностью, но, к сожалению, как он, так и другие двое по-русски «не слышат». Варакин рассказал, что нынче Хромская губа была настолько мелка, что на ветках совсем нельзя было ехать, перешли все вброд, причём вода достигала в наиболее глубоких местах только по колени.

Заготовленный на Хроме ящик с провизией оказался подмоченным, так что часть вещей К.А. Воллосовичу пришлось выбросить. Нам больше всего жалко муки и сухарей. Кстати, как курьёз отмечу, что с 26 апреля (9 мая) с села Казачьего, т.е. за три месяца, нами выпито двадцать пять фунтов чая.

Когда все рабочие отдохнули, мы отдали распоряжение готовиться к переправе на стрелку Меркушина. Она должна быть несколько посложнее, ибо воды в ней больше и вброд в настоящее время её перейти невозможно, ждать же когда переменится ветер и сгонит воду нет расчёта. Живо готовиться! Наконец то, Хромская стрелка, мы покидаем твои не приветливые трясины!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«Великая» переправа
25-26 июля (7-8 августа)

Отправка первой партии багажа — Перерыв переправы из-за ветра — Карта Николая — Пляска и игры юкагиров — Рассказы князя — Второй транспорт багажа — Сортировка оленей и третий транспорт — Первое знакомство с природой стрелки Меркушина — Ещё обман зрения — Фантастическая картина переправы оленей — Неудачи переправы оленей — Проба воды в Меркушинских лайдах — Оконечность стрелки Меркушина — Окончание переправы.

Итак, после вынужденного перерыва снова начинаем путешествие. Прежде всего производится перегруппировка багажа; кое-какие вещи ещё находим возможным оставить, поручив их доставку зимой Варакину вместе с транспортом собранных на Хапташине костей. Я оставляю, например, Писторов круг, кое-какие имевшиеся у меня книги по

астрономии, часть белья и прочее; стараемся брать с собою возможно меньше, сократить свои потребности до минимума. Рассчитываем поместить весь наш багаж на восьми нартах и семи вьюках. Вьюки олени вообще легче несут, нарт же приходится избегать: трудно тащить их и по кочковатой тундре, и по вязкой глине.

В полночь на 25 июля (7 августа) приготовили к отправке первую партию вещей, но когда спустили ветки, то оказалось, что доставленная с Хромы течёт; пришлось заняться её починкой. Вообще следует заметить, что хромская заготовка была выполнена весьма небрежно. После починки спарили две ветки, как всегда при переправах, третья же должна идти впереди в качестве двигателя. Перетащили на них багаж, и несмотря на ветер и волну, тронулась через пролив первая партия вещей (рис. 61)¹. Следим в бинокль за движущимися ветками; скоро замечаем, что там не ладно: ветки захлёстывает, они остановились, и рабочие усердно выливают воду шапками, за неимением пригодной посуды. Чёрт возьми, не затонули бы ветки, а там как раз отправлен и ящик с провизией. Но, нет, тронулись дальше в путь, однако их захлёстывает по-прежнему, и в скором времени они останавливаются вторично для выкачивания воды. Подозреваем также, что кроме воды от волны, вероятно, набирается вода и через щели веток, ибо все ветки довольно ветхи. Но ничего — видим, что они уже у отмели стрелки, вот вылезают из веток и на руках тащат цинковый ящик с провизией. Вот он и на бережку, а за ним вскоре и другие вещи, после чего ветки облегчённые медленно движутся назад; волна разгулялась ещё сильнее, ветки раскачивает, по теперь они легче, ибо пустые, а будь бы теперь с вещами, непременно затонули бы посреди пролива. Около четырёх часов утра они всё-таки добрались до нашего берега. Похвалили их за удачное выполнение переправы, но, тем не менее, отложили дальнейшую работу до тех пор, когда стихнет ветер, ибо усилившийся ветер поднял такую волну, что не осталось никакого сомнения в том, что ветки зальёт и они пойдут ко дну.

В это время к нам в урасу пришёл Николай Энкачан, которого Н.А. Июдин просил составить эскиз местности между Индигиркой и Алазеей, местности, в которых Николаю часто приходилось кочевать, о чём Н.А. Июдин узнал из разговоров с ним во время пути по Лопатке. Николай принёс нам такую карту, что мы прямо охнули, так великолепно

¹ Место переправы отмечено на карте устья губы Омутлахской и Хромской.

у него всё было начерчено: и реки, и горы, и направление всех хребтов выдержано, выдержаны страны света, причём наверху на его карте был также север. Мы удивились такому совершенно ясному представлению большого района в сотни квадратных вёрст, тем более, что географических карт, ведь, он никогда не видел, также как и о грамоте никакого понятия не имеет.

Рис. 61. Переправа через Омутлахскую губу. Фот. Е. Ф. Скворцова

Мы очень подивились и подумали, что очень немногие из интеллигентных людей имеют такое наглядное представление о местности, в которой им приходится бывать, а ведь здесь, как никак, сотни квадратных вёрст. Эти разговоры продолжались до семи часов утра, когда мы решили всё-таки поспать, заказав караульному оленей разбудить нас, как только стихнет ветер. Но, до четырёх часов дня никто нас не будил, а, проснувшись сами, увидели, что ветер свирепствует по-прежнему. Такая досада, а тут ещё приходит Варакин и докладывает, что один олень пропал, а другой «хочет пропасть». Пошли посмотреть в чём выражается его «хотение»; действительно, стоит бедняга у пасти: вид самый плачевный, и у него почти непрерывная рвота. А ещё через полчаса снова является Егор: «Беда, говорит, ещё один олень пропасть хочет». Что тут делать? Перебраться на ту сторону нет никакой возможности.

Произвели расчёт наших старых рабочих, шедших с нами от Русского Устья; обещанную награду оленями пришлось несколько уменьшить, ибо нам самим они необходимы; обещали им после выслать из Устьянской управы. После обеда печально бродили по берегу с Н.А. Июдиным, замечая, что ветер, кажется, хочет усилиться и наблюдая за оленями,

«хотящими пропасть»: они в том же положении. Из здоровых же Егор нашёл некоторых подозрительными, и мы беспокоимся, не присоединятся ли они в своём оригинальном желании пропасть к своим двум товарищам.

Вечером Варакин попросил разрешения устроить пляску, мы с удовольствием разрешили, надеясь посмотреть на диковинное зрелище. Пятеро сплелись руками в кружок, и, топча ногами, начали медленно вращаться по часовой стрелке, всё время напевая «хейга, хейга, хейга, хейга... хия, хия, хия, хия...» (поём, поём, поём, пляшем, пляшем, пляшем). Песня звучала то громко, то тихо, переходила от пианиссимо в фортиссимо. Мы всё думали, что это только начало, но, оказалось, что весь танец в этом и состоит, но, тем не менее, они занимались этой пляской с увлечением. Варакин с восторгом рассказывал, как у них на празднике Пасхи пляшут: «Докуль да докуль пляшут, ажно жилы лопаются на ногах, иной уже не может, упадёт на землю, и только ногами дрыгает, беда плясать охота». «Вот и теперь, — продолжает он свой рассказ, — как придём на Гусиную, праздник у нас будет, три дня плясать будем». Здесь же плясать долго не пришлось, почва, ведь, и при ходьбе колеблется под ногами, а при топтании на одном месте она скоро прорывается, и плясуны проваливаются, касаясь босыми ногами мерзлоты. После танцев пошли игры: сначала прыжки, не разжимая ног; втыкаются на некотором расстоянии одна от другой много палочек и задача состоит в прыгании обеими ногами сразу через эти палочки. Кто без остановки больше прыжков сделает, тот и выиграл. И наш Дьячков в этой игре показал себя молодцом. Потом пошла борьба, вроде нашей русской.

Показывали Варакину картинки из «Современного Календаря»; много забавных замечаний он сделал, а увидев портреты каких-то общественных деятелей, сказал: «Бай, всё пустые головы, без рук»; впрочем, этим ничего обидного он не хотел сказать, просто его удивило, что помещены лишь одни головы, а туловищ не имеется.

Снова бродили по берегу в ожидании, когда стихнет ветер; он и в самом деле стал стихать, но нагнал такой туман, что в двух шагах не стало видно. Всё-таки решили не ложиться спать и ночью, так как положиться на рабочих в смысле того, что они не пропустят удобного для переправы времени, нельзя; им, ведь, торопиться некуда, им, ведь, мало горя, что мы сидим здесь — такое веселье идёт у них, что трудно себе представить; всё время звенит в воздухе их весёлый смех, всё время бесконечные разговоры, а чайник, как только опустеет, сейчас же ставится снова

на костёр, а делается пустым он чрезвычайно быстро. После полуночи, уже, следовательно, 26 июля, пришёл к нам в урасу Варакин: предложили ему чайку вместе с нами, снова начали беседовать с ним. Интересно рассказывал он, как раненый дикий олень убежит от человека, сидит, а сам озирается по сторонам — «смотрит во все стороны», при этом Егор смешно выпучивает глаза и сам вертит головой направо и налево «хоть докуль да докуль смотрит, не идёт ли где человек — так и пропадёт», соболезнуя, заканчивает он. Зашёл разговор и о чукчах: «Диво, — говорит, — что они едят» — это и им-то, неприхотливым, диво, что чукчи едят. Бедные заготавливают на зиму такое кушанье: «Берут тальничный лист, обливают его кровью оленя и нерпичьим жиром и едят потом с удовольствием. Но народ хороший, если придут к ним покупать оленей, то за одного учёного пять, а то и шесть неучёных дают. А если приедешь к ним в гости, сколько ни живи, всё кормить будут, а домой начнёшь собираться, станут ещё уговаривать: поживи ещё, что рано собрался, поживи да поживи».

Так незаметно просидели мы с ним до трёх часов утра, когда, выглянув из урасы, заметили, что ветер стал совсем слабым, а туман не таким уж непроглядным. Варакин было выразил опасение, что могут заблудиться в тумане и ещё в открытое море попасть, но мы ему сказали, что люди могут ориентироваться при переправе по ветру. «Ну, ладно, — сказал он, — вы тут сидите и пейте чай. а я пойду оленей хватать». Это означает, что он пойдёт пригнать к становищу оленей. Пока собирались, ветер снова чуть покрепчал, но всё-таки в четыре часа утра вторая партия отправилась на противоположный берег. Страшно следить в бинокль за уплывающими ветками, волна всё-таки захлёстывает, да и ветки-то такие, что того и гляди развалятся от ударов волн; теперь захватили посудину для вычерпывания воды и один из них непрерывно занят этим делом, еле поспевает. Скоро ветки скрылись в туманной пелене, и мы не смогли убедиться, насколько благополучно они выполнили второй рейс. Беспокойно: в этом транспорте, ведь, ящик с фотографическими пластинками и большой универсальный инструмент. Но через час туман рассеялся, и мы увидели в бинокль чёрные силуэты наших людей, уже перетаскивавших на берег вещи с веток. К шести часам утра ветки вернулись на наш берег; на вопрос, как теперь прошла переправа, получили в ответ «кабыть» (русско-устыинское «ладно, хорошо»). Дали им попить чая и сейчас же отправили третью партию, в которой пошёл и

мой сундук с хронометрами, за исключением двух, которые я вынул из сундука на случай несчастья и которые пойдут вместе со мною.

Тем временем все олени, за исключением «желающих пропасть», положение коих безнадежно, были пригнаны и собраны в круг (рис. 57). Началась сортировка на хороших, средних, плохих, учёных, неучёных, верховых и прочих; мы отобрали пятьдесят два лучших. Остальные были разделены между остающимися рабочими в награду за службу нам, причём были приняты во внимание и все брошенные на нашем пути, не исключая и оставленных даже на Лопатке, на тот случай, если им удастся выбраться оттуда, и они будут найдены. Варакин хлопотал, чтобы выяснено было всё до мельчайших деталей: «Ну, а если найдётся такой-то олень, что с ним делать, какой ваш распорядок будет?»

В девять часов утра прибыла с того берега третья партия, и теперь настала очередь переправляться и нам самим; Варакин и Николай «Лопаточный» захотели сами перевезти нас на стрелку. Распрощавшись с остающимися здесь рабочими, мы взошли на ветки и медленно отвалили от берега. Только в пути обратили внимание на то, что борт ветки всего-навсего на три вершка возвышается над водой, — выходит, что мы рисковали своими вещами, но, к счастью, всё обошлось благополучно. Николай непрерывно вычерпывает набирающуюся воду то с одной, то с другой ветки; они текут так сильно ещё и потому, что сильно загружены, да вообще судёнышки скверные» а на них предстоит переправляться и через глубокие реки. В шестидесяти метрах от берега наш плот становится на мель. Далее идти нужно пешком по воде. Вышла комичная история: я завяз в глине. Не могу вытащить своих ног, а тут ещё смех разобрал, ну не могу сдвинуться с места, да и только. Передал Н.А. Юдину тяжёлый фотографический аппарат, висевший на шее и тогда только кое-как вытащил ноги из вязкой глины, но только сапоги на половину слезли с ног, так что идти пришлось, ступая на голенища, а не на подошвах. Так и дошёл до того места, где были сложены наши вещи и там с помощью Дьячкова и двух палок удалось освободить ноги от двух комков глины, в которые обратились мои сапоги. Со стороны стрелки Меркушина негостеприимно встречать так путешественников!

Было десять часов утра, когда мы вступили на Меркушину стрелку, погода была на удивление ясная и тёплая. Здесь мы распрощались с Егором Варакиным и Николаем, оказавшими нам действительно большие услуги, и они отправились обратно на Хромскую стрелку, чтобы прислать нам оленей, которые переправляются последними. Варакин ещё

спросил, сразу ли всех оленей пригнать или разбить на две партии; сказали ему, что если смогут, то пусть пригонят сразу. Они уехали, и остались на стрелке мы втроём.

В ожидании прибытия оленей Н.А. Июдин пошёл по берегу Омуллахской губы с кипрегелем, чтобы, отмерив базис, определить точку, в которой мы находились, для продолжения отсюда съёмки и связи её с поварней Чихачёва. А я пошёл поперёк стрелки к берегу океана, чтобы поближе познакомиться с характером местности, по которой нам предстоит идти.

Путь мой лежал всё по той же красной траве, а временами и попросту по голой глине. Кое-где попадаются лужи воды, что-то вроде лайд, но без всякого бережка; глубина их невелика, не более четверти аршина, но всё-таки название лужи мало подходит к ним, так как тянутся они иной раз на 100, а то и на 200 метров. Буду их называть мелкими лайдами, ибо обычная средняя глубина лайд всё же несколько больше: от аршина до полутора (1 м), а середина некоторых иногда достигает и почти саженой (2 м) глубины. Здесь же вообще вся поверхность земли представляет почти идеальную плоскость и дно лайд является постепенным, едва заметным понижением этой ровной поверхности. До берега оказалось почти две версты; считал шаги и для облегчения работы Н.А. Июдина поставил на берегу вертикальный знак из плавника. Впрочем, слово «на берегу» не значит, что я был близко от воды: совсем напротив, синяя полоса океана виднелась в большой дали, до неё простиралось громадное пространство чёрной вязкой глинистой отмели. Чуть вправо заметил я вдали блестящие бесформенные белые предметы, дрожавшие в струящемся воздухе. Сначала, смотря на них в бинокль, я принял их за громадные ледяные торосы, севшие на мель, потом с удивлением заметил, что они движутся и принял их за группу белых медведей, но, продолжая следить за ними, я заметил, как один из медведей отделился от группы других и поднялся в воздух и, когда белый предмет поднялся выше струящегося воздуха, я ясно увидел, что это была просто белая чайка. Привожу этот пример как образчик обманов зрения, которые здесь часто имеют место благодаря неравномерному нагреванию воздуха. От малой чайки до громадных ледяных торосов, ведь, дистанция огромного размера. Постояв на краю чёрной отмели, пошёл «домой», т.е. к месту, где были свалены вещи; урасы мы здесь решили не ставить, так как сразу же предполагали двинуться в дальнейший путь.

Придя к «дому», увидел, что олени ещё не пригнаны; стал смотреть в бинокль на берег Хромской стрелки, чтобы узнать, что там делается. Отсюда издали при боковом освещении того берега все миниатюрные фигуры людей и оленей кажутся тёмными силуэтами в золотистых лучах солнца и кажутся они такими нереальными, будто призраки бродят взад и вперёд, купаясь в лучах солнца. Вижу, как кучка людей-теней гонит большую толпу оленей-теней, вот загоняют их в воду, и те бегут по мелкой воде, осыпаемые серебристыми искрами. Но тяжело всё время смотреть в бинокль, обращаю свой взор на стрелку, отливающую красным светом — тоже престранная картина! Снова берусь за бинокль и с удивлением вижу, что миниатюрные призраки рассыпались по всему берегу; быстро бесшумно мчатся олени в разные стороны, рассыпаясь по стрелке, а за ними бегут по одиночке и гномы-люди. Догадываюсь в чём дело; очевидно, олени, войдя в воду, пошли пока было мелко, гонимые сзади, потом попробовали плыть, но, проплыв несколько сажен и не видя нашего берега, так как, при таком низком положении глаз, его и в самом деле не увидишь, испугались и, несмотря на то, что сзади их подгоняли на ветках, повернули обратно на берег и, давай бог ноги, кто куда мог, туда и пустился утекать — в самом деле, гонят их в открытое море!..

Через некоторое время приходит Н.А. Июдин; я ему рассказываю про всё это. по-видимому, переправа задержится, а мы то думали, что она уже кончена. Ведь вот противные 80 метров, если б только их переплыли олени, дальше пешком дошли бы до самого берега; ну да, ведь, оленям этого не объяснишь. Через несколько времени видим в бинокль: плывёт небольшая партия оленей, голов менее десятка, плывут они сзади веток, очевидно, к ним привязаны, чтобы не вздумали вернуться на берег. Скоро приплыли, т.-е. виноват, пришли они к нашему берегу. Всего восемь оленей и с ними девять нарт. Ну, если так понемножку будут их доставлять, долго нам придётся здесь ждать. Спрашиваем, в чём дело; юкагиры подтверждают моё предположение: как дошли олени до глубокого места, повернули назад, да на берег... еле потом их пригнали обратно к становищу. Но, всё-таки, юкагиры надеются в следующий приезд пригнать всех; теперь начинаешь уж в этом сомневаться.

Снова стали бродить с Н.А. Июдиным по стрелке в ожидании оленей. Уже два часа дня, начинает пробираться голод; достали из сваленных на земле вещей сухарей и сыру, да шоколада, весьма полезного в таких случаях — отбивает неприятное чувство, когда проголодаешься. Снова

смотришь через пролив и видишь ту же бесполезную попытку перегнать оленей всех сразу: снопы серебристой пыли поднялись в воздухе от улепётывающих на берег оленей, и снова они рассыпались по всему берегу. До нас не долетает ни звука, но на самом деле шум и гам стоят на том берегу. Но снова видишь, как призрачные тени уже в небольшом количестве спускаются к воде, и чёрный силуэт ветки движется в золоте воды, а за ним тянутся торчащие из воды рогатые головы пяти или шести оленей. Очевидно, опять не удалось, уж такие «модные» оказались олени, не хотят плыть в открытое море!

Привезли на этот раз всего шесть оленей; в следующей партии надеются пригнать больше, сейчас же ещё не удалось собрать всех разбежавшихся, ибо многие дали со страха такого стрекача, что за ними придётся далеко идти.

Снова пошли бродить по стрелке. Знакомимся с красной травкой; сорвав несколько пучков, увидели, что среди неё есть и зелёные стебельки, и жёлтые и совсем красные, а все вместе даёт общий колорит кирпичного цвета. В некотором расстоянии от кучи наших вещей, называемой пока что нашим домом, вглубь стрелки начинается, пожалуй, красивый даже ковёр красной травы с островками жёлтого мха (не отавы, к сожалению), иногда с островками зелёной травки, с голубыми лайдами — очень интересное сочетание красок. После сыра да шоколада захотелось пить, и мы с Н.А. Июдиным наклонились к чистой, прозрачной, как стекло, воде голубой лайды; зачерпнув рукой воду, хватили сразу порядочно... ах, проклятье, даже закашлялись: это был концентрированный раствор морской соли — и в море не такая солёная вода, как в этих лайдах. Да оно и понятно: мелкая лайда сильно испаряет воду и соляной раствор делается всё крепче и крепче; таким, ведь, образом и добывают соль. Рассмотрев и попробовав на вкус почву, увидели, что она сплошь пропитана солью. Возникает серьёзный вопрос о том, достанем ли мы на пути по стрелке пресную воду, хотя бы такую, как на Хромской стрелке. Когда мы возвратились к дому, пришла третья партия оленей в семь штук. Христофор рассказывает, что на этот раз они взяли с собою четырнадцать штук и поплыли было к нам, но на глубоком месте олени трусили, повернули на берег и потащили за собою ветку, к которой они были привязаны, едва не опрокинув её, так что рабочие думали вести оленей, а олени сами прокатали их — не надо было и грести. Спрашиваем Христофора, достанем ли дальше воды на стрелке — отвечает, что как-нибудь найдём; есть, говорит, такие «челбачки»

(ямки с дождевой водой). Обратились к Христофору с вопросом и насчёт кормовищ; он нас очень удивил, сказав, что и эту красную траву олени могут есть. Обыкновенно, ведь, когда думаешь, что есть какое-нибудь кормовище, слышишь ответ: «суох» (нет) и иногда, для большей убедительности, у этого «суох» — «о» растягивается так, что «сох» превращается в «суоох» — а тут то, когда уж мы были в полной уверенности в отсутствии кормовищ, говорит, что есть. Ну, тем лучше, хотя, зная уже в достаточной степени оленей, мы всё же сомневались в словах Христофора. Дали ему чайник, чтобы привёз с того берега воды, и сказали, чтобы на этот раз пригнали оленей наши прежние рабочие, так как новые утомились, переезжая широкую губу взад и вперёд.

Теперь мы пошли уже к самому концу стрелки Меркушина: сначала тот же красный ковёр, всё суживающийся, потом начинают попадаться в нём плешины голой глины, которой становится всё больше, а травы всё меньше, и так совершенно постепенно стрелка переходит в чёрную, лишённую всякой растительности, отмель чрезвычайно мрачного вида и с очень малым количеством плавника. Такой безотрадный вид имеет самая оконечность стрелки, никакой резкой границы береговой линии здесь нет. Тем временем прибыли на наш берег Варакин с Николаем и пригнали самую большую партию оленей в семнадцать штук. Варакин с весьма растерянным видом объяснял: «Мы там совсем ум потеряли, уж такие олени модные, такие модные, никак не хотят идти в воду, а мы все разделись, да бегаем за ними голые, как с ума сошли; но вот только потому, что в воду залезли и удалось пригнать семнадцать оленей, а то и думать нельзя было, — уж такие модные, такие модные!»... Привезли они чайник воды, и Дьячков развёл костёр, чтобы приготовить чай — ведь уже восемь часов вечера, а мы с раннего утра только сыра немного отведали, а до конца переправы осталось ещё несколько часов, после чего мы немедленно двигаемся вперёд, чтобы не оставлять оленей здесь на солёной почве. Ещё раз распрощались с Егором Варакиным и Николаем, и они уехали, сказав, что в следующий раз будут доставлены остальные олени. Им также передан чайник, чтобы набрать ещё воды. Теперь уже стало темно и в бинокль совсем не видно, что делается на противоположном берегу; но надеемся, что теперь особых затруднений не встретится — ведь бóльшая часть оленей уже с нами. Последняя партия прибыла около одиннадцати часов вечера; таким образом, мы сами, все наши вещи и олени были уже на Меркушинской стрелке.

Как-никак, а наша переправа продолжалась целых 50 часов и из них последние 24 часа прошли в самой интенсивной работе; при этом ведь 24 раза пришлось на медленно движущихся ветках переплыть широкий пролив — не какую-нибудь речку, да ещё и на том и на другом берегу перетаскивать вещи на руках, да кроме того ещё история с оленями. Всё это потребовало крайнего напряжения сил, и потому мы, шутя, стали называть эту переправу «великой переправой». И всё-таки, не теряя ни минуты для отдыха, сейчас же по окончании переправы тронулись в дальнейший путь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Девяносто вёрст по солёной пустыне стрелки Меркушина
26 июля-3 августа (8-16 августа)

Удивительные перемещения плавника по стрелке — Поиски воды — Последний чайник — Олени ушли — Необычность местности — Пробы воды — Солёный ручей — Лабиринт лайд — Обманутые ожидания — Свеча в уресе — Вода из грязной лужи — Вонючее болото — У костра — Падёж оленей — Самые печальные места на земле — Ночёвка в гнилом болоте — Первый закат солнца — Зимовье Геденштрома — Наконец на настоящей земле — Обилие всевозможных благ — Днёвка — Неудача третьего августа — Разделение тундр по типам — Соображение о природе стрелки Меркушина.

Не дожидаясь пока погрузят вьюки на только что пригнанных с Хромской стрелки оленей, двинулись мы с Н.А. Июдиным вперёд пешком в надежде поскорее найти место более отрадное, чем самая окончательность стрелки Меркушина. Было уже около двенадцати часов ночи и стало значительно темнее. Солнце уже стало ненадолго закатываться, но, вследствие облачной погоды, заката мы ещё не видели. Четыре версты прошли по той же глинистой поверхности, покрытой красной травой то лишь местами, то сплошным бархатным ковром вперемежку с большим количеством лайд самой разнообразной формы и величины. На красном бархатном ковре красиво выглядели небольшие белые цветочки в форме звёздочек — много было этих звёздочек на красном ковре. Пройдя четыре версты, мы остановились, чтобы подождать наш обоз, который совсем не стал виден в сумеречном свете ночной зари. Присели на плавник, рассматривая удивительную местность, и здесь

наше внимание привлекло одно обстоятельство, объяснений которому мы тогда не нашли. В нескольких метрах от нашего плавника виднелась зелёная полоска примятой травы, в точности соответствовавшая величиной и формой тому плавнику, на котором мы сидели. Ясно, что не так давно этот самый плавник лежал на месте, обозначенном зелёной полоской, откуда был кем-то сдвинут. Но кем? Кого, кроме нас, могло занести в эти гиблые места? В это время подъехал обоз: мы полюбовались, как лихо вели его олени. Ведь период линьки кончен, и олени теперь во много сильнее, чем были в начале июня. «Ну, — сказали мы с Н.А. Июдиным, — и покатым же мы теперь». Обратились к Христофору за разъяснением, ходит ли кто-нибудь из людей по этим местам. «Суох», очень выразительно ответил он и через Дьячкова передал, что сюда никакая душа человеческая не заглядывает. Он сам был на стрелке двадцать восемь лет тому назад из любопытства, ходил с Оёгоса и далеко не дошёл до самого конца стрелки. С этими словами он принялся распрягать оленей. Мы к нему: «Дьячков, передай ему, что здесь нет пресной воды и кормовищ для оленей». А Дьячков передаёт его ответ, что до воды и кормовищ раньше как завтра к вечеру не добраться. Что делать, уже два часа ночи. Решили остановиться на ночёвку. Распрягли оленей, они побежали к лайдам и лужицам, желая напиться. Но не тут-то было: ткнут морду в воду и отбегают, ища другого водоёма. Мы все следили за тем, не будут ли они откуда-нибудь пить воду, ибо у них более шансов набрести, наконец, на пригодный источник. Однако олени не нашли такового. Я всё-таки хорошо сделал, что распорядился взять с собою для нас чайник с водою с Хромской стрелки, несмотря на уверения Н.А. Июдина в том, что не может быть, чтоб, мы так-таки совсем и не нашли пресной воды. С наслаждением выпили «дорогого чая» из последнего и единственного чайника. И какой же вкусной показалась нам вода из этих Хромских лайд, а мы ещё не ценили её, искали лучшей. Вот чудаки! Половину чайника оставили на следующий день. Есть решили поменьше, чтобы пить не так хотелось; в этот же день так и обошлись без обеда, и сразу после чая крепко заснули после бессонных ночей.

27 июля (9 августа) проснулись поздно, в два часа дня — сказалось утомление после переправы. Немедленно послали за оленями, которых совсем не было видно даже на плоской поверхности стрелки. Видимо, далеко ушли в поисках воды и кормовищ. Выпив чайку, скоро увидели дно чайника, а пить, как назло, ещё хотелось — но, что делать, авось на

следующем становище найдём хоть какую-нибудь пресную воду. Поставил на нарты один ящик на другой, чтобы повыше взобраться и поглядеть, не гонят ли оленей. Но всё было безжизненно на однообразной красной равнине. Что будет, думаю я, если они убежали так далеко, что их не найти?

Странный этот день: небывало высокий ночной температурный минимум в целых 10°Ц и день с тёплым, душным воздухом, с небом, покрытым толстым слоем облаков, через которые иногда просвечивал кроваво-красный диск солнца. Но большею частью солнце видно не в виде диска, а просвечивает как ярко-красная звезда. В воздухе стоит странный, особенный запах, насыщенный солью. С моего возвышения видно, как бесконечная равнина непривычно красного цвета уходит за край горизонта. Кругом — голубые лайды с чистой водой. На севере же совершенно чёрная, бесконечная отмель, за которой на самом краю горизонта видна узкая синяя лента океана. Весь вид и вся обстановка настолько оригинальны и странны, что чувствуешь себя перенесённым куда-то в совершенно необычные для человека условия. В самом деле, уж не попали ли мы каким-либо образом на планету Марс? Право, кажется, не очень удивились бы, если бы нам это сказали. Кажется, местности более странной и не может быть.

Однако, уже пять часов вечера — три часа как рабочие ушли за оленями, а их не видно даже и вдали. Начинаешь уже строить предположения о том, что делать, если олени не будут найдены. В ожидании ходим взад и вперёд или сидим в уресе и то и дело говорим: «А недурно бы теперь стаканчик чайку» или «А помните, Николай Андреевич, 12 июля, при прощании с Константином Адамовичем, сколько чаю выпили, Турунтаев то и дело разогревал чайник. Хороша также вода и на Хромских лайдах, мало горя, что живот от неё пучит». Обедать опять сварить не удалось. Если б морской воды ещё достать, может она и лучше. Некоторые из рабочих выпили чая из этой воды, но их стошнило. Христофор, впрочем, имеет, кажется, лужёный желудок, ибо пил и эту воду, только говорит, сколько ни пьёшь, ещё больше пить хочется. В шесть часов вечера разглядел Н.А. Июдин с нашей наблюдательной вышки группы движущегося вдали стада оленей. Ух, отлегло от сердца!

Но пока оленей пригнали к нашему лагерю, пока шла обычная, продолжительная церемония запряжки и навьючивания, прошло ещё добрых пять часов, так что только в одиннадцать часов ночи мы смогли тронуться с нашего первого становища на Меркушинской стрелке.

Снова пошла та же местность, как раньше. Через 2-3 версты ставим столбы из плавника, знаки для съёмки, ибо иначе абсолютно не по чему ориентироваться. Так идём от знака, пока он виден, когда же он становится плохо заметен, делаем остановку минут на десять, ставим новый знак и снова идём дальше. Наш пёс Кобутко по-прежнему идёт привязанный к нарте, бедняге второй день есть нечего. Солёных гусей не ест, дали ему немного сухарей — с голодухи и их съел, но по-прежнему выражает свою натуру при каждой остановке, визжа и лая от нетерпения тронуться дальше в путь. Снова несколько раз замечали ясные следы недавнего передвижения плавника. Точно также находили в довольно большом числе сухие остатки морских рачков: как их сюда заносит — непонятно. Этих рачков также, как и следы передвижения плавника, мы дальше встречали неоднократно.

Так настала в пути полночь, а за нею и следующее 28 июля (10 августа). Дальше пошло место помокрее и лайд побольше. Места с красной травой чередуются с местами грязной, чёрной глины, лишённой всякой растительности. В общем убеждаемся, что природа Меркушинской стрелки весьма отличается от Хромской, но, во всяком случае, в худшую сторону. Проехав 10 вёрст, стали искать подходящего для ночёвки места, где была бы вода, которую хотя и с гримасой, но можно было бы пить. Вот тут и началась потеха! Подбегаем по очереди то к одной, то к другой лайде нагибаемся и с гримасой отвращения отходим то один, то другой от лайды. Вот лайда, окружённая зелёной травкой и с выраженным бережком, лайда типа Хромской стрелки. Здесь-то должна быть вода; подбегаю к ней и осторожно пробую — та же соль, после которой чуть не десять минут отплёвываешься. И спрашивать не надо пробующих, какова вода, стоит только на физиономию взглянуть! Один наш Христофор не пробует, говорит, не понимает, какая хорошая, какая худая вода. Просто, смех и горе в этих беганьях за водой! Через несколько времени слышу крики: «Бирокчан, бирокчан!» («ручей» по-тунгусски), ну, вот думаешь, хорошо — уж в ручье-то наверняка пресная вода. Все радостные соскакиваем с нарт и бежим к «бирокчану», текущему в пологих и голых глинистых берегах. Тунгус Багелай (Василий) добегаёт первым и попробовав, должно быть, основательно, плюётся, махая руками и ногами. «Ах, чорт возьми, что за проклятая страна, даже ручьи и те несут соляной раствор». Из разговора с Христофором выясняется, что

этот ручей течёт из Омудлахской губы, таким образом, он отшнуровывает от стрелки самый её конец. Этот ручей несколько задерживает нас, так как часть вещей приходится перевезти на ветках.

За ручьём местность изменяется, не видно красной травы, лайды становятся глубже и берег у них выражен довольно ясно. Величина их также больше, некоторые достигают около версты длины. Кроме того, многие из них соединены друг с другом узкими проливчиками; иногда соседние лайды разъединены друг от друга совсем узкими перешейками (метров по 5-8). Чем дальше, тем больше лайд и скоро они становятся преобладающими, так что суша видна только небольшими узкими полосами¹ (рис. 77). Ехать по такому лабиринту крайне затруднительно, кружить приходится страшно, иной раз весь караван идёт, обходя какую-нибудь лайду, не на запад, куда лежит наш путь, а по противоположному направлению на восток, а иногда заходим в тупик, из которого приходится возвращаться назад. Особенно трудно идти по этому лабиринту в тех частых случаях, когда почва между этими проклятыми лайдами представляет вязкую трясику. Но, кажется, всё бы простили этим лайдам, если бы они вмещали в своих берегах пресную воду. Столько воды и ни капли годной для питья!

В половине шестого утра подъехали к небольшому ручью, где волею-неволею пришлось встать на ночёвку, ибо найти лучшую, чем в нём, воду потеряли надежду. Но мы с Н.А. Июдиным всё-таки прошли ещё две версты пешком, пока приготавливали урасу и чай. Поиски воды и дальше не увенчались успехом. Жажда мучила так, что выпили всё-таки по стакану горячего чая, примешав туда большое количество рома и клюквенного экстракта. Рассуждали после этого приёма, не захотим ли, как те олени на Хромской стрелке, пропадать, но всё обошлось благополучно. После чая легли спать, опять без обеда.

В два часа дня того же 28 июля из нашей палатки раздался обычный при начале дня возглас: «Дьячков, вставать пора, чаю!» После такого же чая, как накануне послали за оленями, а сами решили, наконец, пообедать, потому что третьи сутки оставались без обеда, на одних сухарях. На обед были те же гуси, которых у нас осталось уже совсем немного. Наши основные запасы тоже подходят к концу, а новых пока достать негде: с лайд гуси улетели, так как их крылья уже отрасли. После обеда

¹ Рис. 77 снят не на стрелке Меркушина, а в местности, имеющей совершенно аналогичную природу. Сделать снимок такой местности возможно лишь с некоторой высоты, что имело место у мыса Дымного, с высоты коего открывается вид на безграничное пространство лайд.

двинулись дальше, имея намерение пройти лишь немного, а то сбились со времени; днём спим, а ночью идём; хотим перейти на нормальное житьё днём. Погода отвратительная; сильный западный ветер с дождём бьёт в лицо, мёрзнут ноги — поневоле побегаешь. В довершение всего очень плохо видно, через каждую версту приходится ставить знаки. В десять часов вечера встали на ночёвку. Рабочие пошли отыскивать воду и через несколько минут бегут с радостными лицами — «ючюгяй, ючюгяй» (хорошо). По случаю хорошей воды заказали Дьячкову такое большое лакомство как лепёшки. В ожидании чая с лепёшками забрались с Н.А. Июдиным в урасу и занялись согреванием ног, что, однако, весьма плохо удавалось, ибо одеяла были сырые. Ждать обеда пришлось долго, ибо дрова из сырого плавника плохо горели. В двенадцать часов ночи, наконец, Дьячков подал лепёшки и с таким нетерпением ожидаемый чай. Вот он у нас на столе, т.е., лучше сказать, на ящике, исполняющем обязанности стола. С удовольствием налили в стаканы чая, положили сахара и откусив лепёшку поднесли к губам... и, о ужас!, о жестокое разочарование, чай оказался сладко-солёной жидкостью препротивного вкуса! «Дьячков, экстракту! Какого чорта Николай наврал? Что он разучился уж здесь, на стрелке, пресную воду от солёной отличать, что ли?» Но и экстракт не помогает! Чтобы утолить как-нибудь жажду, выпили с трудом по полстакана. Пробую налить ещё самого горячего, у которого, как будто, не так чувствуется привкус соли, но куда там — ничего не помогает! С ожесточением выплёскиваем жидкость из стаканов на землю через отверстие урасы со словами: «Дьячков, убери подальше эту гадость!» А тут ещё нам докладывают, что один олень пропал. Началось, значит!

После такого удачного ужина сели за работу, я за писание своего дневника, а Н.А. Июдин за вычерчивание пройденного маршрута. В урасе уже темно, и сегодня в первый раз мы зажгли свечу. Как-то уютнее стало в урасе при свете свечи, и я сказал: «А знаете, Николай Андреевич, я чувствую себя как дома». На улице ревёт ветер, идёт мелкий дождь и осыпает нашу урасу. К сожалению, этот дождь даёт так мало воды, что поставленные посудины только мокры, и мало надежды получить из них пресную воду. В урасе у нас тепло, хотя и не очень сухо. Всё бы хорошо если б не мокрые одеяла, да солёная вода. Но в такой экспедиции никогда, кажется, не бывает всё благополучно, всегда чего-нибудь не хватает, какая-нибудь причина мешает передвижению. Привыкли уже к этому и всё время ждём какой-нибудь непредвиденной неприятности,

которая внезапно остановит, либо задержит наше передвижение. Сидя в уресе, рассчитали, что за прошедшие три месяца только 30 дней, т.е. всего одна треть, заняты были маршрутом, остальные же прошли в вынужденном сидении. Вот, например, я прибыл к Содомской виске 28 июня (11 июля), и только 26 июля (8 августа) мы тронулись в путь по Меркушинской стрелке, а целый месяц, и при том лучшего по здешнему времени, провёл в стоянии либо на Хапташине, либо на Хромской стрелке, лишь меня изредка вёрст на 5-7 место стоянки. Как-никак, а уже август (ст. ст.) подходит, август и у нас в России уже холодный месяц, а за ним и сентябрь, вероятно, здесь совсем уже зимний месяц. В далёкую глубь времени отодвинулось наше прибытие в Казачье.

29 июля (12 августа) пасмурный, ветреный и холодный день. Ночью привязался какой-то кошмар, но что снилось — не помню; крикнул во сне, Н.А. Июдин меня разбудил, и я страшно обрадовался, увидев над собою покатые тордохи урасы, сходящиеся надо мною вверху в одну точку, образуя небольшое отверстие, сквозь которое виднелось серое небо. Дьячков обрадовал нас, принеся немного чая из пресной воды. Дьячков придумал вырыть в мерзлоте небольшую ямку в неглубокой котловинке, куда постепенно и стекалась за ночь вода моросившего дождя. В посудинах же, выставленных на ночь, её совсем не оказалось. Слишком мелкий был дождь — то, что у нас называется «моросило». Воды собралось всё-таки очень мало, так что выпили только по стакану чая, но зато с лепёшками. Вода пополам с грязью, так что прежде чем пить, необходимо было дать чаю хорошенько отстояться, на дне стакана оседает муть в палец толщиной. Пробовали мы добыть воду ещё и таким образом: копали землю, чтобы достигнуть слоя мерзлоты, но и мерзлота оказалась пропитанной солью. Вот ведь проклятая страна! Но добытая Дьячковым вода принесла нам много пользы, ибо, выпив по стакану чая, решили, что дня три можно будет, пожалуй, обойтись и без воды.

Олени ушли снова очень далеко, так что их пригнали только к пяти часам вечера; мы успели перед отъездом пообедать. Местность дальше пошла снова самая безотрадная: опять потянулась равнина красной травы с мелкими лайдами, — словом, как было на конце стрелки. Но через несколько времени попали и в ещё худшую местность: въехали в гнилое красное болото со страшной вонью и грязной солёной водой. Болото всё в кочках и тянется во все стороны далеко, далеко, «сколько глазом видится». По началу, было, думали, ну, немного по нему проедем, не

может же долго тянуться такая гниль! Идём час, затем другой и конца ему не предвидится. Тяжело тащить оленям нарты по вязкой и липкой поверхности, да ещё сплошь покрытой кочками. А вонь-то, вонь такая, что затыкаешь себе нос, но долго ли так можно пройти? Советовал бы будущим путешественникам по этой стрелке запастись какими-нибудь «наносниками». На вязкой глине многочисленные следы гусей и бесчисленное количество их экскрементов, но самих гусей близко не видно. Иногда в большой дали попадаются большие стада, поднимающиеся в воздух задолго до нашего приближения. Они перебираются понемногу со стрелки в более привольную тундру.

Столбы из плавника ставим реже, ибо погода ясная и они видны издалека. Оленей сегодня тоже обманываем: пройдем лишь немного и станем на ночёвку, как только выберемся из этой страшной вонюхи. Варакин рассказывал, что юкагиры обманывают своих оленей следующим образом: пройдут немного и станут на ночёвку, на следующий день снова пройдут немного и на ночёвку, а на третий день делают уже большой переход, олени то думают, вот скоро встанут на ночёвку, а юкагиры идут, да идут, а те всё надеются, что скоро стоянка и стараются изо всех сил до неё добраться. Так и надувают они ленившихся оленей.

С теперешними нашими рабочими не разговоришься, они ни слова не понимают по-русски. Мы тоже по-якутски знаем только «да» да «нет», да ещё два-три слова, — запас для разговора не великий. Но Христор, тот не стесняется, часто разговаривает с нами. Спросишь его о чём-нибудь, а он понесёт такую тарабарщину, что только махнёшь рукою, а он засмеётся. Вообще улыбка редко сходит с его лица. Понемногу начинаем привыкать к нему. Скоро упал один олень, заболел, пришлось бросить и идти дальше. Часам к одиннадцати гнилое болото кончилось, пошла тундра снова типа конца Меркушинской стрелки. Можно становиться на ночёвку. Скоро подошли к небольшому ручью, у которого вода оказалась «самый ючюгяй». Но и «самый ючюгяй» можно было пить только в значительной степени разбавив ромом и клюквенным экстрактом.

На стоянке выяснилось, что у нас очень ограниченный запас свечей. Ведь было рассчитано, что мы будем работать в этом районе в светлое время. Нечего делать, нужно и свечи беречь до более тёмного времени. Вместо свечей развели в уресе костёр, на котором, кстати, можно также и сушкой заняться, и вот развесили над костром мокрые носки, пер-

чатки, сапоги, которые, впрочем, хорошенько не просыхают. Только не-много подсушишь за ночёвку, а на следующем походе снова сразу опять вымочишь. Вот наши олени шкуры совсем пропали, сгнили от постоянной сырости, а потому начинают промокать и бараньи одеяла. Олени шкуры постилаются прямо на землю, а на них уже кладёшь баранье одеяло, на которое и ложишься, закрываясь ватным. В нижней части этого одеяла устроен у меня мешок, в который и укладываешь ноги. В общем, пока что холодно по ночам не бывало и спишь, обыкновенно, крепким сном. У нас даже в поговорку вошла фраза — «и в экспедиции удаётся поспать».

30 июля (12 августа) день пасмурный, но ветер поменьше, и поэтому кажется потеплее. Ночью околел ещё один олень — спрашивается, если так дальше пойдёт, тогда мы совсем останемся без оленей? Простая арифметическая задача. Поначалу поехали на север поближе к устью ручья; потянулась сухая и голая глинистая равнина, на которой только кое-где кустиками попадает красная травка. Поверхность равнины вся испещрена трещинами, за нею начинается грязная, лишённая всяких следов растительности, глинистая же равнина, но уже мокрая и со множеством лайд и плавника, разбросанного по всей поверхности в полнейшем беспорядке. Эта равнина простирается на север до самого края горизонта, и моря за нею уже не видно — так далеко она тянется. Это называется: стоять на берегу океана! Трудно представить себе более безотрадное место. Во вчерашней вонючей пустыне были хотя признаки жизни, в виде следов гусей и красной травы, здесь же в одну сторону сухая глина с трещинами, а в другую — грязная, мокрая глина с лайдами. Полюбовавшись этой печальнейшей картиной, пошли на юго-запад и скоро очутились снова в только что вспоминаемой вонючей тундре. Право, затрудняешься сказать, какой из типов Меркушинских тундр приятнее; все одинаково отвратительны и перед ними низины Хромской стрелки кажутся прямо очаровательными местами. Право, и в воображении затрудняешься представить себе более печальные места, чем те, по которым нам теперь приходится перебираться. Конечно, можно себе представить более непроходимые, более страшные, как в русских сказках, что ли, огненные болота, но везде в них либо грозное величие, либо что-нибудь сверхъестественно страшное, что также имеет свою поэзию! И в бесконечных песках пустыни Сахары есть вели-

чие и поэзия, она есть и в широком просторе нормальных тундр, но какая может быть поэзия, и какое величие в грязных, вонючих кусках глины, смешанной с грязной же солёной водой?!

Так двигались мы по этой смеси целый день, хотя и прошли всего 15 вёрст (16 км). Уж больно тяжело идти! По дороге бросили ещё одного оленя. В шесть часов вечера попался ручей. Христофор было обрадовался; значит, встанем на ночёвку, но Дьячков переехал его в брод, и мы не останавливаясь пошли дальше. Однако, через две версты попался ручей поглубже, да к тому же предыдущий, поставленный нами знак, вдруг стал не виден, вероятно свалился, и Н.А. Июдину придётся вернуться к нему назад, поэтому стали здесь на ночёвку, пройдя всё-таки за этот день 17 вёрст (18 км). В ручье вода оказалась менее солёной, чем раньше, но с противным привкусом. Всё же было возможно утолить ею жажду. Вот только для урасы нельзя было найти сухого местечка, но это вообще нередко бывает, скорее, наоборот, редко удаётся расположиться на сухом месте.

На обед съели последних гусей. Все наши запасы иссякли. Рабочие на стрелке уже пятый день сидят на гречневой крупе, но её они очень не любят. С завтрашнего дня крупа у нас будет единственной пищей, пока не удастся что-нибудь промыслить. Хотелось бы оленины, а то гуси порядком поднадоели, с 12 (25) июля только ими и питаемся. Ещё бывают макароны, но, к сожалению, у нас испортилось масло и потому это кушанье отдаёт пренеприятным запахом. Впрочем, в «экспедиции приходится есть всякую дрянь», — эта фраза у нас тоже вошла в поговорку.

Снова сидим в урасе перед костром, сушимся и ведём разговоры. Уж так далеко, как Казачье, не рассчитываем, где уж там; будем идти, как говорил Варакин, «докуль да докуль можно будет», а теперь ближайший пункт, ближайшая наша цель — Святой Нос. Ежедневно сидим над картами, вымеряя циркулем расстояние по берегу. Карга уж вся истыкана уколами; когда посмотришь через неё на свет, то видна вся береговая линия в виде цепи мелких уколов, а сколько ещё раз будем мерить её. И как мало меняется день от дня на ней точка нашего пребывания.

31 июля (13 августа) безоблачный день с прозрачным воздухом; увидели поэтому в западной части горизонта далёкие булгунняхи. Ура, конец стрелки Меркушина, там на булгуннях пресная вода и отличные кормовища. — «Дойдём сегодня, Христофор, до них?» — «Суох». — «Нужно постараться дойти!» Но, только тронулись в путь, как олени начали тянуться, а скоро и падать. Сначала ещё удавалось поднимать их

и заставлять идти, а затем они перестали подниматься. Смотрим, Христофор то и дело преспокойно отвязывает и бросает оленя, запрягает из свободно идущих запасных и продолжает путь как ни в чём не бывало. Хладнокровие необыкновенное! Спрашиваем через Дьячкова, почему бросил — «заболел, говорит, не идёт». Ну и ну, кажется, мы к вечеру и совсем без оленей останемся. Скоро мы значительно обогнали Христофора, ведшего основной обоз и потому двигавшегося медленнее всех. Но и у нас скоро упал хороший олень Варакина, которого мы ценили, так как он один прошёл Лопатку. Дьячков, освидетельствовав его, сказал, что ещё не так плох выживет, но дальше идти не может, его необходимо оставить здесь. Видя, что всё равно не дойти до едом, решили пройти ещё немного, чтобы на завтрашний день уже было возможно добраться до желанных холмов. Подождали минут двадцать, пока дотащился до нас Христофор, чтобы ему сказать о нашем решении. Он подъехал, по-прежнему весёлый, и сообщил, что после нас бросил ещё двух оленей. Двинулись дальше и скоро въехали снова в вонючую трясину и ещё более глубокую, чем прежде. Страшно тяжело стало ехать по такой почве; в вязкой земле тонут полозья нарты, ноги оленей проваливаются, измученные и без того, они с трудом вытягивают из глины свои ноги. Сами также с трудом двигаемся по этой трясине, но не останавливаться же на ночёвку в ней — возможно, что она скоро кончится. Теперь уже подвигаемся шаг за шагом, каждая сажень уже даётся с трудом. Христофор отстал, так что его не видно, и мы идём, останавливаясь через каждые десять сажен (21 м). А вдали на берегу показались дома прежней экспедиции, о которых давно уже рассказывал нам Христофор, но до них, ведь, пять вёрст, — расстояние для нас теперь бесконечное. Трясина по-прежнему тянется и конца её не видно; уже стемнело, олени окончательно отказались идти дальше. Что делать, придётся останавливаться здесь на берегу грязной лайды, среди этой ужасной вони. Делаем распоряжение: «Стоп, становиться на ночёвку в этой проклятой трясине!» Христофора ещё не видно, послали ему на помощь тунгуса. Через час он доплёлся, по-прежнему весёлый, смеётся. Дьячков же и Николай с Багеламом не на шутку трусили, что пропадём в этих болотах. Дьячков даже было заикнулся об этом Н.А. Июдину, но тот на него закричал, чтобы не болтал зря и других рабочих не смущал.

Ну, нужно как-нибудь устраиваться на ночёвку и в этой трясине. Хорошо, что по берегу лайды большое количество плавника; его употребляем в качестве пола, укладываем на землю — первый ряд опускается и

засасывается трясинной, но второй ряд пока что держится. Кладём на него наши постели. Ураса готова и можно войти в неё и лечь отдохнуть после тяжёлой дороги. Обедали гречневой кашей и после при костре снова сушили свои уже окончательно промоченные вещи.

В 10 часов 25 минут — по времени Содомской виски — закатился кроваво-красный огненный шар солнца, поднялась сырость, и запах гнилого болота стал ещё более неприятен.

Это был первый закат солнца, который мы видели с тех пор, как солнце стало заходящим. Но через три часа уже снова поднялся с моря такой же кроваво-красный шар солнца. И солнце-то имеет здесь особенный цвет. Однако, финал стрелки Меркушина не мог нас порадовать, хотя, но-видимому, и осталось до едом не более 8-9 вёрст. Тем не менее, все наши олени пришли в самое плачевное состояние, вроде того, в каком они были на Хапташине после взятия Лопатки. Нужно искать помощи. Расспрашиваем Христофора, застанем ли на Оёгосе устьянских промышленников мамонтовой кости. Говорит, что ещё можем застать, но что они промышляют там никак не позднее, чем до последнего Спаса, т.е. до 15 (28) августа, к этому же времени они оставляют яр и отправляются домой, ибо близки уже холода; кроме того, он сообщил, что они обыкновенно собираются на яре к западу от реки Кондратьевой, до которой нам нужно идти и идти. Таким образом необходимо очень торопиться, ибо время в обрез, и если опоздаем, то встретим лишь безлюдный яр, а уж за ним до устьев Муксуновки вряд ли найдём кого-либо из людей, — таким образом получить помощь можем только на Оёгосе.

1 (14) августа ясный и довольно тёплый день. Послали с утра рабочих за оленями; они были недалеко, — куда уж им. усталым, уйти, но кроме этого пришлось, ведь, послать и за брошенными накануне оленями, чтобы посмотреть, каких ещё можно будет взять и какие уже совсем не могут продолжать путь. Олень Варакина, прошедший Лопатку, доплёлся сам к утру до нашего лагеря, — добрый олень. Чая утром не пришлось выпить, ибо хотя вчера и хлебнули сгоряча чая, изготовленного из воды вонючей лайды, но сегодня, попробовав, вылили его на землю. Немного осталось потерпеть, доберёмся до едом, напьемся чаю из свежей хорошей воды. Нужно будет по этому поводу и лепёшки сделать. Перед отъездом выстроили большую пирамиду из плавника, чтобы была видна от самых домов прежней экспедиции. Двинулись; сначала версты две тянулась та же проклятая трясина, но потом стало посуше. Пришлось кружить огромную лайду, но, в конце концов, оставив двух

олений, мы добрались до знаменитых домов. От них остались только развалины, а двадцать восемь лет тому назад, по словам Христофора, они были вполне целы. Домов было всего два. От одного в настоящее время осталась лишь одна стена, другой же сохранился лучше (рис. 62). Дома эти представляют собой, как мы разобрались уже по возвращении из экспедиции, зимовья — «походный стан» — путешественника по Сибири Геденштрома, исследовавшего Ново-Сибирские острова, и построены по-видимому в 1810 году, т.е. почти ровно сто лет тому назад. Осмотрев дома, тронулись дальше уже к совсем близким еdomам, но и на этом пути пришлось оставить двух оленей. Теперь это уж не было так страшно, как раньше, надеялись подобрать их на другой день и привести на кормовища. Вот, наконец, и еdomы и дорогой жёлтый мох — отава, лучшая пища оленей. Поднялись на еdomу и расположились на ночёвку и следующую за нею днёвку. Следующий день решили не двигаться дальше, чтобы дать оленям поправиться после трудного и голодного пути по стрелке. Весело рассыпались отпущенные на волю олени и принялись щипать отаву. Отрадная картина! А с вершины еdomы открывается горизонт на пройденные болота Меркушинской стрелки. Далеко тянутся, скрываясь за краем горизонта, её трясины и лайды. Наконец-то она пройдена и лежит за нашими спинами.

Рис. 62. Зимовье Геденштрома. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Следует обратить внимание на то, что наш благополучный выход со стрелки Меркушина обязан исключительно значительно большей вы-

носливости оленя в данное время, чем то было в июне. Ведь пора линяния прошла и рога уже в значительной степени подросли. Мы не сомневаемся, что нам ни в каком случае нельзя было бы выбраться со стрелки, если бы дело происходило в июне; ведь и через Лопатку олени, шедшие совсем налегке, не могли пройти, а лишённые и пресной воды и принуждённые везти весь обоз, они в то время все несомненно погибли бы в трясилах Меркушинской стрелки.

Мне отдохнуть не пришлось, ибо погода была ясная; сейчас же занялся установкой инструмента и астрономическими наблюдениями, после которых пошёл пить чай с лепёшками, чай из настоящей, пресной воды, из такой воды, какой мы не пили уже с 12 (25) июля. Даже странной на вкус показалась нам эта свежая вода, непривычная для нас роскошь. Ураса наша стоит на совершенно сухом месте. После чая снова за работу. Стоя за инструментом, услышал знакомый стук ножей по костям: должно быть Багелай оленя промыслил. Зову Дьячкова и спрашиваю его об этом. «Так точно, — говорит, — небольшую важенку (оленью самку) подстрелил Багелай, я уж вам и суп из неё варю». Сразу на нас все блага земные посыпались. Эка благодать-то, нет, положительно, здесь не житьё, а масленица!

Начиная с этих едом идёт знаменитый Оёгосский яр, но пока здесь обрывы ещё не высоки, хотя дальше виден уже подъем берега. На едомах нашёл наших самых обыкновенных сыроежек, причём все были красного цвета. Много также и жёлтого мака на береговых байджараках первой едомы. Вообще местность отрадная, в особенности сразу после меркушинских трясин.

2 (15) августа — днёвка. Послали за отставшими оленями, лишь часть коих с трудом дошла до нашей едомы. Багелая же снова отправили на охоту, так как от небольшой важеньки после продолжительной голодовки осталось одно приятное воспоминание. Подумать только, в один день целого оленя проглотили, а нас, ведь, всего-навсего, шесть человек. День прошёл незаметно в наблюдениях, хождении по окрестностям и просушке вещей. Сушили и оленьи шкуры, но они оказались плохими, почти совсем «исгнили», как выражается Дьячков. К вечеру вернулся с охоты Багелай — он убил трёх оленей. Будет теперь запас провизии, всего даже не забрать с собою, придётся взять лишь лучшие куски.

3 (16) августа решили двинуться дальше. Так как по самому берегу здесь идут высокие едомы, байджараки и трещины, то двигаться здесь

со всем обозом тяжело, почему и решили, что Н.А. Июдин с якутом Николаем налегке пойдут по самому берегу, а я с обозом в некотором от него расстоянии за едомами, по сравнительно ровной тундре. Путь Н.А. Июдина лежал по Оёгосскому яру, но мой путь 3 (16) августа шёл значительно южнее в низине, примыкавшей непосредственно к стрелке Меркушина, почему я и отношу историю этого дня к настоящей главе, хотя 90 вёрст (96 км) стрелки Меркушина уже были пройдены.

В два часа дня мы разделились и не в добрый час как оказалось; направились в разные стороны, условившись встретиться на берегу океана через 15 вёрст (16 км) по береговой линии. Сначала мы ехали хорошо, по ровной тундре, имея с правой стороны едомы Оёгоса. Вёрст через семь переехали небольшую речку, текущую в крутых берегах. Здесь поломалась при спуске с крутых берегов нарта. Версты через три снова переехали небольшую речку, с которой я увидел на севере стоявшего на байджараке верстах в четырёх Н.А. Июдина, — значит, всё благополучно. Ещё немного пройти и можно будет идти на сближение с берегом. Но дальше всё пошло не ладно. Как ни странно, но олени Христофора добросовестно тянули нарты с багажом, а олени моей партии вдруг стали лениться, пришлось прибегнуть к помощи палки. Скоро белый олень, тащивший пустую нарту с постелью Н.А. Июдина, упал и, несмотря на колотушки, не пожелал встать. Я говорю Дьячкову, зачем он бьёт, может быть олень уж и в самом деле не может идти. — «Нет, урасит — отвечает тот, — просто не желает тащить нарты». Добился-таки своего, запрягли на его место другого, этого же пустили идти сзади порожним. Но и с другим было одно горе, очевидно, олени разлакомились на кормовищах и не хотели идти дальше неведомо куда. Так наш обоз и двигался: Дьячков тащил передовых оленей за уздечки, я же шёл рядом с обозом с палкой, подгоняя ленившихся. Какой курс в это время держал Христофор, мне совершенно неизвестно, хотя раньше я всё время следил, чтобы он не слишком забирал к югу. К тому же в это время пошёл мелкий дождь, всё затянуло туманом и все окрестности потонули в непроглядном «мороке». Тем не менее, видя, что мы прошли достаточное расстояние, я сказал Христофору, чтобы он теперь взял наискось к берегу, но Христофор ответил, что до берега «ырях» (далеко). Но, далеко — понятие относительное, и это нимало не смутило меня. Так мы и тронулись наискось к берегу. Дальше пошло ещё хуже: останавливались поминутно, то лямка порвётся, то уздечка лопнет, то олень не захочет идти. Двух оленей так и пришлось оставить, и не потому, что как раньше

они изнемогали от усталости, а просто из-за лени. Дьячков и Христофор отлично узнавали, когда олень падает от усталости и когда «урасит». Впрочем, и в самом деле нетрудно отличить по печальным, мутным глазам изнемогающего оленя от здорового. В данное же время они смотрели весело. По направлению нашего пути в ненадолго прояснившемся воздухе далеко-далеко показалась едома. Я ужаснулся этой дали — туда нам не добраться, и приказал Христофору поворачивать прямо на север, на берег. Спросив Христофора, сколько же вёрст до берега, получил колоссальную, для наших перевозочных средств в настоящую минуту цифру — десять вёрст (10,5 км). Изменив направление, пошли дальше также медленно. Версты через три показалась вдали на нашем пути снова едома, за которой, по словам Христофора, «байхал сугас» — море близко.

Уже восемь часов вечера — нужно заводить хронометры. Останавливаю обоз, открываю свой ящик и завожу в сыром воздухе, но сделать сравнение боюсь, слишком уж сыро, не повредило бы хронометрам.

Снова, после остановки, потащились дальше. Туман делался все гуще и гуще. Можем и не встретиться с нашими, уж в ста метрах ничего не видно. Дотащились до едомы и стали переваливать через неё. Я пошёл пешком на самую вершину, но оттуда увидел лишь море тумана, растянувшееся во все стороны; через него кажется, что дальше идёт далёкая, гладкая равнина. Далеко ли море — неизвестно. Да и что тут увидишь, когда и оставшего обоза не можешь разглядеть в белой мгле. Близко от меня, как призраки, стремглав пронеслись два диких оленя. Постояв на едоме, спустился на другую её сторону и стал ждать, когда подъедут сюда наши олени. Сначала показалась мутно-тёмная полоска, а затем внезапно вырисовалась из тумана фигура Дьяčkова, тащившего первую пару оленей. Вторая пара ещё казалась бесформенным, мутным пятном, пока также внезапно не вырисовалась отчётливо. Обоз Христофора отстал, и мы его ждали здесь минут пятнадцать. Он также внезапно вынырнул из непроглядной мглы. Улыбаясь, Христофор сообщил, что бросил одну нарту с вещами: олени уже устали и не могли больше тащить её, сменить же их было нечем. Посмотрел, какую нарту он оставил, оказывается, с моим чемоданом. Ну, это ничего, не хронометры.

Говорю Христофору, что здесь надо остановиться на ночёвку, так как всё равно до моря нам не добраться, если до него более, чем 3-4 версты. «Суох, — говорит Христофор, — байхал сугас, полтора вёрст» (нет, море близко, полторы версты). — «Ну, коли ты знаешь, что полторы версты

— едем, только боязно, не утомить бы сильно оленей». Но Христофор улыбается: «сугас, сугас», и направляет обоз с подножья едомы в низкую тундру. Коли он так уверен, можно ехать, тем более, что, ведь Н.А. Июдин остался на эту ночь без постели и все чайники и посуда у нас. Впредь будем умнее, нужно всегда рассчитывать на то, что встрече что-нибудь может помешать. Едем. Болото становится всё глубже и глубже; казалось ближе к берегу оно должно бы быть суше, а тут наоборот. Уже полчаса как едем по тундре типа устья Гусиной, и обещанные полторы версты Христофора уже проехали, а моря всё нет как нет. Но Христофор не смущается и, улыбаясь, говорит по-прежнему «сугас». В чуть прояснившемся воздухе видна впереди кажущаяся безграничной плоская, болотистая равнина. Я уже давно достал буссоль и проверяю курс Христофора, но он и без компаса держит идеально прямо на север, ориентируясь по едва-едва чувствительному ветерку, дующему, и то не постоянно, в левую щеку. Едем час — моря нет как нет; Христофор улыбается реже и не говорит уже больше «сугас». На юге загорелась великолепная радуга, против солнца, склонившегося уже к горизонту и на несколько минут просветившего сквозь пелену тумана. А затем туман сгустился, сделавшись ещё непрогляднее; болото перешло в топкую трясику, слой земли рвётся, и нога проваливается выше колен до мерзлоты. Холодные струйки воды текут через края голенища в сапог. То же как на Хромской стрелке, а переодеться не во что, ибо мой чемодан со всеми вещами далеко на тундре в недостижимой для нас дали. Начинаем бросать ещё оленей и нарт. С болью в сердце смотришь, как обоз Христофора разрывается на две части, и он оттаскивает за рога в сторону упавшего оленя, отпрягает нарту и двигается дальше, а нарта с лежащим около неё оленем скоро тонет в тумане. Христофор отстал. Мы с Дьячковым идём впереди быстрее, а Христофору сказано, чтобы шёл по нашим следам. Уж он совсем приуныл и перестал улыбаться, а я браню себя за то, что не остановился на ночёвку на едоме. Всё было бы хорошо, да, ведь, Христофор так уверенно говорил. Я и до сих пор не могу ума приложить, когда и каким образом мы очутились так далеко от берега. Давно ли видели Н.А. Июдина на байджараке. Вопрос этот так и остался для нас не разъяснённым. Ещё час самого мучительного пути с оставлением оленей и нарт, коих число уже потеряли. В одиннадцать часов ночи с трудом дошли до крутого ручья в самых фантастических глинистых берегах. Однотонный, мрачный, серый ландшафт в декадентском стиле; его ещё усугубляет такой же серый туман. Дальше не пойдём, здесь встанем на

ночёвку. Остановились и вдруг слышим шум моря. А, значит, близко! Но как близко? Больше версты мы уж не в состоянии продвинуться!

Послал Христофора верхом на олене узнать, далеко ли до моря, а сами остановились в ожидании. Только приглядывается Дьячков: несколько вправо от нашего обоза, в чуть прояснившемся воздухе, что-то тёмное, большое, не то громадный плавник, не то ураса. Беру бинокль: нет сомнений, ураса, чья же, как не наших, но до неё, мы определяем, версты две. Нужно подать сигнал бедствия. Дьячков палит из двустволки, сразу из двух стволов, чтобы было погромче. Из урасы выскакивают два чёрных силуэта, немного погодя двигаются к нам — увидели, следовательно. Иду навстречу, и мы скоро встречаемся, так скоро, что очень удивляюсь: между нами, оказывается, нет и полуверсты. Вот забавно бы было если бы мы встали на ночёвку здесь, а проснувшись утром увидели бы друг друга нежданно, негаданно, почти рядом. Рассказываю Н.А. Июдину о своих скитаниях, он, с своей стороны, объяснил наше отсутствие тем, что нас задержала переправа через речку, и отправил к нам на помощь Багелая, который и пришёл часа через два, по нашим следам, пригнав двух отставших оленей. Подсчитав оленей, мы убедились, что всего за день было брошено одиннадцать штук, да пять нарт разбросали на протяжении вёрст пятнадцати в разных местах по тундре. На следующий день нужно устраивать днёвку, чтобы собрать всех оленей и привезти все нарты. Пообедав в три часа ночи после такого длинного дня с приключениями заснули, как убитые.

Так как мною уже было упомянуто о всех типах тундры, какие только встречались на нашем пути между Индигиркой и Яной, то приведу все отдельные виды к некоторой системе, разбив их на основные типы.

Первый тип — возвышенная, холмистая тундра. Поверхность её кочковатая, покрытая превосходным оленьим мхом, представляет прекрасные кормовища для оленей. Между Гусиной и Хромой внутри страны тянется такая тундра на многие вёрсты. Это наиболее отрадный для глаза тип тундры. Эта тундра изображена на фотографиях с долинами рек Волчьей и Мастах-Апки (рис. 42-47).

Второй тип тундры — плоская и низменная равнина, сильно залитая водою, иногда с одиноко стоящими куполообразными холмами, знакомыми нам «едомами» (русское слово) или «булгунняхами» (якутское слово) (рис. 41 и 75). Почва иногда переходит в трясину, тянущуюся либо небольшими островками, либо уже на многие вёрсты. Что касается кормовищ, то ими покрыты только едомы, но встречается и более сухая

низина с посредственными кормовищами. Вообще же, переходы от одной к другой незаметны. Типичным представителем такой тундры является тундра близ устья Гусиной. На рисунке 39, снятом с последней едомы, видна безграничная, плоская, травянистая равнина. Этот тип можно разбить на три разновидности: а) низина сравнительно сухая с кормовищами, б) гладкая низина иногда с плохими кормовищами, очень вязкая, с одиноко стоящими едомами и в) гладкая, ровная низина, очень болотистая, иногда с трясинами на многие вёрсты и без всяких кормовищ.

Третий тип — тундра с лайдами. И здесь много разнообразия. Здесь можно различить также, как и в предыдущем типе, три разновидности: а) тундра с травой, иногда и с мхом, с пресными лайдами, большими, глубиною около двух аршин (1,5 м); местность между лайдами часто представляет трясину; представителем такой тундры могут служить Лопатка и Хромская стрелка; б) тундра такого же характера, но с солёными лайдами: некоторые места стрелки Меркушина; в) тундра с характерной красной травой и с мелкими, без всякого заметного бережка, лайдами с концентрированным раствором соли; типичным представителем является тундра Меркушинской стрелки.

Следует обратить внимание на поразительную окраску тундры последней разновидности при ясном, голубом небе, когда все лайды принимают голубой цвет. Интересное сочетание цветов кирпично-красного и голубого всевозможных оттенков делают местность совершенно необычной и придают ей какой-то совсем неземной характер.

Четвёртый тип — голые глинистые равнины (сухие или вязкие — безразлично), встреченные нами главным образом на Меркушинской стрелке. В сущности говоря, такие места не могут быть отнесены к тундрам; это просто морские отмели (рис. 71 и 72). Да вскоре мы убедимся, что в сущности и третий тип тундры представляет собою не что иное как отмель, но лишь сравнительно в редких случаях заливаемую морем. В самом деле, вспомним случаи передвижения плавника, которые мы не были в состоянии объяснить, а также и повсеместные остатки морских животных. Для них нет иного объяснения, как то, что плавник передвигался силою волн моря, и волны же забросили на стрелку и морских рачков. Дальнейшие за Святым Носом берега убедили нас в этом вполне.

Меркушинская стрелка есть не что иное, как громадная коса отмели, в сильные северные бури, вероятно, сплошь заливаемая морем. При этом и остаются, по-видимому, только небольшие, далеко друг от друга

отстоящие островки, чуть поднимающиеся над поверхностью низины. Может быть в исключительно сильные бури и они скрываются под водой. Таким образом, в конце концов, выяснилось, какой опасности мы подвергались, когда проходили Меркушину стрелку, идя, так сказать, по дну моря, временно ставшему сушей. Я не представляю себе, как можно было бы спастись со стрелки в случае быстрого подъёма воды: нужно только представить себя среди бушующих волн океана в 50 верстах от ближайшей земли.

В заключение этой главы я привожу краткую табличку приведённого выше разделения тундр и прибрежной полосы¹:

Тип 1. Холмистая тундра с отавой (рис. 42-47, 55 и 56).

Тип II. Низкая гладкая тундра:

- а) сравнительно сухая, иногда с отавой (рис. 38),
- б) вязкая низина с одинокими едами (рис. 41 и 75),
- в) очень болотистая с трясинами, без отавы (рис. 39, 40 и 57).

Тип III. Тундра с лайдами:

- а) с травой и мхом и с большими пресными лайдами;
- б) того же характера, но с солёными лайдами (рис. 59);
- в) с красной травой и солёными мелкими лайдами (рис. 77).

Тип IV. Совершенно лишённые растительности голые глинистые равнины (аналогичные дну губ, по внешнему виду похожие на изображённые на рис. 71 и 72).

Тип IIIв представляет, строго говоря, ни что иное, как отмель, но сравнительно редко бывающую под водой. Дно Сиэлляхской губы во время сгона воды мало чем отличается от вида пустынь Меркушинской стрелки, только в нём пространство между лайдами лишено всякой растительности, т.е. не покрыто ковром красной травы, как это имеет место на этой стрелке или в аналогичной стрелке местности у мыса Дымного, изображённой на рисунке 77. Таким образом тип IIIв является переходным от типа II к морским отмелям вследствие соответствующего ветра лишённым воды. Тип IV попеременно с типом III мы встречаем только на Меркушинской стрелке, где, как мы видели из только что сделанного описания, можно заметить некоторое разнообразие в этом типе (сухие голые равнины, мокрые гладкие, кочковатые — с запахом

¹ Настоящая классификация, как видно из предыдущего, основана на внешнем виде тундры.

гнили или без него). Дальше же на нашем пути, если и попадались аналогичные равнины, то они явно представляли собою дно заливов при сгоне воды.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Оёгосский яр

2-13 августа (15-26 августа)

Начало яра — Условия, благоприятные для промысла мамонтовой кости — Опасность подхода близко к яру — Сушка вещей — Трещины яра — Водопады — Река Крестовая — Остров Ближний — Едома — Колодцы — Верхом на оленях — Ледяной берег близ реки Кондратьевой — Переправы через реки ниже их устьев — Человека нашли — Помощь — Едома у ручья — Нагакар — Грандиозный бивень мамонта — Силуэты Святого Носа — Коридоры яра — Киенг-Апка — План обхода Носа — Хаос Оёгосского яра и грандиозность его разрушения — Борьба между сушей и водой — Ручей Мянгяр — Встреча с Каноном с Муксуновки — Ручей Куччугуй — Конец Оёгосского яра.

Оёгосский яр тянется вдоль берега на протяжении около 100 вёрст от нашего становища 2 (15) августа, т.е. от корня стрелки Меркушина вплоть до полуострова Святой Нос. Начинаясь невысокой едомой с поросшими уже травой старыми байджараками, он, по мере движения на запад, становится всё выше и выше. Далеко от него простирается глинистая отмель; при южных ветрах вода уходит с неё, и на громадное пространство открывается вязкая глинистая равнина. При северных же ветрах воды океана подступают к самому яру. В свободное время 2 (15) августа ходили мы по открытому пляжу, любясь яром — версты через полторы за нашей стоянкой он уже принимает внушительные размеры Хапташина. Скоро попадаютс я и обнажённые верхние и нижние льды, но не одновременно, а где верхние, где нижние. В этом начале Оёгоса попадаетс так же, как и в Хапташине, много трещин и текут грязевые потоки, но не такого размера, как на Большом Хапташинском яре. Действию солнечных лучей этот яр мало доступен, так как обращён лицом прямо на север; вода моря 2 (15) августа и в предыдущие дни была далеко, так что эта часть яра как бы застыла на время в своём разрушении.

3 (16) августа мне пришлось идти не по яру, а как я описал в предыдущей главе, уклониться к югу в отроги Меркушинских болот, но зато следующие дни я всё время держался вблизи этих интересных мест.

Наша стоянка 4 (17) августа была расположена на берегу устья небольшого ручья, всё устье коего между крутыми берегами было забросано громадным количеством плавника всевозможных размеров, от небольших кусков дерева до брёвен в полтора аршина (1 м) в поперечнике. За ущельем открывается бесконечное пространство океана, покрытое лёгкой зыбью, а вдали теряется водное пространство, сливаясь с беловатым небом.

Волны океана подошли к самому яру и с силой обрушиваются на ледяные и глинистые берега, производя в яру громадные разрушения. Под яр в такой прибой спуститься невозможно. Силою волн громады берега подмыты метров на 8-10 и весь берег как бы свешивается над пенящимися волнами, готовый низвергнуться в их пучину. Громадные куски льда и глины сваливаются вниз и там размываются волнами на мелкие части, обнаруживая заключённые в них ископаемые остатки. Теперь становится понятным, почему промышленники собирают кость на яре только после сильных северных ветров, когда неистовство бури в связи с теплотой воды произведут по всей длине яра, состоящего из льда и глины, такое разрушение, при котором вымываются миллионы кубических саженей породы и содержащиеся в них кости выбрасываются на глинистый пляж отхлынувшего океана. Раньше мне казалось, что и Хапташинский яр имеет достаточно оснований для того, чтобы собирались на нём промышленники, но в то же время всегда слышал о несравненных преимуществах, в смысле мамонтового промысла, Оёгосского яра. И на Хапташине, ведь, яр разрушается под влиянием теплоты солнечных лучей, подмывается иногда и волнами губы: но только тогда, когда я увидел разрушение Оёгосского яра, я понял, почему про Хапташин говорилось, что там «яр не ломается морем». Нельзя сравнивать медленное разрушение Хапташина с бурным, катастрофического характера разрушением Оёгосского яра во время сильного прибоя. Для успешности промысла кости необходима, следовательно, наличность прибоя, но также необходимо, чтобы этот прибой происходил не постоянно, ибо тогда было бы невозможно спуститься под яр для отыскания кости, а вымытые из берегов кости тем временем снова были бы занесены глиной и утеряны безвозвратно. Самым благоприятным для про-

мысла временем бывает такое, когда море хотя бы в течение недели ломает яр, а затем отступает от берега, давая возможность собрать вымытые им ценности, после чего волна снова набрасывается на берег, чтобы вымыть из него новые кости.

Яр к западу от нашего становища представляет много интересного, он здесь делается довольно высоким, но всего интереснее — его прихотливые очертания. Верхние льды везде открыты, в некоторых местах с них совсем снесён тундровый покров, так что торчат голые ледяные глыбы, от которых текут потоки воды, смешивающиеся с глиной. Они образуют грязевые потоки, скатывающиеся вниз по отвесным стенам глины, лежащей под льдом. Мы принуждены идти поверху, внизу подступило море. Чтобы рассмотреть берег часто приходится подходить к самому обрыву. Однажды мы подошли к самому краю выступа, чтобы полюбоваться громаднейшей глыбой льда, свалившейся в море, а после, пройдя немного, обратили внимание на этот выступ. Оказывается, что мы стояли на тонком слое тундряного покрова, висевшего в воздухе. Жутко стало! Удивились, как он выдержал нас двоих (черт. 5). Порадовались только, что с нами не было Дьячкова, отличающегося плотной комплекцией.

Основательно занялся, насколько было возможно, сушкой вещей, подмоченных 3 (16) августа. Христофор сам развёл у нас в уресе жаркий костёр, так что удалось, наконец, всё высушить, как следует. Сушил и фотографический аппарат, который даже кое-где покособился, а объективная доска так набухла, что с трудом её двигаешь. Удалось всё-таки исправить недостатки. Сырость пробралась даже в ящик с хронометрами. Кажется, ящик очень основательно устроен и крышка очень плотно его закрывает, но, тем не менее, бумаги и тетради, лежавшие сверху, оказались сырыми.

Из оставленных 3 (16) августа оленей удалось пригнать обратно всего 9: два куда-то запропали. Всего мы потеряли со дня «великой переправы» 10 оленей, и вместо 52 теперь имеем всего 42. Меркушина стрелка съела почти 20%.

5 (18) августа около часа дня выехали в дальнейший путь. Я пошёл по яру, обоз несколько в стороне. Большое количество трещин перерезает берег перпендикулярно яру: ширина и глубина их весьма разнообразны, начиная от едва заметных для глаза. У небольших трещин сверху отверстие засыпано землёю и прикрыто дёрном, остаётся лишь небольшая щель, в которую видна белая толща льда. Другие трещины развиты

сильнее и прорезают берег вплоть до уровня моря, но бока таких трещин также почти отвесно обрываются в глубину. Стоит образоваться небольшому скату к морю, как вода, просочившись через слой мерзлоты, достигает слоя верхнего льда, и тогда начинается быстрая работа протачивания ледяной массы тёплой струйкой воды. Трещина постепенно разрастается, делаясь всё глубже, а количество воды от тающего льда всё прибывает, и скоро образовавшийся ручей вырывает себе русло до самого уровня моря. Сначала ручей обладает отвесными берегами, но затем, вследствие постоянных оползней, берега его делаются всё более пологими. Как я уже заметил, трещины встречаются самой разнообразной величины: от едва заметных до таких, которые обладают широко расставленными 20-24-метровыми стенами. Устья трещин засыпаны огромным количеством плавника.

Довольно часто метрах в двадцати от берега встречаются небольшие водопады: ручей обрывается и скатывается вдоль ледяной стены. Дальше он исчезает в заваленном массами глины русле, пробивая себе путь к морю где-то внизу.

Ехали сегодня довольно сносно. В половине пятого подъехали к реке Крестовой (на стовёрстной карте главного штаба перепутаны названия: следует считать первую с Меркушинской стрелки реку — Конечной, а вторую — Крестовой, а не наоборот). Пришлось поискать место для переправы. Во многих местах река довольно глубока, но всё-таки отыскали место, где только часть вещей нужно было перевезти на ветках, многое же было перевезено прямо вброд. На одном из холмов на Крестовой мы нашли несколько мухоморов. Приятно здесь встречать знакомых!

После переправы олени начали тянуться. Ведь вот горе, просто не знаешь, как и двигаться; кажется, и так уж черепашьям шагом передвигаемся. Нечего делать — решили остановиться на ночёвку. Остановились около одной трещины. Христофор и то туда еле дотащился, оставив, как на смех, одного оленя в 50 м от остановки.

Благодаря ясной погоде вдали виден остров Ближний (Большой) из группы Ляховских. До него отсюда около 100 вёрст. Обращённый к нам берег его представляет собою такие же ледяные отложения, как и наш Оёгос.

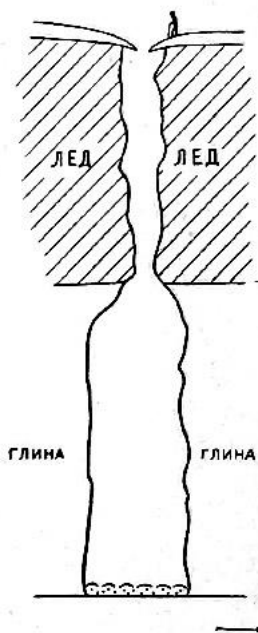

6 (19) августа в час дня тронулись дальше в путь: мы — по берегу, обоз пошёл огибать поднимающуюся едому, срезанную яром. По мере подъёма развёртывалась картина яра, как панорама, в обе стороны. Самая едома представляет вид, похожий на Большой Хапташинский яр — те же две террасы, из которых первая состоит из чистого верхнего льда; с него текут мощные грязевые потоки, делающие всю площадь этой террасы непроходимой. На краю берега расположены столообразные возвышения; за ними идёт отвесная стена обрыва, внизу которой видны и нижние льды. От Большого яра Хапташина эта едома,

впрочем, отличается малым количеством байджарак. С вершины едомы открывается громадный обрыв, и вся картина имеет грандиозный вид. Глубокие трещины сверху донизу прорезают яр, имея совершенно отвесные стены. Сверху видны их изломанные коридоры — в миниатюре каньоны реки Колорадо. Идти по подъёму и склону едомы очень тяжело благодаря этим многочисленным трещинам: приходится спускаться, отыскав подходящее место, до самого дна, чтобы снова затем карабкаться по рыхлой почве наверх. Только средняя часть едомы представляет сплошное целое и образует ровное плато. Полубовавшись разрезом едомы, начали спуск с неё, и вскоре пошла ровная стена яра метров в 20-24 высотой. Трещин по-прежнему много и по-прежнему некоторые нельзя обойти: спускаешься и снова поднимаешься — дорога утомительная.

Встретили ещё одно интересное образование, которое называли колодцем; встречали после их на яру чрезвычайно часто. Первый нами замеченный имел следующий вид. В тундре образовалось коническое углубление, прикрывающее отверстие в почве. Если заглянуть в это отверстие, можно увидеть чистую белую ледяную воронку, суживающуюся книзу; диаметр её вначале около сажени (2 м), а отверстие в тундре всего в полтора аршина (1 м). Ниже ледяной воронки видна тёмная бездна вымытого водою глинистого колодца, дно коего теряется в глубоком мраке — сюда с характерным гудением падает с высоты 12 сажен (26 м) вода, текущая незначительным ручейком по тундре.

Ууууу... гудит на низких нотах ручей. За много метров его гуденье предупреждает об опасном месте. В чёрной, бездонной глубине теряется светлая струйка воды и туда же часто с шумом падают комья глины, туда — на дно, в жидкую глину. Вот готовая могила, уж оттуда не выбраться! Страшные бывают эти колодцы, заглянув в них только и скажешь: «Ух!».

Черт. 6. Разрез ледяного колодца.

На прилагаемом чертеже 6 представлен разрез через такой колодец в плоскости, проходящей через его вертикальную ось. Быть может часто вода достигает и просверливает и нижние льды, но в чёрном мраке колодца невозможно разглядеть что-либо на такой глубине.

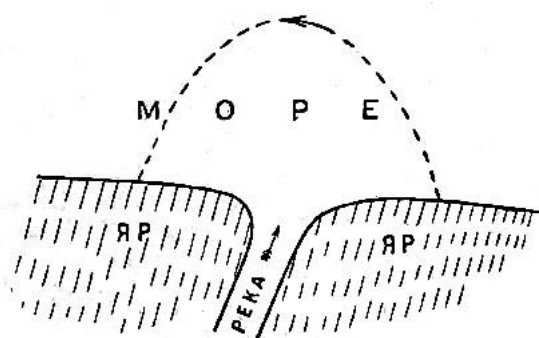
Едем вдоль яра уже верхом на оленях (рис. 70): так занимаешь одного оленя, а в нарте приходится занимать двух, да кроме того в таких местах на нарте и не проедешь. Сначала было неудобно, но понемногу привыкаем. Седло без стремян помещается у самой шеи оленя, ибо его хребет слаб, чтобы выдержать на спине тяжесть человека.

Для удержания равновесия в руках палка, она же служит, при случае, для поощрения оленя. Если вытянуть ногу, ею можно достать до самой морды оленя, и ногами производится управление им. Если желательно взять вправо, необходимо поднести ногу к морде оленя с левой стороны, он от неё и уклонится вправо. Сначала с непривычки устаёшь и болят ноги, но скоро привыкаешь. Мы решили даже, что если другой раз придётся передвигаться по тундре, то уж пойдём без всяких нарт, а вот так верхом. Да мы и в эту экспедицию прошли верхом на оленях без малого тысячу вёрст. Опять же относительно груза — тоже лучше всего устраивать его на вьюках, потому что оленям так гораздо легче. Конечно, есть вещи, которые не устроишь на вьюки, например, сундук с хронометрами или жестяной ящик с провизией. Нарт же положительно надо избегать — я говорю, конечно, про летнее время.

Дальше стали попадаться места, подвергшиеся страшному разрушению со стороны волн. Глыбы в 10 м высотой, метров 12-14 шириною и длиною 40-50 м оторваны от берега и лежат в различных положениях. Некоторые лежат на боку, открыв свои блестящие ледяные стороны, по коим бегут струйки воды. Есть и куски, состоящие из одного только

льда; омытые струями воды лежат они, сверкающие среди грязи и потоков глины, в которые опустились только своим основанием.

Скоро подъехали к довольно большой долине с рекою шире Крестовой, почему мы и решили, что это не иначе, как Кондратьева. Думали, что придётся переправляться, но Багелай с вьюками взял курс прямо в океан и там метрах в 100 от берега перешёл реку вброд и, повернув к берегу, скоро очутился на другой её стороне. Оригинальный способ переходить реки! Так река глубока и её не перейти, следует идти в море и поискать на его дне, где она становится мельче (черт. 7). Такой способ переправы практиковался нами впоследствии неоднократно. Будь река и глубока, но понемногу борозда её мелеет в прибрежных отмелях яра, и на некотором от него расстоянии; вероятно, на большем расстоянии уже нельзя найти и следа русла реки.

Черт. 7. Схема перехода реки ниже ее устья.

Ждали мы на берегу реки Христофора с Дьячковым, что-то застрявших с обозом. Только в шесть часов увидели мы их из-за едомы. Я хотел было уже идти навстречу, так как с ними были хронометры. Видим их движущимися по ровной тундре; на некоторое время наше внимание было чем-то отвлечено, а затем глядь, погляди — чиста равнина и никого на ней нет. Вот так история! Пошёл навстречу, и только тогда выяснилось, что они одной ложинкой спустились под яр, чтобы по примеру Багелая переехать реку вброд по дну моря.

И мы с Н.А. Июдиным двинулись в море верхом на оленях. У меня олень с громаднейшими рогами; идя по вязкой почве, он всё мотает головой — раза четыре стукнул рогом по лбу. Беда — трудно с непривычки держаться, когда олень выдёргивает одну за другой ногу из вязкой глины. Как никак, а благополучно добрался до сухой земли.

Расставили урасу, развели в ней костёр и вполне расположились благодушествовать, как вдруг в отверстие урасы просунулась голова Дьячкова, сообщившего две новости: во-первых, что олени у Христофора еле дошли и им необходима днёвка, и, во-вторых, что река, у которой мы остановились, вовсе не Кондратьева, до Кондратьевой же, по словам Христофора, ещё 20 вёрст. Позвали Христофора — тот подтвердил, что река эта другая, называется Иккитёрюттях (от слов икки — два, тёрюттях — устье, корень), и что Кондратьева — «улахан юрях, син Инди-

гирка» (большая река, как Индигирка). Но не поверили мы, что до Кондратьевой так ещё далеко: по карте видно, что она должна быть близко. Сказали Христофору, что он двадцать восемь лет здесь не был и потому уже всё перезабыл. Что касается оленей, то и без того мы черепашьям шагом идём, пойдём так и завтра, нужно же застать промышленников на Оёгосе. Но, напившись чая, задумались над словами Христофора — не зря же болтает человек, и решили, несмотря на позднее время, пройти дальше пешком к видневшейся едоме, с которой, вероятно, можно будет увидеть на далёкое расстояние, нет ли поблизости большой реки.

Не дожидаясь обеда, пошли. За едомой снова едома, пошли и на неё; отсюда перед нами открылась широкая долина с довольно широкой рекой, хотя, конечно, и значительно уступающей Индигирке. Тоже скажет Христофор: «син Индигирка!» Таких рек, как Индигирка, не так-то много! Дошли уж до самой реки, правый берег которой представляет собою также яр с ледниковыми отложениями, но значительно меньшей величины, левый же берег совершенно пологий.

Домой пошли по самому яру. Вот уж где, действительно, интересно посмотреть яр, так это между этими двумя реками Иккитёрюттях и Кондратьевой. Здесь на протяжении 2½ вёрст берег представляет сплошную ледяную стену. Эта ледяная стена тянется почти непрерывно, делаясь то выше, то ниже и достигая высоты 14 м. Если смотреть сверху, береговая линия бежит волной. Ледяная стена то выступает в море, то прячется в материк.

Вернувшись обратно, обрадовали приунывших было после отказа в днёвке рабочих и Дьячкова, объявив им, что завтра пройдем только три версты до найденной нами реки Кондратьевой и встанем на ночёвку. Таким образом и выйдет как бы днёвка: нельзя же три версты считать за дневной переход.

7 (20) августа мы с Н.А. Июдиным вдвоём, отпустив всех оленей идти за едомами, спустились с яра и пошли вдоль него к реке Кондратьевой. Море отошло всего метров на шестьдесят. Внизу всё залито липкой глиной, идти по которой очень трудно — сильно завязают ноги; часто приходится брать сапоги за ушки и вытягивать их из глины. В некоторых местах глина уже подсохла, идти хорошо, но попадаются и такие места, что не знаешь, куда и ступить: пробуешь, пробуешь палкой глину, везде легко проваливается палка, того и гляди останешься без сапог. Такие места иногда возможно обойти, либо зайдя в море, либо у самого яра; в последнем случае надо идти побыстрее, ибо приходится проходить под

нависшими над льдами комьями земли и глубоко подмытыми, как бы висящими в воздухе, льдами. Всё время шлёпают вниз комки глины и куски льда, текут ручьи воды и потоки грязи. Идти трудно, что и говорить, но зато какая удивительная картина открылась перед нами! Самые замысловатые фигуры образует эта ледяная стена, каких только форм здесь нет (рис. 63)! Обычно средняя часть льдов выдаётся вперёд, а внизу они глубоко подмыты. В некоторых местах метров на 8-10 тянется ледяная пещера — даже плохо видишь в темноте её конец, а вся колоссальная масса льда держится, составляя один монолит с массой льда, лежащей под землёю; но тяжесть висящей массы преодолевает сцепление и кусок ледяного берега, откалываясь, садится на землю. В двух-трёх местах, впрочем, встретили и неподмытую ледяную стену, правда, на небольшом протяжении; там она интересна тем, что спадает совершенно отвесно, без всякого изгиба.

Рис. 63. Оёгосский яр у р. Кондратьевой.
Фот. Е. Ф. Скворцова.

Мы шли эти две с половиной версты часа три и когда пришли к устью Кондратьевой, то даже наш обоз, с Христофором во главе, уже был там. Только вот задача — предстоит его спустить с яра вниз к реке. Правда, яр у реки невысок, всего шесть метров, но до половины представляет покатую ледяную стену, кончающуюся в воздухе, ибо край ледяной стены выступает вперёд. Вот извольте тут спускать багаж. Так и стоим мы внизу под яром, а Христофор с остальными и всем обо-

зом наверху, и смотрим друг на друга! Не идти же вверх по реке, небось версту туда, да версту назад, и это при наших-то оленях. Не лучше ли поискать местечка, где было бы возможно спустить всё хотя бы и с трудом? И, в самом деле, нашли такое место. Как раз около выступа ледяной стены лежит сползший вниз ком глины, представляя собою вместе с ледяным берегом довольно крутой спуск. Главное — скользкие 4 метра ледяной горы, но, ведь, катаются же с ледяных гор, и мы решили скатить по этому спуску по одной нарте весь наш обоз. Вьючные же олени пройдут легко. По этому же выступу поднялся и я, чтобы снять замеченный накануне водопад с началом ледяного колодца (рис. 64). Передняя

половина льда свалилась в море и дала возможность видеть заднюю половину воронки. На снимке видно, что дальше вниз идёт отверстие, в которое видна неразрушенная часть колодца. Конец его по обыкновению теряется в темноте. На этом же снимке видна и небольшая котловинка в тундре, которая всегда присутствует возле таких колодцев. Нужно только помнить, что на снимке видна только самая верхняя часть колодца. Прошёл несколько обратно по верху яра. Н.А. Июдин прислал за мной оленя, чтобы назад не тащиться с тяжёлым аппаратом. Но Николай поехал вниз, а я шёл по верху; я спустился к одному из ледяных выступов и кричу Николаю — «лови, прыгать буду», поясняя слова знаками; прыгнул вниз и в этот самый момент, вероятно, под моей тяжестью осела и массивная ледяная глыба. Прененадёжные здесь берега!

Ну, теперь предстоит переправа через Кондратьеву. А что время тратить на неё? Айда в открытое море, уйдём подальше, и никакой Кондратьевой там не будет, всё выравнивает липкая глина! А тут-то — видели ли вы? Больше сажени глубина реки — мы уже отвыкли от таких глубин. Итак, вперёд! Николай с палкой и мы с оленями, привязанными к его оленю, идём вперёд, а за нами весь караван экспедиции направляется прямо перпендикулярно к берегу по воде в открытое море. Если бы кто-нибудь со стороны посмотрел, то мог бы сказать, что мы сошли с ума. Море переехать захотели, что ли? Да и в самом деле, странно ехать от берега. Яр всё уменьшается, вот уж на полверсты в море заехали. Пробуем пересечь невидимое устье реки — не тут то было: нужно ещё дальше заехать в море. Едем ещё полверсты и только тогда, т.е. на расстоянии версты от берега, удаётся пересечь реку, и то ещё здесь заметна борозда реки. Пройдя ещё немного параллельно яру, на всякий случай, делаем поворот к берегу. Булькает вода под ногами оленей и нартами, и странно смотреть на наш караван среди водного пространства. Берег уже сделался таким низеньким, но постепенно он вырастает, и в скором времени все мы на твёрдой земле. Ну вот и хорошо, а то, ведь, возись с переправой часа четыре-пять. В версте к западу от Кондратьевой разбили мы наш лагерь.

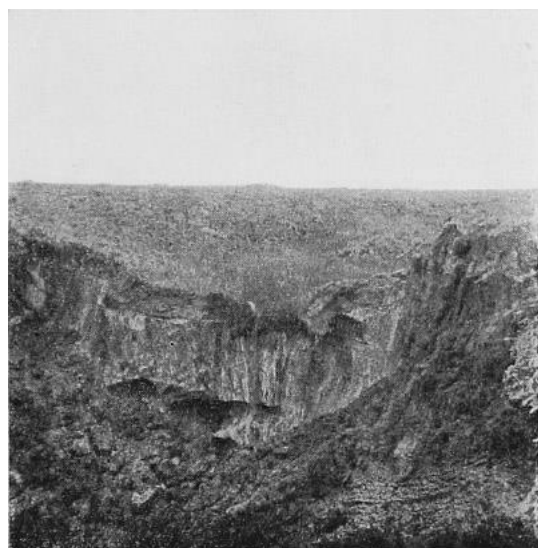

Рис. 64. Верхняя часть ледяного колодца.
Фот. Е. Ф. Скворцова.

Рис. 65. Верхняя ледяная терраса у р. Нагакар. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Что-то я замешкался на берегу, а когда подошёл к разбиваемому лагерю, вижу, Дьячков идёт ко мне навстречу с расплывшейся от улыбки физиономией и сообщает неожиданную новость лаконической фразой — «человека нашли». Не слушая подробностей, бегу со всех ног к Н.А. Июдину, шагающему мимо нашего лагеря, чтобы сделать знак для съёмки. Запыхавшись кричу ему: «Николай Андреевич, Николай Андреевич, человека нашли!». Сначала Н.А. Июдин подумал даже, что мёртвое тело нашли. Давно уже мы собирались «поймать человека», наконец-то удалось и притом весьма кстати. Это было 7 (20) августа, т.е. ровно через два месяца после нашего отъезда из Русского Устья; прошло ровно два месяца, как бродя по этим тундрам, мы не встречали ни единого человека. Ну и места! А не будь, ведь, здесь приманки в виде Оёгосского яра, и здесь было бы также безлюдно, как и в других частях этой пустыни. Да и сюда, ведь, приезжают ненадолго, и скоро опустеет и Оёгос!

Подъехали два человека: один молодой, другой старик, оба устьянские промышленники-якуты, имеющие свой лагерь на реке Рогалёвой, а сюда приехавшие лишь на охоту за оленями. За потрошением убитого ими дикого оленя их и застали наши люди. Собственно, вышло так, что Дьячков с Багелаем увидели двух диких оленей, забрали ружья и потихоньку стали к ним подкрадываться. Олени подпустили их очень близко; это обстоятельство показалось им странным, и они подошли ещё ближе: олени не проявляли никакого беспокойства. Рассмотрев

внимательно, они увидели на них сёдла. Вот бы удачная была охота! Глядь-поглядь, а в некотором от них расстоянии два якута потрошат убитого оленя. Они их тут и накрыли: пожалуйста-ка, голубчики, помогите-ка нам выбраться из здешних мест!

Объяснив найденным людям, что «кяпсе» (разговор) будет после чая, забрались мы с Н.А. Июдиным в урасу и приказали Дьячкову подать к чаю печения по случаю такого выдающегося события, а также и для того, чтобы «ум сделался лучше», так как надо обдумать, как лучше использовать «найденных человеков». После чая распорядились так: молодого послали к находящемуся на реке Рогалёвой кандидату в головы, чтобы от него вышел «распорядок» насчёт снабжения нас оленями. Купить мы много не можем, ибо денег у нас осталось весьма ограниченное количество, но мы предлагаем мену. Мы даём семь оленей за пять. Правда, наши истомлённые, но, ведь, на кормовищах и у якутов, в нормальных условиях, они быстро оправятся. Затем мы также согласны ехать за прогоны на оленях промышленников, наши же, идя порожняком, тем временем отдохнут. Вечером же и отправили молодого якута в путь, чтобы поскорее могла быть организована нам помощь. Старик же остался в нашем лагере официально в качестве гостя, а на самом деле в качестве заложника.

8 (21) августа выехали в три часа дня, ибо имели намерение пройти немного, чтобы на другой день уже добраться до Рогалёвой. Разделились — Н.А. Июдин пошёл по берегу, а я кружить едому. С самого начала взял буссоль, чтобы Христофор, грехом, не увёз «под тропики», как в прошлый раз. Нелёгкок путь и по едомам, а обойти их здесь нет возможности. Здесь настоящая тундра I типа. Иногда открываются великолепные лощины с массой байджараков. Местность всюду пересечённая, изрезанная глубокими оврагами. Часов в пять поднялся сильный туман; пошли по компасу и в шесть часов спустились, наконец, в ровную тундру. Скоро Дьячков увидел далеко в тумане людей. Подумали, что наши и что сейчас берег, но, взяв бинокль, я разглядел, что люди верхом на оленях едут по направлению к нам. Скоро мы встретились. Это была уже посильная помощь, высланная нам навстречу. Мы тотчас же и сменили наиболее уставших оленей. Скоро выехали на берег и встретились с нашими. Остановились на ночёвку на берегу небольшого ручья, всего в 10 верстах по береговой линии от места предыдущей стоянки. Но несмотря на незначительность пройденного расстояния, всё-таки одного оленя оставили по дороге.

Интересен выход этого ручья к морю. Устье его всё завалено обвалами, перегородившими ему доступ к морю, так что он принуждён был прорыть себе тоннель, чтобы выйти из-под яра.

Рис. 66. Трещина в яре. Фот. Е. Ф. Скворцова.

После чая пришёл к нам в урасу выехавший навстречу «кандидат по голове». Мы распорядились, чтобы он ехал вперёд и заготовил оленей. Он обещал приготовить оленей на реке Киенгапке в 70 «ихних» верстах отсюда. Говорю «ихних», ибо и до окончности мыса Святой Нос осталось нам около 75 вёрст (80 км), они же считают до него отсюда целых 200 (212 км).

9 (22) августа выехали в час дня; я пошёл с Н.А. Июдиным по берегу, устроив фотографический аппарат во вьюке — предполагались интересные места. При движении на запад яр становится всё грандиознее. Снова часто встречаются трещины (рис. 66), прорезающие яр до самого уровня моря. Обходить их слишком далеко, а потому приходится спускаться и снова карабкаться иной раз на 40-метровую высоту. С оленя в таких случаях приходится сходить, ибо ему тяжело переходить по крутым откосам, без всадника же он ловко взбирается наверх. За ним и не поспеваешь, карабкаешься сзади, и сыплется вниз из-под ног рыхлая глина. Очень много колодцев попадает на нашем пути, и здесь они очень глубоки и страшны и, кроме того, удивительно искусно замаскированы. Только гудение на низких нотах выдаёт их присутствие и заставляет быть осторожным. Заглянуть, однако, в каждый из таких колодцев считаешь своим долгом, может быть увидишь какую-нибудь особенность в его строении.

Скоро подошли к едоме, разрезанной берегом; именно в таких-то случаях обычно и встречаются наиболее мощные льды. И, действительно, едома у небольшого ручья Нагакар представляет одно из самых высоких мест яра. Уже издали видны массивные обрывы с мощными как верхними так и нижними льдами. В верхней террасе замечательная покатая стена восьмисаженной (17 м) высоты, с многими включёнными в неё жилами глины (рис. 65). На снимке изображена только часть верхней террасы едомы. Над льдами видна фигура Н.А. Июдина: благодаря присутствию его на краю можно себе представить истинные размеры

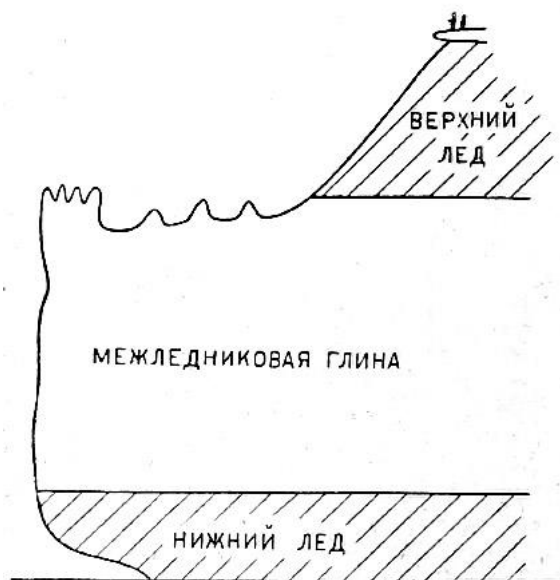
льдов. На прилагаемой схеме (черт. 8) изображён разрез всей едомы по линии, перпендикулярной берегу.

С вершины едомы открывается грандиозная картина. Покатая ледяная стена кажется страшно высокой сверху, дальше идёт котловина с небольшими байджараками. Всё дно её полно потоками чёрной жидкой глины, текущей с ледяной стены; из грязи выступают байджараки. Котловину прорезают две, сходящиеся в одно устье, глубочайшие трещины с совершенно отвесными стенами, по которым ползут вниз потоки грязи.

Котловина кончается рядом высоко поднятых байджараков, которыми, как башнями с зубчатыми стенами, украшена береговая линия. За этими байджараками берег обрывается вниз отвесной стеной, а дальше простирается безграничное пространство Ледовитого океана.

На едоме встретили двух жителей, у которых спросили, далеко ли до Рогалёвой. Говорят, что ещё 20 вёрст (21 км). Вот и подите: выехали с предыдущей стоянки — было 15 вёрст (16 км), проехали 5 вёрст стало 20 (21 км). Этак не скоро до неё доберёшься!

Около устья ручья видели громадный бивень мамонта, изогнутый дугой с саженым диаметром, длина же всего бивня равнялась четырём с половиной аршинам (3 м). Как подумаешь о животном, которое носило его, просто страх берёт — «беда большой был зверь», как говорил князь. От ручья Нагакар я пошёл дальше с багажом, боясь разойтись с хронометрами. Местность пошла холмистая с подъёмом вверх. Олени скоро снова начали падать. Просто невозможно передвигаться на них. За едомой пошла низкая тундра, как водится — прямо болото. Поехал на нарте, но в одной трясине нарта засела так, что олени не могли её сдвинуть. Сойти с нарты означало чуть не по пояс уйти в трясину. Дьячков подвёл верхового оленя, и я только на его спине выбрался из неприятного положения. Немного спустя после этого в обозе Христофора внезапно околел один из лучших наших оленей; всё время он добросовестно тащил нарту, ни разу не падал, а тут вдруг упал — подбегаем к нему, а он уже мёртв. Нечего делать, погоревали, погоревали и поехали

Черт. 8. Разрез большой едомы у р. Нагакар.

дальше. А если мы будем так и дальше оставлять оленей, то, глядишь, к Киенг-Апке и менять-то нам нечего будет!

В 6 час. 30 мин., наконец, мы добрались до Рогалёвой, где расположен довольно большой лагерь промышленников. Среди них разбили и мы наши палатки и укрылись в них от полившего дождя. Как всегда приятно бывает забраться в урасу после продолжительной дороги по тундре и в ожидании обеда напиться горячего чая! А с каким аппетитом всегда обедаешь! Вот сегодня, к примеру сказать, трапеза наша была такая: сначала четыре стакана чая с сухарями и небольшим количеством сыра, через час обед, за которым я один уничтожил две тарелки супа, одну куропатку и одну утку, а затем следуют снова четыре стакана чая. Необходимо основательно подкреплять свои силы, тем более, что, ведь, принимаем пищу только раз в сутки, утром же ограничиваемся лишь чаем с сыром, либо с небольшим кусочком оленьего языка, буде он имеется. К чаю иногда разрешается и печение, «а то, что его возим зря, никакой от этого пользы нет».

С реки Рогалёвой впервые увидели вдали вершины гор Святого Носа. Отсюда до него ещё 65 вёрст (69 км). Рисунок силуэтов его вершин, как они видны отсюда, помещён мною в следующей главе, посвящённой нашему пути по полуострову того же имени (черт. 9. А). Странно, что с Рогалёвой видны были совершенно ясно горы Святого Носа, а вершины острова Ближнего, находящегося от неё на таком же расстоянии совершенно были незаметны, раньше же мы его видели с гораздо большего расстояния. Вероятно, там, над морем, стоит туман.

Рис. 67. Обвалы берега у р. Мянгкяр.
Фот. Е. Ф. Скворцова.

10 (23) августа некоторых оленей выменяли у местных жителей, а часть взяли за прогоны до Киенг-Апки, до коей по их указанию 25 «улахан» (больших) вёрст. Своих же погоним пустыми — пусть отдохнут, поработали, ведь, хорошо! Речонка Рогалёва узенькая, но всё же через неё пришлось переправляться на ветках. Яр дальше пошёл снова высокий с многочисленными колодцами, но трещин в этом районе мало, идти поэтому по нему легче. Зато обвалы льда попадают колоссальные: прямо шестиэтажные дома отло-

маны от берега. Часто между ними и берегом образованы тёмные ущелья: заглянешь туда сверху — голова кружится, а там всё живёт, всё время шум падающих комков и везде журчанье воды. Иногда тянутся вдоль берега мрачные коридоры, длиною метров в 200. Смотришь вдоль такого коридора и не видишь конца ему: мрачные, тёмные 30-метровые стены с ледяной вверху каёмкой, метров восемь толщиной, совершенно отвесно опускаются вниз, как со стороны коренного берега, так и со стороны осевшей массы. Ширина таких коридоров (между берегом и отвалившейся стеною его) метров 20-30, концы их теряются вдали или за поворотами, дно же коридоров тонет в мрачной темноте. Смутно различаешь там хаос мелких обломков льдин и глины, и по тяжёлому шлёпанью всё время падающих вниз кусков чувствуешь, какая там на дне должна быть мешанина из глины с водою, в которой с головою захлебнёшься. Даже привычный к этим видам якут Николай, подъехав к такому коридорчику и заглянув в мрачную его бездну, сказал, зажмурившись: «Ух!»

В пять часов вечера приехали, наконец, и к Киенг-Апке. До неё оказалось всего 13 вёрст, — вот вам и 25 «улахан» вёрст! На Киенг-Апке громаднейший лагерь промышленников; нас встретило столько народа, сколько не было и в Русском Устье. Сама Киенг-Апка представляет, по нашему, небольшой ручей, по берегу её уже имеются песок и мелкие камни. Наконец-то есть ещё предметы кроме обычных льда и глины. Прямо-таки приятно походить по песочку и камешкам, подержать хорошо отшлифованные камешки в руках. Как-никак, а не видал камней после Верхоянского хребта, а это было, кажется, вечность тому назад.

11 (24) августа долгие сборы и большое кяпсе — всё по поводу оленей. Устроились хорошо; наши олени до реки Сюрюктяха, что уже за полуостровом Святой Нос, будут идти господами, ни нарты не потянут, ни вьюков не понесут. Пускай, как следует отдохнут, бедняжки. Кроме того, и идти-то им меньше придётся, так как мы решили обходить полуостров Святой Нос совсем налегке, отправив весь обоз под командой Дьячкова напрямик через полуостров к устью реки Сюрюктях, где он и должен ждать нашего возвращения из обхода. Сами же мы обойдёмся, надо полагать, и без переводчика, всё-таки за это время самые нужные слова по-якутски уже научились говорить.

У устья ручья стоит забавный памятник — деревянный столб, поставленный уже шестьдесят лет тому назад, на нём надпись, текст коей привожу так, как он написан:

Одна сторона: «Сей столп поставлен во время проезда якутского мещанины Гаврилы Стрижева а. . . .ом»

Другая сторона: «Алексей Кистятский ещанин Иван Санников»

Честолюбивый мещанин, по случаю своего проезда столбы ставит!

Выехали мы от Киенг-Апки только в два часа дня; много народу собралось нас провожать: тут были и молодые и старые, женщины и дети. Давно не видали мы столько народа, да и странно его присутствие на этих пустынных берегах. Снова поехал верхом на олене, а Н.А. Июдин идёт всё больше пешком. Я и то ему говорю, что он всё побережье пешком прошёл, редко когда на нарту сядет или на оленя. Увеличиваются силуэты Святого Носа, даже начинаешь в них различать подробности. Как-то хочется поскорее из тундры попасть в гористую местность, и притягивают гранитные громады!

А яр также становился всё грандиознее. Вместе с подъёмом всей местности поднимался выше и яр, всё выше становятся его обрывы. Здесь яр развёртывается во всём своём могуществе, а разрушение берега местами приобретает формы невообразимого хаоса. На каждом шагу здесь гудят водопады в глубоких подземных колодцах, на каждом шагу глубочайшие трещины. Везде проникает вода и всюду производит разрушения в ледяной породе. Весь яр живёт, со всех сторон слышишь непрерывное шлёпанье обваливающихся вниз кусков глины, а часто и грохот обвалов громаднейших масс берега, во много тысяч кубических сажен. Звуки отражаются от отвесно стоящих в разных направлениях высоких стен и каждый шлепок падающей сверху земли, льда или глины гулко раздаётся внизу среди хаоса разрушения. В иных местах в пять-шесть рядов нагромождены глыбы в полнейшем беспорядке, образуя между своими массивами, величиною с шестизэтажные дома, всевозможные коридоры, узкие ущелья и замысловатые окна. Сами же глыбы тоже бывают разнообразной формы: попадают громадные белые ледяные пирамиды, высоко вздымающиеся над поверхностью моря, то в виде домов, то круглые, то бесформенные, навалены они как попало, а кругом подмытые берега ещё висят в воздухе, готовые каждую минуту с грохотом обрушиться и ещё более увеличить царящий здесь хаос.

С яростью набрасываются волны океана на всю эту массу льда и глины, постепенно размывают глыбы в тонкий ил и очищают себе дорогу к заваленному обвалами берегу, чтобы снова произвести то же разрушение и снова, и снова размыть выхваченные глыбы льдов и глины.

В безмолвном удивлении часто простаиваешь перед этими картинами беспримерного разрушения. Гибнут подземные льды, спрятанные под тундрой со времени ледниковой эпохи. Рушится из-за них и сама тундра. Где только удаётся выйти льдам на дневной свет, там и начинается разрушение, тает фундамент, на котором лежит тундра. С яростью вторгается океан в непрочную тундру и не выдерживает она его яростного напора, отдаёт ему свои берега. Во многих местах океан уже глубоко проник в берег и изгрыз его, образовав причудливую береговую линию. И разве замысловатая Хромская губа не обязана своим возникновением напору морских волн на берег, содержащий ледниковые отложения? Это — место, где океану удалось прорыть глубокую брешь в береговой линии. Но и берег мстит морю за его непрошенное вторжение. Тонким, равномерным илом расползаются вырванные морем глыбы берега по всему побережью и мелеет море. И чем яростнее напор волн на берег, тем больше глина заволакивает прибрежную часть моря. Суша не остаётся в долгу перед водою. Здесь на глазах зрителя происходит борьба между сушей и водой; процесс изменения береговых очертаний, перемещение суши и моря совершается сравнительно с большой быстротой. Более подробно с этим мы познакомились, в особенности, в пути после Святого Носа.

Думается, что это единственные места на земле, где с такой ясностью видна быстрая работа воды и механической силы волн. Денудационные процессы, ведь, вообще происходят гораздо медленнее, так что мы часто даже и не замечаем наличия таковых. Тут же особые условия создаёт заключённый под почву каменный лёд, и все эти особые условия, в конце концов, созданы только одним физическим свойством льда, его низкой температурой плавления. Только потому, что эта горная порода плавится при температурах, которых достигает здесь летом воздух и, в особенности, вода океана, происходит это исключительное размывание тундры. К работе воды океана присоединяется ещё и работа воды маленьких речек, и, в особенности, бесчисленных ручейков, бегущих с тундры к морю и постепенно вырывающих себе выходы, начиная от едва заметных трещин до глубоких каньонов. Все эти страшные колодцы также являются продуктом деятельности тёплой воды, текущей с тундры. И эти незаметные ручейки вносят своё в разрушение яра, разбивая на части массивы берега, дробя их по всем направлениям. А будь температура плавления льда повыше — ничего бы подобного не было,

как это и случается зимою, когда наступают холода и весь яр останавливается в своём разрушении до наступления следующего лета.

Любуясь этим разрушением, я задумался над происходящей повсюду работой изменения вида земной поверхности, над необходимостью громадных периодов времени для видимых изменений в лице земли и над относительностью времени вообще.

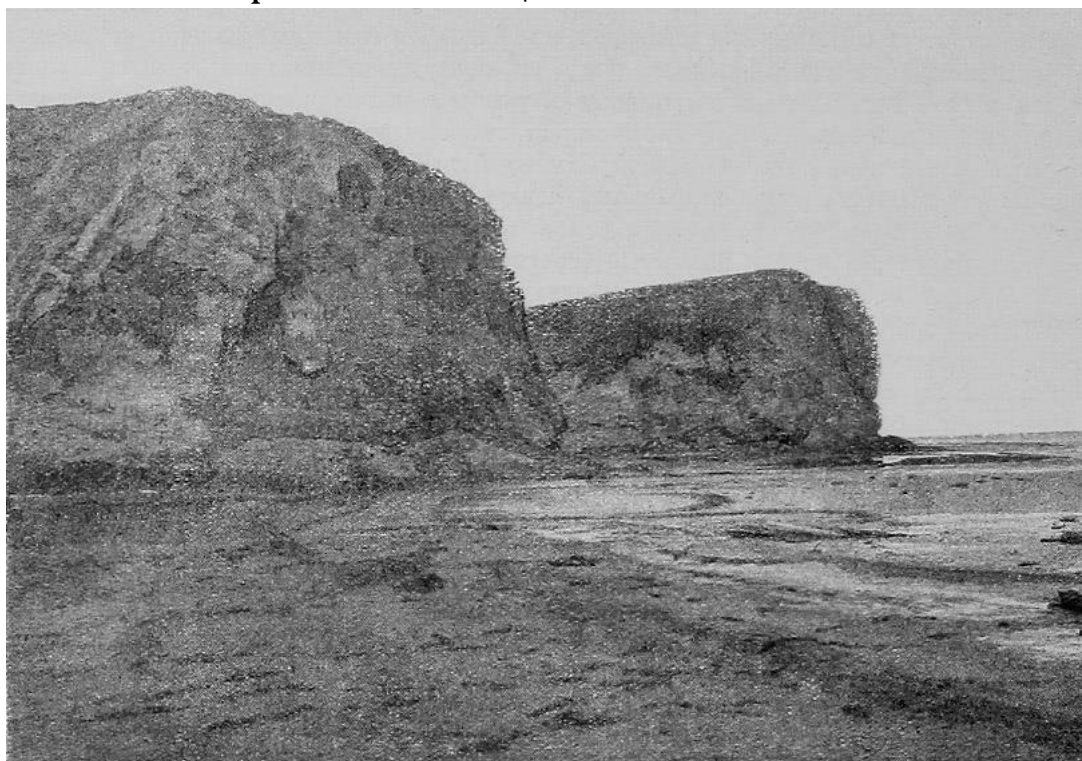

Рис. 68. Левый берег р. Куччугуй. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Если бы мы могли ускорить течение времени, например, в 1000 раз, то, ведь, и в других местах неподвижность земной поверхности уже и на наш взгляд не имела бы места. Мы увидели бы как изменяются очертания материков, как стираются с лица земли горы. Что значит наше представление о времени в жизни вселенной, представление, обусловленное лишь скоростью процессов, происходящих в нашем теле, малом атоме жизни?

Вот здесь из земных процессов мы можем только вывести, что часы нашей жизни бегут слишком быстро, по сравнению с медленным движением стрелок часов жизни земли. Но эти последние ведь в свою очередь кажутся быстро вращающимися по сравнению с величавым движением часов жизни звёздной вселенной, бесконечно малую часть коей составляем мы!

«Манна хондохнут» (здесь будем ночевать) — звучит голос Николая. Здесь, на берегу ручья Мянгкяр, условились мы встретиться с обозом. Соскакиваем с оленей. Однако, только 9 вёрст прошли мы по берегу, но, ничего не поделаешь, обозу, ведь, пришлось сделать почти вдвое

больше, ибо многие трещины здесь простираются на большое от берега расстояние. Здесь сделал приводимый снимок с хаоса яра; на нём видна лишь только очень малая, верхняя часть низвержённых громад (рис. 67).

12 (25) августа нас ожидал сюрприз: приехал к нам на помощь с десятью оленями знакомый К.А. Воллосовича по его прежним экспедициям — якут Конон с Муксуновки. Оказывается, К.А. Воллосович сообщил Конону, что нужно выйти к нам навстречу. Это весьма кстати, и людей, ведь, у нас мало, а тут Конон, да ещё с рабочим!

День был ясный. Боясь, что дальше может не удастся сделать наблюдений, я задержал наш отъезд и занялся производством астрономических наблюдений для определения астрономического пункта № 16 — устье ручья Мянгкяр. Когда же после полудня я закончил работы, поднялся сильнейший туман, так что невозможно было идти со съёмкой — пришлось отложить отъезд на Святой Нос до следующего дня.

13 (26) августа в одиннадцать часов утра, оставив багаж на Мянгкяре, двинулись дальше на запад. Дьячкова берём с собою до устья ручья Куччугуй в качестве переводчика, ибо там придётся сговориться подробно о плане обхода полуострова Святой Нос.

Яр по-прежнему высок, но теперь, чем дальше подвигаемся, тем меньше в нём льдов, а потому и меньше разрушения яра. В пять часов вечера добираемся наконец до Куччугуя. Около него красивые, массивные, глинистые стены, но льдов уже больше нет (рис. 68).

Итак, пройден нами и Оёгосский яр, оказавшийся во много раз интереснее и грандиознее по сравнению с неподвижным Хапташинским яром. Теперь предстоит нам вступить на граниты Святого Носа.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Святой Нос

13-19 августа (26 августа-1 сентября)

Рассказы о частых туманах в горах Св. Носа — Силуэты гор — План обхода — Неудачное начало — Каменная речка Крестях — Берег из камней — Чай-поварня — Неудачные наблюдения — Объяснение с проводниками — На перевале — Встреча с И.А. Июдиным — Определение астрономического пункта № 17 — Стан Гороховый — Эбяляхская губа без воды — Заключение о природе стрелки Меркушина — Река Эбялях — Приход к лагерю в устье Сюрюктяха — Луна в виде огненной горы — Первое северное сияние — По дну Эбяляхской губы — На «отдохлых» оленях — Определение астрономического пункта № 18 на реке Юрюнг-хастле — Отъезд Н.А. Июдина в обход мыса Чуркина.

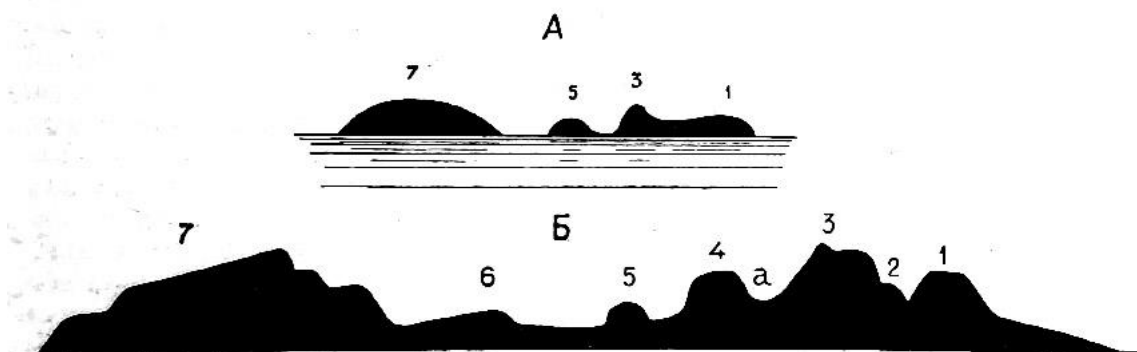
У ручья Куччугуй встретили уже знакомого по селу Казачьему муксуновского старосту, хорошо знающего полуостров. После чая было с ним продолжительное «кяпсе» насчёт обхода мыса. По его словам, там часто бывают густые и продолжительные туманы, во время которых в этой гористой местности могут заблудиться даже люди, очень хорошо знающие местность, как, например, сам он, с малолетства бывавший здесь ежегодно. Кроме того, нет никакой возможности на нартах с хронометрами обойти самый мыс, ибо там нагромождены одни камни, и нарта неминуемо должна разбиться вдребезги при этом обходе. Поэтому, не доходя 15 вёрст (16 км) до мыса, нам с Н.А. Июдиным предстоит разойтись. Мне придётся идти прямо через перевал на берег Эбяляхской губы, где и сойтись снова¹. Вот этого-то перевала особенно и опасается староста; там, говорит он, иногда по неделям простаивает туман, а уж если захватил там туман, лучше уж и с места не двигаться, а ждать пока он пройдёт, иначе всё равно не найти дороги в пересечённой во всех направлениях гористой стране. По его словам, это обстоятельство может нас сильно задержать. Но мы вспомнили сказку о колобке и сказали: «Мы Лопатку прошли, мы Хромскую и Омудлахскую бухты перешли, мы и от Меркушинской стрелки ушли, а тебя, Святой Нос, и совсем не хитро обойти!»

¹ См. детальную карту «Полуостров Святой Нос» на карте маршрутов экспедиции.

А вот ещё неприятную новость он сообщил; именно, что дальше мы не будем встречать диких оленей — всех разогнали промышленники. Это неважно, того и гляди своих оленей есть придётся.

У ручья Куччугуй нашёл я несколько экземпляров полярной незабудки. Она отличается от нашей более тёмным цветом и коротким стебельком. Я уже отмечал, что очень приятно встречать здесь старых знакомых, хотя бы то были и мухоморы.

Горы Святого Носа мы впервые заметили за 65 вёрст (69 км) от них, с устья реки Рогалёвой. Но нет сомнений, что в хорошую погоду их можно видеть и значительно дальше. С Рогалёвой же они были видны вполне явственно. С ручья же Куччугуй уже можно ясно различить все отдельные вершины. Привожу здесь силуэты этих гор (черт. 9 А и Б): А — как они видны с Рогалёвой и Б — как они видны с Куччугуя.

Черт. 9. А и Б — Силуэты Святого Носа со стороны Оёгоса.

14 (27) августа в двенадцать часов дня мы тронулись в путь, сопровождаемые многочисленной толпой промышленников и их семейств. Сколько рук пришлось пожать — беда! С Дьячковым и Кононом распрощались, они идут обратно на Мянгкяр к вещам, а оттуда к устью Сюрюктяха. Условились, что они выйдут нам навстречу по берегу с оленями и провизией, если мы через девять дней не придём к устью Сюрюктяха, или не дадим о себе никаких вестей. Мы же отправляемся в объезд совсем налегке. Только так и можно быстро обойти полуостров.

Начало нашего пути на Святой Нос не было удачно. Мне попался «дурной» олень: брыкается — я слетел как только сел. Сел через несколько времени во второй раз, брыкается и бьёт рогами — ещё раз слетел и пошёл уже пешком. Н.А. Июдину также не повезло: когда садился свернулось на сторону седло, и он тоже упал с оленя. Ну, понятно, всё это было истолковано нашими людьми, как самое дурное предзнаменование.

Вначале путь наш лежал через высокие едомы, прорезанные глубокими лощинами. Проехав по такой местности версты три, мы спустились долиной ручья с яра и пошли дальше всё время понизу. От яра далеко простирается глинистая отмель с совершенно такой же красной травой, какая царила на стрелке Меркушина. Это обстоятельство дало первый толчок к размышлениям о природе злосчастной стрелки.

На высоких, крутых берегах, теперь уже часто песчаных, несколько мохсоголов пронзительными криками выражают своё неудовольствие по поводу нашего вступления в их горную страну. Дальше небольшая речка Крестях, вдоль устья которой тянется узкая и длинная естественная каменная дамба. Речку переехали вброд. Вообще ветки с собою не взяли, она будет доставлена нам навстречу на Эбяляхскую бухту в определённое место.

Дальше береговая линия резко меняет свой характер. Уже больше нет глины, здесь только камень и песок. Вот здесь бы можно было набрать для К.А. Воллосовича камешков, но, к сожалению, отсюда-то он просил не брать, а вот на стрелке и в начале Оёгоса, где как раз ни единого не найти, он просил поискать. Не угодишь геологам, а здесь можно было бы набрать немало! На крутых, высоких берегах, обращённых на север, в некоторых местах ещё лежит снег. Я говорю «ещё», — ему, конечно, не суждено нынче растаять. Не за горами то время, когда начнёт выпадать уже новый снег. Ещё дальше, между берегом и морем, остаётся лишь узкая каменная полоска, по коей беспорядочно нагромождены всевозможных размеров камни. Несмотря на отсутствие ветра, довольно сильный прибой — мёртвая зыбь. На каменный берег накатываются крутые волны и обдают камни белой пеной. Здесь чувствуется глубокое море, видно, как дно быстро спускается вниз. Да, здесь океан совершенно не тот, что на Оёгосской отмели, и подумать только, что, идя столько времени по самому берегу океана, мы по-настоящему видим его в первый раз!

Чем дальше, тем больше нагромождены камни, а в одном месте просто страх меня взял, как провезём нарту с хронометрами. Пришлось везти её у самого уреза воды и всё время удерживать руками, чтобы ослаблять удары о камни. Волны обдавали брызгами нас, оленей и нарты. Тут уже всем нужно идти пешком — оленям трудно было бы везти по камням, они и то идут и всё время спотыкаются. Камней «беда много», как говорил Варакин.

Наконец, показалась и знаменитая Чай-поварня¹, где мы с самого начала и предполагали заночевать. Эта поварня является последним пунктом при отправлении на острова. Здесь промышленники и путешественники прощаются с материком, отправляясь через торосы Ледовитого океана на остров Ближний. А на обратном пути она также служит первым убежищем по вступлении на твёрдую землю. В ней оставляются небольшие запасы провизии, запасные нарты, олени шкуры, одним словом, всё такое, что может пригодиться при возвращении ноябрьской тёмной ночью (солнце в это время уже не восходит) в жестокую стужу с ледяных пустынь Ледовитого моря. Чай-поварня тесно связана с научными экспедициями на Ново-Сибирские острова и может считаться поэтому, до некоторой степени, историческим памятником. Название её происходит, возможно, от якутского слова «чай», так называются мелкие камешки в бесчисленном количестве разбросанные в долине небольшой протекающей здесь речки, носящей довольно странное название «Чай-поварни». Речка-то, действительно, незначительная, а поварня эта — пункт, во всяком случае, замечательный. Возможно также, что название её происходит и от русского слова «чай» — и в этом случае оно хорошо приложимо к ней, как к пункту, в котором при возвращении с островов впервые в человеческих условиях можно напиться чаю. Ведь следует помнить, что при всякой остановке после пути прежде всего пьют живительный, горячий чай: обед же готовится после, ибо на него требуется значительно больше времени, а тут важно как можно скорее подкрепить свои силы и разогреть промёрзшие члены. Чай-поварня представляет собою небольшое, четырёхугольное рубленое строение, внутри её поставлена железная печь. Запас дров около неё делать не надо, ибо в долине речки набросано большое количество плавника, из-за которого наш обоз даже не мог подъехать к самой поварне, и мы остановились на ночёвку в 150 саженьях (320 м) от неё.

Установили одну большую урасу, в которой поместились мы с Н.А. Июдиным, два проводника и два рабочих. Погода была недурная, солнышко иногда выглядывало, и я установил свой универсальный инструмент, намереваясь произвести астрономические наблюдения. Но на этот раз, впервые, он был установлен неудачно, т.е. не удалось определиться. Раньше мне как-то везло: как устанавливаю инструмент, так либо солнышко проглянет, либо ночью небо очистится. Уж чего хуже было

¹ См. детальную карту «Полуостров Святой Нос».

при поездке к устью Гусиной: всё время дожди и безнадежное небо до 18 (31) июля и то же самое после, а как раз в день моего приезда к устью Гусиной и разъяснилось и простоял один единственный великолепный день, так что в этом отношении мне везло; и вот только у Чай-поварни единственный раз был даром установлен инструмент. Много беспокойства в такую ненадежную погоду: каждую минуту выбегаешь из урасы посмотреть нельзя ли «схватить солнце».

Перед отправкой на Святой Нос, мы записали наиболее употребительные, по нашему мнению, якутские слова. Дьячков выучил нас их произношению. Но теперь, когда нужно было объясняться с нашими спутниками, пришлось туго — как раз тех слов, которые понадобились, и не оказалось в нашем списке. Весьма забавно было наше объяснение, хохоту с обеих сторон было много. В общем веселье стояло в нашей урасе. Суп варил сегодня Н.А. Июдин, он вышел великолепный. Якуты обедали в нашей урасе; для ночёвки же они устроили низкую палатку из тонкой синей ткани, а Николай улёгся без всякого прикрытия, прямо на нарте. Мы ему толковали, чтобы шёл в урасу, ибо места там много, урасищу поставили громадную, да никак ему не втолкуешь — лопочет что-то по-своему; так и не сговорились.

Когда все наши спутники заснули крепким сном и всё затихло в горах, вздумали мы с Н.А. Июдиным развести в урасе костёрчик и попить чайку, спать что-то не хотелось, да кроме того мне, ведь, постоянно приходилось бегать и смотреть на небо, не увижу ли где-нибудь хоть какой-нибудь звёздочки. Ночь сравнительно тёплая (около двух градусов), а в урасе с костром и совсем благодать, — такое чудесное настроение. Сидим себе и подкладываем щепки в огонь, а чай-то какой вкусный, право, дома не умеют такого варить! Тихо плывут в вышине облака, ими окутаны величественные вершины Святого Носа, и колеблется на них туман, открывая то одну, то другую вершину; катит седые волны и шумит старик Океан. Костёр догорел, уже поздно, небо безнадежно, пора спать!

15 (28) августа погода снова такая, что только и бегаешь от урасы к инструменту и обратно без всякого толка. Но ехать нужно, нечего делать, нужно складывать инструмент — придётся определиться где-нибудь в другом месте, не у Чай-поварни, а жаль — пункт-то больно хорош! Быстро собрались к отъезду. Олени, ведь, были тут же, им спутали ноги, чтобы они не ушли в горы. Разделили провизию и чайники на две партии на тот случай, если не удастся сойтись в этот день к вечеру, и тро-

нулись в путь; версты две шли вместе, а затем разделились на две партии, по три человека в каждой, и пошли разными дорогами. Местность поднимается медленно, она пересечена бесчисленными лощинами и каменными ручьями во всех направлениях. Действительно, во время тумана тут можно проплутать не находя выхода. Оленям очень тяжело тащить нарты по земле, покрытой плохой растительностью. То и дело приходится спускаться в лощину, чтобы после подниматься ещё выше. Олени здоровые (ведь не наши), бодро тащат нарты и дышат как паровозы. Солнце вышло-таки когда оно уже было не нужно; греет сильно, хотя всего немного больше шести градусов; не видно ни облачка, и красиво выделяются тёмные, голые, каменные вершины на голубом небе. Еду верхом теперь на смирном олене, только часто приходится слезать с него для того чтобы облегчить ему подъём в крутых местах и каменных ручьях. Перевал идёт между 3-ей и 4-ой (считая от конечности полуострова) вершинами гор Носа. Дальше пошли лощиной каменного ручья, текущего с перевала; чем дальше, тем больше камней. Теперь уже приходится всё время идти пешком: всё камни, да камни, как раньше всё лайды, да лайды. Перевал, оказывается, невысокий, всего 160 м над уровнем моря. По бокам две горы: одна самая высокая — «Улахан тас» (большой камень), с красивой куполообразной вершиной, другая более плоская; вдоль неё и тянется ручей. Обе голые, каменные; бесчисленное множество камней лежит по их склонам.

С океана понемногу поднимается туман: торопимся, идя быстрее, чтобы туман не нагнал нас на перевале.

С высшей точки перевала открываются в обе стороны великолепнейшие картины, особенно вперёд (рис. 69). С обеих сторон совершенно синие воды океана, и желтоватые склоны в обе стороны спускаются к их синеве. Далеко на юге, через синие воды, виднеется чёрная полоска берега; проводник говорит, что это мыс Чуркин, — ух, как далеко до него, а слева вдаль в туманной дымке висят три горные вершины Юрюнгхастаха (что за рекою Сюрюктях). Начали спуск. Он довольно крут и весь усеян камнями всех величин; во многих местах совершенно нет растительного покрова, одни голые камни, да и вообще здесь гранитная поверхность только чуть-чуть прикрыта мхом. Во многих местах у камней небольшие ямки с кристально чистой, вкусной водой; несколько раз пил из них с удовольствием, а то тяжело идти и кажется, что жарко. После перевала мы идём не прямо к морю, а наискось, поближе к мысу,

чтобы раньше встретиться с Н.А. Июдиным, которому, по словам проводников, надо пройти четыре «улахан кёса», т.е. 40 вёрст.

В половине шестого подошли к берегу моря и встали при устье небольшого ручья. Было ясно, и я тут же расставил инструмент и сейчас же принялся «хватать солнце»: невысоко оно уже, ну, да что делать — нужно ловить момент, а то и того не будет!

В восемь часов вечера пришёл и Н.А. Июдин. Оказывается, вовсе уж не так далеко, как наговорили проводники. Но по мысу, действительно, не пройти с нартами: крутой каменный скат, и камни всё сыплются под ногами в воду. Пустые олени и то с трудом идут. Старик староста шёл и всё время охал. Итак, удалось быстро обойти самый мыс и без всяких неприятностей. Туман хотя и окутал вершины и перевал вскоре после того, как мы спустились к морю, но простоял там недолго. Святой Нос — самая северная точка на нашем пути; теперь нам предстоит спуск на юг до Казачьего на целых два градуса по широте.

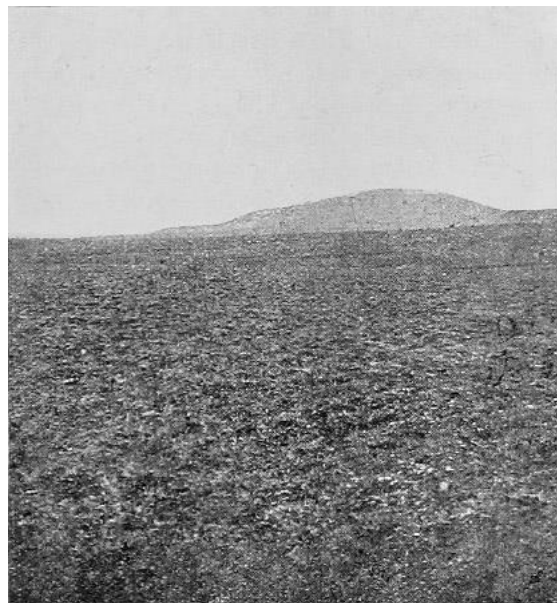

Рис. 69. Мыс «Св. Нос». Фот. Е. Ф. Скворцова.

После обеда собирался наблюдать звёзды: Полярную и Вегу, но снова набежал туман, однако, по всему было видно, что ненадолго, посему решил ночь не спать, а караулить, не удастся ли произвести наблюдений по звёздам; последние наблюдения, вообще, предпочтительнее перед солнечными. Туман, действительно, пронесло к десяти часам вечера, он остался лишь на вершинах гор, с коих так и не сходил до самого утра. Небо ясно, ярко блестит на юге Марс и видны звёзды первой величины. К сожалению, я так привык наблюдать и ночью без фонаря, что и теперь не захватил его из обоза для освещения нитей и, главным образом, для отсчёта кругов, а, как на грех, уже после десяти стало настолько темно, что наблюдать без освещения было уже невозможно. Однако не откладывая же по этой причине наблюдений: смастерил фонарь из картона, а источником света служила свечка. С помощью Н.А. Июдина удалось с успехом пронаблюдать звёзды для времени и Полярную для широты, а к двум часам ночи снова стало настолько светло, что Марса в меридиане (для широты) наблюдал уже без фонаря, и нити стали видны, и круги стало возможно отсчитывать.

Удивительно хороша была эта ночь, хотя и холодная. Солнце село прямо в океан, и на севере держалась лишь ярко-красная заря, постепенно бледневшая, но не потухавшая всю ночь. На фоне красной зари рисовались формы трёх крайних гор Святого Носа, тёмно-синее море глухо шумело. Не успели и оглянуться, как снова стали ярче краски зари и стало выползать из-за гор солнце, освещая туман, пронёсшийся на юг и сгустившийся над морем в высокую белую пелену.

16 (29) августа встал после недолгого сна в восемь часов утра, чтобы взять ещё высоты солнца. Утро «самое дже берт» (самое хорошее). Солнце уже против гор; красиво выглядят их вершины в прозрачном воздухе. Такого красивого местоположения нашего лагеря ещё не бывало!

И ещё в полдень удалось мне произвести наблюдения солнца для широты, так что получилось много данных для определения географических координат пункта №17 — Святой Нос. Утром сказал Николаю «манна поставить улахан мастах», т.е. что нужно поставить большой деревянный знак; рабочие смастерили большой столб, как обыкновенно, врыли его в землю, а здесь ещё кругом обложили большими камнями.

Хотя и хотелось пробыть здесь у гор ещё денёк, но нужно было пользоваться хорошей погодой, и потому 16 (29) мы выехали дальше. Скоро подъехали к отмеченному на картах стану Гороховому. Нужно заметить, что почти все обозначенные на стовёрстной карте главного штаба станы: именно Гороховый, Аджырхайдах, Хар-стан, Ванькин-стан, Мунг-стан, Балыктах, Сатыган-тала представляют собою лишь полуразрушенные поварни. И жестоко бы ошибся тот, кто, рассматривая карту, понадеялся бы на них, как на действительные станы, т.е. обитаемые по-

Рис. 70. Верхом на оленях. Фот. Е. Ф. Скворцова.

сёлки. От стана же Горохового осталась всего-навсего одна стена, обращённая к морю. Тут же протекает и небольшая речка Гороховая. Берег моря имеет здесь две линии: одну каменную, составленную из мелких камешков, и другую, параллельную ей, твёрдую песчаную, по которой идёшь как по паркету.

Каково же было наше изумление, когда, пройдя немного от Горохового стана по берегу Эбяляхской губы, мы увидели, что море исчезло и вместо него

простиралась голая глинистая равнина до самого противоположного берега. По этой сухой отмели вьётся лентой река Сюрюктях; таким образом мы здесь видим, как она идёт по дну моря. А я-то только что подумал, глядя на каменный барьер близ стана Горохового, что эта бухта может быть глубокой, что в ней в случае нужды могут укрываться суда. Куда тут — по этому морю, при восточных ветрах, можно ездить, яко посуху, и ног не замочишь. Вспомнили мы также рассказы про Омуллахскую губу, будто при западных ветрах и она бывает совершенно сухая и на ней остаётся лишь одна неглубокая борозда, которую прорывают текущие в губу реки Кустуктах, Тугуттах, Санга-Юрях и Куньяктах, сливающиеся в одну реку уже на отмели. И в самом деле, ведь, борозда была замечена мною при промере этой губы, а наличие аналогичного случая в Эбяляхской губе делает вполне достоверными рассказы об Омуллахской губе. И здесь также, уже после выхода в море, река Эбялях соединяется с Сюрюктяхом и некоторыми другими мелкими притоками, образуя одну борозду, которая при восточных ветрах представляет реку, текущую по голой глинистой равнине, на которой нет ни единой травинки.

Эбяляхская губа (рис. 71) уже и обсохнуть успела, и глина её уже затвердела, так что она представляет собою твёрдую, гладкую равнину. Совершенно спокойно можно перейти на её другую сторону прямо почти от стана Горохового на Аджырхайдах. И переночевать преспокойно можно, разбив лагерь на дне морском, верстах в 18 от берегов. Ну, ко-

Рис. 71. Эбяляхская губа во время сгона воды.
Фот. Е. Ф. Скворцова.

нечно, если начнётся западный ветер, тут уж убегать придётся!

В семь часов вечера встали на ночёвку на берегу этой сухой губы. Ночь была снова великолепная, и уже довольно много звёзд можно видеть простым глазом. Как рубин сверкает на юге Марс.

17 (30) августа такой же хороший, ясный день, как и предыдущие; вообще, со Святым Носом нам очень посчастливилось. Вот вам и дурное предзнаменование при отъезде, на которое указывали наши якуты! А случись что-нибудь — со-

чили бы за подтверждение приметы! Все приметы имеют такое основание: люди помнят только те случаи, когда они исполнялись, и забывают те гораздо более многочисленные, когда они не исполнялись.

Здесь, как и на Оёгосе, встречаем снова много сов, между последними имеются большие птицы.

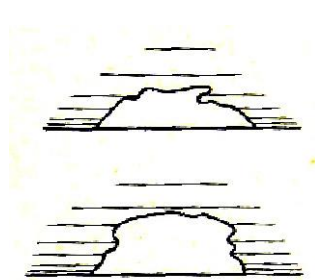
В одном месте стоял высокий крест — наш условный знак, близ которого находилась ветка, привезённая нашими рабочими, шедшими с обозом. Её доставили сюда на всякий случай, так как впереди возможны переправы. А дальше пошла глинистая равнина, покрытая той же красной травой, как и на стрелке Меркушина, только лайд здесь нет. Везде раскинут плавник, хотя и в ограниченном количестве. Часто встречаешь следы передвижения плавника по глинистой поверхности. Спрашиваем, заливают ли иногда море эту поверхность. Староста отвечает, что в сильные западные ветры заливают. Значит, волны и передвигают плавник по земле, а, следовательно, эта же причина передвигала плавник и по всей стрелке Меркушина, а в сильные ветры вся она заливается водою и, следовательно, стрелка есть не что иное, как такая же отмель. Разница с Эбяляхской губой лишь в том, что на дне последней не успевает расти трава потому, что, очевидно, освобождается она от воды на сравнительно короткие промежутки времени, тогда как стрелка Меркушина, наоборот, в редких случаях покрывается водой. Так постепенно выяснялась перед нами природа стрелки Меркушина, но окончательно ясной она стала для нас несколько позже — после обхода полуострова, стан Маныко.

Встретили две речки, но ветками пользоваться не пришлось, — переехали их верхом. Одна из речек носит имя Эбялях, по её имени и губа называется Эбяляхской. Не стоит того эта речка — уж очень мала! Идём здесь, устанавливая, как и на Меркушинской стрелке, знаки, а то не по чему ориентироваться, никакой береговой линии не видно; есть лишь нерезко выраженная линия наибольшего скопления плавника, но плавник и за неё разбросан на очень далёкое расстояние. Скоро вдали увидели высокую мачту и флаг на ней — это условный знак местоположения нашего лагеря. Ещё речонка попалась, её переехали вброд, но вещи пришлось перевезти на ветках. Мы, не дожидаясь конца переправы, отправились до дома, т.е. к видневшемуся флагу. Там, на противоположном берегу, довольно широкой и глубокой реки Сюрюктях (быстрая) был расположен наш лагерь. Людей не было видно, все, очевидно, сидели в уресе, не подозревая даже, что мы так скоро можем явиться.

Став против урасы на противоположном берегу реки, крикнули «Дьячков, чаю!». Из урасы выскочили все удивлённые. Христофор весело смеётся и произносит длинную тираду, из которой мы, впрочем, ровно ничего не понимаем. Дьячков говорит, что он очень удивляется, что мы так скоро могли обойти полуостров, всего в четыре дня. Нам спустили ветку, и мы перебрались к дому и ещё до прибытия вещей успели опорожнить по несколько стаканов чаю. Наши по дороге промыслили оленя — это тоже весьма кстати. Таким образом, всё обстояло благополучно. Наши проводники по Святому Носу в этот же день уехали обратно на Куччугуй, распрощавшись с нами и получив денежную награду.

Удивляемся, почему Эбяляхская губа получила своё название от реки Эбялях, тогда как река Сюрюктях и, в особенности, Юрюнг-Хастах значительнее её, и последняя вытекает из горных вершин того же имени (в переводе Юрюнг-Хастах-Юрях означает «река белого гуся», а Юрюнг-Хастах-Тас — «горы белого гуся»), было бы справедливо, поэтому, и всю губу назвать Юрюнгхастахской.

В одиннадцать часов вечера Н.А. Июдин вызвал меня из урасы восклицанием: «Это что такое видится?!» На ровном глинистом плато на краю горизонта виднелась огненная гора с зазубринкой. Что за диво? Ба, да никак она и движется. Да это луна, такая «модная»! (черт. 10) Выглянула она ещё побольше, на половину своего диска, да затем и обратно прятаться стала — видит, что и без неё достаточно светло.

Черт. 10. Вид восходящей луны.

Выбегая из урасы смотреть на огненную гору, увидел на сумеречном небе бело-серые колеблющиеся облака, быстро бегущие по небу. Теперь уже я кричу Н.А. Июдину: «Выходите скорее, что-то вроде северного сияния». И в самом деле, несмотря на то, что было сравнительно светло, по всему небу пошли лучи и побежали, переливаясь, то вспыхивая, то затухая. Это было первое северное сияние, которое мы здесь видели; вероятно, если бы было темно, оно имело бы очень красивый вид, так как и свет зари не помешал любоваться им. Однако, пора и спать, луна и северное сияние долго нас задержали, а, ведь, завтра в путь и... нет нам отдыха до самого Петербурга!

Горы Святого Носа уже позади нас; силуэты их, как они видны с устья р. Сюрюктях, здесь помещены (черт. 11), а впереди виднеются горы Юрюнг-хастах.

Черт. 11. Силуэты Святого Носа со стороны Эбяляхской губы.

В одиннадцать часов дня 18 (31) августа оставили мы сюрюктяхский лагерь и тронулись по направлению к устью Юрюнг-Хастах. Н.А. Июдин в полном недоумении, где здесь вести береговую линию. Берег совершенно незаметно сходит на голую глинистую равнину. Пошли напрямик через сухую губу, обоз же несколько в стороне, так как на нартах трудно идти по сухой глине. Когда мы достаточно удалились от берега, то очутились в странном положении: среди глинистой равнины, тянущейся во все стороны. Ехать верхом по ней хорошо, быстро бегут олени по твёрдой и ровной почве. После взяли поближе к берегу; там снова пошла красная трава и опять лайды, да лайды, и с солёной водой, как и на Меркушинской стрелке, но здесь это не страшно, так как всегда можно взять несколько вглубь от берега и попасть в нормальную тундру. Опять едем и ставим знаки из плавника. Плавник расположен здесь двумя рядами, вероятно, соответственно высокой и низкой воде. В промежутке между этими рядами его сравнительно мало, но и за береговым рядом попадаются отдельные деревья почти до самых едом, что свидетельствует о том, как глубоко проникает море в сильные бури.

Рис. 72. Эбяляхская губа во время сгона воды, с бороздой реки Юрюнг-хастах. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Едем мы довольно быстро и теперь на своих оленях, хотя половину их удалось заменить новыми; но, ведь, половина та же, а бегут хорошо. Что значит «отдохлые» олени (т.е. отдохнувшие)! Вскоре из-за установки знаков мы даже отстали от обоза, что случилось впервые. Впереди видна едома, и мы удивляемся её чрезвычайно чёрному цвету. Когда подъехали поближе, увидели, что вся она усыпана байджараками, которые и бросали на неё тень, делая её такой тёмной. Под самой едомой идёт река пошире Сюрюктяха, это

и есть Юрюнг-Хастах. Здесь мы заранее решили заночевать, но только не на этом берегу, а переправившись на левый берег. Я быстро пере-

брался на другую сторону и принялся за наблюдение Полярной для широты. Переправа закончилась только к десяти часам вечера, к каковому времени был готов и обед, за который принялись с удовольствием — с одиннадцати часов утра ничего не ели; после обеда снова встал на наблюдение и взял высоты Веги для времени. Пришлось уже пользоваться фонарём, но из-за порывов ветра фонарь часто гас, почему провозился дольше обычного. Ночь была великолепная; раскричались чего-то гагары и стаями пролетали уже собирающиеся к отлёту гуси. Пронаблюдав ещё и Марс для широты, и уже стало светло — снова день начинается!

19 августа (1 сентября) снова такой же хороший день. У нас нет пределов изумлению такой продолжительной хорошей погоде. Какой же хороший выдался пока август, несравненно приятнее беспросветной сырости июня! Но прошёл последний спас, а, по словам туземцев, здесь после него скоро уже начинаются и морозы, — надеяться на долгую хорошую погоду теперь не приходится.

Н.А. Июдин в этот же день уезжает в обход мыса Чуркина. Я же с обозом пойду снова отдельно прямо на Хар-стан. где мы и условились встретиться. Так как мой путь более чем вдвое короче, то я решил этот день продневать и выйти в путь только на следующий, надеясь, что погода позволит мне ещё сделать наблюдение для более точного определения астрономического пункта № 18 — устье реки Юрюнг-Хастах.

В четыре часа собрался Н.А. Июдин с Кононом, Николаем и 15 оленями в путь, ему до Хар-стана надо пройти целых 170 вёрст (180 км). Проводил его за едому и снова остался один. Сразу почувствовал печаль одиночества. Вдвоём всегда веселее идти. Но раздумывать долго не пришлось, сейчас же принялся за наблюдения, сначала Солнца, потом Веги, затем Полярной. Только что я, закончив наблюдения, забрался в урасу, как Дьячков докладывает, что «от тойона письмо». Ну значит, что-нибудь забыл; и в самом деле оказалось, что на стоянке в 12 верстах от нашего лагеря Дьячков не положил соли, а с моря солёной воды не достать, так как ведь вся вода ушла из Эбяляхской губы. Ещё сообщает Н.А. Июдин, что поварня Аджырхайдах находится всего в 5 верстах отсюда, т.е. совсем не там, где она обозначена на карте главного штаба, а вёрст на 10 к востоку. Снабдил Конона, привёзшего письмо, солью и послал рыбу, пойманную вечером в реке Юрюнг-Хастах — рыбой ведь мы давно не лакомились. Конон тотчас же поехал обратно к Н.А. Июдину.

После этого я забрался в свою маленькую урасу и, сидя перед раскрытой «дверью» и попивая чаёк, стал смотреть на печальную голую глинистую равнину (рис. 72) с синей лентой реки Юрюнг-Хастах и далёкими, как бы призрачными, вершинами Святого Носа, видимыми через всю ширину Эбяляхской губы. Дерутся две чайки, одна кричит, как ребёнок, и ещё больше наводит тоску, а Багелай в своей урасе затянул унылый однообразный и бесконечный мотив; вдали пронзительно кричат гагары, а в вышине, улетаая отсюда, проносятся стаи гусей; на юге, очень высоко над горизонтом, огромная, красная луна, а рядом с ней такой же красный Марс. Ночь плывёт над унылой пустыней!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

От Эбяляхской губы на Хар-стан
20-27 августа (2-9 сентября)

Недоразумение с оленями — Однообразие тундры — Яма с гусями — Недостаток съестных припасов — Харстанская глинистая губа — Ошибки карт — Особенность выговора якутов — В урасе — Труха вместо сухарей — Приход Н.А. Июдина — Поварня Хар-стан — Прибывание воды в губу — Определение астрономического пункта № 19 Хар-стан — Искусство установки урасы — Вид Харстанской губы при сильном западном ветре — Заколот первый собственный олень — Отбытие к устью реки Муксуновки.

20 августа (2 сентября) в восемь часов утра я послал за оленями — думал выехать в путь пораньше, но вышло иначе. Олени забежали так далеко, что и в два часа дня я в бинокль не мог увидеть, гонят ли их к нашему становищу. Только в четыре часа их, наконец, пригнали; они зашли очень далеко — три реки пришлось перейти рабочим, причём одну глубиной почти по плечи. Полагают, что оленей гнали волки, потому что, когда их увидели, они всё ещё бежали. Этак в один прекрасный день и без оленей остаться можно! Но этим дело не кончилось: когда оленей собрали в круг, четыре оленя выскочили и, хотя мы все целых три часа ловили их, но они, в конце концов, убежали на отмель и стали еле видны глазом. Оказалось, что к нашим оленям пристал какой-то чужой, почти дикий, и портит всё стадо — куда он идёт, туда и другие. Вероятно, он и всё стадо завёл так далеко, а вовсе не волки, как предположили наши якуты. Дьячков попросил разрешения убить его — это вполне кстати,

ибо мясо нам нужно. Багелай на верховом олене поехал на отмель и пригнал их поближе к стаду. Но подстрелить долго не удавалось, злополучный олень становился так, что пуля легко могла задеть и наших. Но, в конце концов, удалось выбрать момент, когда неугомонный олень отошёл немного в сторону и принялся мирно пощипывать отаву. Грянул выстрел, и олень мёртвым упал на землю. Так поплатился он за своё неблаговидное поведение. Тут же с него содрали шкуру, выпотрошили, а мясо нарезали на части.

По всем этим причинам выехать удалось только в восемь часов вечера. Путь лежал по тундре типа IIб (стр. 149) — низина с отдельно стоящими едомами. Прошли только 7 вёрст, ибо стало уже довольно темно и встали на ночёвку у подножия едомы на берегу лайды. Отсюда ещё видны красивые вершины Святого Носа, выделяющиеся из покрывающего их внизу тумана. Хорошо виден также и большой знак, поставленный на месте астрономического пункта на едоме при устье р. Юрюнг-Хастах.

21 августа (3 сентября) пасмурное, туманное и холодное утро; должно быть конец хорошей погоде. Выехали в двенадцать часов снова по той же печальной тундре; грустно смотреть на неё, и весь мир кажется таким печальным, как эта тундра. Едешь час, едешь другой, шлёпает по лужам мой олень, покачиваешься в седле и напрасно стараешься увидеть в однообразной пустыне что-нибудь такое, что развлекло бы взор. Едешь и третий час. Вот едома, покрытая гусиным пухом. Мы имеем разрешение на вырытие здесь из-под земли гусей, промысленных нынче летом. Боясь, что у нас будет мало провизии, мы купили их, а место, где они были закопаны, было указано Христофору старостой на реке Сюрюктяхе. И вот Христофор отыскал в этой однообразной равнине, среди совершенно одинаковых едом, ту, в коей были зарыты гуси. Разрыли яму, а оттуда идёт запах как из могилы — гуси, следовательно, подгнили. Взяли двадцать пять штук и поехали дальше. Снова едем час, едем и другой — всё та же местность. Проехали уже много, удивляюсь, что до сих пор Христофор не начинал попыток разговора насчёт ночёвки. Говорю ему сам, что пора уже становиться, а то утомим оленей; но как назло пошла прескверная местность, болотистая тундра, а до едомы ехать далеко. Однако всё же нужно выбирать где посуше и остановиться на ночёвку. Нашли среди болота островок с отавой на берегу лайды и там разбили свой лагерь.

Поставили мою небольшую урасу. Забрался в неё и стал смотреть, как несутся серые тучи, как ходит по печальной равнине ветерок, как он играет тесёмками тордохи и как качаются от него во все стороны былинки.

22 августа (4 сентября) выехали вскоре после двенадцати часов. День ясный, но ветреный. Путь снова пошёл по низкой тундре, и болота попадаются обширные; иной раз едешь более часа, а олень всё ступает по колеблющейся трясине, так и покачиваешься в седле, медленно продвигаясь вперёд. Хорошо только на едомах: там сухо, хорошая отава и уже попадаетесь довольно крупный тальник, означающий, что мы спустились немного к югу. Мы, собственно, не заметили, как он постепенно исчез из наших глаз: на Оёгосе и Святом Носу его совсем не было, и если и попадался, то в виде тальничного листа, т.е. стебелька в полмизинца, на котором сидело два крошечных листика — таково самое большое дерево под 73° широты на берегу океана. Но здесь, «на юге», он уже значительно больше, попадаются длинные ползучие побеги.

Перед губой пошла холмистая тундра; взобравшись на одну из высших её точек, увидел впереди и Харстанскую губу и сразу же заметил, что она ничем по существу не отличается от Эбяляхской, — воды в ней, по-видимому, ни на грош. Проехав ещё версты четыре, подъехали, наконец, и к самой губе. Губа имеет высокий, метра в 24, и круто к ней опускающийся берег. Сама же губа представляет голую, глинистую равнину, по которой только узкой полоской тянется водное пространство — это борозда реки Хар-стан. Недалеко влево видны вершины Харстанских гор, с которых и берёт начало эта небольшая речка.

Я смотрю — Христофор спускает обоз с берега на губу и собирается переезжать на противоположный берег её, тогда как мы условились встретиться с Н.А. Июдиным на этом берегу, у поварни Хар-стан, имеющейся на стовёрстной карте и находящейся на северном берегу Ванькиной губы. Но Христофор говорит, что поварня находится на противоположном, южном берегу, и что эта губа носит название не Ванькиной, а Харстанской. Так как, во всяком случае, восточный ветер может перемениться на западный, а последний может нагнать много воды в губу, почему в этом случае её придётся объезжать кругом, то я и решил переехать на противоположный берег. На этом же берегу мы поставили знаки, чтобы по ним Н.А. Июдин мог узнать о нашем местоположении. Как внизу, так и наверху, и там и здесь установили высокие столбы, от коих шёл ряд указок к южному берегу. Разбаловались наши якуты,

строая сигналы: на большое расстояние натыкали палок, начиная с больших, а дальше всё меньше и меньше, до щепочек, величиною со спичку. Наши уж никак не могут пройти, не заметив таких сооружений. К столбу привязали жестянку, а в неё я вложил записку с изложением всех обстоятельств дела.

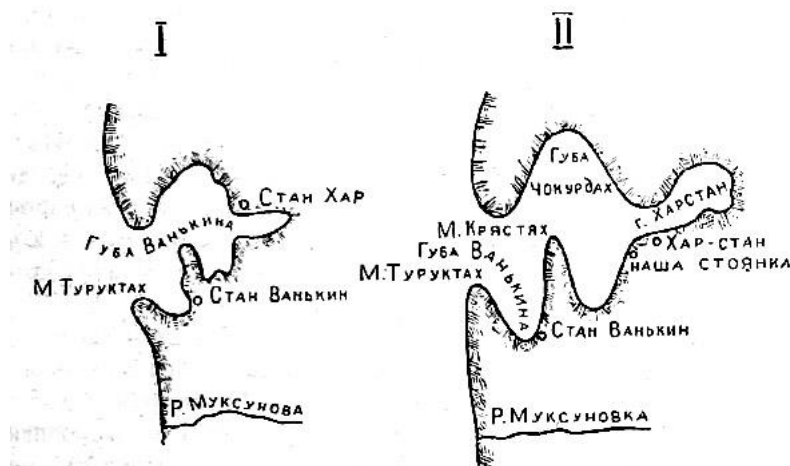
Установив знаки, поехали через бухту по морю, яко посуху. Христофор думал, что речку Хар-стан придётся переезжать на ветках, но она была так мелка, что мы с Дьячковым без всяких разговоров переехали её вброд, а за нами последовал и весь наш обоз. Скоро мы очутились на противоположном берегу и стали искать хорошего места для становища, ибо здесь предстояло простоять несколько дней, пока Н.А. Июдин не доведёт своей съёмки по берегу до нашего становища. Место для стоянки нашли не скоро, ибо долго не могли найти хорошей воды; внизу на лайдах она солёная, а наверху — в небольших челбачках — чёрная, как кофе. В конце концов среди челбачков нашли один побольше и с чистой водой. Здесь и остановились, поставили урасы, укрепив низ тордохи колышками в землю, ибо ветер крепчал и рвал тордоху. По словам Христофора, в одной версте отсюда вглубь бухты и находится поварня Хар-стан: это и есть, очевидно, та же самая поварня стан Хар, что неверно нанесена на карте, так что в общем мы остановились на том месте, где уславливались, хотя и не на том берегу губы.

Забравшись в урасу стал смотреть на карту, чтобы отметить, где же я очутился в конце концов. Названия губ не сходятся с картой. Захватив кусок бумаги и карандаш, я пошёл в большую урасу к Христофору за разъяснениями. После продолжительной беседы с ним, без помощи переводчика, ибо Дьячков был занят приготовлением обеда, выяснилась вся картина местности. Христофор часто повторял слова «бу манна» (вот здесь), показывая на изображённые мною на бумаге заливы, называя их по именам: «бу манна Ванькин куба» (губа), «бу манна Карыстан куба», — очень выразительно говорил он. Это «бу манна» вообще часто употребляется им. Хар-стан произносится им и другими якутами как Карыстан¹; гласные «и» или «ы» часто ими приставляются в начале слова, начинающегося с согласной, например, русское слово спички переделано ими в «исписки». У казаков тоже часто заметно в произношении этого звукового сочетания якутское влияние, например, они не скажут сгнили или скисли, а всегда обязательно «исгнили» или «искисли».

¹ Созвучное с Карыстан якутское слово «Харыстан» обозначает, по Э.К. Пекарскому, «оберегаючи».

Привожу небольшой эскиз местности (черт. 12), как она изображена на стовёрстной карте (I), и как она выяснилась из моих расспросов Христофора (II).

В конце концов, оказалось, что я с обозом очутился гораздо ближе к Муксуновке, чем предполагал быть в этот день, всего в 35 верстах по прямому направлению. Сюрприз, во всяком случае, из приятных — но какие же здесь морские заливы, прямо куры их вброд могут переходить!

Черт. 12. I и II. Невязки в карте у губы Ванькиной.

В самом благодушном настроении по этому поводу забрался я в свою урасу, пообедал и принялся за чаепитие — можно разрешить себе и в накладку. Пошлю на следующий день утром отсюда нарочного на Муксуновку, там, оказывается, можно достать сухарей и соли. Вечером зажёл в урасе свечку и почувствовал себя ещё лучше. Пускай свирепый нордост дует, как ему вздумается, моя ураса стоит прочно, не скоро ему удастся её поколебать, лишь трещит, как трещотка, тордоха, да колеблется пламя свечи. Покатые стены уходят вверх, а внизу пол урасы, покрытый мхом — вот и всё, что теперь могу видеть. Дьячков на ночь плотно снаружи закрыл отверстие урасы, и я замкнут внутри этого конуса. Сижу, попивая чай и размышляя о здешних странных местах. Что ещё предстоит впереди на нашем пути, какие ещё сюрпризы? Налил ещё стакан чая, но досадно, что в прикуску пить приходится; и то, ведь, два стакана выпил в накладку, это слишком роскошно! Разговор в соседней большой урасе утих, значит, там все уже уснули, и я один сижу ещё за чайником. А завтра нужно будет попробовать «кислых гусей», ведь едят же таких русско-устьинцы и устьянцы, а иначе к чему же их так много промышлять было. В экспедиции приходится чувство брезгливости отбросить; может быть в другой раз рад будешь попробовать и личинок паута, которых с таким удовольствием едят чукчи, выколупывая их из шкуры оленей и тотчас же кладя в рот. Хм... сахар в сахарнице окончен,

последний стакан можно выпить и без того, вот уже видно и дно чайника — нужно тушить свет и спать. А что хорошо здесь, так это поспать, завернуться в одеяло и погрузиться в сон, ни о чём не думая!

23 августа (5 сентября) в семь часов утра, выйдя из урасы, увидел, что идёт снег, но к полудню разъяснилось, и я принялся за астрономические наблюдения, хотя солнце приходилось моментами ловить между быстро бегущих туч. Удалось всё-таки сделать наблюдения для широты, но затем небо совсем затянуло. Поехал с Дьячковым на северный берег губы, чтобы вложить в жестянку новую записку с чертежом местности и обозначением пункта нашей стоянки. Всё же странным кажется такое путешествие по дну моря. Олени хорошо бегут по твёрдой, сухой глине. В реке Хар-стан прибавилось воды, было оленям по самое брюхо — начинается, вероятно, заполнение залива водой.

Гуси оказались всё-таки такими, что есть их не придётся, даже якуты не стали; очевидно, такие идут у устьянцев только на корм собакам. Но тут и избалованный нами пёс Кобутко не захотел их есть, и гусей пришлось попросту выкинуть. Скверно! Олень-то приходит к концу, чуть ли не в три дня его съели. Кажись, придётся убить одного из своих — уж очень много едят наши якуты. Работник Конона отправился в Муксунку за сухарями; через день обещал вернуться.

24 августа (6 сентября) снова холодный день, не хочется и из урасы выходить, да и некуда. За обедом пришлось вместо сухарей есть труху, которая только и осталась в мешке. Выбираешь только тщательно такую, которая ещё не покрылась плесенью, но затхлым всё-таки и такая отдаёт. А без сухарей плохо; ведь, я, в особенности, привык всё есть с хлебом, а здесь он заменён сухарями, так что это лишение большое, и обед без них уже не кажется таким вкусным.

Пронзительные крики чаек! Кто-то идёт! Выбегаю из урасы; чайки подняли целый содом и кружатся над мысом. Кто может нарушить их покой, кроме Н.А. Июдина, и он, действительно, через полчаса является с противоположную берега, где по нашему знаку узнал о нашем местопребывании. Живо же обернулся! Он пришёл пешком. Олени же с вещами остались далеко позади, при переправе через реку Чокурдах. Сделал он в этот день пешком и с работой 27 вёрст. Берег почти везде высокий, каким и кажется отсюда. В одном месте река Тёрют образует губу, не отмеченную на картах, глубоко врезающуюся в материк и при западных ветрах заполняющуюся водою, теперь же пустую и сухую, как и Харстанская, и местами покрытую той же красной травой. Сидя в

ураसे после обеда, удивлялись мы здешним губам и заливам моря. Вот, ведь, приедем в Петербург, спросят нас: «Ну, как понравился Северный Ледовитый океан?» А что ответим мы, когда видали его недолго, только у Святого Носа, а остальное время, хотя шли исключительно по самому его берегу, но и воды-то не видали; хорошо ещё, если где-нибудь далеко на краю горизонта увидишь синюю водную полосу.

25 августа (7 сентября) холодный день. Всё-таки пошли с Н.А. Июдиным по берегу губы. В версте от становища, действительно, находится довольно сносная поварня, по-видимому, поддерживаемая жителями, так как служит им убежищем при объездах песцовых пастей. Эта поварня и называется Хар-стан. По дороге нашли самый обыкновенный наш одуванчик и заметили много полярной берёзки. Листья на ней уже красные, как кумач, а величина листочков этой берёзки не более ногтя мизинца. Но попадаются забавные стройные берёзки в 2-3 вершка (8-13 см) вышиною. Хороша страна, где высота дерева измеряется вершками! Уже заметно веяние осени, она подкралась как-то незаметно для нас, да и всё лето было так похоже на нашу позднюю осень. Все едомы изменили свою жёлтую окраску на более красную.

Олени сегодня снова далёко ушли, из-за чего пришлось Н.А. Июдину отложить съёмку Харстанской губы; 24 августа (6 сентября) он довёл её до поставленного нами на противоположном берегу знака. С Муксуновки приехал нарочный, привёз сухарей и соли, а Дьячков ещё и порадовал нас, сообщив, что у Конона на его зимнем жилище, за Муксуновкой, имеется небольшой запас сахара, который Конон согласен нам уступить.

26 августа (8 сентября) утром всё было покрыто снегом — снегом, который уж и не таял. Начал дуть чистый запад; то снова выпадал снег, то небо прояснялось и проглядывало солнце, и мне приходилось дежурить у инструмента. Н.А. Июдин с утра отправился вдвоём с Кононом на верховых оленях и без провизии и палатки в обход Харстанской губы, предполагая обойти её за день и к вечеру вернуться к нашему становищу. Воды в речке Хар-стан было уже столько, что пришлось её переехать на ветке, но сама губа утром была ещё сухая. К полудню вода начала разливаться по глинистой равнине, и к пяти часам вечера уже достигла береговой линии, покрыв всю поверхность губы пока лишь тонким слоем, из которого выглядывали лишь небольшие островки, — более высокие места, покрытые красной травкой. Конон рассказывал, что иногда бывают случаи, когда вода прибывает в Харстанскую губу

настолько быстро, что человек еле успевает убежать от неё. Конону самому приходилось бегом спастись от быстро бегущей воды. Нынче же она прибывала значительно медленнее, но каждый час можно было видеть ясно, как поднимается её уровень.

После двух часов дня удалось, наконец, взять нужные высоты солнца и, таким образом, получить необходимый материал для определения астрономического пункта № 19 Хар-стан. Для приготовления обеда пришлось заколоть, наконец, и своего оленя. Это первый случай, и вероятно, уже далеко не последний, ибо теперь уже трудно будет в экспедиционных условиях жить охотой: птиц стало совсем мало, дикие же олени совершенно перестали попадаться. Говорят, они осенью уходят в горы. В семь часов вечера распорядился, чтобы были готовы несколько наших оленей с тордохами и провизией. Их предполагал отправить навстречу Н.А. Июдину, если он не вернётся до восьми часов вечера. Но как раз, когда мы собирались тронуться к нему навстречу, он показался на берегу губы. Обед был готов, так что всё вышло «кабыть», как говорят русско-устыинцы. Губа Хар-стан, оказывается, имеет совсем не то направление и не ту форму, как показано на обеих картах (стовёрстной главного штаба и пятидесятивёрстной главного гидрографического управления). Береговая линия её оказалась значительно больше, чем было высчитано по картам, почему Н.А. Июдин и запоздал. Расхождение действительного берега с картами здесь наибольшее, которое нами пока было встречено (см. приведённые выше карты на черт. 12 и карту съёмки береговой линии).

Ночью пришлось менять направление «дверей» урасы. Нужно сказать, что урасу необходимо устанавливать так, чтобы отверстие её приходилось в ту сторону, куда дует ветер, иначе ветер проникнет внутрь, и если он достаточно силён, то живо растреплет тордоху, а через час, глядишь, и от урасы останется одно приятное воспоминание. Наша ураса была установлена отверстием на запад, ибо при установке её был восточный ветер, теперь же поднялся сильный «запад» и стал жестоко трепать тордоху и учинять безобразие внутри урасы. Пришлось выползть на волю и перестраивать урасу. А ночь выдалась уже тёмная и бурная. Вся губа заполнилась водой, под которой исчезли торчавшие раньше островки. Белые, холодные волны ходят по губе, придавая ей мрачный вид и создавая иллюзию морской глубины. Кто бы поверил, глядя сейчас на это широкое, бушующее пространство воды, что ещё утром, мы путешествовали по совершенно сухому, глинистому дну

губы. Только в час ночи удалось нам укрыться в уресе; в ней так уютно, светло и тепло, а за её тонкими стенами воет ветер и гудит море!

27 августа (9 сентября) в полдень удалось ещё раз пронаблюдать солнце для широты и при хороших изображениях. Затем занялся определением высот Харстанских гор, а Н.А. Июдин брал на них направления, рабочие же в это время готовили наш отъезд в дальнейший путь. Незаметно надвинулась страшная туча и скоро пошла всякая дрянь: и снег, и дождь, и крупа; в пору было только укрыться в единственную, оставшуюся неразобранной, урасу, что мы все и не преминули сделать. Хотя и было тесно, ибо набились, как сельди в бочку, но зато тепло и сухо. Конон тут же развёл костёр, и мы принялись за чаепитие в ожидании, когда пройдёт туча. На наше счастье, она пронеслась быстро, облака разорвались и показалось чистое, голубое небо. В три часа дня мы покинули Харстанский лагерь и двинулись дальше.

Н.А. Июдин и я здесь снова разделились: как всегда, он направился по самой береговой линии, а я с обозом напрямик к реке Муксуновке, около устья которой мы и условились встретиться.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В окрестностях Муксуновки

27 августа - 2 сентября (9-15 сентября)

Вид на Чокурдах, Хар-стан и Туруктах — Снова в трясине — Невольная днёвка — Осеннее одеяние тундры — Чёрные холмы — Устье реки Муксуновки — Буря 29 августа — Переправа через Муксуновку — Наступление зимы — Разговоры якутов — Астрономический пункт № 20 — От Муксуновки на юг — В гостях у Конона — Впечатления от первого человеческого жилища — Конец сахара и случайное его получение — Тишина ночи.

Снова потянулась низкая тундра, и всё передвижение пошло обычным путём. Христофор вёл обоз в стороне; по словам Дьячкова он поругался с работником Конона за то, что последний усомнился в знании Христофором местности. Скоро он значительно отстал от нас. Взглянув назад я увидел, что от его обоза отделилась чёрная точка и начала удаляться назад. Видимо Христофор что-то потерял. Остановились у едомы, чтобы не уехать слишком далеко от него, а Христофор едет да едет себе назад. Взял бинокль: вижу, что, наконец, он остановился около

нарты. Очевидно, оторвалась последняя нарта его поезда, а он заметил это, когда проехал вёрст пять. Задержка вышла большая. Пошёл пока на едому осмотреть местность. С вершины, по обыкновению, открывается великолепный горизонт во все стороны. На севере сияет на солнце испещрённый трещинами камень Чокурдах, и около него синееет полоска Чокурдахской губы, правее видны, в виде тёмных туч, не освещённые солнцем горы Юрюнг-Хастах, а ещё правее снова освещённые солнцем и покрытые сверкающим снегом, выпавшим на днях, горы Хар-стана с жёлто-красными подошвами. Во все стороны сразу под едомой — низкая, однообразная равнина тундры и то там, то сям едомы; синееет несколько лайд, а вдали, почти на юге, виднеются и вершины Муксуновских гор. На западе узкая полоска Ванькиной губы; через неё виднеется мыс Туруктах.

Спустился с едомы. Христофор всё ещё возится вдали у одной нарты. Ждали, ждали — надоело даже. Рабочие для развлечения стали кувыряться через голову и играть в прыжки. Прошёл час — Христофор всё ещё не двигается. Вероятно, кроме того, что отстала нарта, она ещё основательно поломалась, вследствие чего он так задержался. С северо-запада поднимается чёрная туча. Перспектива быть застигнутым снегом до остановки на ночёвку мало привлекает меня, потому посылаю Багелая к Христофору на верховом олене сказать ему, что мы двигаемся вперёд и остановимся на ночёвку, пройдя ещё пол кёса, чтобы, и он добирался до нашего становища. Работник Конона указал Багелая и булгуннях, у которого мы встанем на ночёвку, но затем мы сами спутались, на какой булгуннях показывали, очень уж их много и все одинаковы; ну, да это и неважно, ведь мы оставляем за собою на тундре очень заметный след. Таким образом, мы тронулись дальше, не дожидаясь Христофора с его обозом. Пошла бесконечная трясина — ехать трудно (уже который раз приходится мне писать об этом). Часто олень проваливается в неё до мерзлоты, прорывая тонкую почву и уходя в воду по самое брюхо, а после с трудом выкарабкивается оттуда. Сидеть верхом нужно глядя в оба, а то, того и гляди, очутишься в холодной воде.

На ночёвку остановились около невысокой едомки на берегу лайды, наполовину поросшей травой. Христофор с Багелаем приехали только через час. Как мы и предполагали, у Христофора поломалась нарта и он занимался её починкой. Прошли нынче вёрст двенадцать (13 км). На следующий день предполагал быть на Муксуновке. Распорядился чтобы завтра встали пораньше, дабы до вечера можно было бы до неё дойти.

Но, как говорят, «Человек предполагает, а бог располагает» или, как говаривал князь, «ну, да как человек узнает» — и на следующий день 28 августа (10 сентября) ни на версту мы не двинулись от нашего становища. Вскоре после полуночи поднялся сильный ветер, повалил мокрый снег, а иногда и дождь, и так продолжалось всю ночь и весь почти день. В такую погоду лучше продневать, всё равно ведь придём на Муксуновку раньше Н.А. Июдина, да и он вряд ли сможет работать в такую погоду, когда почти ничего не видно дальше собственного носа. Испытываешь странное чувство, выходя из своей урасы и глядя на густую сетку, затянувшую всю безбрежную тундру, ничтожной точкой среди которой потерялся наш лагерь, брошенный один на добычу ярости ветра, отделённый сотнями вёрст от человеческого жилья, сам себе предоставленный, без возможности помощи, без возможности сообщить хотя бы что-нибудь о себе... Хочется крикнуть этому свирепому ветру, что не остановить ему нашего пути туда, вперёд, куда обращены наши взоры, несмотря на всё неистовство бури, несмотря на все неожиданности, которые готовит нам, осмелившимся вторгнуться в его владения, жестокий бог севера!

День прошёл в урасе и незаметно пришла ночь и настал полный мрак — мрак для нас столь непривычный, кажущийся особенно густым после непрерывного долгого дня. Ураса закрыта наглухо. Мой мир превратился в десятигранную пирамиду, покатые стены которой сходятся над моей головой; они освещены светом догорающего огарка свечи. Стены дрожат от ударов ветра, но поставлены крепко и не сдают — убежище надёжное и испытанное. Спокойно лежишь, не обращая внимания на то, что происходит там, за тонкой тканью урасы. Свеча догорела и теперь внутри такой же мрак как над тундрой; вместе с ним приходит сон и переносит незаметно в следующий день...

29 августа (11 сентября) трогаемся в путь в одиннадцать часов утра. Часто осыпаемые крупой, при крепком, противном ветре, олени бегут очень хорошо, не то, что в прежнее время — видно, что по сердцу им быстрое приближение любимой холодной зимы. Многие холмы одеты осенними цветами, некоторые в красивых сочетаниях. Вот бы цветную фотографию! Летняя однотонность пропала. Светло-жёлтая посвежевшая отава, светло-зелёный мох, нежный и воздушный, только, к великому нашему сожалению, не любимый оленями, что никоим образом не могло быть понято нами, ибо на наш вкус и тот и другой одинаковы, а

по красоте «нелюбимый», пожалуй, изящнее. Затем местами расположены пятна чёрного, серого и белого мхов. На этом ковре, причудливо вытканном, ярко выделяются микроскопические листики полярной берёзки, ярко жёлтые листики полярной ивы — тальничного листа, как его здесь именуют, зеленеют ещё не успевшие покраснеть и пожелтеть листочки и, наконец, соломенный цвет травы. Здесь вообще стал чаще попадаться чёрный мох. Встречаются совсем чёрные едомы и особенно красивы они — чёрный бархатный ковёр, затканый самоцветными камнями!..

Вскоре вдали показался океан, а затем и берега реки Муксуновки. Пустили наших оленей вскачь: ну, уж и летели, только покрикиваешь и палкой по хвосту для поощрения поколачиваешь. Остановились на правом берегу реки. Переправа отложена на следующий день. Река вся почернела, громадные волны катятся по ней с океана. Вся западная часть горизонта почернела от быстро поднимавшейся с моря тучи. Лихорадочно разбивается наш лагерь. Скорее, скорее! Снова надвигается враг. Только что успели поставить наши урасы, как туча была уже над нами. Что тут поднялось — трудно описать: вчерашнее, по сравнению, было сущим пустяком! Снова быстро настал мрак; ветер достиг силы жестокого шторма. Урасу приходится укреплять основательнее, завалив низ её землёю, чтобы не вырывало тордох, и забив кроме того колья. Со страшной быстротой несётся крепкая крупа, больно бьёт она по лицу и рукам. Термометр быстро падает ниже нуля. В течение нескольких часов несёт и несёт крупу; удивляешься, откуда её столько берётся. Вспоминаешь о Н.А. Июдине и задумываешься над тем, успел ли он разбить себе урасу, ибо при таком ветре уже нет возможности установить её. Несмотря на самое тщательное закрытие щелей в урасе, крупа в большом количестве пробирается во внутрь; то и дело стряхиваешь её с одеяла. Закончив обычные дела, снова располагаешься к благодетельному сну.

Не знаю, когда окончилась буря, но в семь часов утра 30 августа (12 сентября), проснувшись, слышу, что снаружи сравнительная тишина и светло. Приказываю готовиться к переправе, не обращая внимания на обычные в таких случаях отговорки, что ветер ещё очень силен. К десяти часам вышло и солнце; ставлю свой инструмент и занимаюсь астрономическими наблюдениями, пока рабочие разбирают палатки, собирают вещи и готовят ветки к переправе. Сегодня восточный ветер, и вода в реке быстро убывает. Между её высокими берегами расстояние около версты; вчера всё пространство было залито водой, и река

казалась громадной, но теперь стало видно, что, на самом деле, ширина её всего-навсего метров 140, остальное же пространство — мелкая отмель, лишь при западных ветрах покрываемая водою. Переправа идёт успешно, уже все вещи на противоположном берегу, где снова красуется наш живописный лагерь. Когда я заканчиваю наблюдения, за мною приезжает Иван, чтобы завершить переправу перевозкой астронома с его хронометрами. Но погода снова испортилась, снова ветер, снова снег и крупа. Ветер за эти сутки дул на нас со всех стран света, был W, потом SW, потом S, SO, O, ONO и теперь NO, т.е. прошёл минимум. Погода, как выражается Христофор, «самый кусаган» (кусаган — плохой). На противоположном берегу, только что мною покинутом, около поставленного на месте определения знака-столба, замечаю Н.А. Июдина. Вот скорый-то!

Вскоре сидим с ним в уресе за чаем, рассказывая друг другу о путевых впечатлениях: 28 августа (10 сентября) и ему пришлось просидеть, не выходя на работу, да и последние 7-8 вёрст пришлось проехать без работы — из-за снега и крупы ничего не видно. Вообще, в этот перегон ему было трудно работать; вследствие сильного ветра трудно было брать направления; спина оленя служила плохой защитой от ветра, приходилось для отсчёта ложиться на землю — но разве везде на тундре ляжешь!

К ночи все окрестности были покрыты снегом. Зима, совсем зима! Не увидим больше тёплых дней, немного же их было отпущено в этом году на нашу долю. Снег не выпадал всего-навсего пятьдесят четыре дня, а именно с 1 (14) июля по 23 августа (5 сентября). Расположились спать, а в соседней уресе Иван затянул какой-то бесконечный разговор, на якутском языке конечно. Каждую фразу начинает он с повышения и понижает тон к концу, как бы ожидая неизменного со стороны слушателя «э», получив которое, снова начинает разговор. Иногда Христофор вставляет своё любимое, неизменное «суоох» (нет). Такие разговоры у них часто бывают.

31 августа (13 сентября) по-прежнему всё покрыто снегом, но солнце выглянуло, и я снова принялся за астрономические наблюдения для лучшего определения пункта № 20 — устье реки Муксуновки. Необходимо также связать эти наблюдения со сделанными на противоположном берегу, почему после наблюдения расставил мензулу и занялся съёмкой устья реки. Н.А. Июдин же с Кононом отправились с утра для

продолжения съёмки от того места, где её пришлось прекратить накануне из-за плохой погоды. Под вечер удалось пронаблюдать и Полярную для широты. Вследствие ясной ночи термометр упал до -5° . У Конона в уресе идут веселье и смех: все наши гуляют — Николай с Баглаем празднуют окончание экспедиции, ибо это последний день их службы у нас; после Муксуновки их заменяют Конон и другой якут Василий, Христофор же и якут Иван с Оёгоса идут с нами до встречи с Куртахом и следующей партией оленей.

1 (14) сентября Конон переезжает на зимнее жильё в свою юрту, несколько к югу от устья Муксуновки. Мы и предполагаем остановиться в его доме на ночёвку.

Рис. 73. Сборы в путь на р. Муксуновке. Фот. Н. А. Июдина.

И.А. Июдин надеется на эту юрту, как на каменную гору. Там и вымыться-то можно будет и побриться, а то, ведь, страшно сказать, не мылись с самого торжественного отправления на Святой Нос, т.е. с 14 (27) августа, а теперь уже 31 августа (13 сентября).

1 (14) сентября сборы в путь (рис. 73) вышли продолжительные, долго не удавалось поймать оленей. Я успел ещё раз определить время и широту по солнцу, пока рабочие возились с оленями. Некоторых всё-таки так и не удалось поймать, бежали за обозом свободные. Наши рабочие пытались много раз их поймать, но безуспешно; смешно было смотреть, как они гонялись за оленями. Один раз Николай накинул на одного мамык, но тот так рванул, что Николай полетел при общем смехе остальных.

Поднявшись с низины на едому, увидел вдали чёрные точки, очевидно, юрты Конона. Сам Конон уехал туда раньше, чтобы приготовить юрту к встрече гостей. Местность здесь несколько иного характера, видно влияние недалёких камней — Муксуновских гор (рис. 74). Попадают настоящие озёра с «ярными» берегами, в которых кроме глины

есть и песок. Погода снова испортилась, снова мокрый снег, и надвигается чёрная туча со стороны моря. Даём оленям полный ход и лихо подкатываем, наконец, к юрте Конона, у дверей которой встречает нас сам хозяин.

Не можете представить себе чувства, с каким вошёл я, наконец, в человеческое жилище и уселся на скамье у стола, против пылающего камелька! Почти три месяца прошло с тех пор, как мы начали наши скитания по безлюдной пустыне, в течение которых только на Оёгосе встретили промышленников, живших в таких же урасах, как и наша. Вот когда по достоинству оценишь эту маленькую комнату, маленькие окошечки, покрытые оленьей брюшиной, и потому непрозрачные, деревянные скамьи вдоль стен и... камелёк, главное — камелёк и весело потрескивающий в нём животворный огонь, а на нём несколько кипящих чайников! Нет, карандаш тут абсолютно бессилен! Он не передаст испытываемых ощущений, когда здесь отогреваешь замёрзшие в сапогах ноги и снимаешь, наконец, бобриковую куртку. Дьячков наливает стакан горячего чая. Не нужно больше закутываться в одеяло, можешь вытянуть ноги под столом, как угодно, и можешь пить чай не согнувшись в три погибели, а даже облокотясь на стол! Да, только после трёхмесячного скитания понимаешь, как всё это ценно и как приятно, хоть ненадолго, отдохнуть в юрте! А писать — что уж об этом и говорить — как не располагайся в урасе, то и дело ноги сводит судорога от продолжительного их изгиба в неподвижном состоянии.

Часа через два приехал и Н.А. Июдин, ведущий съёмку по самому берегу, и потому прошедший большой путь. Принялись за обед. Опять же

Рис. 74. Вид на р. Муксуновку и Муксуновские горы.
Фот. Е. Ф. Скворцова.

и тут комфорт — настоящий стол, а не ящик от кипрегеля. После обеда рассчитали Багелая и Николая, наградив их кроме жалованья шестью оленями. У Конона нашлось $15\frac{3}{4}$ фунта (6 кг) сахара, что также могло только повысить наше благодушное настроение, ибо утром Дьячков как раз насыпал в сахарницу остатки и сообщил печальную весть: «Сахару больше нет», а тут кстати у Конона и нашёлся он. Вот ловко подогнали, нет, положительно, нам основательно везёт!

2 (15) сентября днёвка, ибо нужно отобрать наших новых оленей, заготовленных здесь для смены и пасшихся вместе со стадом Конона в четырёста голов. Да и все мы, говоря откровенно, с удовольствием проведём день в юрте, прежде чем снова пуститься в безлюдную тундру, к тому же уже, увы, в холодное время. Термометр ночью упал до -6° . Дьячкову, по случаю днёвки в юрте, поручена кое-какая стирка, а то насчёт белья уже также приходилось довольно-таки туговато. День проходит незаметно; пользуемся всей роскошью комфорта, который может представить такое великолепное строение как юрта. Тут вовсе нет шутки, всё ведь относительно!

В десять часов вечера вышел из юрты посмотреть на погоду. Стало совершенно тихо, падает мелкий снег, в темноте потонули море и тундра, среди которой совершенно одиноко стоит юрта. Ведь это здесь в этом районе самое северное человеческое жилище, немного их можно насчитать далее к северу и в других районах земного шара. Юрта стоит на самом берегу, лучше сказать там, где кончается обычная отмель, покрытая красной травой.

Над океаном и тундрой лежит мёртвая тишина, и на неё бесшумно падают снежные пушинки. До поздней ночи сидели с Н.А. Июдиным за столом в юрте; огонь в камельке уж погас, юрта освещается лишь свечей, стоящей у нас на столе. В углах темно и тихо, совсем тихо, слышно лишь как шуршит карандаш по бумаге. Оглядываешься кругом на необычную обстановку — где мы, какое чудо занесло нас сюда? Раскрыт мой хронометрический сундук, в перебивку отбивают секунды времени хронометры, бежит время — невозвратное время!..

Как мало вообще обращаем мы внимания на его неудержимый полёт, а между тем и этих малых промежутков в полсекунды между ударами хронометров отпущено на нашу долю вовсе не бесконечное количество. Казалось бы, каждой секундой нужно дорожить, но мы их разбрасываем, как нечто ненужное!..

Ни скрип карандашей, ни беспорядочное тиканье хронометров, ни лёгкие, как сон, удары воздушных снежинок о кожу оленьей брюшины в окне не мешают таинственной немой тишине, проникшей снаружи с беспредельного простора океана и тундры к нам в маленькую юрту. К нам пришла тихая, тёмная ночь, такая же широкая как океан и тундра, своим молчанием она залила всё и в юрте, у нас также всё замерло, недвижим свет умирающего уголька в камельке, не колеблется и пламя

свечи, и мы боимся нарушить словом торжественное молчание и, молча, сидим за работой; иногда только снова обращаешь внимание на неугомонный ритмический стук времени, безостановочно и бесстрастно летящего вперёд.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

По берегу Сиэлляхской губы

3-9 (16-22) сентября.

Прощание с жителями юрты Конона — Река Харбас — Вечерняя заря, звёздное небо и северное сияние — Река Данилкина — Астрономический пункт устье реки Данилкиной — Лёд на лайдах — В уресе при свете костра — Брусника и морошка — Переправа через Билир — Вид на Сиэлляхскую губу с едомы при Билире — Река Сиэллях — Снова байджараки и льды — Встреча с головою Устьянского улуса — Организация дальнейшего пути — Переправа через Сиэллях — Три месяца со дня выезда из Русского Устья — Реки Ниерпялях и Кюлюмяннях — Нежелание оленей переправляться через общее русло этих рек — В лабиринте лайд — Сиэлляхская бухта под водою — Мыс Муостах — Река Метин-Апка — Осеннее равноденствие — Разговоры с Христофором о полуострове Стан Маныко — Река Дяр-Юрягя — Мыс Дымный и река Дымная.

3 (16) сентября рано утром начались сборы к отъезду из гостеприимной юрты, но от раннего их начала толку вышло мало: наши спутники неохотно покидают тёплую юрту и тянут со сборами как можно дольше. Н.А. Июдин отправился по берегу несколько раньше, условившись со мною о встрече в 15 верстах к югу отсюда, при устье реки Харбас, где, ввиду предстоящей переправы, назначена ночёвка. В четыре часа дня всё было готово, началось прощание, заныли остающиеся: «Просты, просты, просты!..» Легко подхватили олени нарты и быстро побежали по неглубокому снежку. К вечеру разъяснило, выглянуло солнца, бросив на нас всё ещё животворные лучи свои, но ненадолго, ибо его огненный шар опускался к горизонту и вскоре величаво окунулся в холодные воды океана. Великолепнейшая заря охватила всё небо, вернулось к нам великолепие зимних зорь. Идём быстрее, ибо сумерки стремительно надвигаются — не то, что в прежнее время. Уже темно, а ночью трудно встретиться с Н.А. Июдиным. Когда подошли к реке, тьма значительно сгустилась, но выстрелом из винчестера дали знать на всякий случай о

нашем местоположении. Н.А. Июдин вскоре подрос к разбиваемому лагерю.

Темно, но ещё ярко-красной каймой охвачена тёмно-синяя полоса вод океана и лишь медленно блекнет её красный цвет. В чистой синеве неба засверкали звёзды. Стало ещё темнее. От зари только намёк. Высыпали все звёзды, низко сияет Арктур, а над ним Большая Медведица раскинула свою колесницу; высоко наверху горит Полярная звезда, а в южной части горизонта знакомый треугольник: Вега, Денеб, Альтаир. На востоке мерцают Плеяды и ярко-огненный Марс горит немерцающим светом, превосходя по яркости даже голубую Вегу. Бело молочной дугой протянулся Млечный путь. На севере иногда вспыхивают лёгкие белые нити и, как молнии, пробегают по небу. Собирается разыгаться северное сияние. Жду его, а пока смотрю в раскрывшуюся бездну небес.

Но что это там, позади, на севере? Трепещущая, нежная, цвета крем дуга поднялась над горизонтом под колесницей Большой Медведицы, касаясь своим переливающимся таинственным светом нижних звёзд Медведицы. Сквозь колеблющийся свет мерцает желтоватым цветом Арктур. Всё сильнее яркость дуги, и всё выше поднимается она, не оставляя концами своими линии горизонта. Вот она уже покрыла своим сиянием все семь светильников Большой Медведицы и венец Северной короны, звёзды которых светят теперь через её прозрачную завесу. Но ещё выше поднимается дуга, а снизу параллельно ей поднимается и вторая, ещё более яркая. Вот первая добралась уже до столь высоко здесь стоящей Полярной звезды, а вторая, заступив её место, раскинулась, ярко сверкая, через Северную Корону и Большую Медведицу. Через эту сверкающую дугу лишь едва видна самая яркая звезда Короны — Жемчужина, а остальные потонули в её ярком трепещущем сиянии. Но быстро оставила она и их внизу, стремясь к высшей точке неба, к зениту. Млечный путь померк и стал невидимым перед этой высоко раскинувшейся сверкающей дугой. И вот чудесная дуга достигла зенита, и вдруг мгновенно, как бы по волшебству, изменилась вся картина неба. Дуга рассыпалась на тысячи стрел, падающих вниз от зенита, и всё небо покрылось блуждающими, переливающимися стрелами, ни одной секунды не остающимися в покое. Такое неподвижное всегда небо превратилось в непрерывно меняющуюся завесу из причудливо играющих стрел. Казалось, что рушится это неподвижное небо. То в цилиндрическую поверхность сгруппируются стрелы, оставив свободным небо над

головую, то, наклонясь, образуют коническую поверхность, как бы волшебную урасу, построенную на краях горизонта, стены которой охватывают всё видимое пространство и сходятся близ зенита, где оставлен кружок тёмно-синего неба; то ярким снопом рассыплется стрелы от самого зенита и до самого горизонта, захватив тогда всё небо, погасив вечные звёзды ярким сиянием, сквозь которые видишь лишь самые блестящие из них.

Но нет! Слова совершенно бессильны описать чарующую прелесть этого явления, бесконечное разнообразие его форм и игры оттенков, чудесные переливы волшебных лучей, трепещущих то едва уловимым светом, то ярко вспыхивающих, бегущих по небу, группирующихся в правильные фигуры и в несколько мгновений рассыпающихся в полном беспорядке, в беспорядке, который, кажется, невозможно более привести в какую-либо систему, но незримой силой снова, мгновенно, собирающихся в различные фигуры в строгом порядке. И удивительнее всего то, что каждый раз сияние принимает новые формы и никогда не повторяется в том виде, в каком вы наблюдали его однажды. Очарованные чудесной игрой таинственных сил, в благоговейном трепете стояли мы молча в глубочайшей тишине безбрежной пустыни и думали, что только для того, чтобы раз посмотреть на эту фантастическую картину, без всякого шума разыгрывающуюся в тёмных небесах, стоит претерпеть все лишения, все неприятности, неизбежно связанные с путешествием по полярным странам, — в течение нескольких минут вы будете вознаграждены с избытком за всё. Может какой-нибудь физик и скажет, что всё это такая же Гейслерова или Круксова трубка, через которую он пропускает электрический ток от своей электрической машины, только лишь много большего размера, но и это не уменьшит очарования, как не уменьшает наслаждения красотой неба после заката солнца наше знание, что вся эта красота обуславливается лишь отражением и преломлением лучей солнца в воздушной оболочке земли.

Ещё раз поздно ночью, когда я уже расположился на сон, Н.А. Июдин вызвал меня из урасы словами: «беда яркое снова стало сияние». Не одеваясь, выскочил я из своей постели на мороз, чтобы не прозевать минутной иногда вспышки, и увидел теперь облачное замкнутое кольцо, висящее в небе на высоте, примерно, 45° , центр которого находился несколько ближе к северу от зенита. Неравномерно освещённое, переливалось оно, оставаясь неподвижным. Вообще следует заметить, что

стреловидные полосы значительно более подвижны, чем облаковидный свет. Ленты и ровные полосы так же, как и облачные формы, сравнительно медленно перемещаются по небу, тогда как все стреловидные образования мгновенно преобразовываются в разные формы и быстро перебегают с одного края неба на другой.

4 (17) сентября удалось на много продвинуться вперёд, ибо мы прошли 17 вёрст (18 км) и совершили переправу через две реки: Харбас и Данилкину. Обе реки невелики, метров в 80-100 шириной. Но, как вообще у всех рек в районе между Святым Носом и Сиэлляхом, низкая широкая долина их, покрытая красной травой, при западных ветрах заливается морской водой, и реки становятся много шире; некоторые достигают даже версты шириной; однако, обманчивая величавость рек тотчас же пропадает, когда стихнет западный ветер и нагнанная им вода вернётся в океан, обнаружив действительные размеры реки.

Лёд на мелких лайдах и в челбачках оказался уже толще, выламывая его получаешь зеркально прозрачные куски с удивительно строго параллельными поверхностями. Толщина таких кусков льда достигает уже двух сантиметров. Но солнце всё ещё греет основательно и за этот безоблачный день оно растопило лёгкий снежный покров, который остался лишь на северных склонах едом; однако, растопить начавший образовываться ледяной покров уже не хватает энергии у косо падающих лучей его. Переправившись через р. Данилкину, я расставил универсальный инструмент на вершинке едомы и успел до заката солнца пронаблюдать Полярную для широты.

В 7 часов закатилось солнце, и снова мы любовались великолепнейшей зарёй, зажёгшей даже южную часть горизонта сперва малиновым, а потом фиолетовым бенгальским огнём. Ждать обеда пришлось долго, ибо наша переправа отняла много времени. Последними перегоняются олени. В реке, освещённой малиновым цветом, движется лес их рогов. За обед сели только в девять часов вечера, аппетит после двенадцатичасового поста появляется великолепный. После обеда снова взялся за инструмент, наблюдая для определения времени Вегу и Альдебарана. Ветер мешает наблюдениям, задувая фонарь, но всё же удаётся получить нужные высоты и сообщить Н.А. Июдину, что «астрономический пункт № 21 — устье реки Данилкиной — определён». Звёзд высыпало на небе сколько их полагается, но сначала свет зари, а потом свет не погасавшего всю ночь северного сияния, ослабляли темноту ночи и гасили мелкие звёзды. Сияние было не такое интенсивное как накануне. После

наблюдений спать ещё не хотелось, занялись чаепитием. Весь наш лагерь уже спал, только Христофор пришёл и развёл у нас большой костёр, так что пламя охватывало кругом траву и часто подбиралось к нашим одеялам. Приходилось поэтому часто гасить горевшую траву, но зато было тепло у нас в урасе, тогда как там, за тонкой тордохой, термометр показывал уже $-6,5^{\circ}$. Выйдя из урасы после чая в третьем часу утра, увидел редкое здесь созвездие Ориона, наполовину выглянувшее из-за едомы. На северо-востоке уже загоралась утренняя заря, и бледнела перед ней светлая полоса дуги северного сияния. Костёр у нас в урасе погас. Выбросив головёшки, собрали в кучу горячие уголья, закрыли плотно все отверстия нашего жилища и улеглись спать. Было очень тепло, долго согревало нас тепло горячих углей, замкнутых в небольшом пространстве нашей урасы.

5 (18) сентября такой же чудесный день, как и накануне. В полдень пронаблюдав ещё солнце для определения широты места и взял высоты видневшейся большой едомы на реке Билир и камня Зимовье, находящегося далеко отсюда на берегах реки Сиэлляха. На едоме поставили обычный столб астрономического знака и около часа тронулись в дальнейший путь. Лёд за ночь стал толще и на некоторых лайдах он достигал уже толщины трёх пальцев. На едоме при реке Данилкиной мы нашли довольно много совершенно спелых ягод нашей знакомой брусники, показавшихся нам замечательно вкусными.

Вскоре подъехали к реке Билиру с высокой едомой на левом берегу (рис. 75). Началась переправа (рис. 76), закончившаяся на этот раз весьма быстро, — в два с половиной часа. Под едомой нашли много морошки, замечательно сочной и сладкой, прохваченной морозцем. Ну, конечно, не утерпел, чтобы не подняться на едому и не осмотреть местность с её высоты. С вершины открыт горизонт во все стороны. Какой простор! Билир разделяется поблизости на два рукава; к морю тянется бесконечная отмель с красной травой и бесчисленными лайдами — точная копия оконечности Меркушиной стрелки. Самое море видно где-то далеко-далеко, в виде тёмно-синей полосы. Далеко на отмели Билир и Сиэллях сливаются в одно русло (см. карту маршрутов). Через бесконечный лабиринт лайд, перемешанных с голой глиной и красной травой, виднеется далёкий мыс Анггардам на противоположном берегу Сиэлляхской губы — до него отсюда напрямик около 40 вёрст (43 км). Ярko сверкают на солнце полосы воды на протоках и лайдах среди тёмной глины и красной травы. Вот вам и Сиэлляхская губа — «морской залив». Среди

этой каши лишь серебряной широкой полосой сверкает многоводный Сиэллях, дерзко рассекая непроходимый лабиринт лайд, глины и красной травы. Вот оно дно Сиэлляхской бухты, а подуй северный или северо-западный ветер — вместо всей этой картины мы бы видели лишь бушующее пространство воды. Теперь же все тайны дна Сиэлляхской губы открыты перед нашими глазами!

Рис. 75. Переправа через р. Билир. Фот. Е. Ф. Скворцова

Спустившись с едомы, тронулись дальше и скоро подошли к крутому берегу Сиэлляха, представляющему те же ледниковые отложения, что и на Оёгосе. Берег увенчан коническими байджараками, а внизу из подмытых волнами берегов выглядывают давно не попадавшиеся нам нижние льды. Через реку та же картина дна губы: глина и лайды, лайды и красная трава. И вот в такой-то безотрадной стране такое несказанное великолепие небес! Вскоре крутой и высокий берег Сиэлляха сменился низким, где расположилось несколько земляных жилищ, из которых к нам навстречу вышли люди. Один из якутов весьма солидной внешности, в бархатном кафтане и с цепью, надетой на шею. То был сам голова Устьянского улуса, ждавший здесь прибытия экспедиции. Он передал нам письмо К.А. Воллосовича, проехавшего несколько южнее устья Сиэлляха почти месяц тому назад, а именно 2 (15) августа. К.А. Воллосович сообщал нам, что олени, заготовленные в партии Куртаха, никуда не годны и он сдаст их обратно в управу; вместо них он купил за 250 рублей новую партию оленей и на них продолжает свой путь до устья Омолоя. Голове же было приказано найти для нас наёмных оленей.

Рис. 76. Перегонка оленей через р. Билир. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Пошли переговоры об организации дальнейшего пути. Здесь оставляем ненадёжных оленей и берём за прогоны новых. Второй партии даём распоряжок ждать у устья Чендона, а через неделю, в случае нашего отсутствия, выйти к нам навстречу к стану Маныко. Думаем, что при такой организации частых смен оленей уже будет мудрено задержаться, по крайней мере, по недостатку перевозочных средств.

Тихая ночь спустилась незаметно для нас на землю, снова одев небо волшебной красотой. Ярко-красная заря отразилась в неподвижном светлом зеркале величавого здесь Сиэлляха, на самом берегу которого мы разбили наш лагерь. Всё ярче загораются звёзды, всё больше их и все они горят в чистом зеркале Сиэлляха. «Ночь плыла в мировой океан незаметно», как сказал П. Драверт.

6 (19) сентября проснулись уже без солнца. Пасмурное небо низко спустилось, придавив своей тяжестью и без того печальную, бесплодную равнину лайд и глины, на которую нам приходилось перебираться. Пришёл голова, у которого мы купили ещё 4 кг сахара, чая, оленьих языков и пару торбасов уже для зимнего пути. Земля теперь подмёрзла и, наконец, мы избавлены от сырости. Началась обычная процедура переправы через глубокую и широкую реку. Мы надеялись, что это будет уже последней переправой, потому что, пока мы доберёмся до дельты реки Чендона, вероятно, реки уже будут скованы на долгую зиму ледяным покровом. Уже и теперь во многих лайдах лёд настолько толст, что, если встать на него осторожно, выдерживает тяжесть человека. Пока происходила переправа, рассчитали Конона и его работника Ивана. Голова всё расспрашивал о том, как мы распорядимся остающимися оленями.

Часть пошла в награду рабочим, часть решили оставить на всякий случай до получения от нас сведений из села Казачьего. Но голова про каждого подробно расспрашивает и, наконец, говорит о каком-то шестнадцатом, оставшемся у какого-то Василия на реке Юрюнг-Улахе. Извольте тут ещё помнить о каждом олене, где и у кого он остался, или где мы его бросили на нашем роковом для оленей пути. Ну, сказали ему, чтобы олень так и оставался у неведомого Василия — не вытребовать же его за 700 вёрст в Казачье. С собой берём дальше 57 оленей. Хотя нам сейчас для передвижения и много такого количества, но теперь приходится ими и питаться, так как ни диких оленей, ни птицы не попадается, приходится гнать с собою несколько штук для еды. Действительно, роковой путь совершают с нами олени!

Переправа очень затягивается, и только в половине седьмого вечера, когда в разорванной вблизи горизонта полосе облаков появилось почти касающееся края горизонта солнце, двинулся, наконец, наш обоз снова по красной траве, между лайдами. Скоро от солнца остался только яркий красный сегмент, а затем и он опустился под глинистую равнину. Нам нужно было дойти только до кормовищ, где и остановиться на ночёвку, потому что идти ночью со съёмкой теперь уже нет возможности, особенно здесь, где и днём-то придётся с трудом отыскивать береговую линию. В половине восьмого вечера становимся на ночёвку у песцовой пасти, которая за неимением плавника разбирается, чтобы послужить материалом для костров. Снова в уресе, снова весело потрескивает огонь костра, а когда он догорает, горячие уголья собираются в кучу, ураса закрывается, и мы располагаемся ко сну, со словами: «И в экспедиции бывают приятные минуты!»

7 (20) сентября ровно три месяца с тех пор, как мы с самыми радужными надеждами покинули Русское Устье. Могли ли мы тогда поверить, если бы нам сказали, что через три месяца мы будем всего только у устьев Сиэлляха, тогда как мы предполагали в это время подходить уже к устьям р. Лены. Вот наглядные результаты пути по Лопатке и стрелке Меркушина. В этот день в путь тронулись рано, и, чтобы избежать переправы через две реки — Ниерпялях и Кюлюмяннях (не показанные на старых картах, см. карту маршрутов экспедиции), пришлось взять от берега несколько вглубь отмели, где эти реки сливаются вместе, образуя одно русло; таким образом можно сэкономить одну переправу. В совершенно голых, глинистых берегах вьётся эта река. Трудно представить себе всю печальную безотрадность этого ландшафта, перерезанного

массой извивающихся на всевозможные фасыны лайд, путаясь в лабиринте которых лишь с трудом подвигаешься вперёд, заезжая иногда в тупики, из которых, разворачивая весь обоз, с трудом приходится выбираться назад.

Переправа снова затянулась, хотя и перекинули вещи довольно быстро на другую сторону, но зато олени что-то заупрямились. Стоя и любуясь картиной загонки оленей в реку очень сожалел о том, что у меня нет кинематографического аппарата, чтобы снять эту живописную, живую картину. Что-то нынче олени совсем не хотят идти в воду. Дьячков и рабочие бегают по колена в воде с вёслами в руках, загоняя оленей, те идут послушно пока их гонят, но, дойдя до того места в реке, откуда нужно пускаться вплавь, поворачивают вдоль берега и, минуя загонщиков, бегут по мелкому месту, отбрасывая целые потоки сверкающей алмазной пыли, и скоро уже несутся во всю прыть по глинистой равнине. Редко кому-нибудь из рабочих удаётся вовремя перерезать оленю путь и ударом весла по воде запустить струю сверкающей воды в морду животного, отчего оно, ошалевши, поворачивает и плывёт уже на противоположный берег, где его поджидает Христофор, налаживающий нарты для дальнейшего пути. Много раз повторяется такая загонка и всё безуспешно, лишь несколько штук удалось переправить к Христофору. Удивляюсь, почему они так заупрямились: и река-то не широка, всего метров 100, а ведь пловцы они великолепные. Взбрела, видно, вожаку такая фантазия и всё стадо не пожелало идти в воду. Вижу, что так до ночи не удастся закончить переправу; приказал бросить загонку, переловить их и отдельными кучками, привязанными к ветке, переплавлять на другой берег. Так пошло быстрее, и в четыре с половиной часа вечера все были на противоположном берегу. Я, как всегда, переехал на ветке последним, заканчивая переправу; однако только в пять часов удалось тронуться дальше. Снова по голой глине, между бесконечными лайдами, направились мы к видневшейся вдали едоме, около которой условились встретиться с Н.А. Июдиным, шедшим по самому берегу, тогда как мы передвигались наподобие израильтян в Чермном море — по расступившемуся для нас дну моря. Сколько раз выбранишься на этом пути; ведь, в самом деле, наша едома лежит по направлению к юго-западу, а из-за этих проклятых лайд иногда держишь путь на северо-восток, имея цель нашего пути сзади. Одна лайда протянулась рекой версты на четыре. Стало уже темнеть, того и гляди разойдёшься с Н.А. Июдиным, а тут ещё эта лайда! Стали искать брода и, к счастью,

нашли его в одной перемычке, очевидно соединяющей две длинные лайды в одну. Дьячков только перемудрил, хотел найти место помельче и не пошёл за Христофором, да и провалился верхом на олене в глубокую воду. Олень задурил и сбросил его в воду при общем смехе якутов. Сегодня он вообще несколько раз отличался, не желая идти за опытным в этих местах Христофором, выписывавшим со своим обозом удивительную «кривую кратчайшего расстояния» между двумя точками. Дьячков же авторитетно выбирал какое-либо прямое направление и, следуя ему, попадал в такой тупик, что приходилось с трудом поворачивать на 180° и выбираться назад. При встрече Христофор, конечно, подсмеивался над ним, а тот, понятно, сердился, и всё это развлекало нашу компанию. Да, здесь можно убедиться в том, что аксиома геометрии, гласящая, что прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками, в этом лабиринте не оправдывается. Уже стемнело, когда вдали разглядели движущуюся точку — Н.А. Июдина с его якутом. Оставив обоз сзади и приказав ему двигаться по нашим следам, мы с Дьячковым пустили наших оленей во всю прыть, чтобы до полной темноты встретиться с нашими. Но, опять же напрямик, вот как видишь наших, — не полетишь, и, огибая лайды, понеслись мы к движущимся чёрным точкам. Они, заметив нас, ждали у пасти, и в скором времени мы встретились и начали готовиться к ночёвке. Снова пришлось из-за недостатка плавника разобрать пасть. Между прочим, этот недостаток плавника тоже наводит на некоторые размышления: значит, этого коренного — если его так можно назвать — берега лишь в редких случаях достигает вода океана, вследствие чего этот берег лишь редко бывает, действительно, берегом моря. Весь этот день простояла тёплая погода — было 5° тепла и даже вечером было $0,6^\circ$, но ночью пошёл дождь и задул сильный норд-вест.

8 (21) сентября погода испортилась, сильный норд-вест не унимается. Норд-вестом нагнало воды в бухту, и те места, где мы накануне переправлялись и где бродили по сухой глине между лайдами, оказались покрытыми водой, по которой катились сердитые, седые волны. Ну, как же не израильтяне, убегающие от египтян, — прошли по дну моря и воды сомкнулись. Сначала ехали вместе с Н.А. Июдиным по бережку, довольно резко очерченному, как граница между голой глинистой поверхностью и нормальной тундрой, но под снежным покровом здесь было бы невозможно отыскать береговую линию. Далее к северу шёл выступ берега с мысом Муостах на конце. Здесь разделились, по обыкновению,

условившись встретиться у устья реки Дяр-Юрягя. Мы двинулись прямо наперерез мыса. Местность поднималась вверх — масса трещин, болотцев и челбачков. С невысокого перевала снова открывается панорама Сизэлляхской губы; теперь правая её половина, ближайшая к восточному берегу, вся сплошь залита водой. Исчезли все лайды, виденные мною с едомы на реке Билир, но левая, западная её половина ещё на громадные пространства свободна от воды: там распростёрт бархатный ковёр красной травы. По восточному берегу тянется невысокий яр, кончаясь в большой дали выступом мыса Ангардам (северо-восточный конец полуострова Стан Маныко). Весь этот большой прямоугольник, вдающийся в море, называется здесь полуостровом Стан Маныко по имени стана, расположенного в северо-западном углу полуострова. До места нашего свидания оказалось довольно далеко, и мы только к вечеру, наконец, спустились в долину реки и остановились на ночёвку на её берегу, заброшенном большим количеством плавника. Когда уже стемнело, приехал к нашему лагерю и Н.А. Июдин. Теперь рано приходится кончать работу, и всё короче и короче будет становиться рабочее время, — чувствуется стремительное приближение долгой полярной ночи.

Рис. 77. Низкая тундра с лайдами у мыса Дымного. Фот. Е. Ф. Скворцова

9 (22) сентября день осеннего равноденствия; с этого дня солнце уходит в южное полушарие и на самом северном полюсе в этот день скроется оно на полгода под горизонт, а затем полярная ночь будет спускаться к югу, охватывая всё больший район. Да, теперь для полуденного

зенитного расстояния вместо формулы $Z = \varphi - \delta^1$ будем иметь формулу $Z = \varphi + \delta$, а φ (широта), ведь у нас и без того велика — более 70° , δ же будет всё увеличиваться, так что всё ниже и ниже будет подниматься солнце в полдень над горизонтом².

Утром Христофор сообщил, что немножко ошибся, и что мы стоим не на Дяр-Юряге, а на Метин-Апке — протоке, впадающей в неё, Дяр-Юряга же отсюда невядалеке. Не всё ли нам равно, в сущности, какая это река? Утром было кяпсе с Христофором относительно знаменитого полуострова Стан Маныко, на который нам придётся теперь вступить и идти на который весной отказались наши якуты, уверяя что он имеет в окружности 500 вёрст (533 км). То было весной, когда мы стояли к западу от него у занесённой снегом поварни Дяльбиргялях. Теперь мы подходим к нему с восточной стороны. Христофор нарисовал нам план всех мысов. К сожалению, в своём запутанном начертании он сбился с ориентировки по странам света, но мысов и рек он насчитал весьма много. Начало полуострова можно считать у мыса Дымного, дальше идёт ровный берег до мыса Ангардам, затем поворот на запад, Стан Маныко, мысы Улахан и Куччугуй Боруллауолах, мыс Туркан, река Кюндюёбйадях и прочее, прочее, что ещё необходимо нам осилить. «Ну ладно, Христофор, пойдём проверять твою карту», — сказали мы.

В 11 часов тронулись в путь. Метин-Апку переехали вброд. У Дяр-Юряги, бывшей всего в трёх верстах, позадержались немного в отыскании брода, но, найдя его, к великому нашему удовольствию, удачно переехали реку снова ниже её устья. Сказали Христофору, что необходимо доехать до мыса Дымного, хотя он и покачал головой, сказав, что до него «икки самый-самый улахан кёс» (двадцать самых больших вёрст). За р. Дяр-Юряга — высокий берег, очевидно, бывший когда-то настоящим яром, но, вследствие редкого доступа к нему моря, застывший в разрушении; даже склоны его поросли травой. Внизу под яром крутой склон берега. Нарты часто опрокидываются, однажды опрокинулась даже нарта с хронометрическим сундуком. После стало лучше, и мы пошли уже поверху на 20-метровой высоте, откуда уже с другой стороны открылась Сиэлляхская губа — мы находились на противоположном её берегу. Крутой берег внезапно обрывается отвесным мысом,

¹ Здесь Z — зенитное расстояние солнца в полдень, φ — широта места, а δ — склонение солнца, безотносительно к его знаку.

² Высота над горизонтом равна $90^\circ - Z$.

называемым мыс Дымный. С высоты дальше открывается картина, полная обычного беспорядочного расположения лайд и земли с красной травой, но нигде она так ясно не вырисовывалась, как с этого мыса. Ведь обычно смотришь на неё, находясь лишь немного выше поверхности равнины, здесь же она открылась прямо под нашими ногами на громадное пространство (рис. 77). Среди тысячи лайд весьма трудно проследить извивающуюся полосу реки Дымной, подходящую у наших ног к самому мысу. Смотришь сверху и диву даёшься — не то это суша, не то вода. Хотя привыкли мы ко всему за наше долгое странствование, а всё-таки не без удивления смотрели вниз на поверхность, по которой придётся передвигаться.

Собирался произвести астрономические наблюдения; расставил было универсальный инструмент, но облака затянули вскоре всё небо, так что пришлось его убрать. Я утешился тем, что за всё время пути только во второй раз расставил инструмент неудачно — первый был у Чай-поварни. Наступила тёмная, непроглядная ночь; ни звука в печальной пустыне!..

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Неожиданности полуострова Стан Маныко

10-17 (23-30) сентября

Соображение о длине береговой линии — Две переправы через Дымную — Астрономический пункт № 22 — устье реки Диринг — План обхода мыса Ангардам — Вид на острова — Предположение Христофора — Кинг-Юрягя. — Фейерверк в тундре — Размышление над костром — Жертвенный огонь в честь изобретателя огня — Снежная буря — Вещие сны — Река Яррок и её тайны — Встреча с нарочным — Стан Маныко — Астрономический пункт № 23 — Мысы и губы Христофора — Отчёт о пройденном за месяц пути — Губа Кусаган дьиз — Разрушенные планы — Задержка посреди губы Кюндюёбйях — Сушка вещей — Переправа через р. Московичи — Ледяные волны — Чудеса Кюндюёбйяхской губы — Истинная природа пройденного полуострова.

Итак, теперь предстоит обход пресловутого полуострова Стан Маныко, береговую линию коего весною кандидат в головы Ефрем, наш бывший проводник по дельте Яны, оценивал в 500 вёрст (533 км); такую же длину береговой линии приписывает и Христофор. По нашим же

расчётам, сделанным на основании измерений по картам, длина эта не должна превышать 120-140 вёрст, считая от мыса Дымного до правой протоки в дельте Чендона. Ну, как никак, а обходить его надо; там видно будет, кто прав, кто виноват!

10 (23) сентября день начался переправой через реку Дымную. Снова разделились с Н.А. Июдиным до вечера. Мы пошли напрямик по отмели, снова делая извилистые обходы. Обоз Христофора из 11 нарт и 20 свободных оленей извивался между ними подобно змее — десяти саженьей не пройдёшь прямо! Встретили вторую протоку Дымной, но, поискав брода, нашли его, и дело обошлось без переправы. Дальше встретили главное русло Дымной, довольно широкое, а, главное, глубокое, так что снова пришлось приступить к переправе. Началась обычная процедура. Ходишь в ожидании по глинистому гладкому полу, со скуки пожёвывая сухарь. Только в пять часов вечера обоз был снаряжён на противоположном берегу. Пора было думать и о ночёвке; спешим до темноты выйти на кормовища к условному месту встречи. Засветло встретились, но Христофор проговорился, что через «бир кёс» (десять вёрст) снова большая река — Дириг-Юряг (глубокая река), и мы приказали ехать до неё, не останавливаясь на ночёвку. В самом деле, через три версты подъехали к берегу порядочной реки, которая, по словам Христофора, и была Дириг-Юряг. Однако на ночёвку сразу встать не удалось, ибо не оказалось пресной воды; пришлось проехать по реке вверх, пока не отыскали в челбачке хорошую воду и вблизи него сносное кормовище. Здесь и остановились на ночёвку. Небо иногда прояснялось; я поспешил расставить инструмент, и после обеда удалось пронаблюдать Полярную, но для времени, к сожалению, не удалось взять высот, так как небо скоро затянуло; таким образом астрономический пункт № 22 — устье реки Дириг, вышел определённым лишь на половину. Впрочем, для маршрута здесь как раз и важна широта места, ибо идём на север приблизительно в одной долготе.

Вечером было кяпсе с Христофором об обходе мыса Ангардам. Слово Ангардам по объяснению Дьячкова значит: «Когда один берег лайды или реки обходят». Как мы ни бились над тем, чтобы он пояснее перевёл это одно слово «Ангардам», он упорно повторял вышеупомянутую фразу. Разговаривая между собой, смеясь, мы и стали называть этот мыс: «когда один берег обходят»¹. По словам Христофора, он в обход

¹ По Э.К. Пекарскому слово «Ангардам» означает по-якутски «материк» или «путь по одной стороне».

«пять самый улахан-улахан кёс» (50 самых больших-больших вёрст) и в один день его не обойти. Кроме того, там трудно найти воду, почему Христофор предлагал идти с Н.А. Июдиным кругом, а нам напрямик к поварне Киенг-Юряги. Нам в проводники Христофор даёт Василия, который только однажды был в этих местах. Поэтому уже второй день, как Христофор втолковывает Василию подробности предстоящего пути, а главное — местоположение Киенг-Юряги, где мы должны сойтись. Собственно говоря, в таких случаях самое главное — точно определить место встречи, что ввиду однообразия равнины иногда представляет большие трудности: приходится принимать во внимание самые ничтожные признаки.

11 (24) сентября с 7 часов утра, согласно отданному накануне приказанию, начали шевелиться наши рабочие, приготавливаясь к переправе. По обыкновению, к которому, волей-неволей, мы уже привыкли, всё делается страшно медленно, но на это мы уже давно махнули рукой — сколько ни торопи, ничего не выйдет. В девять часов они уже уселись пить чай и есть мясо. Хорошо ещё, что мы не позволили разобрать нашу урасу, и всё время, пока тянулась обычная бесконечная канитель переправы, могли сидеть в урасе, защищённые от ветра. Только когда всё перевезли на противоположный берег, двинулись и мы, но и на том берегу ещё предстояла обычная бесконечная процедура с укладкой нарт и пристраиванием вьюков. Здесь расстались мы с Н.А. Июдиным до Киенг-Юряги. Он отправился, не дожидаясь конца нагрузки, налегке с Христофором обходить мыс: «когда один берег обходят».

Через час двинулась и наша тяжёлая артиллерия: сначала среди лабиринта лайд, к которому теперь уже стали относиться совершенно равнодушно, потом по пологому подъёму через высокий хребет едом, тянувшийся на север к мысу Ангардам. На вершине едомы обычная картина высокой тундры с великолепными, по обыкновению, оленьими кормовищами. Несколько небольших озёр (в 1-1½ версты длиной) разнообразят привычную картину. Далее снова идёт спуск с плоскогорья едом, возвышающегося, впрочем, на каких-нибудь 25-30 сажен (50-60 м) над общей низиной полуострова. С края спуска опять та же картина слишком знакомой и слишком печальной низкой тундры, с теми же лайдами и красной травой, но, к счастью, с местами вроде оазисов, покрытых травой и мхом. Для этой пустыни клочок земли, на четверть аршина приподнятый выше её уровня и покрытый жалкой травкой и жёлтым оленьим мхом, может считаться прекраснейшим оазисом! Далеко

впереди на западе виден мыс Стан Маныко, а несколько к северу от него острова Большие и Малые Шелоники (Салоники) — острова, до которых в настоящее время можно дойти пешком, не замочив даже ног, так же, как и до ещё более далёкого острова Макара, находящегося в целых 50 верстах (53 км) от берега. Вот теперь и начинаешь понимать наше крайнее изумление раннею весной среди пустыни дельты Яны (см. главу IV) и наши бесплодные старания разобраться при помощи Дьячкова в рассказах якутов, разобраться во всех этих островах среди суши, озёрах на дне морском, головокружительных зигзагах береговой линии и прочих нелепостях здешнего берега, все тайны которого были скрыты тогда ровной пеленой белого снега. Где уже там было что-нибудь понять, когда теперь иной раз стоишь в полном недоумении и не знаешь, как же вести береговую линию — теперь, когда все тайны её налицо перед нашими глазами. Здесь ли провести береговую линию, на 10 вёрст к югу или на 10 вёрст к северу? Это кажется безразличным, ибо урез воды колеблется в зависимости от господствующего ветра на десятки вёрст. Нужно заметить, что Христофор предполагал, что мы пойдём и на остров Макар, т.е. что будем обходить бесконечную отмель, протянувшуюся от нашего полуострова почти на сотню вёрст к северу, почти до параллели мыса Туруктах, оставшегося далеко позади на нашем пути. Нужно отдать справедливость Христофору, хотя он и трепетал при мысли об обходе этой «стрелки Меркушина в квадрате», ибо снова пришлось бы совершать путь без воды и без кормовищ, под угрозой каждый час очутиться среди бушующих волн, которыми покрылась бы вся поверхность морского дна при северном ветре, что грозило бы неминуемой гибелью всей экспедиции, но он ни единым словом не заикнулся об отказе от этого пути, и нет сомнений, что он пошёл бы за нами, если бы мы двинулись по этому пути. Однако, в нашу задачу не входило посещение островов океана.

Начали спуск с едом в неприглядную низину. От долгого пути верхом на олене сильно промерзаешь; соскочив с него бежишь бегом, чтобы лучше согреться. Василий ведёт наш караван храбро, ориентируясь по озерам, более или менее характерным лайдам и глубоким трещинам в хребте едом. Скоро вдали увидели коническую урасу — это и есть, по словам Василия, та самая Киенг-Юрягя, около которой назначена встреча наших партий. Ещё долго приходится добираться до неё среди лайд, но к вечеру достигаем цели нашего пути и останавливаемся около

неё на берегу небольшой лайды с пресной водой, заброшенной громадным количеством плавника.

Хотя и ясно было из продолжительности нашего пути, что Н.А. Июдину не поспеть обойти в один день весь знаменитый Ангардам, но, на всякий случай, я решил развести побольше костёр, чтобы он мог, в случае если он будет находиться невядалеке, найти дорогу к нашему лагерю. После чая, когда уже стемнело, позвал всех своих людей устраивать пожар на тундре, и мы навалили громаднейшую коническую урасу из громадных брёвен плавника. Всё это сооружение разожгли, и вскоре среди мрака пустынной тундры запылало зрелище невиданного здесь пожара. Сильный ветер помогал пламени охватывать бросаемые с подветренной стороны вековые деревья: тысячи искр неслись быстро по ветру, в глубину полуострова, образуя великолепеннейший фейерверк. Треск и гудение пламени воодушевили всех. Все занялись тем, чтобы больше набросать деревьев, таскали брёвна такой величины, что едва вчетвером поднимали и бросали в самую середину бушевавшего огня. Высоко поднимались языки пламени, и горели со страшной быстротой веками накопленные тундрой деревья. Эх, печальная тундра, если бы можно было спалить тебя всю! «Дьячков, Василий, тащите ещё, спалим всё, что тут есть!» — но тех и подзадоривать не нужно, они вошли в азарт, и пламенный факел огненным светом заливал окрестности нашего лагеря. Кровавым светом сверкают солёные лайды, свистит и гудит огненная стихия, пожирая всё, что бросают в её пасть. Даже на расстоянии 20 саженой почти невозможно долго стоять от сильного жара, а Дьячков даже, было, начал отодвигать подальше нарту, стоявшую чуть ли не в 100 саженях. «Что ты, Дьячков?!» «А вдруг, — говорит, — загорится». — «Что ты, ты и впрямь думаешь, что мы сожжём всю тундру? Эх, брат, не хватит дров». — «Ну, тут надолго ещё хватит, много дней можно поддерживать такой огонь». Утомившись от таскания материала для костра, выбираю себе вместо стула удобный чурбан, придвигаю его поближе к огню, чтобы было потеплее, и сажусь на него. Ведь вот здесь, в холодной полярной тундре, устроили мы себе на не-большом пространстве зной тропического солнца.

В глубокой задумчивости сижу, объятый жаром нашего искусственного солнца, дерзко разогнавшего мрак пустыни. Да, когда-то много, много десятков тысячелетий тому назад совершилось это величайшее событие в истории жизни нашей планеты, когда, быть может, нечаянно

стукнул кремнём наш покрытый шерстью предок и получил искру, зажёгшую первый костёр. Быть может сам он, испуганный, отбежал от вспыхнувшего сухого хвороста, на который упала волшебная искра, но яркий костёр, зажжённый ослепительным пламенем, горит и до настоящего времени, охватывая своим светом весь земной шар. Всё более разгорается волшебный костёр, сверкая невиданными красотами, и нет пределов его всемогуществу, никто не сможет сказать, где остановится его победное шествие.

Обернувшись спиною к костру, смотрю в печальную пустыню холодной тундры с малиновыми пятнами лайд. Хочется крикнуть ей: «Подожди, и до тебя доберётся когда-нибудь рука человека, когда-нибудь потекут твои льды, растопленные теплотой, когда-нибудь и ты уступишь свои тысячи квадратных километров грязной пустыни, чтобы он мог сделать из тебя цветущие поля и сады! Дождёшься и ты! Не всё будешь издеваться над настоящею беспомощностью человека в твоих проклятых лабиринтах. И на тебя наложит он всепокоряющую руку. А пока, чтобы чем-нибудь тебе досадить, мы сожжём все твои, в течение сотен лет накопленные запасы плавника. Ты копила их сотни лет, набирая каждый год понемножку, а мы в несколько часов сожжём их дотла! — Эй, Дьячков, Василий, костёр стал ослабевать, валите больше, тащите всё, что тут есть, устроим костёр в честь того, кто первый придумал его!» — заканчиваю я свои мысли этим восклицанием. Дьячков, смеясь, переводит мою последнюю фразу якутам, они смеются и говорят, что это был очень умный человек. Ещё бы им не чувствовать этого здесь! Через несколько минут ослабевший было факел снова вспыхивает ярким светом, языки пламени рвутся в небо в честь того, кто первый возжёг костёр. Я по-прежнему сижу, объятый горячим и жгучим дыханием костра, думая, что нет, не может быть достойной для него жертвы. Из моей задумчивости выводит меня голос Василия, произносящий «тойон» (господин) и несколько непонятных для меня якутских слов, но по мимике и выражению я понимаю, что он приглашает идти пить чай в урасу. В урасе также горит костёр, а от пылающего пожара снаружи очень тепло. После чая все укладываемся спать, навалив предварительно целую грудку брёвен на костёр — пищу для него на ночь. Улёгся спать, ветер усилился и сильно трепал тордоху, а от нашего жертвенного огня доносился шум пламени и треск горящих брёвен.

12 (25) сентября утром ещё было тепло, но костёр уже погас; дул сильный ветер и серые свинцовые тучи неслись низко над тундрой. После полдня повалил густой снег; жестокий ветер усилился, всё покрылось густой непроницаемой сеткой, сквозь которую в 10 саженях ничего не видать. Вот вам месть за вчерашнее торжество над мраком тундры! Не выросли ещё у нас крылья, чтобы состязаться с её всемогуществом! Мокрые снежинки падают на тёплую ещё почву вчерашнего пожарища, тают и тушат тлеющие внизу угли. Среди белой снежной равнины только и чернеет это обугленное пятно, быстро заливаемое тающим снегом. Скоро и оно будет так же бело, как вся окрестная тундра и ничто не будет свидетельствовать о нашем коротком вчерашнем торжестве. Подавленный, сижу в уресе, не хочется ничего делать, не хочется и двинуться с места, теперь свистит ветер вокруг урасы, гуляет вьюга в своё полное удовольствие!

В пять часов сообщили мне, что приближается Н.А. Июдин; пошёл его встречать. Сквозь белую сетку вскоре увидел несущиеся призрачные тени. Встретились и вскоре сидели в уресе за горячим чаем: он ведь заявил, что «смэрз», как здесь говорят. Мыс оказался, однако, много больше, чем мы предполагали, так что его можно даже назвать «когда две стороны чего-либо обходят», а не то, что «когда одну обходят». Сидели в уресе, рассказывая друг другу каждый о своём пути. Скоро совсем стемнело, место нашего костра было уже под снегом, — он всё сравнивал своей белой пеленой. Тихо кругом, а снег всё валит и валит. Засыпаны урасы и нарты. Весь наш стан засыпает в глубоком молчании и нет кругом ничего, кроме снега!

13 (26) сентября утром, проснувшись рано, рассказываем друг другу о приснившихся снах. В сущности, и мне и Н.А. Июдину снилось одно и то же. Он видел, будто пришёл человек и принёс два ящика, один с табаком, а в другом было разное заманчивое съестное, как то: сухари, мука и прочие прелести. Я же оказался более требовательным — мне приснилось, что к нам пришёл целый караван оленей, навьюченных громадными корзинами, наполненными всевозможными съедобными запасами. Как никак, а эти сны свидетельствуют о нашем горячем желании пополнить скудные запасы провизии, быстро идущие к концу. Скоро придётся есть одну оленину, без соли, хлеба, кореньев, одним словом — только одно мясо.

Снег валит не переставая. В нескольких шагах ничего не видно, работать в такую погоду невозможно. Кстати Христофор пришёл просить

нас сделать днёвку, чтобы починить поизносившуюся у рабочих обувь. Нечего делать, придётся просидеть денёк на этом месте. Сидим в урасе — вот уж где выучишься терпению! После обеда зовём Христофора с Дьячковым в нашу урасу для разговора о здешних реках. Христофор раскладывает щепочки, Дьячков переводит нам его объяснения. Небезынтересные вещи узнаём от него. Оказывается, что как протоки Чендона, так и восточные протоки Яны сходятся в одно общее русло на отмели залива, лежащего между большим островом Ярок и берегом. Именно следующие реки: Кюндюёбйях, Мартын, Дяльбиргях, Чендон с Сомондоном, Мохнатка и Кочевая сходятся в одно русло и это русло называется здесь рекою Ярок. Эта река Ярок имеет устье между восточным берегом острова Ярок и полуостровом Стан Маныко. Можно было бы, пожалуй, остров Ярок и не считать островом (см. детальную карту полуострова Стан Маныко), а просто частью суши и вести береговую линию прямо от Стана Маныко, по северному берегу Ярока к устьям главного русла Яны, в каковом случае берег океана очутился бы верстах в 70 к северу от показанной на картах береговой линии и от южных краёв вдающихся в материк губ, в действительности весьма редко наполняющихся водой.

Вечером занялись сушкой своих вещей, ибо всюду проникла сырость. Сушить пришлось и фотографические пластинки. Делал это вблизи костра, держа их в мешке для смены пластинок. Две дюжины были основательно прохвачены сыростью, которая чувствовалась прямо на ощупь на непокрытой серебром поверхности пластинки. Пожалел о снимках, в особенности одну дюжину, в которой заключались снимки во время нашей экспедиции на собаках на реку Алазею¹.

14 (27) сентября, как было приказано с вечера, рабочие встали ещё до света, и мы до восхода солнца напились чая. Скоро удалось тронуться в путь. День выдался безоблачный. Сверкающей пеленой лежит чистая, белая равнина, напоминая нам своим видом далёкую весну. Губа ушла далеко на юг, образуя залив, не помеченный на картах. Замечаем, что кто-то катит к нам, стоя на нарте. Встретились. Оказывается, что это один из рабочих, посланных кандидатом к нам навстречу с партией олений, сахаром, сукуем, но без сухарей, к сожалению. Тем не менее, можно сказать, что наш сон в руку. Проехали они, отыскивая нас, дальше к Дяр-

¹ К величайшему моему удивлению даже пластинки этой коробки не оказались попорченными, и из них получились сносные негативы, снимки с которых помещены в главе V.

Юряге, где по следам убедились, что мы её уже миновали и тогда они направились наперерез полуострова к стану Маныко.

Дальше поехали вместе. Вскоре встретилась речонка Биэтки, совсем узенькая, но глубокая, так что пришлось из-за неё устраивать переправу. К вечеру подъехали к разрушенным остаткам «русских домов» (нутчалар диэляря), построенным по образцу тех, которые мы видели на Меркушинской стрелке — очевидно, место другой зимовки Геденштрома. Отсюда было удобно производить опись, как береговой линии, так и ближайших островов: Ярока, Шелоник и Макара. Ещё несколько дальше увидели развалины, которые и называются стан Маныко. От самого стана и следа не осталось, хотя он и дал название всему полуострову. Впрочем, Христофор утешил нас, сказав, что несколько южнее находится новая юрта, которая в настоящее время и называется стан Маныко, а это, собственно, старый стан Маныко. Здесь, у старого стана и остановились на ночёвку.

День выдался ясный. Я установил универсальный инструмент и ещё до заката солнца пронаблюдал Вегу в меридиане для широты. После чая ещё засветло удалось определить широту по Полярной, а несколько позднее снова брал высоты Веги для поправки хронометров. Таким образом, астрономический пункт № 23 — стан Маныко был определён. Больше, к сожалению, не удалось взять отсчётов, так как надвинувшиеся тучи закрыли всё небо.

15 (28) сентября кяпсе с вышедшими к нам навстречу людьми, различные распоряжения по хозяйственной части, всякие житейские мелочи, от которых не избавлены и здесь. Взяли у них всю присланную провизию, несколько оленей и нарт, куда сложили всё с вьюков, ибо теперь оленям легче вести нарты, что избавляет нас от излишней операции навьючивания. Посланных отправили обратно на Чендон, с приказанием доставить нам сухари и всё, что есть полезного, с Чендонской заготовки. По их словам, сухари и прочее с Чендона отправили на запад на Мохнатку — тем более необходимо всё выслать нам навстречу. Христофор объяснил посланным, как попасть на Чендон ближайшим путём; часто слышишь его «бу манна...» (вот тут будет). Вследствие всего этого только после полудня удалось тронуться в дальнейший путь. Береговая линия здесь резко ограничена от отмели деревянным барьером из плавника. Впрочем, по Христофору это не береговая линия, а берег реки Ярок. Через 5 вёрст новый стан Маныко — чистая, небольшая юрта (нежилая, собственно поварня), внутри даже две резные колонки и начисто

вымазанный белой глиной камелёк. Посидели в ней минут десять, выкурили, кто по папироске, кто по трубке, — одним словом, отдали дань человеческому жилищу на бесприютных берегах и тронулись в дальнейший путь. Дальше начинают, действительно, вдаваться в море непомеченные на картах Христофоровские мысы, и на первый раз Улахан и Куччугуй Боруллуолах (Большой и Малый Орлиные), уходящие в море на 2-3 версты, ширина же их незначительна, около 600-700 м. Заночевать пришлось вследствие наступившей темноты на берегу губы между упомянутыми мысами.

После обеда пришёл Христофор и снова, разложив лучинки, предложил сократить путь нашему обозу, для чего надо было переправиться через Кюндюёбйяхскую губу с мыса Туркан на мыс Бёрё Суоллах (Волчьи следы), Кюндюёбйяхская же губа, по его словам, «улахан, улахан куба». Теперь Христофор стал пользоваться у нас доверием, и мы больше обращаем внимания на его лучинки, чем на карты, ибо в этом районе с последними нет никакого сходства. Хотя Христофор и сыплет на нас всякие непредвиденные мысы и губы, но, к сожалению, своими боками мы убеждаемся в их полной реальности. Так и решили: на следующий день тронуться уже с утра, приготовленные к разделу, переправиться с Туркана на Бёрё Суоллах, где и ждать, пока Н.А. Июдин будет «куба крытанен» (кружить губу), как теперь Христофор выражается о наших обходах береговой линии.

Прошёл ровно месяц как мы покинули Святой Нос. За целый месяц сделали мы по долготе всего 2 градуса — это из числа 33° , предназначенных на нашу долю. Да, градусы градусам рознь, ведь два градуса по долготе — это здесь всего 76 вёрст (80 км), а вот мы целый месяц, непрерывно и хорошо, в общем, подвигаясь вперёд, описываем извилины берега, то опускаясь к югу, то снова поднимаясь к северу и находимся все же в пределах этих двух градусов. Да, сидя в Петербурге над картой, можно и не обращать внимания на эти выкрутасы: отмерил себе циркулем 33° от Лены до Колымы — и дело с концом, но, когда каждый шаг даётся с громадным трудом, тогда только и узнаешь, в действительности, что градус градусу рознь, и что в пределах одного градуса можно проработать столько же времени, сколько в пределах других 20° . Ну, что делать, думать нужно было раньше, а теперь кружи здесь волей-неволей!

16 (29) сентября выехали в дальнейший путь раньше 10 часов утра. За мысом оказалась глубоко вдающаяся в материк губа, о которой Христофор нас не предупредил — оказывается, забыл о ней, а он и так печёт их как блины! Губа называется «Кусаган дьиэ» (худая) и по словам Христофора «дири́нг и балыкта́х» (глубокая и рыбная). Нечего делать, пришлось объезжать — действительно, «кусаган дьиэ» оказалась. Из глубины губы направились прямо наперерез к мысу Туркан, откуда должен был начаться переход на ту сторону, по дну морскому, яко посуху. По дороге встречали много песцов, они уже в белом одеянии — красивый зверёк. В этом районе, по-видимому, вообще их много водится, так как понаставлено много песцовых пастей. Понемногу добрались и до Туркана, высокого мыса. На расстоянии двух вёрст на противоположном берегу губы виден и мыс Бёрё Суоллах. На восток, в материк уходит глубоко, сильно расширяясь дальше, громадная Кюндюёбйяхская губа, конца которой вдали нельзя разглядеть. Приехавшие рабочие сказали, что три дня тому назад переезжали губу — воды в ней было совсем мало; тем не менее послал Дьячкова с Василием померить во всю ширину. Пролив покрыт слоем льда, к сожалению, не настолько крепким, чтобы выдержать наш обоз. Дьячков с Василием вернулись, не дойдя, однако, до противоположного берега; говорят, что мелко — всего четверть аршина. Замечаю, что ведь они до конца не дошли, однако, Василий говорит, что самое глубокое место у этого берега; встреченные нами люди это тоже подтверждают. В это время подходит Н.А. Июдин, обошедший по берегу мыс Туркан. Сообщаю ему, что всё кажется благополучно и что сейчас будем переезжать на ту сторону, для чего надо лишь немножко приподнять вещи на нартах. Ещё было рано, и потому, чтобы не терять драгоценного времени, Н.А. Июдин, простившись со мною, пошёл «кубу крытанен», а мы начали готовиться к переезду через морской залив.

Спустившись с мыса въехали сначала на голую глинистую поверхность, а потом на лёд, лежавший на самом дне. Губа здесь у берега промёрзла до дна; глубина всего в 2 вершка (9 см). Олени пошли делать прыжки, как и на наледях, но дальше под льдом оказалась вода. Вступая на лёд, олени проламывали его и, путаясь в острых осколках, тащили нарты по мелкой воде. Страшно медленно продвигаемся вперёд — тяжёлый путь! Далеко-далеко ещё противоположный берег. Чем дальше, тем труднее путь; глубже становится вода. Сами олени уже не желают идти неизвестно зачем, в ледяную воду, среди острых ледяных оскол-

ков. Дьячков с Василием идут впереди их по колена в воде и тащат передовых оленей. Так крайне медленно продвигается наш обоз. Оборачиваясь назад, вижу большое пройденное нами пространство, но такое же ещё лежит впереди, а вода становится всё глубже и глубже. Кобутко, сидя на нарте, отчего-то жалобно пищит, напоминая мне о приключениях в дельте Индигирки. Впереди видна ещё полоса незамёрзшей воды, — значит, там ещё глубже. Начинаешь уже беспокоиться за благополучный исход нашего предприятия. Слишком уж презрительно отнеслись мы к глубинам здешних морских заливов, не померили как следует глубину, в предположении, что здесь не может быть глубоко. Не будем ли мы наказаны за это непростительное легкомыслие? И в самом деле, всё глубже и глубже, вода доходит уже до самых ящиков. Кричу: «Стоп! Чтоб вас чорт побрал, не могли дойти до глубокого места, чтобы зря не затевать переправы! Дьячков и Василий, идите в наказание вперёд, посмотрите, какая там глубина!». Ведь все вещи загубить можно если будет много глубже. По ледяной воде идут вперёд растерянные Дьячков и Василий. Я вижу, что всё глубже они опускаются под воду, ясное дело, что не переехать. Кричу им — «Довольно, назад!» и с ужасом смотрю на даль, отделяющую нас от Туркана — мы как раз посреди губы. С удивлением озираюсь на странную картину нашего обоза, стоящего в воде среди поломанного льда, посередине широкой губы.

Говорю нашим, что нужно дать знать Н.А. Июдину о крахе нашей переправы. Встаем на нарту и все разом орём благим матом. Освещённый заходящим солнцем нам хорошо виден в громадной дали их небольшой караван, но я подозреваю, что им мы невидимы, ибо скрыты в блеске солнца, потому мы и кричим, пока хватает сил. А теперь назад к Туркану! Но повернуть обоз очень мудрено, ибо нарты стоят в узкой проломанной среди льда дороге и двигаться с ними можно лишь вперёд. Нечего делать, приходится взять вперёд, чтобы описать дугу и таким образом совершить поворот. Нарты накреняются на повороте, и одна из них, в которой находятся фотографические пластинки, кренится настолько, что вот-вот упадёт; однако Дьячкову ещё вовремя удаётся подхватить падающую нарту — я же с ужасом, злостью и болью считал погибшими все снятые и неснятые пластинки. Описав большой круг по глубокой воде, попали, наконец, в пробитую колею и пошли веселее, так что ещё засветло добрались до берега. Прежде всего необходимо переменить промокшую в ледяной воде обувь. А затем, приказав обозу ехать по нашим следам, мы с Дьячковым садимся на оленей и, что было мочи,

гоним их по берегу среди наступающей ночи, чтобы догнать Н.А. Июдина, ибо мы совершенно не уверены, что последний знает о нашей неудавшейся переправе. Прежде чем окончательно стемнело, мы подъехали к уресе наших; Н.А. Июдин видел наше отступление и потому остановился несколько раньше, чем предполагал. Через час приехал к нашему лагерю и остальной наш обоз.

Теперь предстояло исправлять грехи. Началась раскупорка ящиков и осмотр подмоченных вещей. Наше бельё представляло куски льда; некоторые книги, например, «Практическую астрономию» Цингера, также пришлось извлекать из куска льда. Ярко пылает у нас в уресе костёр, и повернуться в ней негде: везде развешены для просушки вещи; кое-что попросту пришлось выбросить. Большая урса рабочих также завешена сохнувшими вещами. В течение четырёх часов продолжалась у нас генеральная сушка и чистка; кое-что из пришедшего в негодность, как, например, таблицы логарифмов, для пущего эффекта было предано сожжению. Так расплачивались мы за слишком презрительное отношение к здешнему морю.

17 (30) сентября выехали позже 11 часов; много времени отняло у нас укладывание высушенных вещей обратно в ящики. В ящиках теперь оказалось много свободного места: смеёмся с Н.А. Июдиным, говоря, что все вещи от мороза уменьшились в объёме. Поехали довольно быстро и скоро были на берегу небольшой, но глубокой реки Московичи. Вот и новая неожиданность: река во многих местах покрыта льдом с одного берега до другого. Пробовали было перейти, но лёд трещит и не выдерживает тяжести стоящего человека, если же на лёд лечь, то он свободно держит. Стали искать место для переправы; в одном, очевидно, более глубоком месте река свободна от льда. Здесь переехали двое рабочих на ветках, взяв конец связанных мамыков, так как для сокращения времени решили нарты попросту перекатить по льду. К другому концу на нашем берегу привязывали нарту с грузом. Рабочие быстро бежали от берега, и нарта катилась стремительно по гнущемуся льду. Я в первый раз видел, как шла ледяная волна от нарты и затем отражалась от противоположного берега. Так все нарты без разгрузки благополучно очутились на противоположном берегу, что сэкономило нам много времени. В заключение переправы и для пущего эффекта перетянули по льду самого Христофора, который, обвязав конец мамыка вокруг пояса, лёг на лёд реки. Оленей перегнали вплавь в свободном от льда месте.

Поехали дальше; я с обозом направился напрямик к видневшейся вдали едоме. Губа пошла уже совсем сухая, без воды, и поросшая травой с небольшим количеством лайд. Вскоре поднялись мы на едому, с вершины которой открылась такая картина, что я, выражаясь словами Варакина, «ум потерял». Далеко на север тянулась широкая низина с лайдами, совершенно такого же характера, как та губа, по берегу которой мы ехали. В изумлении смотрю вдаль в бинокль; не иначе как до Киенг-Юряги протянулась она. Она прорезывает весь полуостров своими изгибами в разные стороны. Что такое, как тут быть? Стан Маныко, видно, не полуостров, а группа отдельных, не связанных между собою островов. Как отделить здесь сушу от суши? Подъезжает и Н.А. Июдин и тоже в изумлении останавливается на вершине. Привлекается к допросу Христофор. Он объясняет, что, действительно, очень и очень редко, может быть раз в 5-6 лет, при сильных продолжительных бурях, бывает, что эта губа заполняется водою сплошь. Тогда, действительно, полуостров Стан Маныко разбивается на группу островов, но какая тогда в сущности разница между ними, Шелониками и Макаром? Нет, положительно тут есть отчего прийти в отчаяние! По каким берегам мы бродили всю эту бесконечную неделю, было ли это дно моря или действительно суша? Что можно сказать об этом, когда обычные наши представления о береговой линии здесь вовсе не приложимы? Ещё раз переглянулись мы с Н.А. Июдиным — одновременно вспомнили о наших недоумениях весной в дельте Яны. Но как же быть? Решили всё-таки, что не стоит считать эту часть губы дном моря, несмотря на аналогичную её природу с пройденной частью, лежащей к западу от едомы, так как нужны особо исключительные условия для её покрытия водой. В конце концов нужно же на чём-нибудь остановиться!

На маршрутной карте полуострова Стан Маныко (см. эту карту) берег Кюндюёбйдахской губы поэтому начерчен определённой линией. Но на самом деле между двумя холмами, помеченными на карте на северо-восточном берегу этой губы, протягивается внутрь полуострова громадная площадь низины, с красной травой, с разбросанным там и сям плавником, уходящая далеко на северо-восток, расширяющаяся дальше и разветвляющаяся направо и налево; среди неё же видны отдельные едомы. При сильных северных ветрах картина будет очевидно совсем другая: весь полуостров будет тогда залит водою, а едомы и более возвышенные части низины останутся среди водного пространства в виде островов.

Спустившись с едомы и пройдя ещё немного, встали на ночёвку верстах в трёх от реки Кюндюёбйдах, представляющей самую восточную протоку дельты реки Чендона. Лайды внизу оказались солёными, но на склоне нашли челбачок с хорошей пресной водой. На склонах едомы нашли бесчисленное количество морошки, которой мы лакомились, пока разбивали наш лагерь. Итак, полуостров Стан Маныко остался позади и теперь нам предстоит пересечь дельту Чендона в неблагоприятное время, когда реки покрываются льдом, пока ещё далеко не настолько прочным, чтобы можно было переезжать по нему.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Осенняя распутица в дельте реки Мендона
18-25 сентября (1-8 октября)

Пропажа Чендонской губы — Крах переправы через Тумнугас — Карта Христофора и выяснение всех недоразумений — Ошибка весенней съёмки — Заключение о точности зимних съёмок берега — Проба прочности льда на Кюндюёбйдах — Последние сухари и экспедиция на Кынгкый — Переезд через Кюндюёбйдах — Едим собственных оленей — Первый Мартын и ледяные волны — Второй Мартын — Снова застряли — Неудачная оттепель — Шашки и карты — Устройство дороги через Мартын — Переезд второго Мартына — Третий Мартын — Дяльбиргялях — Судьба поварни — Федорко Протодиаконов — Переезд через оба Дяльбиргядяха — В юрте Сир-стан — Астрономический пункт № 24 Сир-стан — Необычный закат солнца — Переезд через Чендонскую губу и прибытие в Станчик.

18 сентября (1 октября) утром пришёл с докладом Христофор и принёс нам новый сюрприз. Мы уже считали, что до дельты Яны, до поварни Дяльбиргялях, где мы закончили работы весной, остался самый пустяк, на один день с небольшим работы, а он прежде всего заявил, что мыс Сир-стан имеет береговую линию не меньше 100 вёрст, а Чендонская губа, в обход даже, целых 200 вёрст. Как ни малы его вёрсты, тем не менее несомненно, что получается расстояние в несколько раз больше того, какое получаем мы, снимая его с наших карт. Не может быть и сомнений в том, что Христофор прав, так как эта местность ему хорошо знакома. Очевидно, в этом районе совершенно нельзя полагаться на

карты. Уменьшая его расстояние вдвое, и то 150 лишних вёрст приходится нам накинуть сверх тех 30-40, которые по нашим расчётам осталось нам пройти до Яны. Снова вдаль отодвинулся конец нашего пути!

Кроме того, остаётся совершенно непонятным ещё следующее обстоятельство: весною мы поехали на восток от юрт Станчик, расположенных на Мохнатке, протоке Яны, и попали в Сир-стан, где из-за пурги провели две ночи (см. главу IV); дальше пошли на восток по берегу и, не пересекая реки Чендона и не видя никакой губы, подошли к юрте Дяльбиргялях, находящейся по нашим записям у общего устья Чендона с Сомондоном. Здесь и закончили мы весенние работы по съёмке дельты Яны. Но Христофор самым авторитетным тоном заявляет, что у устья Чендона никаких юрт нет и что Дяльбиргялях это река, протока Чендона, лежащая справа, т.е. к востоку от Чендонской губы, и что на берегу этой реки есть, действительно, старенькая поварня и потому теперь мы должны сначала пройти Дяльбиргялях, а потом уже подойти к Чендону и его губе. Одним словом, считая по нашему теперешнему пути с востока на запад, по Христофору должен быть такой порядок проток и юрт: Тумнугас с Кюндюёбйаидяхом, Мартын, Дяльбиргялях, юрты Сир-стан, громадная Чендонская губа, в глубине которой Чендон с Сомондоном, и затем Станчик на Мохнатке (протоке Яны). А весною, идя в противоположном направлении с запада к востоку, мы имели такой порядок: Мохнатка, Станчик, Сир-стан, юрта Дяльбиргялях на Чендоне и никаких Чендонских губ!

Разбираясь в этой путанице, мы совсем «ум потеряли». Ведь, в самом деле, пропала морская губа в 200 вёрст в окружности. Бросили и разбираться, поедem — увидим в чём же дело, а теперь нечего думать. В дорогу!..

В 11 часов тронулись в путь к правой, восточной протоке Чендона, Кюндюёбйаидях, по имени коей и называется эта удивительная губа, одну сторону которой мы только что окружили. Здесь в Кюндюёбйаидях впадает ещё протока Тумнугас, и дальше они образуют широкое устье, около версты шириною, так что получается весьма почтенная река. Так как в настоящее время, как нам показал предыдущий день, мы не можем надеяться на сколько-нибудь прочный лёд, мы решили переправиться через эти реки отдельно, сначала через Тумнугас, а потом и через Кюндюёбйаидях. Скоро подъехали к реке, посмотрели — дело плохо: береговая линия сажень на 40 (метров 80) от берега скована льдом, а там, по середине, чёрная полоса холодной воды. Река широкая — саженьей 150

(метров 300). У берега же лёд довольно крепкий, свободно выдерживает тяжесть человека, но чем дальше, тем он тоньше. Ну, что тут делать? Пошли вверх по реке: авось, где-нибудь найдём незамёрзшую прогалину. В одном месте нашли только широкую полынью, до которой от нашего берега сажень 20 (метров 40). Ну вот, здесь и решили переправляться, пробившись предварительно через лёд.

Сообщаем наш план Дьячкову, чтобы он передал его рабочим. Куда тут! В первый раз они отказываются исполнять наше приказание. Говорят, что ветки льдом проломает; никто не соглашается ехать на ту сторону. Я говорю, что сам сяду в ветку и буду ломать лёд, пусть кто-нибудь лишь вместе со мною поедет, чтобы грести и держать ветку на нужном месте. Никто из них, однако, не решается — до того все они боятся воды. Говорю Дьячкову, что он то уж должен ехать со мною, неужели казак побоится — стараюсь подействовать на его самолюбие. Он отнекивается, говорит, что плохо умеет грести. — «Ну, говорю, это, Дьячков, уже отговорки. Едем и никаких; не бойся, поверь, что и у меня вовсе нет желания пропадать». — Кое-как уговорил его; но прежде всего надо у этого берега пробить лёд и тем образовать полынью, чтобы спустить ветку. Н.А. Июдин сам принимается за эту работу: взяв лопату, пробивает лёд, тем самым образуя прорубь. Но сравнительно толстый лёд у нашего берега с трудом колется, и работа продвигается слишком медленно, а необходимо пробиться на 20 сажень (40 м). Мне приходит в голову счастливая мысль воспользоваться для ускорения рубки льда тяжестью нарт. Нарту, привязанную к мамыку, толкаем по льду от берега. Она катится и, остановившись, проламывает своею тяжестью сразу большую площадь льда. Для тяжести я сам становлюсь на нарту, её толкают со мною и вытаскивают на берег; пока ещё не глубоко, — можно так делать.

Нужно сказать, что всю эту операцию проделываем мы втроём: рабочие стоят, смотрят на нашу работу и пальцем не шевельнут, как бы желая сказать этим, что вся ответственность за результаты переправы возлагается на нас. Мы также не обращаем на них никакого внимания, обращаясь только друг к другу и к Дьячкову. Через час дружной работы среди льда оказалась пробитой узенькая дорожка; ещё нужно подпихнуть плавающие осколки под лёд, ибо об острые края льдин очень легко проломить тонкие доски веток. Наконец, всё готово, и ветка торжественно спущена. Для предосторожности достаём спасательные пояса. В последний момент Христофору стыдно стало, наконец, и он подходит

ко мне, говоря, что согласен сесть со мною в ветку. Я предлагаю ему надеть на себя пояс, но он по каким-то непонятным для меня соображениям наотрез отказывается надеть его. Тогда я говорю ему, что в таком случае я беру с собою Дьячкова, ибо не желаю, чтобы мой спутник был без пояса, раз я сам надел таковой. Дьячков надевает на себя пояс, и мы усаживаемся в ветку. От грузной фигуры Дьячкова ветка глубоко погружается в воду. Он берёт в руки весло, у меня же, на носу, лопата и палка для расталкивания льдин.

Медленно подвигается наша ветка; сначала приходится прочищать дорогу среди острых, как ножи, осколков льдин, могущих нанести смертельную рану нашему утлону судёнышку. Надо ясно себе представить, что такое ветка, чтобы отдать себе отчёт в том, сколько внимания и осторожности надо употребить при таком передвижении, ибо центр тяжести вашего тела должен приходиться в точности над срединной линией ветки: при всяком нашем наклоне ветка сильно наклоняется на борт, грозя зачерпнуть воду. Трудно работать над прогонкой массы прорубленных нами, иногда больших кусков льда, но, тем не менее, нам благополучно удаётся выбраться из ледяного коридора на свободную поверхность воды.

По свободной от льда воде быстро доплыли мы до противоположного берега и скоро подъехали вплотную к ледяному барьеру, окаймляющему противоположный берег на расстоянии 30 саженей (60 м) от него. Дьячков смерил глубину реки: всё двухлопастное длинное весло ушло под воду, а дна он не достал — глубина, следовательно, не менее 2 саженей (4 м). Надо работать с величайшей осторожностью, ибо нам двоим помощи теперь ждать неоткуда. Упёршись веслом в лёд, Дьячков удерживает ветку на одном, приблизительно, месте, я же, замахнувшись лопатой, острым краем наношу удары по льду. Лопата проламывает куски льда; толщина его, примерно, в три пальца. Проработав четверть часа и сделав выемку в ледяном барьере, занимаюсь затем отгонкой нарубленных льдин. Течения в реке совсем нет и нарубленные куски тут же остаются, не позволяя ветке проникнуть дальше, прежде чем не будет очищен путь. Прогнав льдины, снова принимаюсь за дело, но, обратив внимание на ничтожную выемку, тем не менее доставшуюся с большим трудом, соображаю, что так мне одному и за день не достигнуть берега. Говорю Дьячкову, чтобы поворачивал назад к нашему берегу, где мы спарим ветки и устроим более устойчивый плот, на котором работа пойдёт быстрее, ибо к нам тогда может присоединиться и

Н.А. Июдин. Приехав на берег, сообщил ему мой план, и мы стали устраивать более поместительное и устойчивое судно, чем ветка. Связав две ветки при помощи палок, как это тысячу раз делалось при переправах, спустили их. Тут опять неудача: оказалось, что в одну ветку фонтаном бьёт вода. К счастью, имеется ещё одна ветка. Снова пришлось работать над развязкой ветки и присоединением новой. Всё это по-прежнему делается втроём: рабочие стоят, пальцем не шевельнут и лишь покуривают свои трубки.

Наконец, всё готово, усаживаемся втроём, берём палки, топоры и лопату и начинаем плавание. При таком устройстве можно быть увереннее: главное, это сооружение позволяет не заботиться о сохранении в точности равновесия, так как устойчивость его много больше устойчивости одной ветки. Пояса бросили на берегу, так-как я убедился, что пояс всё-таки сильно стеснял движения, необходимые для нанесения ударов по льду. И вот мы у нашей выемки; начинаем работу с увлечением. Ведь, в конце концов, чем дальше, тем мельче река, меньше и опасность, но до мелкого места ещё далеко. Через час работы порядочное пространство выдолблено среди льда. Но тут и случилось обстоятельство, погубившее нашу переправу. В пылу работы мы не заметили, как наши ветки носом наехали на ледяной барьер, который мы рубили. Сильный удар, нанесённый Н.А. Июдиным, проломил льдину, которая сдалась под тяжестью веток. Ветки осели снова в воду, но острый осколок сломанного льда насквозь прорезал ветку, в которой находился Н.А. Июдин. Фонтаном хлынула в неё вода. Дьячкову приказали как можно скорее грести к нашему берегу, но разве можно скоро передвигаться на таком сооружении. Н.А. Июдин стоит ногами в воде в ветке, быстро наполняющейся водой; перейти в нашу ветку ему также опасно, ибо трёх человек ветка не выдержит. Изо всех сил гребёт Дьячков к берегу, где стоят и покуривают наши рабочие, не понимая, почему мы так скоро возвращаемся. К довершению несчастья второпях мы подплываем ко льду нашего берега далеко от того места, где нами прорублена дорога к берегу. Тут дело становится совсем плохо. Кричим рабочим: «Кидайте мамык скорее». Сразу пропала их неподвижность — увидели, что дело серьёзное. Взвился в воздухе конец мамыка, брошенного, правда, впопыхах неудачно. Кричим: «Не торопитесь, бросайте, как следует». Снова летит к нам мамык, и Дьячкову удаётся схватить её конец. — ну, теперь тащите!» — И было как раз время: под тяжестью набрав-

шейся воды ветки медленно опускались, получая крен в сторону проломанной ветки. С треском ломая лёд, потащили нас к берегу. В острых обломках живо пришли в полную негодность обе ветки, но, тем не менее, спустя несколько минут мы были уже на берегу.

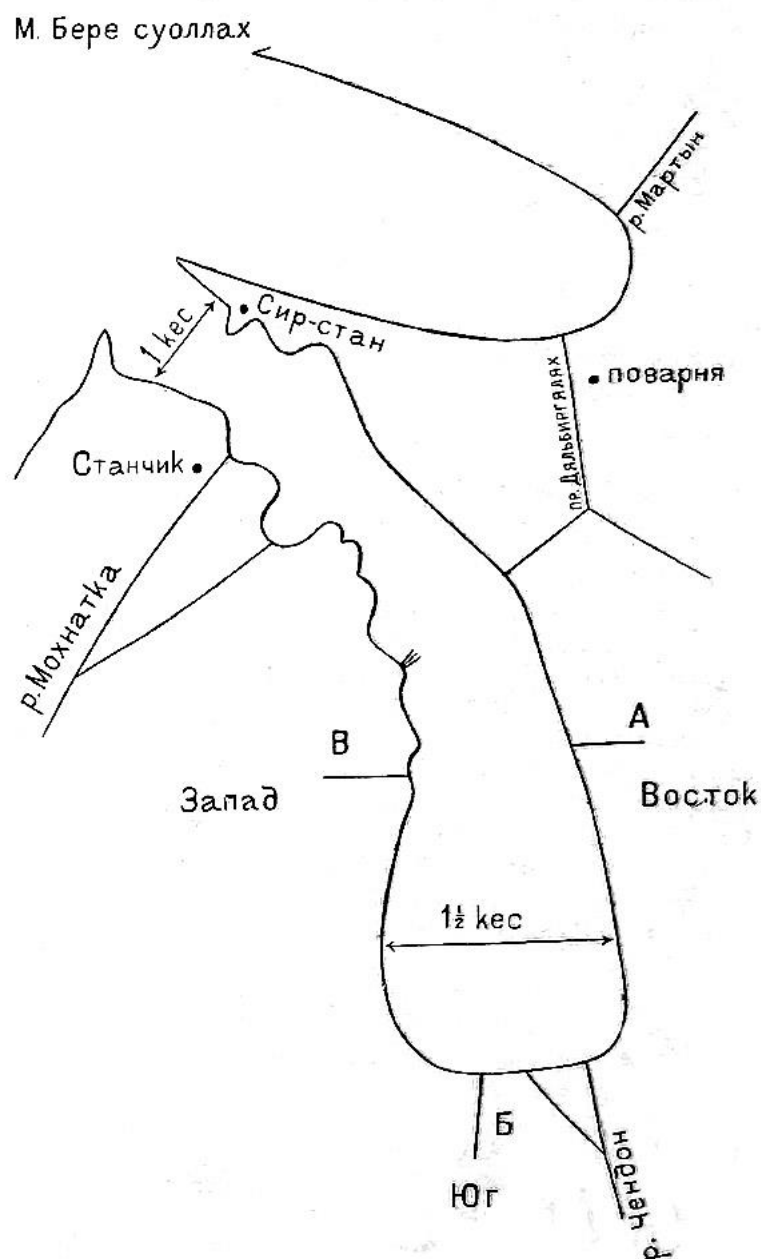
Конец! Наша переправа потерпела полнейший крах и как раз в тот момент, когда мы уже были почти уверены в её возможности и удачном исходе. Наше дело проиграно, веток нет, сама идея переправы окончательно дискредитирована в глазах её безмолвных зрителей, несомненно уже начинавших склоняться к мысли о возможности таковой. Если бы мы вернулись с того берега, пробившись до него, конечно, все они принялись бы за переправу, позабыв свой страх; теперь же на долгое время останется он у них, ещё более подкреплённый нашей неудачей. Делать нечего! Глубоко огорчённые, даём мы распоряжение двигаться назад, к месту нашей последней ночёвки у подножья едомы. Христофор утешает, говоря, что дня через три вода в реке подмёрзнет настолько, что можно будет через неё перебраться уже по льду.

И вот наша ураса снова на прежнем месте. Входим в неё, заглушая поднимающуюся волну недовольства. В нашем путешествии ко всему надо привыкнуть и запастись громадным запасом безропотного терпения. Здесь, на этой пустынной едоме, кто знает, сколько дней придётся провести в бесплодном сидении. Но, ведь, ясно, с другой стороны, что когда-нибудь наступит момент перехода с летнего положения рек на зимнее. И, в сущности говоря, в конце концов несомненно, что мы ничего бы не выиграли от немедленной переправы через Тумнугас, если бы она нам даже и удалась, ибо ясно, что через несколько сот сажен нам предстояла ещё более трудная переправа через Кюндюёбйях, а дальше через Мартын, и где-нибудь да должны были мы застрять. Но человек всегда стремится вперёд, и мы, вероятно, с меньшим неудовольствием задержались бы на берегах Кюндюёбйяха, чем теперь, принуждённые вернуться назад к месту последней нашей стоянки ввиду того, что на берегу Тумнугаса нет оленьих кормовищ.

Чтобы даром не терять времени, решили заняться хоть вопросом о Чендонской губе. Позвали Христофора, дали ему бумаги и просили его изобразить всю местность от мыса Бёре Суоллах до реки Мохнатки, причём внушили ему, чтобы он не сбивался в направлении, а имел бы вверху листа всегда север.

Ночью на 19 сентября (2 октября) мороз доходил до $-8,5^{\circ}$, кажется, что погода собирается нас выпустить. Утром Христофор принёс нам вычерченную им карту, точная копия которой воспроизведена на черт. 13. Надписи, на ней сделаны, конечно, нами.

При взгляде на эту карту сразу выяснились все наши недоумения. Ясное дело, что весной, махнув из Станчика в Сир-стан, мы пропустили всю громадную Чендонскую губу. Мы пересекли её ни на минуту не подозревая, что пропускаем сразу более сотни вёрст береговой линии. Отсюда следует вывести весьма поучительное заключение о неточности вообще всех зимних работ по съёмке берегов северных морей в тех случаях, если эти берега не имеют более или менее крутого склона. Отсюда следует также, что было бы абсолютно бесполезно и нам продолжать свои работы после того, как снежный покров сравняет поверхность океана и тундры, скрыв от глаз путешественников все тайны береговой линии.

Черт. 13. План Чендонской губы, составленный Христофором.

Так как несомненно, что очень скоро должно наступить это время, что оно наступит раньше, чем мы доберёмся до Ильина Шара, самой западной протоки Яны, то мы и решили довести наши работы до устьев этой протоки, а затем вернуться в село Казачье и там уже обсудить дальнейшее.

В Христофоровом плане позабавила нас следующая подробность. Чёрточками у него отмечались реки. Мы и спросили его относительно чёрточки, помеченной на плане буквой А, что это за река, однако, оказалось, что на этот раз это была не река, а «бу манна восток» — оказалось, что это он так изобразил восточное направление; тогда стало ясно, что Б — это юг, а В — запад. Так оригинально отметил страны света на своей карте Христофор, но, тем не менее, надо сказать, что все направления

его карты вполне выдержаны. Необходимо ещё прибавить, что чертил её человек, никогда вообще не державший в руках географических карт.

Нашего пути ещё прибавилось, и кто знает, что ещё ждёт нас впереди. Должно быть, как Летучий Голландец, осуждены мы судьбою вечно скитаться по бесплодной, безлюдной и холодной пустыне, каждый раз думая, что вот-вот и конец, и встречая всё новые и новые препятствия — в виде бесчисленных мысов и губ, вырастающих под самым нашим носом по мановению Христофора. Каждый раз, когда он заглядывает к нам в урасу, задаём ему вопрос, не придумал ли он ещё губы или мыса, который нам придётся обкруживать. Географические карты, как стовёрстка, так и пятидесятивёрстка, уже давно нами заброшены, так как по ним невозможно более ориентироваться, их заменили нам Христофоровские. К сожалению, масштаб его карт неопределённый и часто неравномерный, но зато мысов и губ на них более чем достаточно, чтобы привести нас в дурное расположение духа.

За обедом, подавая сухари, Дьячков заявил нам, что это последняя их порция, и что и сахара, и табака осталось всего на несколько дней. К счастью Христофор принёс нам приятное известие, а именно, что в 25 верстах к югу отсюда находятся юрты Кынгкый, где нас весною так славно угостили, и что там живёт торгующий инородец Афанасий, у которого, вероятно, можно будет достать кое-какие припасы. Чтобы попасть к нему, придётся переправляться через реки, но налегке — всё же это гораздо легче, чем со всем нашим обозом. Мы и решили отправить туда Христофора, предварительно убедившись, насколько крепок лёд на Кюндюёбйяхе (ниже его слияния с Тумнугасом). Взяли мы с Н.А. Июдиным пояса, таяки и мамыки и отправились вдвоём для исследования льда. До реки от нашего лагеря было 3 версты.

Придя к реке, одели пояса, обвязали концы мамыка вокруг талии, так что очутились вдвоём на разных концах мамыка, на случай, если бы один провалился в воду, другой мог бы вытащить его за мамык. Взяли в руки таяки и, осторожно постукивая, пошли пробовать лёд. До противоположного берега около одной версты, река солидной величины, но льдом скована от одного берега до другого. Саженой сорок (85 м) от берега лёд был толстый; шли довольно смело, но дальше лёд стал потрескивать. Шли далеко друг от друга, насколько позволял вытянутый мамык. Дальше, при нашем движении вперёд, лёд стал трещать и гнуться; ступать приходилось с большой осторожностью. Сердце замирало при мысли, что вот-вот тонкая корочка ледяного покрова реки проломится

и примешь холодную ледяную ванну, после которой придётся идти три версты назад по восьмиградусному морозу, чтобы иметь возможность переодеться. Саженьях в 100 (200 м) от берега стало уже небезопасно продвигаться вперёд, очень уж тонок был лёд. Поворачиваем обратно в расчёте, что, если ночью будет морозно, то завтра без особого риска можно будет перейти через реку, а потому можно отправить Христофора за покупками в Кынгкый.

Ужинали в последний раз с сухарями, теперь уже окончательно остаётся всего-навсего одна оленина. Вся надежда на Христофоровскую экспедицию в Кынгкый. В нашей уресе уже становится холодно, ибо тордохи окончательно отказываются нам служить, уж очень они истрепались. Понемногу всё заканчивается, и все вещи приходят в развал, — нет возможности продолжать экспедицию без обновления запасов провизии, одежды и тордох для наших жилищ. Наступает полный крах и при том как раз, когда морозы всё более и более крепчают и когда, именно, необходимо наилучшее снабжение экспедиции всеми нужными предметами. Да, не думали мы, выезжая из Русского Устья 7 (20) июня, что надо приготовиться и к зимнему времени, ибо предполагалось, что это мы можем сделать в Казачьем, в котором рассчитывали быть не позднее, как в середине августа. Впрочем, ведь даже если бы мы и предусмотрели возможность зимних работ, то всё равно ничего взять с собою мы не могли бы, ибо, выйдя из Русского Устья мы и так побросали много добра за невозможностью сколько-нибудь сносно двигаться. Правда, страшно сказать, мы бросили такую драгоценность, как мешки с сухарями!

20 сентября (3 октября) Христофор с Дьячковым вдвоём отправились в путь на Кынгкый, нам уже пришлось сидеть в уресе без дела. По неволе поминутно пьёшь чай, к сожалению, без сухарей и при строгой экономии сахара — это тоже доставляет мало удовольствия. К вечеру Христофор с Дьячковым возвратились с радостным известием, что достали сухарей и сахара и что через Кюндюёбйях можно будет на следующий день попробовать переправиться. Взяли они и нарты, чтобы иметь возможность ехать не верхом, а на нартах, ибо теперь, по твёрдой земле оленю труднее носить верхового на своей спине, чем тащить нарту. Одним словом, постепенно переходим окончательно на зимнее положение. Верховом на оленях мы сделали всё-таки большой путь, как-никак ещё до Святого Носа мы оставили нарты — прошли верхом более

500 вёрст. По случаю благополучного возвращения Кынгкыйской экспедиции сейчас же устраивается чай, да с сухарями, да и с хорошим количеством сахара. Нет, положительно в экспедиции хорошо живётся!

21 сентября (4 октября) ещё до начала утренней зари начались сборы в дальнейший путь; было ещё темно, когда мы закончили утренний чай. Чтобы окончательно закрепить зимнее положение, запрятали сапоги в чемоданы и одели меховые торбоса. Сёдла были здесь брошены, ветки также оставлены на склонах едомы, больше в них уже нужды не будет, а если бы и была, то всё равно они приведены в такое состояние, что уже при переправах служить больше не могут. Немного позже, в девять часов, всё было готово и наш караван двинулся в дальнейший путь. Всё-таки мы не предполагали, что так скоро нам удастся двинуться.

После небольшого отдыха олени наши точно взбесились — так лихо понесли наши нарты по твёрдой земле, через болота и замёрзшие лайды. На нартах при такой скачке нужно глядеть в оба, чтобы не вылететь из неё, она так покачивается на бок, что едва успеваешь ногой или таяком поставить её в нормальное положение. В один дух докатили до реки Кюндюёбйях и без разговоров пошли через неё. У правого берега лёд крепкий, но когда нарты подкатывают к середине он начинает потрескивать под их тяжестью. Летим быстрее, чтобы не оставаться долго на одном и том же месте, ибо при остановке неминуемо треснул бы лёд и наш обоз очутился бы на дне реки. К счастью олени несутся быстро, гудит лёд, расходятся трещины, но берег всё приближается. У самого левого берега, по-видимому, наиболее глубоко, ибо гудение усилилось и от обоза пошли длинные трещины. Якуты погоняют сильнее, и скоро вся верстовая ширина реки остаётся за нами. Благополучно переправились через Кюндюёбйях, к сожалению, только это ещё не последняя река, через которую придётся переезжать при аналогичных же условиях.

До вечера разделяемся с Н.А. Июдиным; он отправляется обкруживать тот самый мыс Бёре Суоллах, на который 16 (29) сентября мы так неудачно пытались перейти с мыса Туркана. Вблизи второй протоки Чендона — Мартына — было условлено встретиться. Снова покатили в разные стороны. Встречавшиеся лайды переезжали прямо по льду, чтобы их не объезжать; лёд на них уже прочный, благодаря малой глубине лайд и отсутствию всякого течения. Только на одной громадной лайде, у самого противоположного берега, вдруг пошёл сильный гул, и

со страшным треском лопнул лёд, образовав длинную трещину во всю ширину лайды, и поверхность льда согнулась под тяжестью нашего обоза. Сердце уже замерло от мысли, что вот-вот всё вместе с нами рухнет в холодную воду, но быстрота нашего движения выручила нас и на этот раз; нарты неслись скоро уже по твёрдой земле. После этого случая большие лайды стали уже объезжать. Вскоре приехали на едому, с вершины которой в небольшом расстоянии виднелась довольно широкая река. Это и был тот самый Мартын, у которого мы должны были ждать наших. Отправил Василия посмотреть, действительно ли это река или, быть может, длинная лайда, ибо он в здешних местах не бывал и поэтому не знает местности, а Христофор пошёл с Н.А. Июдиным, чтобы показать ему особенности местности и, главным образом, сообщить названия ручьёв, мысов и прочего, что встретится на пути. Василий вернулся и объявил, что это действительно река. Ну, следовательно, встали там, где нужно, остаётся лишь поджидать возвращения их с обхода порядочного-таки мыса.

Снова пришлось заколоть оленя. Мы уже и счёт потеряли, сколько их за последнее время съели. Ничего не поделаешь, охотой теперь ничего не удаётся промыслить. Птиц совсем нет, дикие олени давно уж не попадают; забыли уже когда и видели их в последний раз. Так вот всё своими и питаемся; они всё-таки не так вкусны, ибо, как-никак, а утомляются работой и частыми переходами не по своей воле.

Сравнительно рано, около пяти часов вечера приехал и Н.А. Июдин, обкружив весь мыс, длина коего оказалась равна 25 вёрстам (26 км). Вечер закончился обычным теперь порядком: ужином и костром в уресе. Теперь прибегаем уже и к ужину, ибо на ночёвку приходится становиться рано и до ночи в уресе изрядно проголодаешься — так что без ужина было бы уже голодно.

22 сентября (5 октября), как постоянно за последние дни, просыпаемся в шесть часов утра вследствие холода, проникающего за ночь в урасу сквозь наши дырявые тордохы. Надо ещё только удивляться, как долго при таких условиях держится в уресе теплота. В десять часов трогаемся в путь. По словам Христофора, Мартын вблизи устья разделяется на три рукава. Следовательно, нам нужно будет переехать через три Мартына, а не через одного, как то раньше предполагалось. Ну, через три, так через три; одним больше, одним меньше на нашем бесконечном пути — не всё ли равно, в конце концов?

Спустившись с едомы, скоро подкатили к первому Мартыну. Христофор пошёл с таяком через реку пробовать лёд; перешёл потихоньку на другую сторону и дал знак, что можно осторожно начинать переправу. Разбили обоз на части, чтобы сильно не загружать тонкий лёд. Когда первая партия была на середине реки, пошли треск и гудение, но нарты быстро въехали на берег. Дальше шла партия из двух нарт. Христофор крикнул с берега, чтобы бежали поскорее. Лёд у левого берега гудит и потрескивает, от нарт бежит ледяная волна. Снова люблюсь ею — как-то странно видеть такое проявление эластичности льда. Волна идёт совершенно как по воде, только медленнее. Очевидно, вследствие этой эластичности ледяной поверхности, связывающей всю массу льда в одно целое, и является возможность совершать переправы, подобные нашим, через только что вставшую реку, только-только подёрнутую слоем первого льда. Наши нарты на берегу, но половина обоза ещё на противоположном. Видим, что нужно принимать особые меры предосторожности, которые, однако, могут заключаться лишь в быстроте нашего движения. Снова смотрю, как быстро несутся нарты: страшно смотреть с берега; когда сам с ними, как-то спокойнее. Но всё обходится благополучно. Последними идут свободные олени. Н.А. Июдин также на противоположном берегу, стоит у пасти и берёт направления. Олени не торопясь передвигаются по льду, не чуя опасности. По середине реки почему-то останавливаются кучкой. Но нет, снова начинают подвигаться, но затем, снова сбившись в тесную кучу, останавливаются почти на середине реки. Ну, уж тут лёд не выдержал такого над ним издевательства и с треском проломился под их ногами. Только крайние, услышав треск ломающегося льда, успели кинуться к ближайшему берегу, но остальные провалились в холодную воду. Что тут делать, помочь мы ничем не можем; неужели пропадут? Но, молодцы, стараются изо всех сил выкарабкаться на лёд, а лёд ломается снова и снова; но так они постепенно добиваются всё ближе и ближе к берегу, среди острых осколков, пока не удаётся сперва одному, потом другому, встать на толстый прибрежный лёд, и тогда уж они несутся к берегу во всю прыть после невольной ледяной ванны. Впрочем, это для них, можно сказать, нипочём — не то, что для нас. Н.А. Июдин находился уже на льду реки, когда случилась эта катастрофа с оленями и оттуда наблюдал эту картину. Скоро и он подошёл к нашему собранному теперь обозу. Да, счастливо здесь нас пронесло, а близко, ведь, было к тому, чтобы нарты с нашим багажом ухнули на дно реки Мартына. Вот и был бы Мартын!

Дальше покатили по льду самой губы, крепко замёрзшей. Сильный южный ветер поднял метель из снега и песка. Масса поднятого песка и снега стояла густым облаком. Вот и вторая протока Мартына, почти втрое шире первой, и, по словам Христофора, — глубокая! Христофор с Багелаем идут пробовать лёд, Христофор с таяком впереди; но с четверти реки он удирает, крича «букатын, букатын кусаган» (совсем плохо). В нескольких местах пытаются они пробовать лёд реки, но он настолько тонок, что не представляется возможным далеко отойти от берега. Мы сами несколько раз пытаемся перейти, но безуспешно. Видим, дело плохо: река глубокая и быстрая, лёд не успел ещё сделаться достаточно твёрдым. Волей-неволей, а снова приходится здесь задержаться. Идём ещё вместе вверх по реке со слабой надеждой, что, может быть, где-нибудь и найдётся более крепкое местечко. В одном месте Христофор пробует лёд, но от одного удара таяком он проламывается; пробуем глубину в образовавшемся отверстии; таяк весь уходит в воду — более сажени, следовательно. Огорчённые возвращаемся назад, идя саженьях в 15 (метрах 30) от берега реки по льду, забыв за печальными разговорами о непрочности нашей почвы. Вдруг раздаётся громкий треск и все — кто куда, на берег. Совсем ведь забыли об осторожности. На берегу снова сошлись вместе. Шабаш, пробы закончены. Здесь нужно ждать, когда морозу заблагорассудится нас выпустить!

Возвращаемся к ожидающему нас обозу, решая вопрос, где же разбить лагерь. Здесь на острове между протоками Мартына нет оленьих кормовищ, но, с другой стороны, снова перебраться назад через только что пройденный правый Мартын и подвергать себя и обоз второй раз лишнему риску, тоже представляется нецелесообразным. Решено остановиться здесь между двумя Мартынами, а оленей перегнать обратно к той едоме, где мы ночевали накануне. Среди зарослей тальника расставляется ураса; забираемся в неё. Ну, и «беда длинный день!» Только второй час дня, рано же окончился наш рабочий день! А пока наши рабочие расставляли урасу, готовили пищу и пили чай, олени не стали их дожидаться и перешли на ту самую сторону Мартына, куда мы только что тщетно старались попасть. Как и где они перешли, — кто знает, но только потом было сделано много безуспешных попыток добраться до них. И остались мы, таким образом, на острове между двумя реками и без оленей! А с юго-запада поднялась громадная туча, пошёл мокрый снег, температура стала подниматься, скоро было только 0,5°, а к девяти

вечера наступила уже оттепель. Вот тебе и раз, а мы без веток и без олений! В утешение Христофор пришёл сообщить нам, что при западных ветрах здесь часто взламывает не успевший ещё отвердеть лёд рек. Одним словом, всё обстояло вполне обычным для нас здесь порядком!

Вот и лежишь в уресе, не зная что предпринять. Часто выходишь повертеть психрометр Ассмана, чтобы узнать не падает ли температура. Наши самые горячие желания были направлены на то, чтобы завернул мороз градусов на тридцать. Вот благодать бы была! А тут сыплется с неба белый, мокрый снег и сейчас же тает, ложась на землю. От скуки занимаемся изготовлением шашек и доски, а после долго занимаемся с Н.А. Июдиным игрою в шашки. После девяти я сообщаю ему, что термометр опускается ниже нуля и что падающий снег больше не тает, а небо как будто понемногу разъясняется.

23 сентября (6 октября) просыпаемся радостные, ибо просыпаемся от холода, а раз в уресе мороз, то ясно, что и Мартына нашего он подморозил. Крепче мороз! Освободи нас от всех этих Мартынов, Дяльбиргяляхов и Чендонов и всех — «овов», которые ещё предстоят на нашем пути! А чтобы получше воспользоваться услугами мороза, придумали сделать себе искусственный мост из льда, поливая водой избранную линию, ведущую на тот берег. Наши рабочие отправились поливать лёд и много поработали за день. Нужно полить, затем дать подмёрзнуть, затем снова полить, чтобы иметь возможность проникнуть дальше, и так постепенно за день (эту операцию начали они проделывать накануне) добрались они до противоположного берега, после чего ещё два раза была обильно полита водою импровизированная дорога через реку. Но день все-таки длинный, и шашки поднадоели. Начали мастерить с Н.А. Июдиным карты, чтобы было развлечение от скуки. Сами рисовали королей, валетов и дам. Показали Христофору наши карты, ему они не понравились — «Кусаган, — говорит, — карты» (плохие карты). Ну, что поделаешь, какие уж есть!

Вечером пришлось сидеть лишь при свете костра. Свечи подходят к концу, нужно их экономить и употреблять только для работы. Вечером совсем разъяснилось, что, к нашему великому удовольствию, предвещало морозную ночь. Сквозь разорвавшиеся быстро уносившиеся облака выделяется громадный треугольник — Вега, Денеб, Альтаир, а в другой части неба горят все семь звёзд Большой Медведицы. Торжественно и печально в холодной пустыне! Холодом веет и от бледной

луны, холодом веет и от трепетного мерцания далёких звёзд, и от белого снежного покрова, скрывшего под собою всю пустыню. Холодом веет и от дыхания южного ветра. Подавляет страшное величие холодной пустыни. Не видеть его, скрыться скорее в своей уресе, за её уютными стенами в блеске потрескивающего пламени!

Однако уже чувствуется усталость, нервы напряжены до крайности, и все время чувствуешь, будто где-то нас ждёт беда неминуемая. Где и откуда выйдет она, не знаешь, и предположить не можешь, откуда выползет она внезапно, как страшное чудовище. Уж мы ли не привыкли к разным неожиданностям за долгий наш путь? Кажется, уж больше ничего не придумать, но постоянно настороже, зорко следишь за всем, не исключая и мелочей, стараясь угадать, что же ещё заготовлено для нас в этом нашем испытании. Но, ведь будет же когда-нибудь конец, наступит же момент, когда нам никуда не надо будет торопиться, не надо будет никуда двигаться. Неужели когда-нибудь возможно такое счастье? Это сознание даёт силу и волю душе переносить терпеливо и спокойно все невзгоды, все неприятности, все лишения нашего пути, даёт возможность затушить бурю тоски и отчаяния, ярко иногда вспыхивающих в глубине её, даёт возможность безропотно и до конца пить нашу горькую чашу.

И разве за это время, на самом деле, прошло для нас только коротких пять месяцев? Это там, в обычных условиях, так ещё можно считать, а не здесь, когда каждый день так богат впечатлениями, когда за другой день здесь передумаешь и переживаешь столько, сколько там за месяц не переживёшь. Нет, положительно, эти пять месяцев можно приравнять вследствие интенсивности переживаний к пяти годам! И странно, часто задавали мы себе вопросы насчёт будущего: согласились ли бы мы когда-нибудь во второй раз на такое предприятие. И отрицательный ответ на этот вопрос в начале нашего пути постепенно превращался в положительный. Теперь уже часто говорим: «Когда в следующий раз будем в экспедиции...» И думается, что после отдыха там, в бесконечно далёком, где-то чуть ли не на другой планете находящемся Петербурге, снова потянет сюда в этот дикий простор, под это печальное небо, в эту беспредельную равнину океана и тундры, к жизни путешественника, к этой уресе, к этой абсолютной неизвестности будущего, ко всему тому, что так чуждо нашей обычной жизни и её подчас нелепым обычаям. И разве не в возможно большей смене переживаний состоит

вся прелесть жизни? Какая ей цена, если она тянется однообразно как заведённая машина!

24 сентября (7 октября) скоро после восьми часов утра всё уже было готово к переезду. Достаю, как всегда, все свои записки с астрономическими наблюдениями, беру ящик с двумя хронометрами, чтобы не губить, в случае крушения, всего сразу, а чтобы сохранить время и иметь возможность дальше продолжать работу. Тетради же прячу на себе, чтобы если пропали, то только со мною — иного случая с ними не могло бы быть. Вперёд! Мы с Н.А. Июдиным идём вместе пешком по скользкому льду — очень трудно идти в торбасах. Позади нас ведёт скорым шагом свой обоз Христофор. Бежать оленям трудно, ибо скользок политый водою лёд, но уйти в сторону на неприготовленную нами дорогу ещё опаснее, там лёд ещё очень плохо подмёрз. Мы смотрим, как приближается обоз, лёд гудит, звук этот очень напоминает тот, который слышишь, когда стоишь под железнодорожным мостом при приближении поезда. Снова обгоняем обоз, и скоро мы первые на другом берегу; оборачиваемся к реке, чтобы следить за остальной переправой. С берега много страшнее смотреть на гудящий обоз. Вот идёт тяжёлый хронометрический ящик. Хотя всё самое ценное у меня, но всё-таки с большим волнением следишь за его движением; но вот и он на берегу, на льду остаются свободные олени. За них уже после первого опыта не беспокоись — провалятся, так и выкарабкаются без всякого воспаления лёгких. На этот раз и они благополучно переходят на наш берег, следуя по проделанной нами дороге. Ура, второй Мартын остался позади! «Ну, Христофор, вези скорее к третьему!» Но третий оказался «барбах» (пустяк), не широкий и мелкий, а потому мы его берём без всяких проб и, не останавливаясь, катим к следующей преграде — Дяльбиргяляху.

Дальше лихо летим на отдохнувших оленях. Вот и река! Задача состоит в отыскании поварни Дяльбиргялях, той самой, у которой мы закончили весенние работы и где имели такой хороший приют от свирепствовавшей тогда пурги (рис. 26). Долго не можем найти её, пока не натыкаемся на торчащие из-под снега брёвна — жалкие остатки бывшего когда-то жалкого строения. На реке возятся с сетями рыбаки. Ну и далеко же мы на юг хватили, что даже людей встречать стали! Зовём их к себе; среди них оказывается и бывший наш ямщик. Он и подтверждает, что это, действительно, та самая поварня и есть, но что летом она была разобрана на дрова. Спрашиваем и про лёд, крепок ли он, можно

ли переехать через реку. Получаем в ответ, что если осторожно, так, пожалуй, и можно. Снова начинается обычная процедура разделения нарт, выборка ценных бумаг и затем прежним порядком переход сначала через первую протоку Дяльбиргяляха. На берегу встречает нас какой-то старый якут, протягивает нам руку и представляется: «Федорко, Федорко Протодиаконов», а немного погодя для весу прибавляет и отчество: «Васильев». «Ну, Васильев, так Васильев, а вот Дьячков, спроси-ка ты его про сир-станских жителей, перекочевали ли они к своим юртам». Ответ получаем, к сожалению, отрицательный. Затем задаётся ещё вопрос, нет ли здесь поблизости кого-нибудь из жителей, хорошо знающих Чендон и его губу. Тут уже получаем ответ, повергший нас в немалое изумление. Он заявляет, что Чендон мы уже проехали и что дальше никакого Чендона нет и не было! Мы в полном недоумении. Задаётся ещё осторожный вопрос, а сколько лет этому самому Федорке, Федорке Протодиаконову, Васильеву. Ответ получается самый обоснованный. Ему 75 лет, всю свою жизнь прожил в этих краях и ему ли. Федорке Протодиаконову, не зная своих родных мест. Картина! Пропал Чендон, исчез Чендон с лица земли вместе со своею губою в 200 вёрст! Ну, тут уж и Христофор вмешивается, чтобы поддержать свою репутацию и авторитет и доказать верность своего плана. Он задаёт спокойно ему один только вопрос, так, по-приятельски — «Ходил ли ты когда-нибудь дальше Дяльбиргяляха?» — и в ответ получает — «суох!», что вызывает взрыв общего смеха к великому недоумению Федорки. Да, вот он и прожил тут 75 лет своей жизни на этой стрелке Дяльбиргяляха и весь мир представляется ему в плоскости его маленьких интересов и радостей, такой же убогий и печальный мир, как он сам!

Оставляем его здесь на стрелке доживать недолгие годы его однообразной жизни и начинаем пробы переезда через вторую, более глубокую протоку. Во многих местах пытаемся перейти, но безуспешно. Только после часовых поисков находим место, где с обычными предосторожностями удаётся перемахнуть на левый берег реки. Дальше снова понеслись по прекрасной дороге пушистого снега и скоро увидели характерные конические булгунняхи, расположенные вблизи юрт Сир-стана. С холмов иногда видна протянувшаяся слева от нашего пути Чендонская губа, видны заливы и мысы, которые мы тогда весною так удачно срезали и не подозревая об их существовании. Вот и Сир-стан! Весело подкатывает наш караван к знакомым юртам и останавливается около них.

И вот, мы снова в юрте, второй раз во всё время нашего пути. Скоро весело пылает камелёк, и быстро согревается воздух нетопленной ещё юрты. В этом Федорко прав, жители к юрте ещё не перекочевали, и мы нашли её пустой. Готов чай, и наступает спокойное время вечера. Но ветер разогнал тучи, небо покрыто звёздами, и я устанавливаю свой универсальный инструмент, чтобы не потерять драгоценные минуты ясной погоды. Наблюдения затягиваются далеко за полночь; наблюдаю Полярную, Вегу, Альдебаран и Марс. Небо иногда затягивается в нужных местах тучами, что мешает наблюдениям. С полуночи разыгралось северное сияние и скоро охватило всё небо. Оно было настолько ярким, что даже Альдебаран тонул в играющих его лучах. Все спали мирным сном в тёплой юрте, лишь мне приходилось частенько ходить в юрту, чтобы протирать сильно коптевший фонарь, без чего невозможно было делать нужные отсчёты. Но скоро и я, окончив все работы по определению астрономического пункта №24 — Сир-стан, вошёл в юрту и усталый с удовольствием расположился на ночлег на удобной постели.

25 сентября (8 октября) в четыре часа утра зашевелились в нашей юрте: Дьячков отправлял Багелая на Станчик (через губу), чтобы оттуда привести человека, хорошо знающего Чендонскую губу, ибо, хотя Христофор и знает очертания берегов, но говорит, что позабыл названия всяких там рек и ручьёв, которые в неё впадают. Ночью минимум падал до $-10,5^{\circ}$. Ну, кажется, избавлены мы, наконец, от рискованных переправ, а то уж не раз рассуждали о том, что повезло нам всё-таки в эти последние дни, не вечно же будет так, провалится когда-нибудь наш обоз в реку из-за нашего нетерпеливого стремления двигаться вперёд во что бы то ни стало. В 10 часов утра Багелай возвращается из Станчика с известием, что там нашёл только женщин, но сделал распоряжение, чтобы знающего человека немедленно отправили в Сир-стан. Ну, что ж, не ждать же его, и Н.А. Июдин отправляется с Христофором обкруживать столь знаменитую Чендонскую губу. Мы же решили двинуться через губу на Станчик на следующий день, ибо Н.А. Июдину меньше, как в двое суток, не обойти губы, а мы напрямик, по весеннему способу, там, глядишь, через час будем — всего-навсего ведь 10 вёрст. По этому поводу я сижу себе в юрте, попивая чаек, как вдруг входит знакомый по весенней поездке кандидат в головы Ефрем. Он приехал с присланным из Станчика человеком, хорошо знающим Чендонскую губу. Поздоровались с ним, как старые знакомые. Вот немного попутешествовали здесь, а всё встречаешь знакомых. Видно не много здесь жителей бывает на

берегу! После первых приветствий Ефрем и говорит мне, что завтра мы можем и не попасть на тот берег. «Это почему? — спрашиваю. — Мы нарочно решили переночевать здесь, чтобы покрепче подмёрзла губа». — «Нет, говорит, плохо — теперь вода прибывает». — «Почему же ей прибывать?» — «Потому, запас» (западный ветер). Вот, в самом деле, об этом друге — «запасе» — я и забыл. Ну, что делать, надо срочно собираться на ту сторону. Приказываю пригнать оленей и начать приготовление к отъезду. Не обходить же нам, в самом деле, Чендонскую губу в три дня кругом, когда можем перейти её в один час. Знающего же человека сейчас отправляю вдогонку за Н.А. Июдиным по правому берегу губы.

Солнце уже закатывалось, когда мы только тронулись в путь, оставив пустыми юрты Сир-стана. Вся западная сторона горизонта загорелась странным молочно-красным цветом — цветом давленной земляники, смешанной с молоком. Никогда раньше я не видел неба такого цвета. Это фантастическое зарево обхватывает всё большую и большую часть неба. Затем туча, скрывавшая от нас солнце, поднимается вверх и открывает ярко-жёлтый с расплывшейся огненно-красной каймой шар из расплавленного золота. В блеске яркого золота исчез призрачный свет неба и оно уже пылает чистым золотом. Шар из расплавленного золота спускается ниже и сплющивается у горизонта; огненная кайма, окружающая его, делается ещё ярче и постепенно расплывается по всему опускающемуся диску. Затем остаётся на горизонте только бесформенное алое пятно крови, капли которой стекают под горизонт, а когда последняя капля свежей крови исчезает, снова всё небо горит одним лишь чистым золотом. Остановив весь обоз, стоял я, любуясь удивительным закатом, и лишь когда последние лучи дневного светила скрылись, приказал начать переезд через губу.

Но губа в её устье оказалась мало стоящей, в большинстве мест она промёрзла насквозь до самого дна. Только в некоторых местах начинающимся «запасом» нагнало немного воды, расположившейся над льдом. По таким местам, напоминавшим давно забытые наледи, оленям было довольно трудно бежать, но опасность в настоящем их виде они могли представить разве что для курицы. Так мы живо перекатили через Чендонскую губу и скоро подъехали к юртам Станчика. Ведь, не всё ли равно где ночевать, в Сир-стане или Станчике?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Начало зимы в дельте Яны

25 сентября – 12 октября (8 – 25 октября)

В юрте Станчик — Неприятности «запаса» — Якутские дети — Праздник у якутов — Сходство и несходство их и нашей жизни — Узел жизни — Северное сияние — 25 сентября — Задача о помещении в юрте большего числа людей, чем она может вместить — Прибытие Турунтаева — Прибытие Н.А. Июдина — Берег спиралью — Вопрос о дальнейшем пути — Денежный кризис экспедиции — Начало зимы — На знакомых местах — Кочевая и Кёмёлёх — Пурга 30 сентября — Взгляд на прошедший сентябрь — Юс балаган, Джаныстан и Борулах — Правая и Ильин Шар — Юрты Ал — Астрономический пункт № 25 — устье протоки Ильин Шар — Ортодие — Граница лесов — В роще лиственниц — Пожар в поварне — Озёрной район — Село Казачье — Панорама четырёх месяцев — Отдых в Казачьем — Северное сияние пятого октября — В бане — Расчёт с управой — Назначение дня отъезда на Верхоянск.

В Станчике оказалось премного народа. В маленькой юрте было четверо мужчин, пять женщин и два ребёнка, да нас прибавилось ещё пятеро. Компания солидная, да ещё должен приехать Н.А. Июдин с Христофором и с человеком, «знающим Чендонскую губу» — ещё трое, следовательно. Все должны разместиться в этой маленькой юрте. На обед Дьячков подал варёную рыбу. Я давно не имел этого кушанья, пожалуй, с Волчьей, когда было ещё только начало лета. В девять часов вечера на небе загорелись было длинные лучи северного сияния, но нашедшие тучи скоро закрыли его от наших взоров. Там, выше облаков, разыгрывалось оно, невидимое для смертных.

Душно было спать в юрте, и все проснулись рано. Ефрем поговаривал, что «запас» всё-таки будет, а он, по его словам, иногда взламывает лёд во всех протоках обширной Янской дельты и взламывает основательно, вплоть до самого Казачьего. Перспектива мало приятная, — жди потом пока снова заморозит эти большие реки. И, в самом деле, к 11 часам «запас» усилился, сила его доходила до очень крепкого и угрожала перейти в шторм. Часа в четыре в Станчик приехали ещё жители: рассказывают, что при устьях уже начало взламывать лёд. Спрашиваю о наших, может ли их запереть Чендон. Якуты предполагают, что к этому времени они

уже успеют перейти его, ибо до него «запас» ещё не мог успеть добраться; очень уж далеко запрятался Чендон в глубине своей губы. Так что, вероятно, они смогут прибыть в Станчик своевременно.

Скучно в юрте, от нечего делать наблюдаю за жизнью якутов. Развлекают маленькие дети: девочка и мальчик. Первой года четыре, ходит по юрте с горящей лучиной и подносит её всем, кому нужно закурить, с самым серьёзным, невозмутимым видом. Когда лучина погаснет, подходит к камельку, сует лучину в пылающий огонь, не обращая никакого внимания на сноп искр, часто обдающий её при такой операции, когда щёлкнут дрова на огне — лишь мать стряхнёт с волос или платья упавшие искры. Так и ходит она от одного к другому, и потешно, когда какого-нибудь взрослого, почтенного якута зовёт по обычаю «догой» вместо «догор» (приятель). Все манеры старших переняла и научилась уже «экать», как и остальные. Мальчишка же значительно меньше, в возрасте когда только начинают ходить. Он бесстрашно совершает свои не всегда удачные путешествия по полу юрты, копошится около камелька и, взяв с сестры пример, тоже достаёт где-то лучину, зажигает её в огне камелька и с пылающей лучиной начинает путешествие к курящим якутам. Плетётся так, что того и гляди упадёт на горящую лучину. Мать, заметив его рискованное предприятие, отнимает лучину и, дав несколько подшлепников, усаживает в угол юрты. В юрте идёт работа. Дьячков, женщины и девушки скоблят наши оленьи шкуры, приготавливая их для зимних нарт. Во всех углах раздаются звуки скобления кож, работа кипит вовсю.

К вечеру к нашим якутам приехали ещё гости, очевидно, на нас посмотреть собираются. Громадные котлы рыбы и мяса варятся для гостей на камельке. Весело кипит несколько чайников, идут бесконечные разговоры гостей и хозяев. У колонки горит плошка с рыбьим жиром, дающая достаточно света, чтобы различать лица или заниматься едой, но недостаточно для чтения или письма. Ровным, не колеблющимся светом горит эта плошка. Я лежу на своей скамье, один, чуждый этой жизни и безучастный к этому веселью. А шума и веселья всё больше и больше. Не умолкают рассказы, разматываются и заматываются нити бесконечных разговоров, загораются и утихают споры. Мне непонятна их речь, но, тем не менее, понимаешь по лицам их настроение. И странно, как эта вся их жизнь в одно и то же время и похожа, и не похожа на нашу. С одной стороны, так понятна, что кажется, что и не зная их

языка, могу передать всю суть их разговоров, а с другой стороны, непонятна настолько, что и представить себе не можешь, как здесь, в этой маленькой юрте могут запереться они на долгую, бесконечную зиму, на долгую, полярную ночь. Ведь и сидишь-то здесь терпеливо только потому, что знаешь, что должны же когда-нибудь кончиться эти пустынные равнины и вместо них снова увидишь широкие залитые светом улицы города — вместо этой тесной, грязной юрты, где мы поместились, как сельди в бочонке, просторные комнаты современных домов и вместо этой тёмной, холодной ночи — жаркое летнее солнце.

Непрерывной рекой лились речи, веселье и смех, быстро опустошались громадные котлы с рыбой и мясом, наливались и опустошались стаканы горячего чая, а я глядел на них и думал, что, в сущности, не то же ли самое и у нас происходит. Так в вечном движении по всей земной поверхности разматывается узел жизни, где в роскошных замках, где в убогой землянке, где под знойным тропическим солнцем, где в ужасающем холоде полярной ночи. Всё одно и то же, везде и всегда!

Однако, тяжело здесь в шумной юрте, лучше выйти подышать свежим, морозным воздухом. Выхожу из света во мрак пустыни и поднимаю глаза вверх. В вышине ясного неба трепещут быстрые таинственные лучи. В безлюдной пустыне разыгрывается величественный фейерверк, он не нуждается в зрителях, и мы с Н.А. Июдиным, — я здесь в Станчике, а он где-нибудь на Чендоне, — быть может единственные случайно любуемся им. Бегут и сверкают полосы; то в одном, то в другом месте загораются нежные сияния. Вот белая пелена, достигнув зенита, рассыпалась вокруг него, увенчав его короной, вот острые иглы спутались по небу, катятся и переменяют места друг с другом. Что за возню они подняли там, в недоступной вышине. Долго стоял я один на снежной равнине, пока не почувствовал сильного холода от ледяного дыхания западного ветра. Пора и в юрту, уже поздно!

В юрте устраиваются на ночёвку. Я с удивлением смотрю, как они разрешат невозможную геометрическую задачу: на определённой площади уместить n предметов (т.е. человеческих тел), сумма площадей которых больше этой площади. С трудом прошёл к своему месту. Ухитрились-таки решить головоломную задачу поместившись на нарах по два и по три. Как — уж это трудно понять. Только у меня, да у Дьячкова было свободное место, а то вся площадь была использована до последнего квадратного миллиметра.

Скоро наступила тишина, мне только что-то не спалось. Девочка плакалась, а она с матерью и бабушкой как раз за моей головой. Бабушка страшает её мной — «не плачь, говорит, а то «нутча» (русский) возьмёт». Вот ещё и в детское пугало здесь произвели! Понемногу стал забываться. Хотя в юрте и много народа, но вентиляция довольно хорошая, — открыта дыра в трубе камелька и через неё видно тёмное небо. У моей головы как раз окошко и только тонкий слой оленьей брюшины, да ещё прорванный в одном месте, отделяет меня от внешнего воздуха. От окна идёт приятный, свежий воздух, а на улице ревет ветер и, наверное, взламывает лёд бесчисленных протоков Яны, чтобы где-нибудь поосновательнее посадить нас. Злобный бог тундры неотступно преследует нас, особенно здесь, вблизи устьев Яны. Он насылал на нас весною свирепый «восток», и в жестоких пургах скрывались от нас все окрестности. Теперь мы снова возвращаемся сюда. Он напустил лёгкие морозцы и, сковав реки непроходимым покровом, заманивал нас на рискованные переправы. Мы перехитрили его, облив лёд водой и побиили его же оружием, а теперь, видя свою неудачу, он хочет взломать льды и запереть нас где-нибудь на островке, чтобы не дать исправить сделанные весной ошибки. А тем временем он всё занесёт толстым слоем снега, под которым скроет все свои тайны. Но мы спокойно снесём эти издевательства и вырвем от него всё нужное для нас.

27 сентября (10 октября) я разбирал вещи, чтобы отобрать часть, необходимую для пути к Ильину Шару, большую же часть решил отсюда прямо отправить в Казачье. Сел написать записку Турунтаеву, которого К.А. Воллосович хотел оставить в селе Казачьем, и только взял в руку перо, как вдруг слышу знакомый голос: «Здравия желаю», поднимаю голову и вижу перед собою Турунтаева. Он ожидал нас в Казачьем, ждал, ждал, да и не дождался. Уже все сроки нашего туда прибытия прошли, а о нас он не имел, как говорится, ни слуху, ни духу. Поэтому он решил идти отыскивать пропавшую экспедицию. В устьях Яны он встретил якута, ехавшего с Дяльбиргяляха; последний и направил его на Станчик, предполагая, что мы должны быть где-нибудь поблизости от него. Так удачно и скоро нашёл нас Турунтаев в этой громадной пустыне. Приятно почувствовать, что есть человек, который пошёл навстречу заброшенным путешественникам, обеспокоенный их безвестной, долгой отлучкой. Пока мы беседовали с Турунтаевым, сообщили, что «тойон едет». Вот и Н.А. Июдин здесь — теперь все в сборе.

К.А. Воллосович прислал нам с устья Омолая записку, в которой сообщал, что заготовил нам для дальнейшего пути улусных оленей; он рассчитывал, что мы будем в Казачьем «не раньше как через три недели» после его отъезда, т.е. не раньше 28 августа (10 сентября). В этом он не ошибся, ибо вот уже 27 сентября (10 октября), а мы ещё далеко не в Казачьем. Как трудно что-нибудь в таких местностях предполагать, и как все наши, казалось бы самые несомненные, расчёты оказывались ошибочными. А теперь самое главное! Нам привалило неожиданное, несказанное счастье. Турунтаев привёз — сахар, печенье и... хлеб! В самом деле, самый настоящий хлеб, — я бы не рискнул шутить такими вещами!

Н.А. Июдин обратился ко мне со словами: «Евгений Фёдорович, а ведь знаете, ваш сон тогда на полуострове Стан Маныко в руку оказался». — «Какой сон?» — «А помните, вы рассказывали, что вам приснилось, будто береговая линия загибается всё спиралями да спиралями, и сколько мы ни идём по ней, всё с места сдвинуться не можем». Да, в самом деле, приснился мне однажды при обходе головокружительных изгибов линии полуострова Стан Маныко такой сон, весьма характеризующий наши настроения. Уж всякие кривули обходили — только спирали и не хватало; в довершение всего вот она во сне и приснилась, а тут в Чендонской губе, и в действительности оказалась. Достал Н.А. Июдин свой маршрут и торжественно показал часть берега, свернувшегося в завиток спирали.¹

Решали вопрос о дальнейшем пути. Ясно, что, проехав к устью Ильина Шара, самой левой, западной протоки Яны, где нужен астрономический пункт, дальше без организации заново всех наших припасов, обуви, материалов для устройства урас и прочего, в зимнее время двинуться в большое путешествие мы не можем. Потому необходимо возвращение в Казачье для заготовок. С другой стороны, ясно, что в это время наступит уже настоящая зима и все заманчивые тайны береговой линии, столько раз приводившие нас в изумление, будут скрыты под толстым покровом снега — снова равнина тундры будет не отличима от равнины океана. Какая цена съёмки при таких условиях, — в этом мы имели много случаев неоднократно убедиться. Стоит ли портить великолепную съёмку Н.А. Июдина проведением какой-то гадательной береговой линии? Затем ещё одно обстоятельство заставляет остановить наши работы у устья Ильина Шара — это денежные затруднения. Под-

считывая наши суммы, мы убедились, что всё ассигнованное нам пришло к концу и наших личных денег израсходовано ещё кроме того 700 рублей. Продолжение же путешествия потребует значительных затрат, ибо кроме заготовленных перевозочных средств необходимо, как сказано выше, закупить новые предметы снаряжения. Итак, денег нет, и мы не уполномочены к тому расходовать сверх сметы. Мы поговаривали было насчёт зимовки в селе Казачьем и продолжения работ весною, — это было бы действительно самым рациональным решением, но, конечно, потребовало бы ещё больших средств. Хотя таковые и могли бы быть даны нам в долг Устьянской управой, но мы не имели права делать этого, так как при отправке нас в путь никаких указаний насчёт зимовки не имели; об этом не было и речи — настолько такое предположение казалось невероятным. Теперь-то нам было ясно, как дважды два четыре, что именно обратное-то предположение, т.е. возможность окончить съёмку нашей бесконечной береговой линии в одно лето и было невероятным. Одним словом, сведения, имевшиеся у нас, говорили скорее за то, что денег больше отпущено не будет, чем за противоположное. Поэтому мы не рискнули оставаться в Казачьем на зимовку, а решили, окончив работы на устье Ильина Шара, возвратиться в Казачье, а оттуда ехать в Якутск, где и могли бы в случае надобности получить указания относительно дальнейших работ в следующем году. В случае предписания довести съёмку до Лены, мы могли бы весною вернуться в Казачье.

На основании этих соображений решили отправить отсюда Турунтаева с большей частью нашего багажа в село Казачье. Турунтаеву же поручили готовить в Казачьем всё нужное для нашего пути на юг в Верхоянск и Якутск. После продолжительных разговоров улеглись спать. В юрте поместилось двадцать человек!

С 28 сентября (11 октября) можно считать начало зимы. Установилась уже настоящая зимняя дорога. В час дня, распрощавшись со всем громадным для здешних пустынь количеством народа, мы тронулись в дальнейший путь. Олени лихо понесли наши нарты по прекрасной снежной дороге. Вышло солнце, залив своим светом яркую белизну равнины, которая снова засверкала, напоминая далёкую весну. Снова здесь почти при тех же условиях! Снежный покров всё-таки ещё не так толст и пока

1 См. детальную карту полуострова Стан Маныко.

можно довольно хорошо отличать сушу от прибрежных отмелей. Открытого же моря отсюда и не видно, — так далеко ушло оно за янские

отмели. Поехали по берегу в тех местах, где блуждали весной, вспомнили остров Кумах-Булгуннях с его таинственным притяжением. Н.А. Июдин проверял и исправлял весеннюю съёмку. Приехали и к юртам на Кочевой, где мы провели 26-28 апреля (9-11 мая). Жителей в юрте ещё не было. Тем не менее, остановились там на ночёвку. В юрте вставили в отверстия окон толстые льдины из находившейся под боком реки, после чего юрта довольно скоро нагрелась; её хозяевам не придётся заботиться об исправлении окон.

29 сентября (12 октября) ночной мороз достигал $-17,2^{\circ}$. Всю ночь шёл снег, покрывший толстым слоем все окрестности. Выехали в путь в девять часов утра. Поднялась лёгкая пурга. Едем быстро, имея целью доехать засветло до юрт Кёмёлёх. По пути показываются юрты Сегневит; в них есть жители. Делаем часовую остановку, чтобы напиться чая — давно уже не приходилось так чаевать во время пути; едем вроде как по тракту, со всеми удобствами. Молочный туман пурги над головами рассеялся и в прорвавшуюся его пелену стала видна голубая бездна с длинными полосами перистых облаков, лёгкими нитями протянувшихся над бездной; низко стоит жёлтое пятно солнца. Через реки и озёра катим смело. Ледяной покров уже толст и не издаёт никакого звука при нашем движении.

В четыре часа приехали к юрте Кёмёлёх на протоке того же имени. Здесь вообще в окрестностях много юрт. От Кёмёлёх видны Юс Балаган (три юрты) на самой Яне и Ётёх при устье Кёмёлёх. В юрте Кёмёлёх встретил нас староста с расписным кушаком и шпагой. На кушаке надпись: «За справный на срок платёж в казну ясака». Рукоятка шпаги — собака на нарте и надпись: «Устьянского зимовья Батулинского ночлега князю». К рукоятке прикреплено кольцо с инициалами императрицы Екатерины II.

В юрте куча народа и целая серия ребят. С трудом уместилось всё количество людей на ночь в тесной юрте. За моей головой целый склад детей, задавших перед сном основательный прощальный концерт. По-немногу всё успокаивается; в камельке догорают дрова, ровным пламенем горит фитиль на блюде с рыбьим жиром. Скоро всё затихает, лишь похрапывают то здесь, то там. Огонь в камельке догорел, погас и фитиль, в юрте совершенно темно. Постепенно и ко мне нисходит благодетельный сон.

30 сентября (13 октября) в девять часов утра мы тронулись в дальнейший путь, разделившись ненадолго с Н.А. Июдиным. Он направился

к самому устью Яны, чтобы проверить там весенние работы, а я напрямик к следующим жителям, где условились ночевать. Н.А. Июдин отправился в эту поездку на собаках, это напомнило нам нашу экспедицию на Алазею. Выехали в весьма ненадёжную погоду: было морозно, с норд-веста надвигалась туманно-белая туча. В скором времени повалил крупными снежинками густейший снег. Вся окрестность затонула в нём, будто на дне какого-то мутного омуты. Ужасно противно! Едем дальше, полагая, что пройдёт туча и будет лучше, но хотя туча и прошла и снег перестал, но зато страшно усилился ветер, подняв через каких-нибудь полчаса жестокую пургу. Небо и земля — всё смешалось, всё слилось в молочно-туманную, непроницаемую мглу. Жестокий ветер поднимает из-под ног оленей целые тучи снега, в коих они кажутся закутанными, так что видишь только их головы, да верхние части спин. Н.А. Июдин, ехавший на собаках, рассказывал потом, что совершенно не видно было собак, настолько густым облаком крутящегося снега они были закутаны. От снега не скроешься никуда — куда ни повернись, бьёт всё прямо в лицо. Мельчайшая снежная пыль, которой наполнен воздух, забирается в глаза, в уши, во все отверстия одежды. Мимо нас несутся по ветру громадные массы снега, а взамен их ветер гонит всё новые и новые. Вихрем несутся по земле снежные тучи, в одно мгновение заматывая оставляемые нами следы. Едем, однако, вперёд. Всё гуще и гуще туман снеговой пелены, едва различаешь оленей третьей нарты.

Приказываю остановиться. Очевидно Н.А. Июдин должен будет вернуться, ибо в такую погоду он всё равно ничего не увидит у устьев Яны. Сказал Дьячкову, чтобы тот достал сукуй, а то я в своей бобриковой куртке промёрз. Я предполагал надеть сукуй лишь 1 (14) октября, но не утерпел. Одевши сукуй, почувствовал себя значительно лучше. Пока мы стояли, от ближайших следов не осталось и воспоминания, будто тут никто и не проезжал. Поворачиваем назад. Теперь задача найти Кёмёлёх в такую погоду, когда две сажени (4 м) — предел видимости. Едем назад; предметы, кажущиеся сначала какими-то бесформенными пятнами, мгновенно выплывают из мглы, и мы чуть не натыкаемся на них. Назад едем более часа, несколько раз немного меняем направление. Проводник ориентируется по разным корягам и пням, на которые случайно наезжаем. Наконец, видим большое, тёмное пятно. Несколько шагов — и мгновенно у самых ног стоит юрта. Ну, и путешествие! Тут, кажется, два путешественника друг друга только тогда заметят, когда лбами стукнутся! У юрты стояли нарты Н.А. Июдина.

Снова в той же юрте. Задержка на один лишний день, а мы так стремились в Казачье, где можно будет хоть немного отдохнуть, забыв на время, что нужно ехать. От нечего делать играли в карты. Когда наступила темнота — на улице установился настоящий ад! В непроглядной мгле свирепствовал ветер, наваливая горы снега и снова сметая их. С подветренной стороны он засыпал юрту до самого верха, так что идя оттуда её нельзя было видеть. Заблудиться одному в такую погоду значит погибнуть. Стонет и ревет ветер и характерно свистит несущийся по поверхности снег. Вот это пурга, так пурга!

Подсчитывали результаты прошедшего сентября. За этот месяц прошли 400 вёрст; рабочих дней было 22, остальные большей частью пошли на сидение у рек в Чендонской дельте; из-за погоды потеряно было только два. Страшный, по рассказам, сентябрь оказался вовсе уж не таким страшным. Весьма приятно было почти полное отсутствие ветров до 25 числа (8 октября), часто были ясные солнечные дни и звёздные ночи. Снежный покров образовался очень быстро; реки встали меньше, чем в неделю. К 26 сентября (9 октября) все они, в том числе даже Яна, стали безопасны для переправы, а 18-го (1 октября) даже на мелких были ещё широкие полыньи и лёд только у самого берега. Но мелкие лайды уже к 17 (30) сентября промёрзли основательно. В середине месяца можно отметить оттепель, без которой зима наступила бы дней на десять раньше. В общем сентябрь для нас был хорош, главное, мы были окончательно избавлены от ужасающей сырости лета.

К утру 1 (14) октября, на наше счастье, пурга значительно сократила свою свирепость. Мы тронулись в путь к устью Яны, не разделяясь, как накануне, ибо по причине ненадёжности погоды боялись разойтись. День морозный, со средней температурой -15.7° . Пурга понемногу затихает, очищается небо; отрадно видеть его ласкающий, голубой цвет. У устьев Яны развалины селения «Старый Мураш» (значится на стовёрстной карте главного штаба). Несколько в стороне юрты Юс Балаган.

Окончив здесь работы, отправились на юг к селению, т.е. к юрте Джаныстан. Там снова пришлось переезжать через Яну; лёд у противоположного берега был не очень прочен и гудел под нами — здесь Яна встала всего шесть дней тому назад. На Джаныстане не оказалось оленьих кормовищ, почему мы, напившись только чая, тронулись дальше и остановились у юрт Борулах. По дороге начали было переезд через одно

озеро, но первый олень нарты Н.А. Июдина провалился в воду; лёд оказался тонок. Это озеро пришлось объехать. Юрта оказалась прескверной, но ночевать всё же лучше в ней, чем на морозе.

2 (15) октября безоблачное морозное утро; термометр показывает – 28°; понемногу заворачивают-таки морозцы! Выехали в девять часов на пасшихся здесь улусных оленях, свои же олени бегут без нарт; всё-таки выиграем время. Помчались быстро. Здесь попадаются целые поля тальника, который достигает высоты даже до 1½ аршина (1 м). Вот что значит, что мы хоть и немного, но всё-таки спустились к югу; здесь дóрог каждый вершок движения на юг; он удлиняет продолжительность действия чудотворных лучей нашего божественного светила — солнца. Чаевали на берегу протоки Правой. Почему собственно «Правой», когда она левая? Великолепная рубленая юрта, представляющая здесь большую редкость. После чаёвки в два часа отправляемся дальше, спеша доехать до протоки Ильин Шар. Олени неслись очень быстро, и через два часа мы были в местечке Ал на берегу протоки Ильин Шар (самой левой, западной протоки Яны). Здесь кончается огромная дельта реки Яны.

Погода стоит ясная и солнце на закате. Решаем не терять времени и ехать к самому устью Ильина Шара, к месту, откуда Н.А. Июдин начал съёмку весною, для того, чтобы этою же ночью сделать астрономические наблюдения. Затруднения только состояли в том, что у устья Ильина Шара нет оленьих кормовищ, а потому олени, свезя нас туда, должны возвратиться обратно в Ал. Сменив усталых улусных оленей для скорости своими, быстро покатили к устью. Над горизонтом оставался лишь узкий сегмент заходящего солнца, но вскоре и он ушёл за белую линию горизонта и осталось совершенно ясное небо, обычно пылающее восхитительным заревом зари. Кёс, который жители Ала считали до устья реки, оказался весьма маленьким, всего 3½ версты, так что ещё засветло мы подкатили к устью Шара. Н.А. Июдин указал место, где он начал свои работы весною, тотчас же я начал устанавливать здесь инструмент, а Дьячков с рабочим не遠деке принялись разбивать урасу. Н.А. Июдин с оленями и остальными рабочими снова отправился в Ал, обещая на следующее утро приехать за нами.

Для наблюдений пришлось снять сукуй, в нём не так свободно можно двигаться. Сначала пронаблюдал Полярную для широты, после забрался в урасу погреться, — мороз ведь –25°. Как раз и обед поспел. За-

тем снова принялся за наблюдения. Пронаблюдал для поправки хронометров Сатурн и снова ушёл в урасу погреться и напиться чая, после которого пронаблюдал Вегу для времени и Марса для широты. Около полуночи наблюдения были окончены. На небе снова зажглись огни северного сияния, но вследствие усталости уже не стал им любоваться, а пошёл в урасу, чтобы поспать. В урасе было всё-таки не особенно тепло, дыры в тордохе не держали тепла. Лёг спать не раздеваясь, закрывшись дохой.

3 (16) октября проснулся в шесть часов утра; в урасе уже трещал костёр, распространяя приятное тепло. Напившись чая, вышел из урасы. Солнце только что всходило, огненный сегмент высывался из-за снежной равнины. Василий рубил дерево, чтобы установить знак астрономического пункта № 25 — устье Ильина Шара, последнего на берегу океана. В восемь часов утра приехал за нами Н.А. Июдин. Закончив здесь на берегу все нужные работы, разобрали нашу урасу и покатали к жителям Ала, предварительно попрощавшись с невидимым отсюда (из-за отмелей) Северным Ледовитым морем, на берегу которого мы так долго прожили, но которое видели очень редко.

У жителей уже был приготовлен для нас чай. Достали хранившуюся на торжественный случай бутылку коньяка и поздравили здесь друг друга с благополучным окончанием нашей экспедиции. Теперь остался лишь обратный, положим, бесконечный путь: Казачье, Верхоянск, Якутск, Иркутск и Петербург. Страшно подумать об этом пути! Хотелось бы пожить где-нибудь на одном месте, не двигаясь. Отсюда отправляем нарочного на Омолой и Сатыган Талу (к западу от Яны на берег губы Буор-Хая), чтобы вернуть оттуда рабочих, оленей и все вещи в Казачье. В два часа дня выехали по направлению к селу Казачьему. Наконец, наконец-то к селу Казачьему! Уже стало оно нам казаться недостижимым, и не верится, что теперь, действительно, путь наш лежит прямо на него!

Путь лежит по гладкой снежной равнине, лишь иногда попадаются поля тальника, да отдельные небольшие булгунняхи вроде курганчиков. На ночёвку остановились у юрты Ортодие, на берегу протоки Саксаган. Вечер Н.А. Июдин посвятил разбору сети бесчисленных протоков Яны. В сложной сети он разбирался при помощи щепочек, которые раскладывал Ефрем. Протоки иногда разделяются на две и потом снова сходятся, образуя замкнутые контуры. Бывают и такие случаи: протока делится на две, через десяток вёрст снова сходящиеся, а одна из ветвей

в свою очередь за это время успевает ещё два раза разделиться и снова слиться. В общем получается весьма сложная сеть из многочисленных рек.

4 (17) октября двинулись в девять часов утра. Предстоит большой путь до поварни, где решено заночевать; жителей по пути больше не предвидится. Путь лежит по местности, почти сплошь покрытой тальником. Местность становится всё более неровной; вдали лежат едомы, к которым мы приближаемся. К вечеру показались чёрные полосы леса. Лес! Наконец мы видим лес! Ведь мы его оставили 5 (18) мая — пять месяцев не видели деревьев иначе, как в виде лежащих, обкатанных водою брёвен плавника, или в виде тальничного стебелька в полмизинца высотой. А тут настоящие, громадные, на наш масштаб, деревья. Быстро несутся наши олени к рощице на склоне едомы. Наконец, проезжаем первую лиственницу: одна-единёшенька выдвинулась она вперёд, оставив своих товарок позади себя. Скоро влетаем и в самую рощицу, где на берегу крутого ручья расположена поварня. В тишине вечера застыли деревья, ни одна веточка не шелохнётся; причудливыми узорами вырисовываются их ветви на фоне неба. Испытываешь прилив радости, и не можешь насмотреться на узорчатую сень, так приветливо склонившуюся над поварней и заслонившую всегда открытое для нас небо. Я подхожу к лиственнице и целую её!

Но поварня оказывается очень неважной — маленькой и со щелями. Ефрем растапливает камелёк, рабочие идут колоть лёд для чая в небольшом озерке. Понемногу согревается поварня; благо много дров заготовлено — можно всё время поддерживать огонь. В девять часов вечера все уже спят, лишь мы сидим за работой и разговариваем, поддерживая огонь в камельке. Поставили чайник, чтобы ещё раз напиться чая. Плохо что-то он у нас согревался; навалили много дров в камелёк и развели жаркое пламя, чайник вскипел быстро, и мы принялись за чаепитие. Вдруг Н.А. Июдин увидел наверху у камелька на потолке языки пламени; раньше же юрта наполнилась дымом, и мы всё удивлялись, откуда его столько набралось, а вот и причина — подожгли, знать, поварню. Ну, скорее будить всех! Дьячков спросонок ничего понять не может, взгляд же Ефрема сразу падает на свистящие языки пламени. Скоро все на ногах и начинается тушение пожара. В чайниках была вода, ибо туда были положены куски льда для того, чтобы приготовить на следующий день воду для чая. Так как сравнительно скоро был замечен начавшийся пожар, то нам удалось затушить его без особенного труда. Оказывается,

отвалилась глина сверху камелька и стало гореть обнажённое вследствие этого дерево, составляющее основу камелька. Хорошо, что мы раньше не улеглись спать — ведь из этой западни и не выскочить. После этого приключения расположились ко сну, Ефрем же сторожил на всякий случай ещё часа два.

5 (18) октября в 7½ часов утра тронулись в дальнейший путь с намерением к вечеру попасть в село Казачье, а до него отсюда считают шесть кёсов. Дорога идёт по берегам большого числа настоящих озёр (не лайд), большинство из коих приходится объезжать, так как лёд на них очень непрочен. Только некоторые переезжаем по льду, но это приходится делать с осторожностью, предварительно попробовав лёд. Озёра, очевидно, глубокие, ибо до сего времени не успели замёрзнуть. Высокие берега озёр покрыты лесом, некоторые обрываются крутыми ярами, некоторые увенчаны байджараками. Летом вся эта местность представляет, вероятно, живописную картину. Бесчисленное количество следов, особенно заячьих, видно на белоснежном снеге. Немного к югу, а уже много изменений в жизни природы! Уже не чувствуешь той страшной бесплодности пустынной равнины, здесь уже чувствуешь присутствие жизни, победу жизни над мраком смерти и холода.

Вот въезжаем на кое-где отмеченную прошлогодними вехами дорогу Верхоянско-Устьянского тракта; по этому месту мы проезжали 21 апреля (4 мая). Как бесконечно давно кажется и это было, и неужели прошло с тех пор всего только 5½ месяцев? Летим по густому лесу и быстро вылетаем из него на открытую равнину широкой Яны. Переехав её, попадаем на остров, с которого вдруг открывается живописная картина села Казачьего — нашей ближайшей цели; о дальнейшем мы и не думаем. Снова летим по льду Яны, уже без всяких проб крепости льда. Олени словно тоже спешат домой и прибавляют ходу, и вот взлетают наши нарты по кособокому дорожке в село и останавливаются у дверей дома Устьянской управы. Вот и в Казачьем!

Да, вместо 7-8 (20-21) августа, как то предполагалось нами при нашем полном самых радужных надежд отъезде из Русского Устья, мы прибываем в Казачье только 5 (18) октября. Долгие 120 дней провели мы в этом нелёгком пути от Индигирки до Яны, идя по всем замысловатым извилинам берега. Как в панораме развернулись картины берега и нашей жизни на нём: тяжёлый путь к Гусиной, невзгоды июньской непогоды, залитая водой тундра, трагический обход злосчастной Лопатки, чудеса Хапташинского яра, невольное заключение в болотах

Хромской стрелки, бедствия на не менее злосчастной стрелке Меркушина, с её фантастическими картинами, грандиозность обвалов чудесного Оёгосского яра, гигантские граниты Святого Носа, путешествия по дну морскому, как посуху, удивительный характер дальнейших морских заливов, бесконечность заливов и мысов полуострова Стан Маныко, наступление осенней распутицы в дельте Чендона и зимы здесь, в дельте Яны. Всё это, наконец, прошло и осталось позади, и мы в селе Казачьем, можем пока отдохнуть и не желаем ни о чём думать, лишь бы наслаждаться полным покоем в тёплой комнате, не думая, что завтра надо снова двигаться в путь. И так живём мы в полном покое целую неделю, не желая двинуться на Верхоянск. О дальнейшем пути гоним от себя всякую мысль. Тяжело и подумать, что всё-таки, в конце концов, снова придётся двинуться в нелёгкий путь! С удовольствием остались бы здесь на зимовку; как хорошо было бы отдохнуть несколько месяцев в невозмутимой тишине заброшенного далеко за полярный круг села. Но на этот счёт у нас нет никаких инструкций, и мы не считаем себя в праве затягивать на следующий год нашу экспедицию.

Если каждый день во время нашего пребывания на берегах океана давал нам много материалов для описаний и рассказов и каждая неделя, проведённая там, могла составить целую главу, то о неделе, проведённой нами в селе Казачьем, сказать почти нечего. Это был только отдых; наши усталые нервы приходили в себя, и весь организм отдыхал после четырёхмесячного напряжения. Ели, пили, спали. Ходили в гости к отцу Лаврентию, он приходил к нам и рассказывал об особенностях здешней жизни, мы же рассказывали ему о наших приключениях, и так незаметно летело время.

Вечером 5 (18) октября, пользуясь ясной погодой, занимался астрономическими работами. К полуночи разыгралось великолепнейшее северное сияние. Различными цветами переливают световые лучи, быстро меняя окраску. Особенно интересны и красивы окраски малиновая и зелёная. Всё небо охвачено бенгальскими огнями нежнейших тонов, бегут нити, трепещут на небе лучи, то загораются, то потухают, а в северной части горизонта колеблется световая драпировка, меняя складки, загораясь то белым, то малиновым, то зелёным цветом.

6 (19) октября отмывались за всю экспедицию в бане, которая была построена нынче летом в селе Казачьем ссыльным слесарем. Баня-то неважная: наверху на пологе жарко, а спустишься вниз — сквозь щели идёт струя холодного воздуха, так градусов в 15° мороза. Но ничего, не

простудились и в такой бане, видно, в течение нашего пути натренировались против простуды. 7 (20) октября отправили в Верхоянск Турунтаева, чтобы он подготовил нам по тракту оленей. Для того, чтобы хронометры находились в тех же условиях, что и во время экспедиции, Христову было поручено катать их ежедневно в течение двух часов. Он с достоинством выполнял эту обязанность, запрягал пару оленей в хронометрическую нарту и отправлялся катать хронометры. 8 (21) октября производим расчёт с Устьянской управой, после которого у нас остаётся так мало денег, что мы не знаем, как доберёмся до Якутска. Отдали также распоряжения насчёт остающихся оленей и вещей: пока что оставляем их за собою, ибо думаем, что, может быть, весною 1910 года придётся заканчивать работы.

Но нашему сидению всё же должен был прийти конец! Наконец мы решились-таки расстаться с покоем и снова тронуться в путь. На 12 (25) октября назначили отъезд из села Казачьего.

Завтра нас опять ожидает дорога,

Привлекая концом, длиною пугая.

П. Драверт. «Ряды мгновений».

Якутск. 1908 г.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Экспедиция на Верхоянск

12-27 октября (25 октября-9 ноября)

Отъезд из Казачьего — В поварне — Получение корреспонденции — Железная печь — Юрта-хлев — У Стручкова — По следам Турунтаева — Морозы усиливаются — Поварни — Подъём на Кулар — Последствия 14 мая — Сбились с «тракта» — В котловине — По каменным ручьям — «Станция без ушей» — Мороз в юрте — Наступление 40-градусных морозов — Пытка — Температурный скачок в 68 градусов — Заколдованное царство покоя — Снова пытка — Бас-поварня — Болезнь горла — Колесница пыток — Отчаяние — На перевале к Верхоянской котловине — Спящий ямщик — По льду Яны — Прибытие в Верхоянск — Контраст между июньским и октябрьским оленем — Неделя в Верхоянске — Отъезд из Верхоянска в Якутск.

Я не стал бы подробно описывать нашего обратного пути по трактам, описанным в первых главах моих записок, если бы наше передвижение

совершалось нормальным путём. Но, так как неожиданно для нас оказалось, что в сущности экспедиция наша ещё не была закончена, и путь наш продолжался до самого Верхоянска в чисто экспедиционных условиях, то я выделяю этот путь в особую главу, которой весьма подходит заглавие «Экспедиция на Верхоянск». В последней же главе коснусь лишь особенностей нашего дальнейшего пути от Верхоянска до Иркутска, совершенно не придерживаясь принятого изложения в форме дневника.

12 (25) октября, проснувшись в семь часов утра, увидели, что олени уже пригнаны. Волей-неволей, а нужно ехать. Приказали запрягать оленей в нарты, а сами пошли к отцу Лаврентию прощаться. Его изба на другом конце села. Когда мы подходили к ней, подкатил на собаках и отец Лаврентий, возвращавшийся из леса, куда ездил за дровами. Он, как и все здешние жители, был одет в тот же сукуй и в те же торбоса, которые единственно и пригодны в этой суровой стране. В этом виде ничто не напоминало в нём священника, ибо даже длинные волосы скрыты в шапке, со всех сторон закрывающей голову. Да здесь не очень-то пощеголяешь в ином каком-нибудь костюме. Выпили у него чая и пошли с ним к нашему дому. Олени уже запряжены и все ожидали нас. Что делать, нужно пускаться в далёкий путь! Одеваем сукуи, торбоса, всё, что полагается для защиты от мороза. До льда Яны спускаемся пешком по покатому уклону, всё село следует за нами. На льду Яны начинаем прощание. Благодарим Христофора за долгую, верную службу, он кланяется и говорит «на здоровье». Прощаемся с остальными, кого знаем и кого не знаем, и усаживаемся на нарты. Всё готово, трогай! Легко подхватывают сильные олени наши нарты, и мы несёмся по ровному льду Яны. Жители смотрят нам в след. Снова по-прежнему потечёт их жизнь, на время выведенная из обычного русла приездом нашей экспедиции.

С нами едет и сам голова, провожающий нас до станции Джойуолах, где кончается его улус. Теперешние наши нарты, сделанные здесь в Казачьем, далеко уступают весенним. Обоз наш состоит из 11 нарт, считая в том числе и нарты ямщиков. Вот мы уже и на другом берегу Яны. Уменьшается полярная столица и в скором времени скрывается от наших глаз.

В пять часов вечера, когда уже сильно стемнело, увидели первую поварню: смотрим — дымит, вероятно наши омолойские люди прибыли туда вместе с вещами и письмами с родины. Обрадовались было. Подъ-

ехали к поварне — вышли два якута: оказывается, это голова распорядился послать их вперёд для того, чтобы протопить поварню и приготовить воду для чая. Ну, если так ехать по тракту, то это одно удовольствие! Входим в поварню, а уж там тепло, весело трещит огонь на камельке и кипят чайники. Что за благодать! Оленей отпустили пастись, остаётся только удивляться, как их найдут в такой темноте, да ещё, хотя и в редком, но всё-таки лесу. Тем не менее, через два часа после отдыха живо пригнали их к месту, запрягли, и мы покатали дальше, устроившись в нартах на ночёвку. Так ехать предполагали безостановочно. С непривычки снова не скоро заснёшь: страшно трясёт, ибо зимняя дорога не установилась, много кочек, много пней, да и крутых спусков не мало. Иной раз так тряхнёт, что только перекатишься с одной стороны нарты на другую, ударившись об её бока. На спусках иногда кажется, что летишь куда-то в пропасть. Но усталость всё-таки берёт своё, и в конце концов засыпаешь.

В пять часов утра 13 (26) октября проснулся, ибо почувствовал, что моя голова значительно ниже ног. Высунувшись из нарты, увидел, что стоим близ поварни на склоне холмика, почему я и очутился в таком неудобном положении. Ночь звёздная. Орион поднялся довольно высоко, и над самыми вершинами далёкого леса, как огромный бриллиант, сверкает Сириус. Трапеция Льва также довольно высоко и под ней горит желтоватый Колосс. О заре ещё и помину нет. Тут Дьячков нас порадовал, сказав, что в 30 верстах (32 км) отсюда у следующего жилья ждут нас омолойские люди. Поехали дальше. Длинными же показались эти 30 вёрст. Зато наблюдал, как разгоралась заря, как красиво здесь небо на открытом горизонте. Всё ярче и ярче краски, всё багровее восток, и вот около девяти часов утра из-за колючек далёкого леса выплыл огненный шар, настал недолгий день.

Около 10 часов утра, наконец, подкатили мы к желанным юртам; три якута вышли нам навстречу. Первый наш вопрос был, есть ли письма. «Есть», говорят. «Ну, давайте скорее». Передали нам пакет, посланный К.А. Воллосовичем из Булуна, в нём заключались письма, доставленные из Якутска с первыми двумя рейсами парохода. Эти письма вышли из Петербурга не позднее 4(17) июня. А это было ведь так давно — мы ещё не начинали нашего главного пути; тем не менее, не имея сведений с родины с 3 (16) апреля, и этим письмам были рады.

Было уже темно, когда мы подкатили к следующему жилью, где назначена продолжительная остановка для обеда. В этой юрте на камельке пристроена железная печь. Вот вам одно из культурных приобретений, и мы бранимся, что вместо прекрасно согревающего юрту камелька поставили эту дрянь, которая только воняет и совсем не даёт тепла.

После обеда тронулись в дальнейший путь. На небе светили звёзды и взошла луна. Устроились на ночлег. Ночью у меня из нарты вывалился, к сожалению, мой сукуй и теперь придётся ходить лишь в бобриковой куртке, ибо другого достать негде.

14 (27) октября также проснулся рано, когда стояли у поварни; ночь по-прежнему звёздная и морозная, -30° . В поварне наскоро напились чая и снова в путь. К следующим жителям приехали в девять часов утра. Их юрта разделяется перегородкой на две части, в одной половине находится скот. Попросту говоря, одна половина юрты представляет хлев, а другая — жилую комнату. Перегородка же тонкая и всего-навсего в высоту человеческого роста. Запах в этой юрте соответствующий, но тем не менее позавтракали и чаю напились с удовольствием, не на тридцати же градусном морозе это совершать. У жителей узнали, что на Джойуолах до сих пор ещё нет станционных оленей, но что Турунтаев нанял для нас улусных. Тракт на Верхоянск ещё не оборудован на зиму, и мы первые едем по нему. Олени, заготовленные Турунтаевым, находились у богатого якута Стручкова, так что нам нет надобности заезжать на Джойуолах, а следует прямо направиться к Стручкову. Так мы и сделали. К юрте Стручкова приехали вечером, но там не оказалось ещё оленей, они были заказаны, но ещё не пригнаны. Турунтаев, оказывается, уехал отсюда только накануне вечером, следовательно, несмотря на то, что он выехал на пять суток раньше нас, мы его почти нагнали. Говорят, на следующей станции Кулгага-Суох уже должны быть олени.

Делать нечего, пришлось здесь ждать оленей. Нельзя, впрочем, сказать, чтобы не было приятно переночевать в юрте, в дороге ведь не особенно хорошо удаётся выспаться. Голова и ямщики здесь с нами распрощались и после чая сразу же отправились, не отдыхая, в обратный путь на село Казачье. Ну и народ: с самого ведь Казачьего не пришлось им заснуть, а всё время трястись на морозе, и теперь вот уж настали третьи сутки, как они не ложились и так не спавши и пустились в дальнейший путь из-за отсутствия здесь оленьих кормовищ.

15 (28) октября к десяти часам утра, наконец, пригнали нам оленей, и мы могли тронуться в дальнейший путь на станцию Кулгага-Суох, где должны были в последний раз перед Верхоянском сменить оленей. (На этом тракте всего-навсего две станции и есть: Кулгага-Суох и Джойуолах — см. главу III). Путь всё лежит по чахлому лиственничному лесу, следы дороги еле заметны, лишь в редких местах остались ещё прошлогодние вешки, ибо нынче ещё не успели расставить по тракту новых вешек. Мы едем, главным образом руководствуясь следами Турунтаева, который должен был пробить их на тракте. До первых жителей от Стручкова целых 90 вёрст (96 км) и мы употребляем целый день для того, чтобы добраться до них. Юрта у них оказалась хорошая, тёплая, но, пообедав, мы всё-таки отправились в дальнейший путь. Ночь настала пасмурная, тёмная, дорога становится всё хуже и хуже, ибо чем дальше, тем меньше снега, а промёрзшая земля тверда как гранит. Заснуть при таких условиях, когда нарта всё время идёт по твёрдым кочкам, довольно мудрено — дремлешь в промежутке между двумя толчками. Особенно неприятно на спусках, когда последняя нарта со всего размаха ударяется в мою, сотрясая её всю. От такого толчка живо весь сон пройдёт. Так и проводишь ночь в полудремотном состоянии.

16 (29) октября в три часа ночи разбудил меня ямщик, как раз когда я, пользуясь неожиданным покоем нарты, заснул, как следует. Оказывается, мы стояли у поварни, потому и нарту не трясло, ямщик же будил меня, так как в поварне был уже готов чай. Нужно напиться чая, а то до станции оказывается ещё добрая сотня вёрст. Выйдя из нарты, увидел, что снега абсолютно нет. В холодном воздухе безмолвно застыло царство мороза. Достая термометр — 35 градусов мороза. Ничего себе, скорее в поварню! Ямщики просили отпустить оленей, чтобы они могли, как следует, подкормиться, а то вследствие бесснежной дороги они очень утомились. Таким образом остановка у поварни обещала быть более продолжительной, поэтому после чая я забрался в нарту, чтобы выспаться. Но, к сожалению, думы мешали спать, и лежал я в нарте среди абсолютной тишины, царившей в лесу. Скоро ямщики пошли в лес ловить оленей, затем началась запряжка, а затем снова затряслись нарты по кочковатому болоту с твёрдыми, как камень, кочками, среди массы древесного лома, пней, среди массы ям и трещин — уж тут не то, что спать в нарте, а и сидеть-то не вмоготу. Вылез из нарты и пошёл по лесу рядом с идущими ямщиками. Теперь уже приходится двигаться только

шагом, иначе в несколько часов от нарт останется только одно сладкое воспоминание.

Начинается подъём вверх — приближаемся к перевалу Кулар. Дикой цепью тянутся вдоль нашей дороги горы. Каменные их вершины кое-где покрыты снегом, кое-где торчат голые чёрные камни, по склонам уютится жалкий, покрытый чёрным мхом лиственничный лес. Все поднимаемся пешком. От дыхания на морозном воздухе вся грудь моей куртки белая, олени все белые от инея, и густой пар валит от нашего каравана. Густой, но чахлый лес как бы сдвинулся; пробираемся среди него с трудом различая дорогу. На берегу небольшого каменного ручья — поварня; в ней мы чаевали тогда, весною, с Турунтаевым. Поварня эта, носящая название Кылыс Оттох, довольно плохая; не скоро удалось согреть её настолько, чтобы можно было снять верхнее платье. От предыдущей остановки, оказывается, прошли только 30 вёрст (32 км); думаем дальше проехать только до поварни Тас Апки в 40 верстах (43 км) отсюда и там остановиться для отдыха оленям на более продолжительное время. После часа тронулись дальше.

Сначала медленно, потом быстрее идёт повышение к перевалу. На самом перевале ледяной ветер. Высота перевала над поварней, по сделанному по anerоиду отсчёту, приблизительно равна 138 саженям (294 м). На перевале занялся фотографированием, после чего спустился к несколько ниже стоящему обозу. Н.А. Июдин, увидев меня, кричит: «Трите скорее нос, он у вас весь белый!» Вот беда, мёрзнет с Индигирки, не знаешь, что и делать с ним. Угораздило тогда 14 (27) мая отморозить, с тех пор чуть мороз, нос начинает мёрзнуть — хоть наносник какой-нибудь делай! Ну, ничего, оттёр его, как следует, меховой рукавицей. Потряслись дальше. Здесь наверху снега достаточно, и к тому же продолжительный, но не крутой уклон вниз, — можно ехать довольно прилично. Однако ночь надвигалась ещё быстрее, а небо было в облаках, так что тьма обещала быть непроглядной, дороги же совсем почти не видно. А здесь, ведь, нам нужно попасть в точности в определённую точку, не то, что держать определённое направление, как в пути по берегу, нет — нужно в точности попасть либо в поварню, либо на станцию. Ну вот и сбились, в конце концов, с дороги, взяли какую-то тропинку, идущую неизвестно куда в горы, да по ней и мчимся. Только проехав много вёрст, ямщики заметили по каким-то признакам, что взяли сильно влево от дороги. Вот ещё неприятность, но не возвращаться же назад к тому месту, где свернули с настоящей дороги! Сворачиваем прямо

вправо, в лес, да и мчимся так по кочкам, среди темноты леса — ведь всё равно, «тракт-то от этих кочек мало чем отличается». На беду, попались ещё густые кустарники, между ними пробирались по каменным ложам ручьёв. Снега здесь внизу снова совсем не стало. А мороз всё сильнее и сильнее, подбирается уже к 40 градусам — и это даёт себя чувствовать. Часа через два выбрались на тракт, но тут оказалось, что поварня Тас-Апка осталась где-то позади. Ямщики хотели было поворачивать обратно, но мы, памятуя наш принцип «только вперёд!», не позволили им этого сделать, а предложили ехать до станции, до которой от Тас-Апки считается всего 30 вёрст (32 км).

Стало светлее, сквозь лёгкий покров облаков выглядывает взошедшая луна, заливая всю гористую долину своим призрачным светом. В ледяном воздухе застыл лес, и всякий звук нашего обоза нарушает торжественную тишину мёртвого покоя. Дорога стала виднее, и мы показали быстрее. Кроме лиственницы стали попадаться уже и тополя. В одном месте по берегу каменного ручья встретили даже очень густой лес тополей, в нём было совершенно темно, и в полном мраке пробирались мы по каменному руслу ручья. Выехав из леса, попали в сдавленную со всех сторон котловину: со всех сторон преграждают нам путь каменные великаны, крепко спящие в фантастическом свете луны.

Дальше снова лес и мы, конечно, сразу сбиваемся с дороги, ибо в густой чаще высоких лиственниц она идёт по руслам многочисленных здесь ручьёв, пробираясь от одного ручья к другому, но свет луны помогает ориентироваться по стоящим кругом великанам, и так постепенно мы добираемся до большой рощи, внутри которой и находится станция Кулгага-Суох. Но найти станцию в темноте рощи без дороги очень затруднительно, и, хотя я ясно помню, что это именно та самая роща, ибо пришли мы тогда весною с Турунтаевым к станции пешком, так что местность запомнилась хорошо, но, тем не менее, разыскать станцию, пожалуй, не представится возможным. Что делать, придётся обедать и ночевать здесь на 40-градусном морозе. Мне приходит в голову мысль дать знать жителям о нашем присутствии и я, достав свой браунинг, стреляю из него три раза подряд. Дерзко нарушил грохот выстрелов мёртвое молчание пустыни, как гром прокатилось эхо, отражаясь от безмолвных великанов, кругом обступивших нас, — но в ответ ни звука; снова в торжественной тишине покоится лес, снова всё стихло в таинственном молчании!

Долго ждём мы, прислушиваясь, стоя не шевелясь, но могильное молчание не нарушается. Даём волю своему гневу. Что за идиот содержатель станции, не поставил даже вешек, обозначающих въезд в его запрятанную в лесу станцию. С другой стороны, приходит в голову и такая мысль: да полно, та ли это роща, мало ли здесь может быть похожих рощиц, ведь более часа, как мы оставили нашу дорогу и шли в темноте наугад, кто знает, куда мы забрели. Вон тут и горы со всех сторон сдавили нас и, кажется, ни в одну сторону нет выхода. Ну, что делать? Даём приказание распрягать оленей и разводить костёр, а то мы все уже основательно промёрзли за долгий путь по 40-градусному морозу. У меня ещё и сукуя нет — брожу в своей бобриковой куртке. Один из ямщиков предлагает пойти поискать в лесу станцию и отправляется в темноту леса; если заблудится, выйдет на выстрелы. В самом деле вскоре возвращается и говорит, что нашёл дорогу. Мало веря ему, всё-таки направляемся со всем обозом в лес. В сущности, чем мы рискуем, не всё ли равно, в каком месте леса ночевать? Но, в самом деле, попадаем на что-то вроде дороги, и через некоторое время обоз наш останавливается против тёмного силуэта станции. Юрта пуста, ни души. Вот тебе и станция! Н.А. Июдин и говорит: «Ну, Евгений Фёдорович, хотя бы вы и все патроны перестреляли, всё-таки мало от этого пользы бы было». Действительно, эта Кулгага-Суох¹ оказалась «без ушей». Входим в поварню, на чём свет стоит браня содержателя станции. Ну, что теперь делать? Как сменить теперь уставших оленей, а также и ямщиков, ведь и они не могут всё время ехать с нами, да ещё вопрос, знают ли они дальше дорогу. Они ведь привыкли ездить в районе Джойуолах — Кулгага-Суох, да и то, как мы видели, сбивались с дороги несколько раз. Впрочем, нужно сойтись, что это, действительно, не мудрено, даже лучше сказать, мудрено здесь не сбиться, ибо какая же это дорога? Назвать этот путь «трактом», как он официально прозывается, можно только по недоразумению.

Плохо согревается охлаждённая юрта, ложимся спать, напившись только чая, без обеда — некогда уж тут стряпнёй заниматься. Олени отпущены в лес, на отдых. Как только погас огонь на камельке, снова сделалось холодно. Не надо было раздеваться на ночь, как ни закрывайся одеялом и дохой — всё холодно. Хорошо ещё, что ночью кто-то из ямщиков встал и развёл огонь в камельке, невтерпёж, видно, стало. Встали

¹ Кулгага-Суох по-якутски значит «без ушей».

рано, посмотрел в свой хронометрический ящик, а там за ночь в грелках замёрзла налитая горячая вода и термометр в ящике показывал $-5,5^{\circ}$! Сколько же градусов было в нашей милой юрте? Опять же интересно, каково на улице. Вышел, не одевая куртки; ясное, морозное утро, легко дышится на чистом воздухе, но с удивлением прочёл отсчёт термометра: $-41,4^{\circ}$.

Ночью, оказывается, когда мы заснули, с Тас-Апки приехал якут, он слышал видно, как мы где-то в стороне проезжали и любопытство его взяло, кто и зачем в такое неурочное время едет и ещё не по дороге. Не поленился ночью встать, пойти в лес, поймать оленей, запрячь их и ночью ехать тридцать вёрст по морозу, чтобы только посмотреть, кто это проезжал. Тем не менее, нам это кстати, ибо у него, оказывается, в 60 верстах (64 км) отсюда стоят олени и он предлагает нам довести наши вещи до Верхоянска. Это нас очень устраивает, ибо мы тогда, выбрав наиболее сильных оленей, сами налегке укатим вперёд.

Около часа 17 (30) октября трогаемся в дальнейший путь, покидая негостеприимную станцию. Снова начинается ужасная тряска. Это прямо пытка какая-то, кажется сил нет больше переносить её. Пользуешься всяким случаем, когда более медленно везут олени, чтобы вылезть из нарты и идти пешком, дабы избавиться от этого мучения. 40 вёрст (43 км) до следующих жителей показались бесконечным расстоянием, но, наконец, показался желанный дымок над юртой, и мы могли войти в тёплое жилище. Здесь навели справки о Турунтаеве: оказывается, что он не проезжал. Что за странности, уж не заблудился ли он, долго ли тут до греха? Но, расспросив, узнали, что существуют жители несколько в стороне от тракта, и что недалеко есть ещё и другие жители поближе к тракту; послали туда якута справиться о Турунтаеве. В восемь часов вечера он вернулся от жителей и сообщил, что Турунтаев и туда не заезжал, но что он видел по следам на тракте, что Турунтаев проехал. Ну, кто его знает, приходится верить, ведь всё равно толком ничего не узнаешь, раз он ни к тем, ни к другим не заезжал.

Дальше ехать в этот же день не можем: надо дать основательный отдых оленям; поэтому решаем здесь заночевать. Ехать теперь придётся снова черепашьям шагом, перейдя на экспедиционные условия.

Ночь на 18 (31) октября провели в тёплой юрте, даже чересчур тёплой, ибо в ней температура доходила до $+27^{\circ}$, тогда как на улице было -41° . Выходя из поварни на воздух, сразу испытываешь температурный скачок в 68 градусов; лицо колет, как иглами, и оно страшно горит. В

девять часов утра выехали в дальнейший путь; мне пришлось забраться в нарту и отдать своё тело в неистовство тряски, ибо разболелся отможенный нос, который дотёр до крови. Только на остановках для подкармливания оленей выходил из своей колесницы пыток, и мы шли с Н.А. Июдиным вперёд пешком; шли с удовольствием. Уходили далеко от отставшего обоза и останавливались слушать поразительную тишину леса. В морозном воздухе всё спит заколдованным сном, зачарованные стоят деревья, ни единая веточка не колыхнётся. Спит и совершенно бесснежная поверхность земли, не колыхнётся ни единая травинка, будто все вылито из стали, ни малейшего ветерка, ни самого малейшего звука не услышать в этом волшебном царстве мёртвого покоя. Кажется, действительно сковал жестокий мороз всякую жизнь, одел сталью неподвижности все эти деревья, кусты и травы и заморозил даже самый воздух. Даже страшно становится в этом могильном покое, кажется, чувствуешь, как начинает стынуть и твоя кровь!

Но вот слышен треск по лесу — то приближается наш отдохнувший обоз. Громкое эхо отражает редкие звуки, затем появляется, как поезд, весь покрытый паром от тёплых тел оленей наш караван. Перевалили затем через перевал Кубалах и к вечеру приехали в поварню Чангкы, где остановились для ночёвки и небольшого отдыха оленям. После чая поехали дальше.

Настала ясная, морозная, лунная ночь. Если днём пытка ехать в нарте, то ночью муки этой пытки удваиваются. К тому же у всех нас, исключая Дьячкова, разболелось горло. Один ямщик совсем не может говорить. Тем не менее, ехать пришлось, ибо у Чангкы поедены все кормовища. Снова с ужасом забираешься в свою нарту. Судьба, кажется, посылает нам последнее, самое тяжёлое испытание. Путь наш становится прямо невыносимым. Усталые нервы напряжены, как струны, и кажется, вот-вот не выдержат утомительного пути, которому не видишь конца! Напрягаешь уже последние силы усталой воли, чтобы держать себя в руках и не поддаваться отчаянию. Заставив умолкнуть бесполезный ропот сердца, стиснув до боли зубы, лежишь в нарте, стараясь спокойно переносить перебрасывание тела с одного бока нарты на другой, стараясь не обращать внимания на толчки, от которых, кажется, иной раз все внутренние органы отрываются со своих мест. Пока ещё хватает силы переносить это несказанное мучение, но, кажется, близко то время, когда силы оставят. Теперь ещё всё-таки весело выскакиваешь из нарты, когда она останавливается у поварни и стараешься не думать,

что через два часа снова предстоит та же пытка. Но что же будет дальше? Чувствуешь, как покидают силы и слабеет воля. Неужели когда-нибудь кончится эта адская мука?

На перевале Кырасихе останавливаемся на несколько минут, олени щиплют отаву. Выхожу из нарты. Луна освещает характерные широкие горизонты горной полярной тайги. От перевала до жителей, где решили ночевать, 25 вёрст (27 км) прокатили живо, что для наших боков вовсе не было легче. Жители уже спали крепким сном, когда мы подкатили к их юрте и потревожили их сон, так как им пришлось уступить часть места для нас. Здесь большая возня с оленями, так как в окрестностях много волков. Приходится навешивать оленям на шею деревяшки, чтобы они не уходили от юрты. Бедные олени не имеют настоящего отдыха уже который день. В юрте переночевали на славу, набрав снова сил для предстоящей дальше пытки.

19 октября (1 ноября) утром мороз -43.1° . До Верхоянска осталось ещё 140 вёрст (149 км), их придётся сделать без ночёвки, так как в этом районе так много волков, что совершенно невозможно отпускать оленей, а потому надо стараться, несмотря на всю тяжесть пути, поскорее добраться до Верхоянска.

Двинулись в путь в девять часов утра. Забрался в нарту, завернулся в доху и замер, стиснув зубы. Так и пролежал, как мёртвое тело, до Бас-поварни, т.е. в продолжение пяти часов. Под конец уже стало совсем невыносимо, силы стали меня покидать, но как раз в этот момент нарта остановилась, и ямщик сказал, что приехали к поварне. В Бас-поварне отдыхали три часа, подкармливали оленей. В пять часов вечера тронулись дальше. Ещё целых 90 вёрст (96 км)! Откуда взять силы вынести эту пытку? Ещё четыре часа проходят, долгих, невыносимых четыре часа, и опять, как раз вовремя, нарты останавливаются в местечке Хоптолох. Там встретили якута, ехавшего из Верхоянска; он сообщил, что Турунтаев проехал 18 (31) октября вечером. После небольшой остановки снова в путь. Ещё 50 вёрст (53 км)!

К нам охрипшим присоединился и здоровяк Дьячков. Все разбиты до последней степени, ямщики не говорят, а сипят. Снова та же невыносимая мука! Нет больше сил! Останавливаю обоз, чтобы отдышаться. Кажется немыслимым двинуться дальше, лучше лечь здесь на холодной, каменной земле и застыть в этом грозном молчании, царящем кругом. Но осталось, ведь, всего сорок вёрст, сорок вёрст, неужели они станут роковыми? Едем! Ещё четыре часа, четыре последних часа я согласен

терпеть, но ни часа больше! И я отдаю распоряжение продолжать путь и снова ложусь в свою колесницу пыток.

На перевале к Верхоянской котловине (рис. 16), останавливается наш обоз, олени щиплют отаву, и я снова выхожу из нарты. По-прежнему светит уже шестые сутки незаходящая луна, обливая своим светом глубоко внизу лежащую Верхоянскую котловину. Смотрю на часы: два часа ночи — следовательно, уже 20 октября (2 ноября). Ещё осталось езды часа на два. Становится легче на душе — ну два-то часа всё-таки немного. Дьячков тоже вылез из нарты. Он боится, что заблудится, ибо его ямщик, сидя на нарте, всё время спит, а другой раз свалится с нарты на землю и продолжает спать; хорошо, что Дьячков вовремя это заметит, остановит обоз и усадит свалившегося ямщика на место. Вот до какой степени все мы утомились! Горло у всех болит, у всех шеи закутаны шарфами, но это мало помогает, когда глотать приходится воздух, температура которого ниже сорока градусов. Лучше всех держится наш ямщик, хотя почти не может говорить, и от мороза ему очень трудно дышать. Мы все приедем в Верхоянск калеками. Олени начали уже падать, нескольких оставили на тракте. Постояв с полчаса на перевале, начали спуск вниз. Снова в нарте и снова та же мука, но теперь её уже легче переносишь в виду предстоящего скорого отдыха. Вдруг прекратилась пытка и нарты легко несутся по гладкой дороге; соображаю, что едем по льду реки Яны. значит скоро и Верхоянск; здесь только начинаю дремать, но в это время слышу голос ямщика: «Приехали!».

Радостные выскакиваем из нарты; стоим во дворе той же земской квартиры, где останавливались весной. 4 часа ночи. Вот мы и в старой, знакомой комнате. Сидим и пьем чай, наслаждаясь покоем. Дальше ехать?! Ни за что на свете, пусть установится настоящая, санная дорога, а до того будем сидеть здесь и в полном покое наслаждаться счастьем отсутствия тряски!

Чувствуем себя совершенно разбитыми: грудь всю заложило, дышать трудно, в горле острая боль, а внутренние органы будто все сдвинуты с места. Да, надолго останутся в памяти подробности нашего пути по злосчастному тракту. Здесь же мы узнали, что тракт ещё не настроен, так как не закончены торги на содержание станций, так что напрасно мы и бранили содержателей станций, ибо таковых пока что не существовало. Но, выезжая из села Казачьего, мы об этом ничего не знали. Как-никак, а 550 вёрст (588 км) от Джойуолаха до Верхоянска мы про-

катили без смены ямщиков и оленей в 4½ суток, всё время по самой возмутительной дороге. Я предлагаю сравнить выносливость оленей в настоящее время со слабостью этого же животного в июне. Стоит припомнить наш путь от Русского Устья к Гусиной, наши мытарства при обходе Лопатки, на Хромской стрелке, на Меркушинской стрелке, на Оёгосском яре, когда иной раз пройти какие-нибудь 5-6 вёрст для них было таким подвигом, за который некоторые из них расплачивались жизнью. А теперь, да в несколько часов мы бы отмахали с одного конца Меркушинской стрелки на другой, не надо было бы и о кормовищах заботиться. Нет, положительно это волшебное превращение, и трудно даже поверить, что тогда мы имели то же самое животное, что и теперь. Контраст слишком поразительный!

В Верхоянске мы пробыли целую неделю, и снова следует сказать про эту неделю то же, что про неделю, проведённую в Казачьем, т.е. что сказать про неё нечего. Надо было поправиться как следует перед отъездом. В первый же день 20 октября (2 ноября) вечером мы пошли полечиться к доктору, но вместо лечения проиграли весь вечер в винт с доктором и исправником бароном Дершау. Доктор решил, что поправимся и так без всяких лекарств и, действительно, уже на третий день нам стало легче. Были затем несколько раз и у барона¹. К нам заходили он и доктор, а также представитель здешней интеллигенции — учитель, он же и наблюдатель метеорологической станции. Нас снабдили газетами за прошедший год, который мы провели вдали от всех земных дел, журналами, книгами, и мы целые дни, чуть не до дурноты, читали, читали и читали. Были две новости, которые нас поразили: это, во-первых, большие успехи воздухоплавания, сделанные в такой сравнительно короткий срок, и затем открытие северного полюса Куком и Пири (тогда мы ещё не могли знать, что открытие Кука оказалось недоказанным).

Всё время нашего пребывания в Верхоянске стояли 40-градусные морозы. Но ведь для этого знаменитого полюса холода такие морозы считаются ещё весьма лёгкими, так как здесь наблюдалась наинизшая температура, когда-либо отсчитанная на земном шаре –67.8°. Когда в один прекрасный день термометр поднялся до –25°, мы почувствовали, какой это в сущности ничтожный мороз, и не удивлялись, когда здешние жители говорили: «Ну, сегодня совсем тепло». 22 октября (4 ноября) мы сидели у барона за обедом, как вдруг случилось событие, оживившее

¹ В округе вообще все называли исправника «бароном», не связывая, по-видимому, с этим словом никакого титула.

весь Верхоянск — пришла запоздавшая ещё сентябрьская почта. Что тут случилось! Все повскакали со своих мест, побежали смотреть на приехавших почтальонов, хотя самую почту можно было получить не сразу, нужно было ещё в почтовой конторе разобрать корреспонденцию.

Конечно, мы не дождались установления санной дороги! Прошла неделя, острота впечатлений от пройденного мучительного пути улеглась, и мы снова начали готовиться в путь. Решили только ехать не топясь; если будет тяжело, отдыхать подолгу на станциях. Здесь дальше не может уже встретиться таких условий, как на устьянском тракте, когда из-за оленей поневоле нам пришлось форсировать наше передвижение. Верхоянский же тракт уже налажен, между станками сравнительно небольшие расстояния, так что, во всяком случае, двигаться по нему много легче. Несколько осложнило наше дело то обстоятельство, что 24 октября (6 ноября) сбежали политические по направлению к Якутску, и за ними была послана погоня, а затем пошла ещё и почта. Всё это, конечно, сильно должно было затруднить наше передвижение по тракту, но мы выждали ещё три дня и 27 октября (9 ноября) решили двинуться в дальнейший путь. Денег на дорогу пришлось занять у купца Шишляникова, которому обещали выслать с первой же почтой из Якутска, где мы должны были получить из министерства деньги на обратную дорогу.

27 октября (9 ноября) термометр показывал -45.5° . Проснулись в мало подходящем для дороги настроении, но тем не менее не откладывали же из-за этого отъезд. С вечера ещё были заказаны олени. Из города как-то никогда не уехать рано, так и на этот раз наш обоз тронулся в путь лишь в четыре часа вечера, когда было уже совсем темно и высоко в морозном воздухе сверкали вечные звёзды.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Возвращение. Верхоянск-Якутск-Иркутск-Петербург

27 октября-14 декабря (9 ноября-27 декабря)

Сравнение впечатлений движения по трактам весною и на обратном пути — Нахождение оленей ночью в лесу — О полюсе холода — Температурные условия на побережье — Выезд из Верхоянского округа — Прощание с оленями на ст. Сордонгнохской — Приближение культуры: её положительные и отрицательные стороны — Якутск — Прибытие Г.Я. Седова — Жизнь в Якутске — Полное лунное затмение — Бегство из Якутска — Снова на тракте в 2880 вёрст (3070 км) — Последняя станция — Иркутск и Петербург — Заключение.

Дорога от Верхоянска, хотя и бесснежная, но всё-таки много лучше Устьянского тракта. Ведь здесь и движения много больше, так что, хотя особых забот к устройству дороги приложено и не было, или, лучше сказать, хотя никаких забот к сему делу приложено не было, но от долгого и частого движения дорога в конце концов образовалась сама собою. Конечно, нельзя сказать, чтобы это была действительно безукоризненная дорога, как то бывает, когда снегом выровняет все ямы и засыплет все пни и коряги, но, тем не менее, для нас, испытавших все прелести Устьянского тракта на собственных боках, движение по Верхоянскому тракту показалось много легче.

В общем на этом обратном нашем пути все картины развёртываются в противоположном направлении. Тогда, весною, мы ехали от лучшего к худшему. Теперь же они меняются от худшего к лучшему. Совершенно иное впечатление мы получаем от тех же местностей при такой смене картин. Ничтожные города, на которые в первом случае смотрели с недоумением, приобретают совсем другой характер, и такой город, как Якутск, кажется, действительно, столицей после низких юрт Верхоянска. Эти соображения невольно наводят на мысли о совершенной относительности подобных впечатлений. Один и тот же предмет производит совершенно разное воздействие в зависимости от течения предыдущих впечатлений.

По Верхоянскому тракту ехали мы не особенно торопясь, и всё-таки менее, чем в восемь суток добрались до Якутска. Несколько раз поражало нас, как это иной раз в тёмную, почти непроглядную ночь ямщики-якуты отыскивают в лесу оленей для запряжки. Они уходят далеко в лес,

так что еле слышны их голоса, и в конце концов пригоняют всех нужных нам оленей. Как они там находят их и как не заблудятся в иногда густом лесу, в непроглядном мраке, довольно непонятно. Но факт налицо: много раз они ходили за оленями ночью. Положим, большею частью ночи были звёздные, но много ли света проникнет в тёмный лес; пускай на нём нет листьев, но ветви лиственниц всё-таки дают и днём порядочную тень. Правда, иногда и не всех сразу пригонят, но всё-таки поищут, поищут и найдут. В таких случаях Дьячков очень характерно докладывал нам об оленях: «Остальных пригнали, а остальных ещё нет».

Проехав 28 октября (10 ноября) станцию Диринг-Оломскую, где мы весною немного задержались и где основательно застряла Чукотская экспедиция вместе с экспедицией Г.Я. Седова, мы пересекли Северный Полярный круг и вступили, таким образом, из холодного пояса в умеренный. Впрочем, тут в северо-восточной Сибири даже и много южнее не заметно увеличения теплоты. Собственно говоря, Верхоянский хребет являлся естественной границей, отделяющей полюс холода северо-восточной Сибири от остальной Сибири. Если мы посмотрим на декабрьские, январские и февральские изотермы, то увидим, что замкнутые концентрические их линии, имеющие центр около Верхоянска, приблизительно концентричны с замкнутою цепью гор хребтов Верхоянского, Орулган, Кулар, Тас-Хаяхта и Кюёх-Тас. Это то замкнутая со всех сторон площадь, как бы закрытая от остального мира высокими горами, и является той областью, где наблюдаются самые низкие на всём земном шаре температуры, где даже средняя температура января равна -50.1° , а минимальная падала до -69.8° .¹ Благодаря ясной зиме и очень продолжительным ночам (около зимнего солнцестояния солнце совсем не всходит) и вследствие постоянного сильного лучеиспускания в небесное пространство в течение долгой зимы охлаждается воздух, замкнутый в этой котловине, где он не смешивается ветрами с более тёплым, который мог бы притекать с юга, и температура, продолжая падать, достигает таких исключительных цифр, как приведённая выше. По всей вероятности, в эти зимние месяцы температура в Верхоянской котловине будет с высотой сначала быстро повышаться. Поэтому было бы крайне интересно произвести здесь в зимнее время исследование

¹ Средняя годовая и абсолютный минимум взяты из работы В.Б. Шостаковича «Материалы по климату Якутской Республики и сопредельных с ней частей северной Азии. «Труды Ком. по изуч. Якутск. АССР», т. VI. В действительности абсолютный минимум Верхоянска (февр., 1892) -67.8° .

верхних слоёв атмосферы при помощи змеев или шаров зондов. Вероятно, холодный воздух от страшно охлаждённой земной поверхности тяжёлым слоем лежит внизу и прекращает всякую вертикальную циркуляцию между прилегающими к земле и выше лежащими слоями воздуха.

Хотя всё же средняя годовая температура Верхоянска (-15.9°) вследствие сравнительно жаркого лета (максимум $+33.7^{\circ}$) и выше средней температуры некоторых других пунктов земного шара, например, Гриннеллевой земли (-20.4°), тем не менее в этих последних местах не бывает таких сильных падений температуры, как в Верхоянске (минимум Гриннеллевой земли -52.3°). Таким образом этот сибирский полюс холода всё же заслуживает особого внимания. Из подробного изучения физических особенностей его, быть может, получатся весьма важные данные для познания происходящих в нашей атмосфере явлений.

Центр такого исключительного понижения температуры должен распространять своё охлаждающее влияние и много дальше той небольшой площади, которая заключена между вышеупомянутыми горами. И в самом деле, на карте январских изотерм климатологического атласа Российской Империи, изданного Главной Физической Обсерваторией, видно, что сфера влияния этого центра холода распространяется с одной стороны до Охотского моря, а с другой стороны даже несколько южнее Олёкминска. Низкие температуры Якутска, да и всей северо-восточной Сибири, именно им и обуславливаются. При следовании же на север от Верхоянска мы скоро попадаем к берегу океана, сильно смягчающему суровость зимы. В селе Казачьем, например, климат уже гораздо мягче, чем в Верхоянске.

Раз я здесь упомянул о климате побережья, приведу некоторые результаты моих температурных наблюдений в продолжение всего пути по берегу океана (по отсчётам психрометра Ассмана и максимального и минимального термометров, производившимся три раза в сутки в обычные сроки: 7 часов утра, 1 час дня и 9 часов вечера).

Месяцы (нов. ст.)	Среднее место наблюдений	Средняя месячная температура	Максимум	Минимум
		(в градусах Цельсия)		
Май	Устье Яны	7.2	+13.5	-20.1
Июнь	Русское Устье	+ 3.5	+19.4	-6.7
Июль	Гусиная - Хрома	+ 7.6	+22.3	-2.1

Август	Оёгосский яр	+ 4.6	+16.5	-2.5
Сентябрь	Муксуновка	+ 0.9	+10.6	-6.5
Октябрь (до 26 числа)	Устье Яны	-10.0	+ 11	-28.0

Октябрьские наблюдения помещены не полностью, так как в конце октября нового стиля мы продвинулись значительно к югу, в места с более суровым, континентальным климатом, и значительно приблизились к Верхоянской котловине, где, как я говорил в предыдущей главе, мы встретили значительно более низкие температуры, каковые несомненно на побережье океана в это время ещё не могли иметь места.

Из этой таблицы мы видим, что температура на побережье может падать ниже нуля во все месяцы года, не исключая и самых тёплых (июнь, июль). Самым тёплым месяцем был июль; от мая до июня имело место довольно резкое повышение температуры, а от сентября к октябрю такое же резкое понижение её.

После этого краткого отступления продолжаю описание дальнейшего нашего пути. 29 и 30 октября (11 и 12 ноября), продвигаясь сравнительно быстро, проезжаем станции Тёхтюр, Мой-Юряхскую, Билир и Хабах и 31 октября (13 ноября) в восемь часов утра выезжаем на станцию Тоён-Тиряхскую. Здесь дорога становится несколько хуже и сильно напоминает Устьянский тракт в нашем последнем пути: снега совершенно нет, и мы едем по голым камням. Во многих местах попадаются уже забытые нами наледи. Измучившись основательно, прибыли, наконец, на Тоён-Тиряхскую. В семь часов вечера выехали дальше на знаменитый перевал Тоён-Тирях - Ньюёра, который ехали очень долго — целых 13 часов. Наконец-то, перевалив через Верхоянский хребет, выехали и из пределов Верхоянского округа. Вот вам и округ: въехали в него 10 (23) апреля, а выехали 31 октября (13 ноября), а в промежутке всё ехали, ехали, ехали.

За Верхоянским перевалом много снега и дорога прекрасная, каковой она остаётся уже до самого Якутска. 1 (14) ноября двинулись дальше со станции Ньюёра, проехали Сеген-Кюэльскую и Сордонгнохскую, где сменили, наконец, оленей на лошадей. Здесь прощаемся с ними, бывшими всё время нашей опорой и нашей надеждой. В большом долгу мы перед ними: сколько мы загубили этих несчастных животных на нашем пути. Линия нашего следования отмечена трупами этих славных животных.

2 (15) ноября на станции Кылагырской мы догнали почту, так что продвигаемся довольно быстро. За Кылагырской уже довольно хороший

лес: попадаете много родных берёзок и чудесные ели; так сладко видеть этих старых знакомых. А вот и Лена, грандиозная Лена при устье Алдана! С Сордонгнохской станции нынче дорога идёт другим путём, чем весной, так что мы не встречаем далее знакомых станций. 2 (15) ноября проезжаем станции Тюбябясинскую и Маймагынскую и 3 (16) ещё до рассвета приезжаем на Хатынг-Арынскую. Но это уже не станция, а роскошь! Комната даже оклеена чистенькими голубенькими обоями. На столе появляется, к величайшему нашему удивлению, чистый никелированный самовар! Хозяин угощает горячими оладьями! Одним словом, культура в полном расцвете. Да, культура чувствуется, но, к сожалению, не только в этом, а и в том, что якуты на станциях уже и содрать с вас стараются, и пьяные попадают всё чаще и чаще, а на Кильдемской станции поздно вечером мы просто-напросто попадаем в кабак: станция занята толпой перепившихся якутов, дико галдящих; лишь с большим трудом удаётся нам выбраться дальше, наняв вольных лошадей и заплатив за них значительно дороже нормы.

В 8 часов 15 минут вечера 4 (17) ноября мы, наконец, прибыли в Якутскую столицу и остановились в том же доме Кистрюцкой, в котором мы останавливались и весной.

Якутск — чудесный город: после всех мытарств нам кажется, что в нём можно жить постоянно и притом не скучать. А главное: наконец есть телеграф и можно сноситься с родиной; и от нас, и к нам летят телеграммы. Подумать только, что через несколько коротких часов получаешь ответ на посланный запрос. Снова мы коснулись одной из волшебных нитей!

В Якутске мы узнаем, что К.А. Воллосович только 22 октября (4 ноября) выехал из Якутска, и мы посылаем ему вдогонку телеграмму в 162 слова с описанием нашего пути.

5 (18) ноября, приводим себя после долгого пути в порядок — баня, а затем отдых. 6 (19) ноября были у губернатора И.И. Крафта; последний просит нас сделать сообщение об экспедиции, но усталость чувствуется во всём, и мы стараемся отклонить это предложение. Просто нет сил что-либо серьёзное делать; но целые дни мы читаем, читаем газеты, журналы, стараясь поподробнее узнать, что произошло в цивилизованном мире за время нашего отсутствия. Несколько дней нам необходимо пробыть в Якутске, пока министерство не переведёт нам по телеграфу деньги на обратный путь, который мы уже давно делаем в долг.

7 (20) ноября, когда мы сидели в нашей комнате за обычным чтением среди нашего экспедиционного хаоса, вдруг за занавеской раздаётся знакомый голос: «Никак, экспедиция?», и к нам входит Г.Я. Седов. Пошли взаимные приветствия. Он рассказывает о том, как он узнал о нашем присутствии в этой комнате. Вошёл я, говорит, в одну комнату, смотрю: ковры, пианино, мягкая мебель — нет, знать, не наши здесь живут; заглянул в другую: тоже уж чисто слишком; заглянул в третью, потянул носом: кисло пахнет олениной, опять же беспорядок — ну, вот это, значит, здесь «живут наши».

Следующие дни проходят в разных официальных визитах: экспедиция вызывает большой интерес, нас часто посещают, зовут во многие места. Но хочется покоя — никуда не ходить и отдыхать, отдыхать без конца.

9 (22) ноября мы с Г.Я. Седовым, пользуясь ясным звёздным вечером, занимаемся астрономическими определениями (главным образом, поправки хронометров). Холодно (-38.5°) и наблюдать трудно; я приморозил при отсчёте горизонтального круга свой ус к лимбу универсального инструмента и не сразу освободил его, оттаяв тёплой рукой, которую предварительно вынул из перчатки. Беда, как жгут холодные металлические части инструмента. Г.Я. Седов держал свой секстан в голой руке и у него на пальцах образовались пузыри, совершенно как от ожога.

10 (23) ноября наше благоустроенное помещение посетил губернатор, и мы довольно много рассказывали ему о нашем пути. Всё-таки он уговорил нас сделать не сообщение, а устроить беседу с интересующимися краем лицами и поделиться с ними нашими сведениями о нём. 11 (24) ноября собрались у губернатора члены Статистического комитета и Якутского музея, и мы втроём рассказывали о нашем пути и о географических особенностях пройденной нами местности.

В конце концов нас приглашают наперерыв в разные места, собираются устраивать вечер, но деньги из министерства нами получены, и мы решаем, не говоря никому ни слова, ночью попросту удрать из Якутска.

14 (27) ноября полное лунное затмение: луна на этот раз, как то бывает довольно редко, совсем исчезает с неба. А как раз после затмения мы тайком укладываем свои вещи на заготовленные кошевы и готовим всё к отъезду на дворе Кистрюцкой, залитом лунным светом. Ночь сравнительно тёплая (-26°), и в два часа ночи 15 (28) ноября уса-

живаемся в кошёвки и выезжаем из ворот на безмолвные улицы спящего города. Городовой подозрительно посматривает, не сбежали ли политические. Вот и за городом! Ямщики подвязывают колокольчики.

Итак, снова в пути на тракте в 2880 вёрст (3070 км).

Я не буду останавливаться на описании этого нашего пути, продолжавшегося целых 20 суток при движении и днём и ночью, скажу только, что он был для нас много тяжелее весеннего, ибо утомление сказалось в большей степени. Иногда казалось прямо невыносимым, что надо всё ехать, ехать и ехать, казалось — этому никогда уже и конца не будет. Кроме того, погода почти всё время была весьма неблагоприятная, так что все двадцать суток пришлось пролежать в кошеве, вставая лишь на станциях на время смены лошадей.

На нашем пути большое облегчение принёс нам Г.Я. Седов своим бодрым настроением и постоянными шутками, поддерживавшими упадок нашего духа — без него было бы гораздо труднее. Он вёз с собой с Колымы собаку, полярную лайку, прозванную им «Чукча», она развлекала нас в пути. Сегодня как вчера, завтра — как сегодня: летящая кошева, лежание в ней без сна, станция, чай или обед, снова лежание в кошеве, снова такая же станция и т.д., и т.д. и так целых двадцать бесконечных суток! Только когда прибыли на последнюю станцию перед Иркутском, вздохнули свободно. Последние ещё 35 вёрст (37 км) и, наконец, никаких саней, никаких лошадей, никаких ямщиков, всё это останется уже позади, а впереди сибирский экспресс, который через неделю доставит нас в Петербург, пронеся нас через пространство в 5200 вёрст (5540 км), а там нам уже не надо будет заботиться ни о чём, ни сменять лошадей, ни браниться с содержателями станций. И на последней станции мы задерживаемся дольше, чем обыкновенно, предвкушая конец путешествия.

4 (17) декабря вечером мы прибыли в Иркутск и в наших костюмах ввалились в лучшую гостиницу Иркутска «Отель Централь», в которой мы останавливались и весною. Ну, уж тут абсолютно все прелести цивилизации и даже такая роскошь, как возможность взять ванну. В Иркутске приходится пробыть несколько дней в ожидании сибирского экспресса, ходившего в это время только один раз в неделю. Наконец, оставляем и Иркутск и 14 (27) декабря вечером прибываем в Петербург.

Так как мы выехали из Петербурга 3 (16) марта, то, следовательно, наша экспедиция продолжалась 9 месяцев и 11 дней, точнее 289 суток, из коих в дороге к месту назначения и обратно, считая село Казачье за

место начала и окончания экспедиции, мы находились 114 суток (50 на пути в Казачье и 64 на обратном пути), а в самой экспедиции, следовательно, 175 суток. Но, в сущности говоря, работы экспедиционного характера начались гораздо раньше, так, например, астрономические наблюдения мною были начаты уже с Иркутска.

Строго говоря, все эти 289 суток заключались в том, что мы всё время ехали, ехали без конца, или же должны были ехать, но по тем или другим причинам не могли. И, пожалуй, вот эта непрерывная необходимость передвижения была самым тяжёлым обстоятельством в нашем пути: всё время непрерывно думать об одном — вперёд, неустанно вперёд, дорожить каждым часом, каждой минутой... Сколько раз встречались условия и места, где с удовольствием прожили бы дольше — но нет, вперёд; хочешь, не хочешь, снимайся с лагеря и дальше в путь, снова в неведомую даль, навстречу неведомым случайностям! Если же где и задерживались, то вовсе не в интересных местах и вовсе не по своему желанию, как, например, было при нашем сидении среди трясин Хромской стрелки.

А препятствия нашему передвижению, насколько было трудно их предвидеть человеку, незнакомому с краем! В конце концов в большинстве случаев всё благополучие передвижения экспедиции зависело от состояния оленьих кормовищ в данном районе, и мы сравнительно скоро сделались знатоками оленьих вкусов и привычек.

Несколько раз положение казалось безвыходным, но каждый раз в последний момент откуда-нибудь приходила помощь. Во всё время пути мы всегда бодро смотрели вперёд, и весёлый смех не покидал нашей урасы. Но к чему приучила нас экспедиция, так это к терпению, к бесконечному терпению. Однако, когда была закончена собственно экспедиция и началось наше возвращение на родину, вот тут-то терпение и иссякло: стали сдавать нервы, утомлённые семимесячным непрерывным напряжением.

Это чувствовалось первое время и по возвращении в Петербург. Несмотря на то, что на нашем физическом здоровье условия экспедиции в конечном счёте отразились очень хорошо, и мы возвратились физически окрепшими и совершенно здоровыми, в отношении нервной системы этого сказать было нельзя. В первое время чувствовалась усталость, выражавшаяся в некоторой апатии ко всему, в нежелании при-

няться за какую-нибудь работу: это была, конечно, естественная реакция после продолжительного чрезмерного напряжения нервной системы.

Но за всё вознаграждала масса пережитых впечатлений и знакомство с новым неведомым до того миром. Впечатлений же и переживаний было так много, что первое время мы прямо терялись, когда нам задавали вопрос вроде: «Ну, расскажите о вашей экспедиции». Казалось, рассказывать нужно чуть ли не месяц и при этом чуть ли не снова всё переживать. И только спустя три-четыре месяца всё как-то стало приходить в норму, и из массы переживаний стали выявляться наиболее интересные моменты.

До какой степени остро всё переживалось и до какой степени был наполнен каждый день нашей жизни за это время показывает тот факт, что даже через два года после экспедиции я мог с точностью рассказать, что мы делали и где находились в каждый день экспедиции. Да что через два года, вот и теперь (1927 год) через 18 лет после неё все важнейшие моменты ясны до мельчайших подробностей, а с помощью записок все картины встают как живые, как будто происходили совсем недавно.

Будучи вырваны из монотонности нашей однообразной нормальной жизни, мы были поставлены в исключительные условия непрерывного передвижения по необычайной по природе местности; мы лишены были каких-либо средств передвижения, кроме самых примитивных, при расстояниях, измеряемых не сотнями, а тысячами вёрст; мы находились в условиях, в которых не живут и привычные к краю туземцы, для которых вся наша экспедиционная жизнь была, быть может, более необычной, чем даже для нас, и поэтому неудивительно, что время в этой нашей жизни измерялось для нас совсем другими единицами, чем обыкновенно.

Топографические работы Ленско-Колымской экспедиции 1909 г.

Н.А. Июдин

Рис. 78: Топограф экспедиции Н. А. Июдина за работой. Фот. Е. Ф. Скворцова.

Моей задачей, как топографа Ленско-Колымской экспедиции, была съёмка берега Северного Ледовитого моря между устьями р. Лены и р. Колымы. Ввиду громадного протяжения береговой линии было решено вести съёмку глазомерную, опирающуюся на астрономические пункты, расположенные примерно через 50-60 вёрст. Масштаб съёмки был выбран 5 вёрст в дюйме. Были взяты с собой следующие инструменты: ручная буссоль Шмалькальдера, anerоид Ноде, папка с прикреплённым к ней компасом и на всякий случай малый кипрегель с лёгкой мензулой (рис. 78). Кроме того, учитывая, что часть работ придётся провести на нартах по снежному покрову, были изготовлены по мысли военного топографа Михаила Яковлевича Кожевникова, участника Чукотской экспедиции 1909г., для измерения расстояний особые велосипедные колёса со счётчиками (рис. 79). Особенность колеса заключалась в том, что его можно было пристроить к задней стенке нарты и оно катилось за ней, а окружность колеса была рассчитана так, что показание числа оборотов колеса на счётчике отвечало пройденному пути в верстах. Для вы-

черчивания маршрутов было взято достаточное количество ватманской бумаги, разлинованной в клетку через 0,1 дм, а также транспортир, циркуль и другие принадлежности.

План работ нашей экспедиции, намеченный её начальником Константином Адамовичем Воллосовичем, был следующий: начать работу не с устья р. Лены или р. Колымы, а с устья р. Яны, с западной её протоки и, пройдя дельту Яны, перекинуться возможно быстрее без работы на Индигирку, чтобы успеть по снежному пути покончить и с её дельтой и дойти до устья р. Колымы. Время же вскрытия рек и половодья использовать, сделав маршрут внутри страны и, идя вершинами рек, выйти снова на Индигирку, спуститься по ней до с. Русское Устье и затем от устья Индигирки повести работу на запад до соединения с прежде начатой; после этого, минуя дельту Яны, продолжить береговую съёмку до устья р. Лены. Следуя такому плану работ, экспедиция избежала бы летнего передвижения в дельтах рр. Яны и Индигирки, где отсутствие оленьего корма и частые переправы через значительные протоки этих рек могли очень неблагоприятно отразиться на успехе работ или даже вообще остановить дальнейшее продвижение экспедиции. К.А. Воллосович, хорошо знакомый по своим прежним экспедициям с этой частью побережья, прекрасно учёл эти обстоятельства.

Село Казачье, наш исходный пункт работ на побережье, находится на правом берегу р. Яны в 80 примерно верстах от её устья. Сюда я прибыл с К.А. Воллосовичем 20 апреля (3 мая). Евгений Фёдорович Скворцов, астроном нашей экспедиции, приехал днём позже. Сразу же по приезде мы начали готовиться к выезду на работу. Здесь, в Казачьем, я сделал испытание действия колеса со счётчиком, пристроенного к нарте, и, проехав несколько раз измеренное заранее расстояние, убедился в прекрасной работе колеса и правильности показаний счётчика, дающего расстояния с точностью до 0.05 версты, что было достаточно при пятивёрстном масштабе съёмки.

23 апреля (6 мая) моё снаряжение было закончено и во втором часу ночи на одной нарте с упряжкой в 15 собак и одним рабочим-ямщиком. — он же был и проводником, — я выехал из Казачьего к устью протоки Ильин Шар (западная протока р. Яны), чтобы оттуда начать береговую съёмку. В это время года здесь стараются избегать езды днём, так как от действия солнечных лучей снег днём становится рыхлым и не держит собак, а ездят по ночам. Ночи в конце апреля существуют только по

названию: они коротки и настолько светлы, что можно свободно работать, и я повёл свой маршрут сразу же от Казачьего. Сделав днём привал, к вечеру мы были на берегу моря на устье Ильина Шара. Прибрежная полоса представляет здесь ровную низкую тундру, такую же ровную снежную поверхность представляло и море, скованное льдом. Самый берег моря — едва заметный уступ, и только протока Ильин Шар несколько выделялась на этой гладкой снежной поверхности торчащими из-под снега в разных положениях льдинами. Отметив на левом берегу протоки начальную точку съёмки береговой линии, мы тронулись в путь, придерживаясь береговой линии. Но едва мы сделали вёрст 6-7, как вышла первая неприятная и продолжительная задержка в работе. Береговой уступ, вдоль которого мы ехали, постепенно сошёл на нет, и суша и море слились в одну общую снежную равнину. Я очутился в затруднительном положении, что считать дальше берегом; обратился к проводнику, но и проводник не мог помочь мне, заявив, что берега дальше он не знает. Выход из положения был один — это найти нового, знающего проводника. И вот, выгрузив весь наш багаж с нарты на снег (рис. 79), мой ямщик поехал за 40 вёрст в жилые юрты искать знающего берег человека, а я очутился один с вещами среди снежной равнины. Целых восемь часов прошло в томительном ожидании, пока на горизонте не показалась чёрная точка возвращавшейся нарты. Новый проводник указал как идёт берег (я принял это на веру) и уверенно повёл нарту вперёд. Вскоре берег снова стал заметнее и не вызывал уже сомнений до самого устья р. Яны.

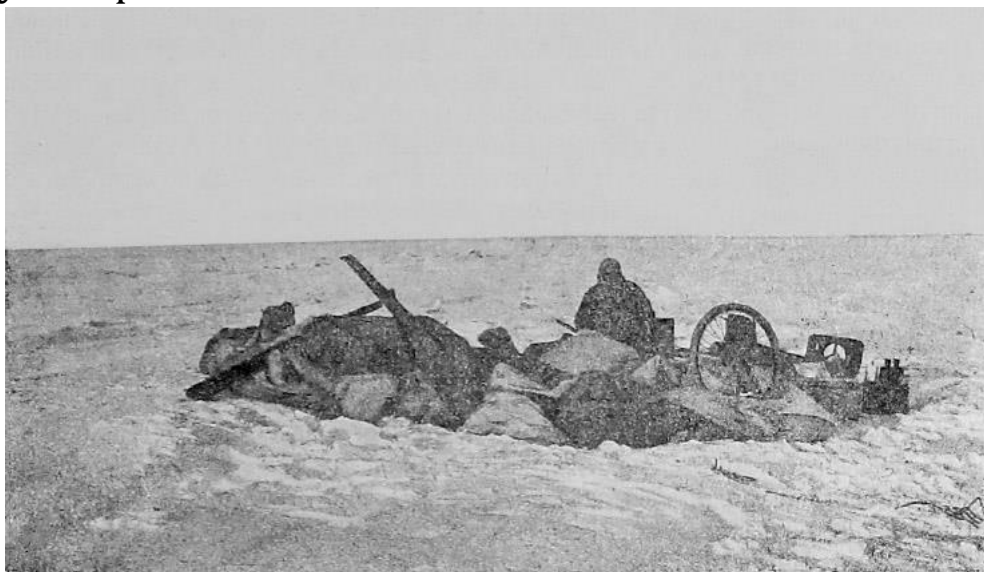

Рис. 79. Багаж топографа экспедиции на снегу в дельте р. Яны. Фот. Н. А. Иудина.

Р. Яна и протока Кёмёлёх, соединившись у самого моря в одно устье, оставили у меня некоторое сомнение в правильности зарисовки берега,

но я не стал здесь задерживаться, рассчитывая на обратном пути осенью ещё раз побывать здесь и проверить это место раньше, чем выпадет снег. На пути от р. Яны к протоке Кочевой появляется на берегу ряд холмов, до 10 саж. (20 м) высотой, чего раньше не наблюдалось, и самый берег местами опускается в море крутыми земляными осыпями. Утром 27 апреля (10 мая) приехали к устью протоки Кочевой и здесь на левом берегу на холме увидели столб — это был знак первого астрономического пункта, определённого Е.Ф. Скворцовым на берегу моря. Привязавшись к пункту съёмкой и прочтя записку Е.Ф. Скворцова, мы направились к юрте Кочевой, находящейся в 7 верстах на этой же протоке, где и встретились с ним. В итоге, за неполных четыре дня мною было пройдено со съёмкой около 200 вёрст (213 км). Маршрут от Казачьего до устья Ильина Шара ввиду простой равнинной местности я вёл в 10-вёрстном масштабе, пользуясь папкой и компасом. На остановках для удобства работы папка обычно ставилась на ящик, лежащий на нарте, тогда ориентировка папки лучше сохранялась во время работы, но иногда приходилось отходить от нарты несколько в сторону, чтобы лучше видеть какой-либо контур и взять на него направление, например, на изгиб реки; в этих случаях папку нужно было держать в руке, брать направление визирной линеечкой и одновременно наблюдать, чтобы не сбилась ориентировка папки, что было уже сложнее. Предвидя это неудобство и в будущем, я начал береговую съёмку буссолью Шмалькальдера и скоро к ней привык; эту буссоль я считаю наиболее удобным инструментом для производства маршрутных глазомерных съёмок. При съёмке буссолью Шмалькальдера показание счётчика при колесе и все отсчёты по буссоли записывались в полевую карманную книжку с листами, графлёными в клетку; на странице против записей сбоку составлялся на глаз абрис местности, на котором проводились все взятые буссолью направления, причём углы оценивались на глаз; на абрисе подписывались со слов проводника и собственные названия, если они имелись, а также делались и всякие другие пометки, после чего совершался переезд на другую точку. Клетки на листах служили масштабом при составлении абриса и для отметки на нём точек стояния. Самый маршрут вычерчивался на графлёной ватманской бумаге по записям в полевой книжке, углы откладывались по транспортиру, а расстояния — циркулем. Этим занимался я ежедневно на ночлегах при более удобной обстановке.

Съёмка по снежному покрову имеет свои положительные и отрицательные стороны. К положительным нужно отнести быстроту и возможность передвижения там, где летом нельзя проехать или, если и можно, то с большими трудностями и значительной потерей времени. Отрицательная же сторона зимней съёмки заключается в том, что в местах, где берег низкий, где имеются отмели и береговая черта из-за снега не ясно выражена, можно легко и непроизвольно наделать грубых ошибок в зарисовке берега. Такой случай вышел вскоре и с нами при дальнейшей работе от устья протоки Кочевой. Отмели здесь протягиваются далеко в море; занесённые снегом они создают полное впечатление берега, а потому правильное очертание береговой линии при зимней съёмке почти невозможно было уловить. Наши ямщики якуты никак не могли понять, что нам нужно огибать самый берег и везли нас, спрямляя путь, с мыса на мыс, как всегда сами ездят. Мы пытались также с Е.Ф. Скворцовым сами направлять наше движение, но попытки кончались тем, что мы сбивались на отмели и блуждали по ним вокруг двух небольших островков Ыаргалах тумусага и Кумах булгуннях, лежащих в нескольких верстах от берега и несомненно соединяющихся с ним отмелями. Возвращаясь несколько раз к исходному пункту на устье Кочевой, мы, наконец, на третий день общими усилиями взяли, как нам тогда казалось, верный курс и, огибая берег, вышли на устье протоки Дяльбиргялях к полуразрушенной поварне. Тут Е.Ф. Скворцов произвёл наблюдения солнца и маршрут таким образом был закреплён. Впереди лежал большой полуостров Стан Маныко; характер берега оставался такой же, и мы решили, избегая возможных опять блужданий по отмелям, оставить съёмку береговой полосы полуострова на летний период и ехать прямым путём на Индигирку в Русское Устье. Тогда мы и не подозревали, что невольно сделали крупную ошибку — выпустили целую Чендонскую губу, переехав её в устье с мыса на мыс. Только четыре месяца спустя, идя со Стана Маныко, чтобы сомкнуть съёмку у поварни Дяльбиргялях, наш промах выяснился и был нами исправлен.

Утром 5 (18) мая приехали мы с Е.Ф. Скворцовым в Русское Устье. К.А. Волосович был уже здесь и подготовил перевозочные средства для дальнейшей работы. Вечером на другой день на двух собачьих нартах с двумя каюрами русско-устынцами я снова выехал на берег моря и от устья р. Гусиной повёл съёмку берега к востоку.

Дельта р. Индигирки и вся береговая полоса до р. Алазеи представляют ровную низину. Единственная заметная возвышенность имеется

на правом берегу протоки Голызинской, где, протянувшись вдоль берега протоки, она кончается высоким обрывистым мысом Гусиным до 10 саж. (20 м) высотой¹. Очертание берега почти на всём его протяжении определяется здесь довольно ясно плавником; по берегу наставлено много пастей (капканов из плавника) для песцов; изредка встречаются поварни — землянки, служащие зимой в непогоду убежищем для объезжающих свои пасти русско-устьинцев.

Не доезжая протоки Большой, у меня испортилась при падении буссоль, и съёмку пришлось вести дальше кипрегелем и мензулой; от этого работа несколько замедлилась. Весна между тем быстро надвигалась; днём снег превращался в кашу, а ночью покрывался сверху тонкой ледяной корочкой и не выдерживал собак. Они, проваливались и обдирали себе до крови лапы; чтобы не обезножить их, ямщики надели собакам на лапы кожаные чулки. При такой тяжёлой дороге собаки скоро выбились из сил и едва тянули; нам приходилось по очереди бежать впереди нарты и таким образом подбадривать их, что очень помогало, — собаки бежали веселей. И здесь море, насколько можно было охватить его глазом, представляло ровное снежное поле; торосы, до двух примерно сажень (4 м) высотой, мною отмечены только в двух местах: не доезжая протоки Колымской 30 вёрст и против устья этой протоки. В обоих случаях торосы находились недалеко от берега и, как мне объяснили мои ямщики, эти небольшие ледяные глыбы были занесены сюда в сильную бурю и сидят на мели будто бы уже много лет. Близ устья р. Деляковской встретили Е.Ф. Скворцова, возвращавшегося с р. Алазеи обратно в Русское Устье. От него я узнал, что на Алазее перевозочные средства не заготовлены и дальше поэтому нам не на чём продолжать работу; он будет в Русском Устье ожидать нашего возвращения. Е.Ф. Скворцов отдал мне свою буссоль и объяснил, где меня ожидает К.А. Воллосович, и мы разъехались в разные стороны.

13 (26) мая, доведя съёмку до устья р. Алазеи, я отсюда направился к стану Логашкина, находящемуся на стрелке Алазейской дельты, в 22 верстах от моря, и здесь привязал свой маршрут к астрономическому пункту. К.А. Воллосовича не было, он вернулся на другой день, сделав обследование берега до р. Куропаточьей. 15 (28) мая я заснял протоку Логашкину до её устья и этим закончилась моя береговая съёмка на восток.

¹ См. рис. 40 дневника Е.Ф. Скворцова.

К.А. Воллосовичу по приезду удалось нанять кочевавшего вблизи Алазеи оленного чукчу для провоза нас к хребту Улахан-Сис (Улахан-Тас), и мы вышли на оленях 17 (30) мая со стана Логашкина в юго-западном направлении. Погода в этот день была ясная и отдельные снежные вершины хребта виднелись почти на стовёрстном расстоянии. Шли по низкой озёрной тундре, изредка встречая на пути небольшие отдельные холмы; пересекли реки Большую и Малую Ковшечьи. На одной из остановок нам неожиданно нанёс визит один богатый чукча, приехавший, по его словам, чуть ли не за 300 вёрст посмотреть на экспедицию и узнать зачем она приехала. За чаем К.А. Воллосович в беседе через переводчика нашего, казака Дьячкова, объяснил чукче, что экспедиция осмотрит берег моря, а потом будут ежегодно приходить сюда пароходы и привозить разные товары для жителей тундры. Чукча слушал и кивал головой, а затем задал вопрос: «А будет ли пароход привозить спирт?» и когда ему сказали, что «нет», он был, по-видимому, сильно опечален таким ответом. На третий день мы подошли к озеру Чукотскому, от которого начинается подъём к хребту Улахан-Сис; после небольшой остановки сделали ещё вёрст десять и раскинули свои урасы среди кекур — гранитных массивов, выходящих на поверхность разнообразными причудливыми фигурами. Высотой они доходили до 5 саж. (10 м) и были разбросаны по склонам хребта на значительном пространстве, — то отдельно, то целыми группами. Называют их ещё иначе «кисилиахи», что значит «каменные люди», и, действительно, при некотором воображении, многие из кекур своей формой напоминают человеческие фигуры в различных позах (рис. 80)¹.

Здесь из-за ненастья простояли более суток, затем спустились к р. Блудной (Шандонон) и пошли к Индигирке. Между реками Блудными (Шандонон и Шангин) тянется низменная тундра со множеством небольших озёр; мы переезжали их по льду, ещё достаточно крепкому. Истоки Шангина и р. Лундушиной также перешли по льду, но уже с некоторым риском. Снег быстро исчезал, всюду проглядывала кочковатая тундра, и езду на нарте по кочкам, после спокойного снежного пути, нельзя было назвать приятной. Перед выходом на Индигирку пересекли северную оконечность Пунгатахского отрога с двумя речками Комоть, из которых последняя вскрывшись, превратилась в бурный поток.

¹ См. также рис. 37 дневника Е.Ф. Скворцова и относящиеся сюда иллюстрации в работе К.А. Воллосовича.

За ней на перевале К.А. Воллосович нашёл горный хрусталь; по его словам, здесь можно встретить и более ценные минералы. К сожалению, этот наш маршрут в большей своей части прошёл на значительном расстоянии от хребта Улахан-Сис, вследствие чего мне удалось определить буссольными засечками лишь некоторые более выдающиеся вершины его и наметить на глаз направления главных отрогов, не вдаваясь в подробности рельефа. При пересечении перевалов Пунгатахского отрога относительные высоты получены anerоидом и горизонтالي проведены примерно через 10 саж. (20 м).

Рис. 80. Кекуры (кисляхи) — продукты выветривания гранитов в отрогах хребта Улахан-сис.
Фот. Н. А. Июдина.

28 мая (10 июня) мы вышли на берег Индигирки против селения Бурулгина, состоящего из трёх жилых домов. Река имеет здесь ширину до 1½ вёрст; правый берег высокий, каменистый, с утёсами; левый — низменная тундра. Видно, как ниже верстах в 10, Индигирка разделяется на три главных протоки: Большую или Русскую, Среднюю и Колымскую. Лёд по всей реке был разбит, но стоял ещё спокойно, не двигаясь. Через два дня стали заметны его сдвиги, и в ночь на 1 (14) июня начался ледоход. Медленно и спокойно продвигалась ледяная масса, лёд был слишком слаб и льдины, набегая одна на другую, большею частью рассыпались; с реки доносился лишь небольшой шум и звон, напоминающий звон стаканов. Через день река очистилась от льда, изредка лишь проходили отдельные льдины. Жители Бурулгина уже давно нас заметили и едва только лёд успел пройти, как поспешили к нам на карбасе и перевезли на другой берег. Утром же 3 (16) июня на трёх лёгких ветках мы пустились вниз по Большой протоке Индигирки. Съёмку реки я вёл с ветки, определяя расстояние по времени; в этом случае для определе-

ния скорости движения было предварительно измерено шагами определённое расстояние вдоль берега. Ночью прибыли в Русское Устье и здесь встретились с Е.Ф. Скворцовым. Весенний период наших работ закончился, наступил летний.

7 (20) июня экспедиция в полном составе на 40 оленях вышла из Русского Устья направляясь к устью р. Гусиной, чтобы оттуда вести работу уже на запад на соединение с начатой весной. Олени были частью завьючены, частью в нартах, Рабочими были юкагиры: из них один, прекрасно говоривший по-русски, Егор Варакин, был юкагирским князьком (старшим в роде). Низкая тундра была местами залита водой от ставшего снега, и олени брели почти по колено в воде. В эту пору олени линяют и бывают слабее, чем в другое время года. Уже на второй день большинство оленей из бывших под нартами оказалось с натёртыми в кровь плечами от лямок; отсутствие хороших пастбищ также сильно отражалось на них. Необходимо было добыть ещё оленей и разгрузить наших, почему К.А. Воллосович, узнав от Варакина, что примерно верстах в 80 должны находиться кочующие юкагиры, послал одного рабочего купить у них десятка полтора-два оленей. Через несколько дней посланный вернулся со свежими оленями, и положение наше улучшилось, но ненадолго. Впереди предстояло обойти полуостров Лопатку или просто «Лопатку», как его здесь называют, а мы уже много раз раньше слышали, что на оленях обойти его будет тяжело, почти невозможно за полным отсутствием на нём кормовищ. Из наших рабочих-юкагиров никто не был на Лопатке, но они ясно представляли себе её по рассказам русско-устынцев и боялись идти туда, опасаясь, конечно, потерять оленей. Всем нам также незачем было пускаться на Лопатку и рисковать всеми своими оленями, это могло печально отразиться на всей дальнейшей нашей работе, но мне, как топографу, необходимо было заснять её береговую линию. К.А. Воллосовичем был поэтому намечен следующий план действий: Е.Ф. Скворцов после определения астрономического пункта на устье р. Гусиной вернётся назад к поварне Киселёва на р. Гусиной и пойдёт напрямик с главным нашим караваном холмистой тундрой к устью Хромской губы, откуда, выждав немного, вышлет часть своих оленей по берегу навстречу нам; я обхожу Лопатку, а К.А. Воллосович — западным берегом Моготоевского озера выйдет на устье р. Богдашкиной и там будет ожидать меня, а если меня долго не будет, то также вышлет на помощь своих оленей. О таком плане сообщили Варакину с тем, чтобы он вместе с рабочими его обсудил, и чтобы они наметили того,

кто из них пойдёт со мной. Долго длилось у них совещание; наконец явился Варакин и доложил, что выбрали они Николая Энкачан, и тот согласился; ему они предоставляют выбор любых оленей из имеющихся и сколько он хочет. Николай остановился на восьми оленях, сказав: «Больше возьмёшь — больше пропадёт».

18 июня (1 июля) я расстался с К.А. Воллосовичем, не доходя устья р. Гусиной, а с Е.Ф. Скворцовым на самом устье, где он заканчивал свои наблюдения. Отсюда мною была начата весною съёмка дельты р. Индигирки, а теперь — продолжение съёмки в противоположную сторону. Первый день прошёл благополучно: переправа через р. Волчью прошла без задержки, и к вечеру первого дня мы сделали около 30 вёрст; остановились в северном загибе Гусиной губы, откуда собственно только и начинается Лопатка. Гусиная губа была свободна от льда широкой полосой вдоль берегов, но в середине губы лёд ещё держался; вода в ней на вкус чуть солоноватая. Плоская низкая травянистая тундра всего на 3-3½ фута (0,9-1 м) возвышается над уровнем воды. Весь следующий день шли с Николаем пешком возле нарт, чтобы облегчить оленей; расстояние отсчитывал шагами. Колесо летом для тундры непригодно; я пробовал его, но по кочкам колесо идёт неправильно, и кончилось тем, что зубчатка у счётчика сломалась, да и расстояние по кочковатой тундре счётчик показывает неправильно. Обойдя южную часть полуострова, самый мыс Лопатку, остановились на ночёвку, так как олени стали приставать, а одного из них, не доходя версты 2-3 до ночлега, бросили — он задерживал движение других. Утром же олень оказался вместе со всеми: добрёл потихоньку по следу и присоединился к своим товарищам. За третий день прошли всего 12 вёрст; пришлось остановиться: олени отказывались идти дальше, двух оставили по дороге, из них вчерашний был брошен почти сразу по выходе с ночлега. Характер берега изменился: появилось много мелких небольших озёр-лайд с совершенно прозрачной, но слишком солёной водой; глубиной они не больше 1 фута (0,3 м). Промежутки между лайдами покрыты мелкой красноватой травкой. Само море отошло, и вдоль берега образовалась полоса, шириною до 1½ вёрст, лишённая всякой растительности, но со множеством небольших луж. Вся эта голая полоса, без сомнения, иногда заливается морем. Очертание берега здесь не имеет какого-нибудь определённого заметного контура, переход от красной травки к заливаемой полосе совершается постепенно. Воду для варки чая удавалось

находить с трудом, а пока найдёшь немного сносной, перепробуешь немало озерков. На четвёртый день прошли столько же и потеряли ещё одного оленя. Местность такая же, только море отошло ещё дальше, и лайды стали больше и глубже. На больших лайдах множество гусей, они слетаются сюда для линьки. Беспрерывно доносился их крик, и большие стаи взлетали вверх в разных местах. Они пока ещё летают, но к Прокопьеву (8-21 июня) дню вылиняют. Тогда придут сюда на ветках русскоустьинцы, поставят на берегу лайд сети с большим мешком и крыльями и будут загонять туда ленных гусей тысячами и бить палками. Над маленькими лайдами носились стаи куличков.

На следующее утро, когда мы проснулись, наших оленей нигде не было видно. Николай пошёл их разыскивать и привёл только вечером. Куда шли эти бедные животные? Выбраться ли рассчитывали они из этого гиблого для них места или брели в надежде найти свой мох-ягель? Для первого у них едва ли хватило бы сил, а найти второе — было бы чудом. В итоге потерял день и ещё более измучены олени. На устье р. Мелкой пришли с четырьмя оленями. Вид у Николая был озабоченный, он отлично понимал состояние оленей и, по-видимому, искал выхода из становившегося затруднительным положения. Ко всему этому ещё надо добавить, что у него разболелись ноги, вероятно, от холодной воды, и он сам с трудом ходил. К сожалению, по-русски он знал всего несколько слов, и я не мог с ним разговориться. Утром Николай объявил, что из четырёх оленей только один может идти, а остальные три никуда не годятся, и предложил мне остаться ожидать его здесь, в то время как он с одним оленем пойдёт к р. Богдашкиной к Егору, и с новыми оленями вернётся за мной. На это я не мог согласиться, боясь, что если последний олень в дороге падёт, то с больными ногами Николай едва ли скоро доберётся до стана К.А. Воллосовича, и решил бросить здесь всё наше имущество и налегке выбираться отсюда с Николаем, захватив с собой лишь чайник. Так и поступили. Николай верхом на олене, а я рядом, пешком; так мы пошли дальше. Олень, кроме Николая, тащил ещё ветку, которую нельзя было бросить, не зная — будут ли на пути реки. Шли вдоль берега; красная травка вскоре стала пропадать — начиналась обыкновенная гладкая тундра. Погода стала портиться, и к вечеру заморосил дождь. Мы остановились, опрокинули на бок ветку и спрятались под ней, стараясь уснуть. Николай скоро заснул, но я от холода не мог, и часа через три разбудил Николая, чтобы идти дальше.

Наступил восьмой день нашего путешествия по Лопатке. Пройдя несколько вёрст, вышли к довольно большой реке. Стана К.А. Воллосовича нигде не было видно, следовательно, это ещё не река Богдашкина и необходимо идти дальше. Николай уже спустил ветку на воду, чтобы переправляться, но вдруг снова вытащил её и побежал по берегу реки. Тут и я заметил небольшой знак выше по реке. Вернулся Николай с запиской К.А. Воллосовича, в которой последний писал, что на устье нет корма и они стоят выше, в 6-7 верстах за холмом. Итак, это р. Богдашкина и Лопатка осталась позади. Пошли прямо на холм, чтобы сверху скорей увидеть своих. Под самым холмом обессилел наш последний, восьмой, олень, отказываясь идти дальше, и был оставлен вместе с веткой. Здесь начиналось слабенькое кормовище и не опасно было оставлять его — он тут не пропадёт. С холма увидели стан К.А. Воллосовича и вскоре уже сидели за чаем и рассказывали о своих приключениях. Оказывается, что К.А. Воллосович три дня тому назад посылал нам двух человек с оленями, но они не дошли до р. Мелкой и вернулись, так как олени у них быстро ослабели. Тогда К.А. Воллосович решил ещё выждать день-два и снова выслать нам помощь, но тут мы и сами явились. К вечеру привели оставленного за Железным холмом оленя и доставили ветку. Через два дня Николай и ещё один рабочий на десяти оленях пошли к устью р. Мелкой за брошенными вещами; через день они вернулись только на восьми, — ещё два оленя были прибавлены к семи моим прежним, брошенным на Лопатке.

3 (16) июля подошла помощь от Е.Ф. Скворцова, и мы направились к устью Хромской губы. Близ р. Ближней на одной из больших лайд одним дробовиком и берданкой убили 64 ленных гуся, которых затем выпотрошили и засолили. Берег от речки Ближней становится несколько возвышенным и к морю спускается яром; внизу валяется масса всевозможных костей ископаемых животных, много бивней мамонта, но все они сильно разрушены от пребывания на поверхности. На хороших пастбищах олени стали поправляться.

8 (21) июля подошли к устью Хромской губы и остановились у варни Чихачёва; К.А. Воллосович сделал промер губы, переехав на ветке на другой берег. Глубина оказалась всего в 2¼ фута (около 0,7 м) при ширине в 5 вёрст. На следующий день пришли к Содомской виске и встретились здесь с Е.Ф. Скворцовым.

Против Содомской виски Е.Ф. Скворцовым тоже был сделан промер губы; он дал глубину в 2½ фута (0,75 м). Убедившись лично, что Хромская губа в устье своём мелководна, можно было не сомневаться относительно и Оммулахской губы и поверить слышанным нами прежде рассказам, что когда-то промышленник Чихачёв, направляясь из Русского Устья на Оёгосский яр за мамонтовой костью, на конях бродом переходил обе губы. Ввиду этого решено было не обходить кругом эти громадные бухты, а пересечь их при устье и следовать берегом дальше. Здесь мы расстались с К.А. Воллосовичем. Он направился сначала к устью р. Хромы, где ожидала нас новая смена рабочих и оленей, чтобы направить эту смену к нам, а затем своим маршрутом пошёл на Казачье, оттуда на устье р. Омолая и дальше через Хараулахские горы на Лену. Мы же с Е.Ф. Скворцовым, не теряя времени, переправились со всем имуществом на Хромскую стрелку и там ожидали прихода смены.

С её приходом переправились через Омумлахскую губу на Меркушину стрелку. Глубина этой губы при устье оказалась 4½ фута (1,4 м), и то в одной узкой борозде и при довольно свежем морском ветре, значительно прибавившем в ней воды. Ширина устьев обеих губ была мною определена графически на планшете кипрегелем при помощи засечек выставленных на берегу знаков.

Весь остальной путь до конца работ мы проделали с Е.Ф. Скворцовым вместе. Иногда я отделялся от него на два-три дня, не больше, лишь для обхода некоторых мысов; в таких случаях он шёл со всем караваном напрямик, сокращая путь. Меркушина стрелка оказалась второй Лопаткой: такие же лайды и такая же красная травка. Переход по ней, около 80 вёрст, стоил нам больше десятка оленей, а остальные вышли чуть живыми. Походный стан при начале стрелки представляет развалины двух деревянных построек, дома и амбарчика¹. По словам нашего рабочего, якута Христофора, проходившего здесь 28 лет тому назад, постройки были в те времена ещё хорошие и находились в одной версте от берега моря, теперь же они оказались на самом краю его и подмывались его волнами. Правда, у Христофора было странное представление о вёрстах, и иногда верста выходила в несколько вёрст и наоборот, но даже если предположить, что не в версте, а только в 100-150 саженях (200-300 м) постройки находились от берега, то и это уже даёт представление об энергичном наступательном движении моря на материк.

¹ См. рис. 62 дневника Е.Ф. Скворцова.

Более яркую картину наступления моря и разрушения берега мы наблюдали на Оёгосском яре, ближе к Св. Носу. Здесь берег местами высотой более 20 саж. (40 м), с верхними и нижними льдами, изрезан глубокими трещинами, а снизу подмывается морем; громадные глыбы, подмытые снизу, отрываясь от берега под своей тяжестью, со страшным грохотом рушатся в море и затем размываются волнами. Сколько-нибудь заметных приливов и отливов моря на своём летнем пути мы не наблюдали, хотя иногда стояли по несколько дней на одном месте. Здесь всё зависит от ветра: ветер с моря — вода быстро прибывает и покрывает отмели и бывшие до этого сухими заливы и бухты; переменится ветер — и море уходит. При летней съёмке я наносил на свой маршрут по возможности все отмели, обнажавшиеся при благоприятных, отгонявших море ветрах, чтобы по ним можно было судить об отмелости берега на нашем пути. Заметно приглубый берег отмечен мною лишь в трёх местах: у мыса Св. Нос, между мысами Чуркина и Тёрют и у мыса Дарыган.

Летний маршрут я вёл большею частью пешком, верховым оленем для передвижения пользовался очень редко. Причиной тому были часто встречавшиеся на пути небольшие ручейки и овраги с крутыми берегами; пешком их можно было переходить, а на оленях приходилось объезжать или выискивать более удобные места для переезда, на что уходило много времени. Караван наш шёл всегда в некотором удалении от берега моря, где спуски и подъёмы на этих оврагах становились незначительными. Расстояние при летней съёмке вначале определялось счётом шагов, впоследствии учитывалось по времени. Ближайшие холмы (едомы) наносились глазомерно, более удалённые — буссольными засечками. Ширина незначительных рек при переправах определялась на глаз, при широких устьях противоположный берег всегда засекался с нескольких точек и таким образом перекидывался маршрут с одного берега на другой. Горы Св. Носа, горы Харстанские и Муксуновские получены буссольными засечками, высоты этих гор, за исключением гор Муксуновских, взяты кипрегелем; абсолютная высота выдающихся вершин этих гор достигает 215 саж. (460 м). Незначительные возвышенности на тундре и по берегу оценивались на глаз.

В середине сентября реки начали становиться; часто шёл снег и начались морозы. Начиная от юрты Дяльбиргялях была исправлена зимняя съёмка и нанесена пропущенная Чендонская губа. После этого, проез-

дом через Яну, я побывал ещё раз на её устье, а затем отсюда мы направились прямым маршрутом к устью Ильина Шара и пересекли ещё раз все протоки р. Яны. Короткий день, частые пурги, морозы свыше 25° — всё это вместе взятое привело нас к решению определением астрономического пункта на устье Ильина Шара закончить работы, так как дойти до устья р. Лены до наступления полярной ночи мы бы не успели.

2 (15) октября Е.Ф. Скворцов произвёл свои наблюдения, и мы с устья Ильина Шара выехали в село Казачье, а затем прежним путём вернулись в Петербург.

В итоге работ снята береговая линия от устья протоки Ильин Шар дельты р. Яны до устья р. Алазеи, протяжением 1293 версты (1380 км) и сделаны маршруты внутри страны общим протяжением 515 вёрст (550 км). Всего мною пройдено со съёмкой 1808 вёрст (1930 км). Кроме того, Е.Ф. Скворцовым сделана съёмка маршрута внутри страны от поварни Киселева на р. Гусиной к устью Хромской губы, протяжением 86 вёрст (92 км).

По возвращении в Петербург было приступлено к обработке материалов. Оригиналы съёмки на отдельных листах, сведённые между собой, были вычерчены в туши и после того, как с них была снята копия на кальку для К.А. Воллосовича, они были сданы для хранения в архив Военно-топографического управления Главного управления Генерального штаба. Астрономические пункты находились ещё в стадии обработки и поэтому использовать новую съёмку для картографии было нельзя. В марте 1918 года оригиналы с архивом ВТУ были увезены в г. Омск в Западносибирский военно-топографический отдел, откуда в 1920 году вместе с архивом вывезены в Москву в Военно-картографический отдел Военно-топографического управления; в архиве этого учреждения они хранятся и в настоящее время.

В начале 1927 г. по предложению Комиссии Академии Наук по изучению Якутской АССР мною были сняты с оригиналов копии на кальку, послужившие материалом для составления «Карты маршрутов Ленско-Колымской экспедиции от устья протоки Ильин Шар дельты р. Яны до устья р. Алазеи». Составление и вычерчивание карты было выполнено военным топографом Н.А. Эвенбахом. Карта составлена в конической проекции Гаусса на касательном конусе; параллель касания 72° . Средний меридиан принят 145° в.д. от Гринвича.

Вся съёмка основана на 19 астрономических пунктах, определённых Е.Ф. Скворцовым и обработанных В.В. Ахматовым. Якутские географические названия для карты проредактированы Э.К. Пекарским.

Оригинал карты составлен и вычерчен в масштабе 1:600 000.

Главное назначение карты — свести маршруты экспедиции в одно целое и дать наглядное представление о береговой линии и местности, заснятой экспедицией; поэтому карта и не усложнена перенесением на неё данных, известных по работам других экспедиций. Нанесены лишь: вся заснятая береговая линия и маршруты внутри страны, во время которых мною производилась съёмка. Нанесён также маршрут Е.Ф. Скворцова между поварней Киселёва на р. Гусиной и Хромской губой. Маршрут К.А. Воллосовича вдоль западного берега озера Моготоева, от устья р. Гусиной до устья р. Богдашкиной, не сохранился; контуры оз. Моготоева и оз. Ильинского взяты с сохранившейся в бумагах К.А. Воллосовича 100-вёрстки, на которую они были нанесены, по-видимому, на основании наблюдений К.А. Воллосовича. Точно также не вошёл в карту маршрут К.А. Воллосовича вдоль берега моря на восток от устья р. Алазеи, т.к. по нему имелись лишь краткие записи бравшихся направлений и приблизительные величины пройденных расстояний. Поэтому реки на карте показаны сплошной чертой лишь в тех местах, где они пересекались маршрутами экспедиции. Для большей наглядности на карту нанесены также пунктиром протоки дельты рек Яны и Индигирки, а также губы Хромская и Омудлахская; контуры последних взяты со 100-вёрстной карты Главного штаба, воспроизводящей очертания этих губ, данные Анжу (рис. 81)¹.

При нанесении положения протоков Яны и Индигирки комбинировались данные Ленско-Колымской экспедиции с данными 100-вёрстной карты и карты А.С. Герасимова 1924 г., а для дельты последней реки была также использована карточка, составленная на основании распросных данных Г.И. Оросиным в 1927 г. Точно также взяты со 100-вёрстной карты и нанесены пунктиром контуры островов в море Лаптевых и юго-западный мыс острова Б. Ляховского. Издана карта с некоторым уменьшением против оригинала в масштабе 1:700 000. В другом более крупном масштабе — 1:350 000 на том же листе карты помещены вычерченные отдельно наиболее важные и сложные части пройденного пути: 1) полуостров Стан Маныко, 2) полуостров Св. Нос и 3) устье

¹ Ал. Соколов. «Опись берегов Ледовитого моря, между рек Оленека и Индигирки, и Северных остров. Лейтенант Анжу. 1821, 1822 и 1823 годов». Зап. Гидрограф. Департ., ч. VII. 1849.

дельта р. Яны на 100-вёрстной карте несколько излишне вытянута в западном направлении, а в северной части, западнее устья р. Яны, берег опущен к югу; протока Сомондон на 100-вёрстной карте показана впадающей в Чендонскую губу вместе с р. Чендоном, — на съёмке экспедиции эта протока соединяется при устье с протокой Кочевой Алешкиной (Мохнаткой) западнее Чендона. Губы Чендонская, Кюндюёбйях и лежащая между ними отличаются своим очертанием; на 100-вёрстной карте нет тех загибов, которые отмечены на съёмке экспедиции. Южная часть полуострова Стан Маныко на 100-вёрстной карте лежит севернее: по съёмке она находится южнее и более вытянута в юго-западном направлении. На северной стороне этого полуострова по съёмке экспедиции показан залив, на карте же — берег ровный; мыс Ангардам на карте излишне вытянут в северо-восточном направлении. В южной части Сиэлляхской губы на карте не показаны: р. Дымная с довольно широким устьем, р. Диринг, р. Дяр и р. Кюлюмяннях, кроме того, вся Сиэлляхская губа положена севернее. Мыс Туруктах и берег от него до Харстанской губы положены несколько восточнее; Харстанская губа имеет иные как очертание, так и направление. Точно также изменилась конфигурация берегов губ Ванькиной и Чокурдах. Мыс Куртах показан шире, чем на съёмке экспедиции, и весь полуостров от м. Куртах до м. Чуркина на карте сжат. По съёмке экспедиции мыс Св. Нос более вытянут в северо-западном направлении, и самый полуостров Св. Нос несколько шире, чем на 100-вёрстной карте.

От устья Хромской губы до начала полуострова Лопатка берег на 100-вёрстной карте положен южнее; мыс Лопатка положен значительно южнее и показан более широким, а сам полуостров более узким, чем оказался по съёмке экспедиции. Губа Гусиная имеет иное очертание, по съёмке экспедиции она значительно более вытянута к северу и значительно шире при своём устье; устье протоки Колымской на 100-вёрстной карте значительно отнесено к западу, и весь берег от протоки Уларовой до устья протоки Колымской на карте лежит западнее. Устье р. Алазеи по наблюдениям экспедиции оказалось расположенным несколько более к востоку, Русское Устье же заняло более западное положение (на 17'), вследствие чего и нижняя часть р. Индигирки до её распада на отдельные протоки вместе с их верхними частями претерпели значительное перемещение на запад.

Из этого перечня видно, что наиболее значительные расхождения со 100-вёрстной картой замечаются не только в самом очертании береговой линии, сколько в различном проложении на карте той или иной части берега, зависящей от степени точности астрономических определений пунктов, относящихся к данной части побережья. Различие же в контурах мысов, заливов и бухт может быть объяснено отчасти действительным изменением береговой линии за 90-летний период, принимая во внимание разрушающую силу наступающего моря, а также местами неясно выраженной береговой чертой при отмелости берегов: в некоторых случаях сами местные жители затрудняются указать, где проходит берег.

В заключение следует упомянуть, что остров Ярок прибрежные жители считают частью коренного берега, а пролив между о-вом Ярок и полуостровом Стан Маныко называют рекой Ярок, принимающей в себя все реки, впадающие в Чендонскую и Кюндюёбйяхскую губы, а также восточные протоки дельты Яны. На основании этого можно предположить, что остров Ярок в южной своей части соединяется с материком отмелями.

OCR Андрей Дуглас 2023

Примечание OCR:

Из данной оцифровки тома XV Трудов Комиссии по изучению Якутской АССР исключены следующие заключительные статьи, как представляющие лишь узкоспециальный интерес:

Ахматов, В.В. Астрономические определения Е.Ф. Скворцова во время Ленско-Колымской экспедиции 1909 г.

Скворцов, Е.Ф. Магнитные определения во время Ленско-Колымской экспедиции 1909 г.

Скворцов, Е.Ф. Метеорологические наблюдения во время Ленско-Колымской экспедиции 1909 г.

Воллосович, К.А. Геологические наблюдения в тундре между нижними течениями рек Лены и Колымы (по материалам Санга-Юряхской экспедиции 1908 г. к Ленско-Колымской экспедиции 1909 г.).

Карта маршрутов Ленско-Колымской экспедиции от устья протоки Ильин Шар. дельты р. Яны, до устья р. Алазеи, под начальством геолога К.А. Воллосовича 1909 г.

